

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020 — 2

Демифологизация фактов и событий: Из какого состояния вышли Достоевские? Как учился, служил и до какого чина дослужился врач Михаил Андреевич Достоевский? Кто продал Марии Федоровне Достоевской имение Даровое? Как «царский режим» наказывал политических преступников? Кому из петрашевцев выплачивали деньги из казны? Как «Пушкинская речь» Достоевского стала событием в русских и европейских медиа? **Смерть переводчика и корреспондента Достоевского:** Куда исчез архив С. П. Колошина, в котором были письма Михаила и Федора Достоевских? **Реконструкция замысла:** Что Достоевский хотел сказать о социализме и христианстве? **Продолжение спора:** Кто был прототипом главных героев романа Достоевского «Бесы» — нечаевцы или петрашевцы? **Проблемы атрибуции:** Кто написал редакционную статью «Желание» в «Гражданине» — Мещерский или Достоевский? **Сбылась ли мечта Достоевского:** Что дало гимназическое образование его детям? В поисках Достоевского: Что интересного о писателе можно найти в альбоме аргентинского коллекционера А. И. Калугина?

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

The Unknown DOSTOEVSKY

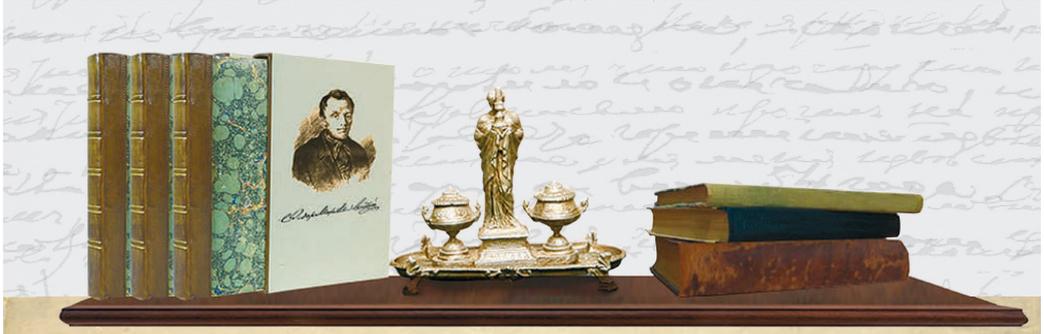
INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2020 — 2

Demythologization of facts and events: What social class did the Dostoevskys come from? How did doctor Mikhail Andreevich Dostoevsky study and serve, and what rank did he reach? Who sold the Darovoe estate to Maria Fyodorovna Dostoevsky? How did the tsarist regime punish political criminals? Which of the members of the Petrashevsky circle were paid money from the Treasury? How did Dostoevsky's Pushkin speech become an event in the Russian and European mass media? **Death of the translator and correspondent of Dostoevsky:** Where did the archive of Sergey Koloshin, which contained the letters of Mikhail and Fedor Dostoevsky, vanish? **Reconstruction of a concept:** What did Dostoevsky want to say about socialism and Christianity? **Continuation of the dispute:** Who was the prototype of the main characters of Dostoevsky's Demons: members of the Nechaev circle or Petrashevites? **Problems of attribution:** Who wrote the editorial "Zhelanie" ("Desire") in "Grazhdanin" ("Citizen"): Meshchersky or Dostoevsky? **Did Dostoevsky's dream come true:** What did upper secondary education give to his children? **In search of Dostoevsky:** What interesting facts about the writer can be discovered in the album of the Argentinian collector A. I. Kalugin?

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2020 № 2

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ

Индексируется в Web of Science, Erih Plus, EBSCOhost, Index Copernicus и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор

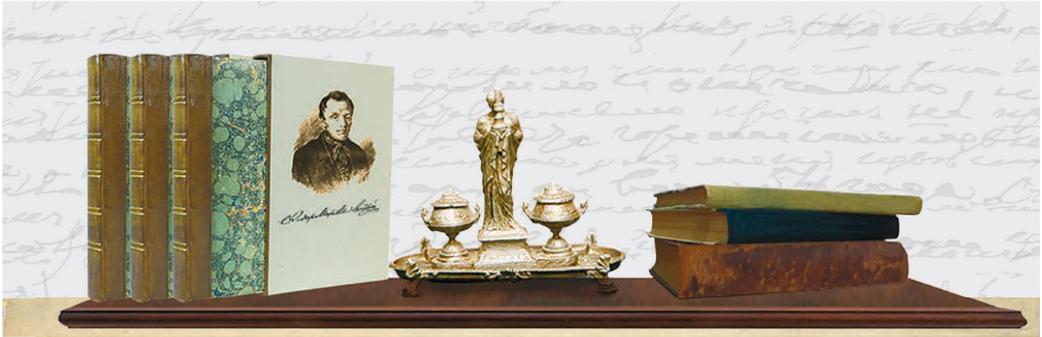
Владимир Николаевич Захаров —

доктор филологических наук, профессор

Петрозаводского государственного университета

E-mail: vnz01@yandex.ru

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2020

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL
2020 № 2

The journal aims at opening new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky, publishes original biographical and textual researches and the unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Web of Science, Erih Plus, EBSCOhost, Index Copernicus

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor of Petrozavodsk State University

E-mail: vnz01@yandex.ru

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Москва, Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Геригк Хорст-Юрген (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Дебора Мартинсен (Нью-Йорк, США) — PhD, профессор

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Россия) — доктор исторических наук

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Deborah Martinsen (New York, USA) — PhD

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлоньо (Дарем, США) — PhD, профессор

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Луи Аллен (Лилль, Франция) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Louis Allain (Lille, France) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

А. С. Бессонова

Увольнение от службы

(Отставка М. А. Достоевского по архивным документам 1837 года) 5

Т. Н. Дементьева, Л. А. Воронкина

Две купчие на Даровое, имение Достоевских 24

Е. Д. Маскевич, Б. Н. ТихомировПетрашевы после Семеновского плаца,
комендант Набоков и император Николай I

(Новые штрихи к биографии Михаила и Федора Достоевских) 38

М. В. Заваркина

«Социализм и Христианство»:

проблемы атрибуции и публикации замысла Достоевского 69

И. В. Дергачева

Итальянский путь славянофила С. П. Колошина,

корреспондента Ф. М. Достоевского: архивные материалы 98

С. А. Кибальник

Нечаевцы или петрашевы?

(О прототипах главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы»)..... 119

Д. Д. Бучнева

Кто автор редакционной статьи «Желание»

в первом номере «Гражданина» за 1873 год? 142

П. Е. Фокин, А. В. Петрова

«Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие

(по материалам рукописного фонда

Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) 162

А. Д. Достоевский, Н. В. Шварц«Всегдашняя мечта моего мужа была о том,
чтобы наши дети получили образование...»:

гимназисты Люба и Федя Достоевские 196

И. С. Андрианова

Альбом из Аргентины:

Достоевский в коллекции А. И. Калугина..... 219

CONTENTS

A. S. Bessonova	
Dismissal from Service (Resignation of M. A. Dostoevsky According to Archival Documents of 1837)	5
T. N. Dementyeva, L. A. Voronkina	
Two Bills of Sale for Darovoe, the Dostoevsky Family Estate	24
E. D. Maskevich, B. N. Tikhomirov	
The Petrashevites After the Semyonovsky Parade Ground Events, Commandant Nabokov and Emperor Nicholas I (New Details in the Biography of Mikhail and Fedor Dostoevsky)	38
M. V. Zavarkina	
<i>Socialism and Christianity:</i> Problems of Attribution and Publication of Dostoevsky	69
I. V. Dergacheva	
The Italian Path of the Slavophile S. P. Koloshin, Correspondent of F. M. Dostoevsky: Archival Materials	98
S. A. Kibalnik	
The Nechaevtsy or the Petrashevites? (Prototypes of the Main Characters in Fedor Dostoevsky's Novel <i>Demons</i>)	119
D. D. Buchneva	
Who is the Author of the Editorial "Zhelanie" ("Desire") in the First Issue of <i>Grazhdanin (Citizen)</i> for 1873?	142
P. E. Fokin, A. V. Petrova	
Pushkin Speech by Fedor Dostoevsky as an Event (Based on the Materials of the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature)	162
A. D. Dostoevsky, N. V. Shwarts	
"My Husband's Lifelong Dream Was for Our Children to Get an Education...": Gymnasium Students Lyuba and Fedya Dostoevsky.....	196
I. S. Andrianova	
An Album from Argentina: Dostoevsky in the Collection of A. I. Kalugin	219

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4621

УДК 930.25

А. С. Бессонова

*Государственный социально-гуманитарный
университет**(Коломна, Российская Федерация)*

abessonova13@mail.ru

Увольнение от службы

(Отставка М. А. Достоевского по архивным документам 1837 года)*

Аннотация. О раннем периоде жизни Ф. М. Достоевского сохранилось меньше всего документальных свидетельств. В статье впервые опубликованы и проанализированы обнаруженные автором в Российском государственном историческом архиве (РГИА) три документа, связанные с отставкой в 1837 г. Михаила Андреевича Достоевского, отца писателя. Это доклад Николаю I Московского Опекунского совета, рапорт главного доктора Мариинской больницы для бедных А. А. Рихтера и формулярный список о службе М. А. Достоевского. Последний документ, в котором представлены важные сведения о должностной карьере отца писателя, приводится полностью впервые в Приложении к статье. Авторы предшествующих публикаций о детстве и юности Ф. М. Достоевского делали лишь отсылки к формулярному списку М. А. Достоевского или цитировали опубликованные отрывки. Приведенные документы содержат информацию о размере пенсии, полагающейся отставному ординатору Достоевскому, его служебную характеристику, перечень его наград. В статье поднят один из самых дискутируемых вопросов — о дате рождения отца писателя. В совокупности документы об отставке М. А. Достоевского выявляют новые факты и уточняют уже известные из его биографии 1830-х гг., а следовательно, проясняют обстоятельства юности великого русского писателя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. А. Достоевский, биография, отец писателя, Мариинская больница для бедных, отставка, усадьба Даровое, архив, документы, формулярный список

Об авторе: Бессонова Альбина Станиславовна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Государственный социально-гуманитарный университет (ул. Зеленая, 30, г. Коломна, Московская область, 140410)

Дата поступления: 15.03.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Бессонова А. С. Увольнение от службы (Отставка М. А. Достоевского по архивным документам 1837 года) // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 2. — С. 5–23. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4621

Известно, что в 1837 г. отец Ф. М. Достоевского Михаил Андреевич принял решение оставить место ординатора Мариинской больницы для бедных в Москве. Этот шаг был вызван рядом обстоятельств. 27 февраля (по старому стилю) скончалась Мария Федоровна Достоевская, мать писателя. «Папенька после смерти маменьки решил совсем переселиться в деревню», — вспоминал А. М. Достоевский¹. Тогда же Михаил Андреевич «начал серьезно подумывать о поездке в Петербург <...>, чтобы отвезти туда

двух старших сыновей для помещения их в Инженерное училище. <...> С возвращением в Москву папенька не покинул своего намерения оставить службу и переселиться окончательно в деревню для ведения хозяйства. Но покамест вышла отставка и пенсион, покамест он устраивал все дела — наступил и август месяц»². Деревня — усадьба Даровое в Каширском уезде Тульской губернии — в этой драматической ситуации становилась единственным упованием овдовевшего штаб-лекаря Достоевского, у которого на руках остались семеро детей, младшей из которых, Александре, едва минуло два года. Более того, решение стать деревенским помещиком можно считать шагом отчаяния. У Михаила Андреевича не было опыта ведения деревенского хозяйства: им в Даровом, с момента приобретения имения в 1831 г., занималась исключительно его супруга Мария Федоровна.

В этой связи большой интерес могут представлять документальные источники, проливающие свет на обстоятельства отставки М. А. Достоевского и характеризующие материальное положение семьи не только в 1837 г., но и в те полтора года, когда Михаил Андреевич был даровским помещиком.

Известны два формулярных списка о службе М. А. Достоевского. Один из них, датированный ноябрем 1828 г. с прибавлениями от 1832 г., опубликовала В. С. Нечаева [Нечаева: 123–127, 151–153]. О первой, ранней версии этого документа (20 апреля 1828 г.), а также о втором, позднем формулярном списке 1837 г. мы узнаем из статьи С. В. Любимова [Любимов], который подробно цитирует документ 1828 г. и приводит краткие сведения из списка 1837 г. При этом ученый не указывает источник цитирования. В дальнейших исследованиях, посвященных детству и юности Ф. М. Достоевского, либо копируется текст С. В. Любимова, либо сделаны отсылки к его работе (см.: [Волоцкой], [Гроссман], [Хроника рода Достоевских]).

В результате наших разысканий в Российском государственном историческом архиве (РГИА) были обнаружены три документа 1837 г., связанные с отставкой М. А. Достоевского³. Это доклад Николаю I Московского Опекунского совета, рапорт главного доктора Мариинской больницы для бедных А. А. Рихтера и формулярный список о службе М. А. Достоевского. Можно было бы предположить, что это и есть тот самый «второй формулярный список», который неоднократно цитировали исследователи вслед за С. В. Любимовым. Однако расхождения в некоторых формулировках (у Любимова благоприобретенное имение М. А. Достоевского названо сельцом Черемошной, в нашем документе это деревня) указывают на то, что мы имеем дело с ранее неизвестными документами. В совокупности они являются важными архивными источниками, которые позволяют уточнить обстоятельства службы М. А. Достоевского и внести определенную ясность в некоторые спорные вопросы его биографии, а также открывают перспективы дальнейших поисков.

Одним из дискутируемых является вопрос о дате рождения отца писателя. Границы публикуемых нами документов — 12 июня 1837 г. — 18 июля

1837 г. Обращает на себя внимание возраст М. А. Достоевского, указанный в формулярном списке, — 48 лет. Б. Н. Тихомиров, сопоставив данные двух списков, скорректировал дату рождения отца писателя — 1788 год, между 20 апреля и 28 ноября [Тихомиров: 192–193] (см. также: [Хроника рода Достоевских: 85]). Позже исследователь отмечал изначальное противоречие в возрасте М. А. Достоевского, зафиксированном в ведомости Шаргородской семинарии и аттестате, с которым Михаил Андреевич прибыл в Москву в 1809 г. Еще большую путаницу вносят исповедные ведомости Свято-Духовского храма в Моногарове, прихожанином которого М. А. Достоевский стал после своего переезда на постоянное жительство в Даровое. Михаилу Андреевичу по ведомости 1838 г. 51 год, в то время как его сыну Николаю, родившемуся в декабре 1831 г., записано 6 лет [Нечаева: 156]. С учетом того, что исповедные ведомости «закрывались» в конце лета — начале осени, в них фиксировались полные года исповедников. Публикуемый нами второй формулярный список свидетельствует, что на момент его составления (предположительно, июнь 1837 г.) возраст М. А. Достоевского, записанный здесь, подтверждает 1789-й как год его рождения. Однако если принять версию Б. Н. Тихомирова о дне рождения М. А. Достоевского между апрелем и ноябрем, то вполне возможно, что отец писателя родился в 1788 г. В этом случае публикуемый документ сужает предложенные Б. Н. Тихомировым границы дня рождения Михаила Андреевича: после 18 июля по конец ноября. Тем не менее в данном вопросе еще рано ставить точку: необходимо завершить архивный поиск и провести сравнительный анализ всех известных документов**.

Формулярный список 1837 г. позволяет снять разночтения относительно чина М. А. Достоевского по выходе его в отставку. Так, в «Хронике рода Достоевских» в краткой биографической преамбуле читаем: «Уволен со службы в 1837 году в чине надворного советника», хотя далее цитируется фрагмент статьи С. В. Любимова («Достоевский. К вопросу о его происхождении»): «Произведен в коллежские советники со старшинством 18 апреля 1837 г. и уволен со службы 1 июля 1837 г.» [Хроника рода Достоевских: 92]. Теперь же у нас есть неопровержимое документальное подтверждение факта, приведенного в статье С. В. Любимова:

«Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату за выслугу положеннаго срока, произведенъ въ Коллежскіе Совѣтники съ старшинствомъ. 1837. Апрѣля. 18.»

Г. А. Федоров писал о том, что «отец семерых детей получал 840 рублей годовых» [Федоров: 162]. В докладе Опекунского совета уточняется: «Ординаторъ Достаевскій жалованья получаетъ: штатнаго 800. р и прибавочнаго за 3/5. лѣтія 480. р, а всего 1.280. рублей в годъ»⁴. Пенсии ему положено было за неполную выслугу лет 1 120 рублей.

В данном архивном документе содержится ряд подробностей о службе М. А. Достоевского, которых нет в ранее опубликованных документах. Так, Г. А. Федоров мимоходом упомянул о том, что однажды ординатор Достоевский замещал главного доктора Рихтера [Федоров: 164]. Более точные сведения приводим по формулярному списку 1837 г.: М. А. Достоевский «*по определению Опекунского Совета исправлять должность Главного доктора Больницы с 23го Апреля по 2^е Июня 1836 года*». Фонд высочайших повелений по Опекунскому совету включает и другие документы Мариинской больницы, один из которых объясняет это назначение М. А. Достоевского: доктор Рихтер сопровождал за границей супругу Московского военного генерал-губернатора статс-даму княгиню Татьяну Васильевну Голицыну⁵. Примечательно, что исполняющим обязанности главного врача назначают отца писателя, который, как известно, нередко жаловался жене в письмах из Москвы в Даровое на то, что его обходят начальственным вниманием и вознаграждением: «Новостей у нас нет никаких, император уехал. Он у нас был чрезвычайно доволен, императрица тоже, Рихтеру 2-й степени Станислава со звездой, а нам разумеется ничего <...>, в протчем это так всегда водилось и будет водиться, овцы пасутся, а пастух доит молоко, стрижет шерсть и получает барыш» (см.: [Нечаева: 98]). Как видим, эти жалобы не всегда обоснованы.

Формулярный список 1837 г. «вступает в диалог» с перепиской родителей Достоевского даровского периода. Так, графа об отпусках свидетельствует о том, что 28-дневный отпуск в 1835 г. — это, несомненно, летнее пребывание Михаила Андреевича в Даровом, когда в июле родилась младшая дочь Александра. М. А. Достоевский в одном из писем беспокоится о состоянии Марии Федоровны и сожалеет о невозможности пробыть более 20 дней в деревне (см.: [Нечаева: 101]). Можно предположить, что двухмесячный отпуск 1836 г. был вызван болезнью Марии Федоровны⁶. В 1837 г. 28-дневный отпуск Михаила Андреевича приходится на первую половину года: это связано с поездкой в Петербург со старшими сыновьями, что подтверждает «Черновик прошения М. А. Достоевского о помещении М. М. и Ф. М. Достоевских в Главное инженерное училище» от мая 1837 г. (см.: [Нечаева: 115]). Младший сын Андрей Михайлович заметил, что «отец пробыл в отсуствии с лишком полтора месяца и вернулся в Москву уже в июле месяце»⁷. Здесь есть некоторое противоречие: отставка последовала лишь 1 июля, и столь длительный отпуск вряд ли мог быть дан ординатору Достоевскому в виду ожидаемого ухода со службы. Б. Н. Тихомиров подтверждает хронологическую ошибку А. М. Достоевского, опираясь на официальную прессу — Приложение к «Санкт-Петербургским ведомостям», где в сводке выехавших из столицы 26–27 мая значится М. А. Достоевский [Тихомиров, 2016: 15].

Вопросы вызывает последняя графа формулярного списка о семейном положении М. А. Достоевского. Во-первых, в ней странным образом

отсутствует дочь Александра, родившаяся в 1835 г., — тогда как документ составлялся в первой половине 1837 г., когда Александру было без малого два года. Во-вторых, видно несоответствие даты документа указанному в нем возрасту остальных детей: Михаилу на этот момент 16 полных лет, Федору — 15, Варваре — 14, Андрею — 12, Вере — 7, Николаю — 5 (но никак не 3 года, как значится в формулярном списке). Можем предположить, что сведения были взяты из предыдущей редакции этого документа, ведь формулярные списки составлялись регулярно, в частности при производстве в первый и последующие чины, а также при награждении.

В деле № 94 Высочайших повелений по Опекунскому совету есть документ о наградах за 1837 г.⁸ 30 марта ординатор Мариинской больницы надворный советник М. А. Достоевский представлен к ордену Св. Станислава 3-й степени. Ниже читаем: «*Вместо Ордена чинъ за выслугу*». Как обоснованно предполагает Б. Н. Тихомиров, эта запись означает, что первоначально Михаила Андреевича планировали наградить орденом, однако было принято решение отметить его «отлично-ревностное и усердное служение» очередным чином — коллежского советника, который и был присвоен штаб-лекарю Достоевскому 19 апреля 1837 г. Выслуга, как мы помним, должна была быть лишь спустя полтора года. Думается, и представление к ордену, и досрочное повышение свидетельствуют о признании заслуг отца писателя.

Итак, Михаил Андреевич Достоевский выходит в отставку кавалером орденов Св. Анны 2-й и 3-й степени, Св. Владимира 4-й степени с правом ношения мундира Мариинской больницы для бедных. В подобном мундире (его вид претерпел незначительные изменения к 1837 г.) изображен отец писателя на единственном сохранившемся портрете работы Попова 1823 г.: на высоком стоячем воротнике отличительное шитье парадной формы Мариинского ведомства — дубовые и пальмовые ветви с кантом-меандром, золоченые пуговицы с изображением пеликана, питающего птенцов. (Скорее всего, в этом мундире он и был похоронен в ограде Свято-Духовской церкви в селе Моногарове близ Дарового.)

«Пенсион» отставного штаб-лекаря почти равен годовому жалованию (из доклада Опекунского совета следует, что приняты во внимание как прежние заслуги М. А. Достоевского в «последней противу французов войне», так и ревностное исполнение врачебных обязанностей в Мариинской больнице). Однако поставленные в эпистолярный и мемуарный контекст эти официальные данные лишь подтверждают: Михаил Андреевич, пребывая в неурожайном Даровом 1838–1839 гг., имея пенсион в 1 120 рублей, с которого необходимо было выплачивать долги по имению и содержать семерых детей, оказался в положении отчаянном. При этом он находил возможность посылать деньги в Петербург сыну Федору в ответ на его просьбы о крайне необходимых 60 рублях для выплаты долга и «на себя»: «Я выслал тебе семьдесят пять рублей на имя Шидловского что составляет

с лажем 94 р. 50 к.» (см.: [Нечаева: 120–121]). Для семейного бюджета сумма весьма ощутимая.

Кропотливая работа по разысканию, систематизации, анализу документов раннего периода жизни писателя имеет перспективы. Она позволяет по крупицам воссоздать объективную картину детства и юности Ф. М. Достоевского, в частности образ «такого семьянина, такого отца»⁹, как Михаил Андреевич Достоевский.

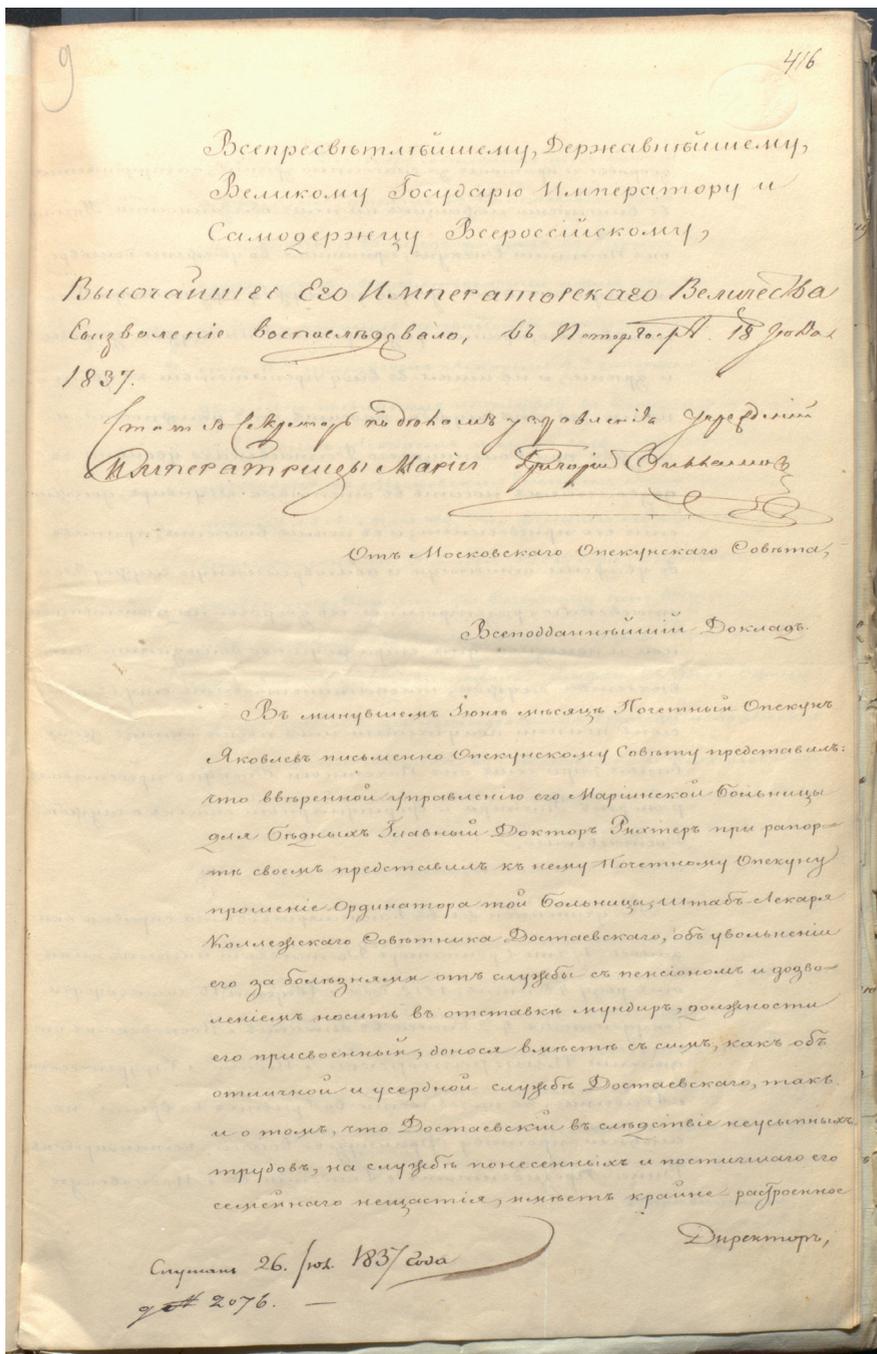
Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90038 («Даровое Достоевского: документальные источники, биография, творчество»).
- ** Автор выражает признательность Б. Н. Тихомирову за обстоятельную и полезную консультацию по данному вопросу.
- 1 Достоевский А. М. Воспоминания. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 79.
 - 2 Там же. С. 78, 80.
 - 3 РГИА. Ф. 758. Опекунский совет. Высочайшие повеления. Оп. 4. Д. 94. Л. 416–425.
 - 4 См.: РГИА. Ф. 758. Опекунский совет. Высочайшие повеления. Оп. 4. Д. 94. Л. 418.
 - 5 См.: РГИА. Ф. 758. Опекунский совет. Высочайшие повеления. Оп. 4. Д. 93. Л. 319.
 - 6 См. об этом: Достоевский А. М. Воспоминания. С. 77.
 - 7 Там же. С. 80.
 - 8 См.: РГИА. Ф. 758. Опекунский совет. Высочайшие повеления. Оп. 4. Д. 94. Л. 263 об.
 - 9 По личному признанию Ф. М. Достоевского, см.: Достоевский А. М. Воспоминания. С. 91.

Список литературы

1. Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского (1506–1933). — М.: Север, 1933. — 442 с.
2. Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: биография в датах и документах. — М.; Л.: Academia, 1935. — 382 с.
3. Любимов С. Ф. М. Достоевский. (К вопросу об его происхождении) // Литературная мысль (альманах). — Пг.: Мысль, 1922. — Кн. 1. — С. 208–210.
4. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. — М.: Государственное Социально-экономическое издательство, 1939. — 158 с.
5. Тихомиров Б. Н. Материалы к родословной Достоевских // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб.: Серебряный век, 1998. — № 11. — С. 188–198.
6. Тихомиров Б. Н. «А живу в доме Шиля...»: адреса Ф. М. Достоевского в Петербурге, известные и неизвестные. 1837–1881. — СПб.: Серебряный век, 2016. — 152 с.
7. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 464 с.
8. Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. Волгин И. Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. — М.: Фонд Достоевского, 2012. — 1232 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Илл. 1. Доклад Московского опекунского совета Николаю I
 Fig. 1. Report of the Moscow Board of guardians to Nicholas I

<I>

Источник текста: РГИА. Ф. 758. Опекунский совет. Высочайшие повеления. Оп. 4. Д. 94. Л. 416–419.

Публикуется впервые.

*Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему,
Великому Государю Императору и
Самодержиу Всероссійскому,*

Высочайшее Его Императорскаго Величества Соизволеніе воспользовало, въ Петергофѣ. 18 Іюля 1837.

*Статсъ секретарь по дѣламъ управленія учрежденій Императрицы
Маріи Григоріи Вилламовъ¹*

*Отъ Московскаго Опекунскаго Совѣта,
Всеподданнѣйшій Докладъ.*

Въ минувшемъ Іюнѣ мѣсяцѣ Почетный Опекунъ Яковлевъ письменно Опекунскому Совѣту представилъ: что ввѣренной управленію его Маріинской Больницы для Бѣдныхъ Главный Докторъ Рихтеръ при рапортѣ своемъ представилъ къ нему Почетному Опекуну прошеніе Ординатора той Больницы, Штабъ-Лекаря Коллежскаго Совѣтника Достаевскаго, объ увольненіи его за болѣзнями отъ службы съ пенсіономъ и дозволеніемъ носить въ отставку мундиръ, должности его присвоенный, донося вмѣстѣ съ симъ, какъ объ отличной и усердной службѣ Достаевскаго, такъ и о томъ, что Достаевскій въ слѣдствіе неусыпныхъ трудовъ, на службѣ понесенныхъ и постигшаго его семейнаго нещастія, имѣетъ крайне-разстроенное <л. 416> здоровье и притомъ за слабостію зрѣнія, затрудняется въ выполненіи лежащихъ на немъ обязанностей. Почему онъ Почетный Опекунъ, принимая во уваженіе долговременную отлично-усердную службу Ординатора Достаевскаго, крайне-разстроенное на службѣ здоровье и зрѣніе, и не имѣя въ виду препятствій къ увольненію его отъ службы, проситъ отъ должности и службы при Больницѣ его Достаевскаго уволить съ дозволеніемъ носить въ отставку мундиръ, должности его присвоенный; а съ тѣмъ вмѣстѣ, принявъ во уваженіе отличную и долговременную службу Достаевскаго, разстроенное его здоровье на дѣйствительной и полезной для страждущаго болѣзнями челоуѣчества

¹ Эта запись сделана другим, не писарским почерком. По всей видимости, резолюция принадлежит Г. И. Вилламову.

² На полях внизу листа сделана запись:

службъ, исходатайствовать ему въ пенсіонъ полный получаемый имъ нынѣ окладъ жалованья; при чемъ онъ Почетный Опекунъ представилъ рапортъ Рихтера и формулярный списокъ о службѣ Достоевскаго.

По учиненной же въ Канцеляріи Совѣта справкѣ оказалось: 1.) что Ординаторъ Достоевскій имѣетъ нынѣ отъ роду 48. лѣтъ; 1812. года Августа 15. числа, будучи Студентомъ 4го класса въ бывшемъ Московскомъ отдѣленіи Императорской Медико-Хирургической Академіи, по надобности во врачахъ во время послѣдней противу Французовъ войны, командированъ Вице-Президентомъ Академіи въ Московскую <л. 416 об.> Главную Военную Госпиталь для пользованія больныхъ и раненыхъ; потомъ въ Касимовскій Военно-Временный Госпиталь, а въ слѣдъ за симъ въ Вереискій уѣздъ для прекращенія свирѣпствовавшей тамъ повальной болѣзни, за что и получилъ похвальные аттестаты; 1813. Августа 5го произведенъ Лекаремъ 1го Отдѣленія, въ каковомъ званіи и поступилъ на службу въ Бородинскій пѣхотный полкъ Лекаремъ того жъ года Сентября 1го, откуда переведенъ въ Московскій Военный Госпиталь Ординаторомъ 1818. Мая 29го; по желанію его отъ сей должности уволенъ 16. Декабря 1820. года, опредѣленъ въ Московскую Маріинскую Больницу для Бѣдныхъ Ординаторомъ же 24го Марта 1821. года. — Всѣй его Достоевскаго дѣйствительной службы въ Оберъ-Офицерскомъ званіи, за исключеніемъ времени исправленія должности Медика въ Московской и Касимовской военныхъ Госпиталяхъ и отставки выходитъ 23. года 6. мѣсяцевъ и 19. дней; собственно же въ вѣдомствѣ Медицинскаго Департамента 7. лѣтъ 3. мѣсяца и 15. дней и по вѣдомству Совѣта 16. лѣтъ 3. мѣсяца и 4. дни; 2.) что въ дополнительныхъ правилахъ о произвожденіи пенсіоновъ Чиновникамъ, служащимъ въ вѣдомствѣ обоихъ Опекунскихъ Совѣтовъ и вдовамъ ихъ, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ 18. день Апрѣля 1836. года, въ слѣдствіе представленія Ст. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, Высочайше утвержденныхъ значитъ,³ <л. 417> въ пунктахъ первомъ: «Если Чиновникъ, перешедшій въ вѣдомство Опекунскихъ Совѣтовъ изъ другой Государственной службы, прослужитъ въ семъ вѣдомствѣ не меньше 10. лѣтъ, то прежняя служба его присоединяется къ послѣдней и въ случаѣ увольненія его въ отставку, или смерти, назначается пенсія ему, или вдовѣ его противъ половиннаго, или полнаго оклада жалованья, смотря по числу лѣтъ совокупнаго служенія по правиламъ, Высочайше утвержденнымъ въ 8^й день Юля 1818го и 28. Юля 1831. года; во второмъ: «такъ какъ по правиламъ симъ срокъ службы для полученія пенсіи считается со дня пожалованія 1го Класснаго Чина, то прежняя служба перешедшихъ въ вѣдомство

³ На поляхъ внизу листа сделана записъ: Управляющій

Опекунскихъ Совѣтовъ Чиновниковъ присоединяется на основаніи предыдущаго пункта къ послѣдней, только со времени получения перваго Офицерскаго Чина и достиженія 16. лѣтняго возраста; и третьемъ: «Чиновники, которые получаютъ при отставкѣ пенсіи противъ полныхъ окладовъ на основаніи сихъ правилъ въ случаѣ вновь поступленія въ службу не имѣютъ права сохранять сей пенсіонъ на основаніи 4го пункта правилъ 8го Іюля 1818. года, а подвергаются общимъ на сей случай установленнымъ законамъ; <...>⁴ <л. 417 об.> 4.) что Ординаторъ Достоевскій жалованья получаетъ: штатнаго 800. р и прибавочнаго за 3/5. лѣтія 480. р, а всего 1.280. рублей въ годъ.

Опекунскій Совѣтъ, въ слѣдствіе означеннаго представленія Почетнаго Опекуну Яковлеву, сдѣлавъ надлежащее распоряженіе объ увольненіи Коллежскаго Совѣтника Достоевскаго съ 1го числа сего Іюля мѣсяца отъ службы по вѣдомству Совѣта съ надлежащимъ аттестатомъ, дозволилъ ему Достоевскому на основаніи 526. статьи продолженія свода законовъ Гражданскихъ, тома 3го Устава о службѣ по опредѣленію отъ Правительства носить <л. 418>⁵ въ отставкѣ мундиръ, должности Ординатора при Маріинской Больницѣ для Бѣдныхъ присвоенный; обращаясь же къ назначенію Достоевскому пенсіи, Совѣтъ находитъ, что хотя онъ Достоевскій, прослуживъ дѣйствительно во всѣхъ вѣдомствахъ 23. съ половиною года, на полученіе полного пенсіона и не имѣетъ права; ибо по содержанію свода законовъ, тома 3го Устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ статьи 1.738^и должно бы ему прослужить 25. лѣтъ; но принимая во вниманіе, какъ то, что онъ Достоевскій оставляетъ службу, исполняемую имъ съ отличнымъ усердіемъ и пользою, единственно потому, что разстроенное отъ обязанностей его здоровье и слабость зрѣнія, не представляютъ возможности болѣе продолжать оную, хотя и оставалось бы ему до полныхъ 25. лѣтъ дослужить только полтора года, такъ и то, что до вступленія въ дѣйствительную Государственную службу Достоевскій, будучи еще Студентомъ въ 1812. году съ похвалою исполнялъ возложенныя на него Начальствомъ порученія, пользуя въ Госпиталѣ больныхъ и раненыхъ, и содѣйствуя къ прекращенію свирѣпствовавшей въ Верейскомъ уездѣ повальной болѣзни, Совѣтъ, основываясь на содержаніи 1.737. статьи 3го тома свода законовъ Гражданскихъ, Высочайше утвержденныхъ въ 18. день Апрѣля 1836. года дополнительныхъ правилъ о производеніи пенсіоновъ Чиновникамъ, въ вѣдомствѣ

⁴ Далее в документе идет речь о пенсione учителю чистописания и рисования Воспитательного дома И. Федорову и обер-секретарю Опекунскаго совета А. Лебедеву.

⁵ На полях внизу листа сделана запись: *Письмоводствомъ*

Совѣтовъ служащимъ и приведенныхъ въ справкѣ примѣрахъ, полагаетъ: Коллежскому Совѣтнику Достаевскому производить въ пенсіонъ полное получаемое имъ жалованье, безъ одной пятилѣтней прибавки, то есть, по тысячѣ ста двадцати рублей въ годъ изъ пенсіонной суммы, на что и испрашиваетъ <л. 418 об.> Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія, всеподданнѣйше поднося у сего на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣніе формулярный списокъ о службѣ Достаевскаго и рапортъ Главнаго Доктора Рихтера, свидѣтельствующаго о болѣзненномъ его состояніи.

Вашего Императорскаго Величества,

Вѣрноподданнѣйшіе:

Князь Сергій Голицынъ

Матвѣй Штеръ

Михайло Салтыковъ

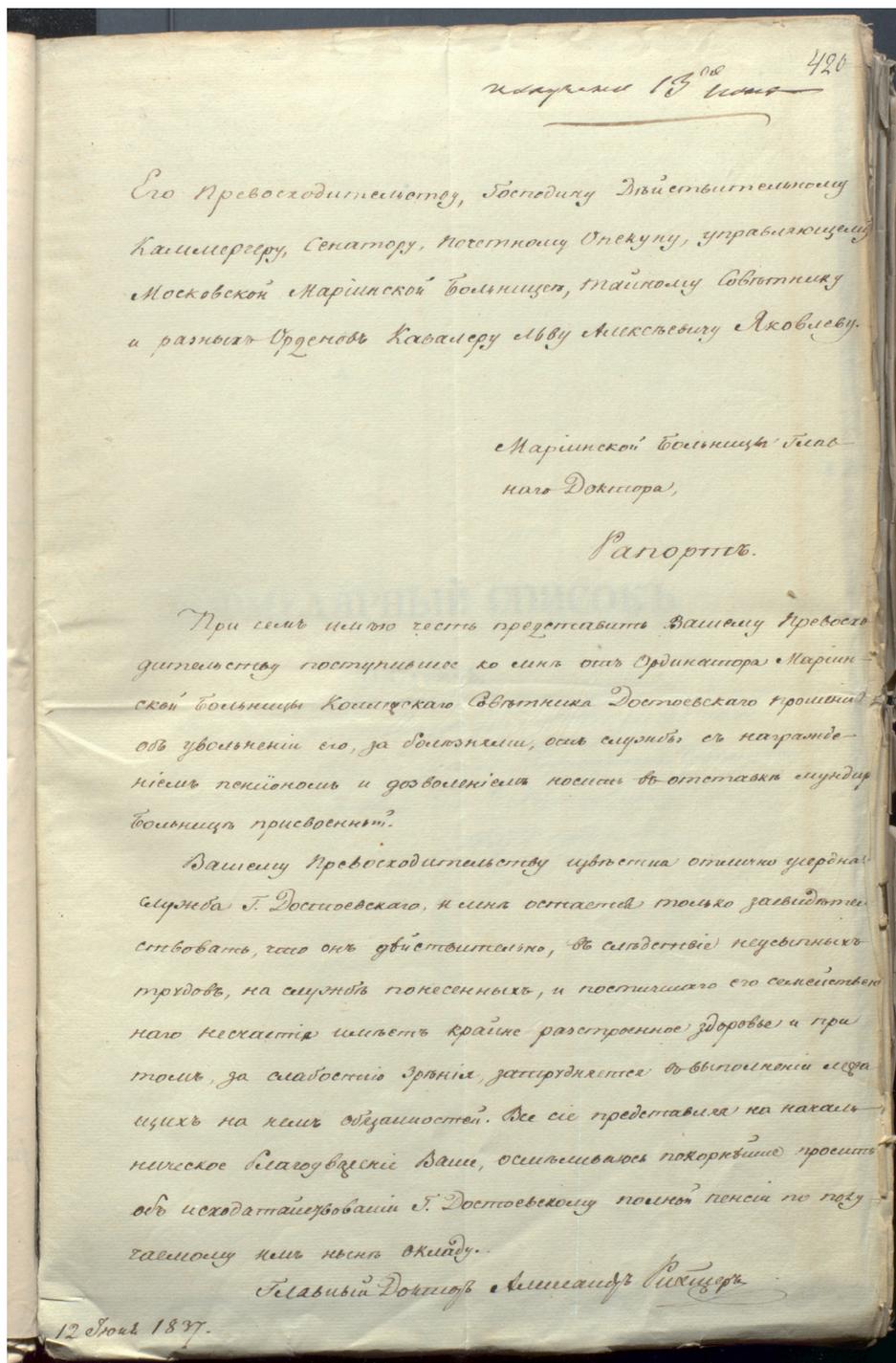
Князь Александръ Оболенской

Петръ Полуденскій

Юля «8.» дня

1837. года.

Петръ Ивановъ. <Л. 419>

Илл. 2. Рапорт главного доктора Мариинской больницы для бедных А. А. Рихтера
Fig. 2. Report of the chief doctor of the Mariinsky hospital for the poor A. A. Richter

<II>

Источник текста: РГИА. Ф. 758. Опекунский совет. Высочайшие повеления. Оп. 4. Д. 94. Л. 420.

Публикуется впервые.

Его Превосходительству, Господину Дѣйствительному Каммергеру, Сенатору, Почетному Опекуну, управляющему Московской Мариинской Больницею, Тайному Совѣтнику и разныхъ Орденовъ Кавалеру Льву Алексѣевичу Яковлеву.

*Мариинской Больницы Главнаго Доктора,
Рапортъ.*

При семъ имѣю честь представить Вашему Превосходительству поступившее ко мнѣ отъ Ординатора Мариинской Больницы Коллежскаго Совѣтника Достоевскаго прошеніе объ увольненіи его, за болѣзнями, отъ службы съ награжденіемъ пенсіономъ и дозволеніемъ носить въ отставку мундиръ Больницъ присвоенный.

Вашему Превосходительству извѣстна отлично усердная служба Г. Достоевскаго, и мнѣ остается только засвидѣтельствовать, что онъ дѣйствительно, въ слѣдствіе неусыпныхъ трудовъ, на службу понесенныхъ, и постигшаго его семейственнаго несчастія имѣетъ крайне разстроенное здоровье и при томъ, за слабостію зрѣнія, затрудняется въ выполненіи лежащихъ на немъ обязанностей. Все сіе представляя на начальническое благоуваженіе Ваше, осмѣливаюсь покорнѣйше просить объ исходатайствованіи Г. Достоевскому полной пенсіи по получаемому имъ нынѣ окладу.

Главный Докторъ Александръ Рихтеръ.

12 Іюня 1837.⁶ <Л. 420>

⁶ На полях вверху справа сделана запись: Получено 13го Іюня

421.

Имя	Возраст	Служба	Звание	Служба	Звание
<p>ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ</p> <p>О Службъ,</p> <p><i>Судиматора Московской Мариинской</i> <i>Коллежской, Штаб-камеръ, Коллежской Секретаря</i> <i>и Камеръ и Мейстера Гербовъ.</i></p> <p>1837 г. <i>Лодж</i></p>					

Илл. 3. Формулярный список о службе М. А. Достоевского 1837 г.
Титульный лист

Fig. 3. Service record of M. A. Dostoevsky 1837. Title page

<III>

Источник текста: РГИА. Ф. 758. Опекунский совет. Высочайшие повеления. Оп. 4. Д. 94. Л. 421–425.

Полностью публикуется впервые.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

О Службѣ.

*Ординатора Московской Мариинской
Больницы, Штаб-лекаря, Коллежскаго Совѣтника
и Кавалера Михайлы Достоевскаго.
1837го года. <Л. 421>*

Чинъ, имя, фамилія, должность имъ отправляемая, сколько отъ роду лѣтъ, и какого вѣро-исповѣданія			
<i>Коллежскій Совѣтникъ, Штаб-лекаръ Михайла Андреевъ сынъ Достоевскій, Ординаторъ Мариинской Больницы; 48. лѣтъ; Вѣро-исповѣданія Грекороссійскаго.</i>			
Изъ какого званія происходитъ			
<i>Изъ Духовнаго.</i>			
Есть ли за нимъ, за родителями его, или когда женатъ, за женою недвижимое имѣніе			
У родителей и у самаго у него		У жены, буде женатъ	
Родовое	Благопріобрѣтенное	Родовое	Благопріобрѣтенное
<i>Не имѣетъ.</i>	<i>Тульской Губерніи, Каширскаго Уѣзда въ деревнѣ Черемошнѣ 43. Души: мужеска пола.</i>	<i>Нѣтъ.</i>	<i>Посль жены Тульской Губерніи, Каширскаго Уѣзда въ Сельцѣ Доровомъ 44. души мужеска пола.</i>
Когда въ службу вступилъ, и въ оной какими чинами, въ какихъ должностяхъ и гдѣ происходилъ, также не было ли какихъ отличныхъ по службѣ дѣяній, и не былъ ли особенно, кромѣ чиновъ, чѣмъ награждаемъ и въ какое время		Годы	Мѣсяцы и числа
<i>Изъ Подольской Семинаріи Казеннымъ воспитанникомъ, по части Медицинской въ бывшее Отдѣленіе Московской Медико-Хирургической Академіи поступилъ.</i>		1809	Октября 14.
Удостоенъ:			
<i>Студентомъ 3го Класса.</i>		1811	Ноября 4.
<i>Студентомъ 4го Класса.</i>		1812	Юля 15.

По надобности во врачахъ во время послѣдней противу Французовъ войны, командированъ Г. Вице-президентомъ Академіи въ Московскую Главную военную Гошпиталь, для пользованія больныхъ и раненыхъ.	1812	Августа 15.
По томъ въ Касимовскій военно-временный Гошпиталь, откуда и получилъ похвальный аттестатъ.	1812	Сентября 1.
Командированъ имъ же, Г. Вице-президентомъ, Московской Губерніи въ Верейскій Уѣздъ, для прекращенія свирѣпствовавшей тамъ повальной болѣзни, за что получилъ похвальный Аттестатъ. <Л. 421 об. — 422>		
Лекаремъ 1 ^{го} Отдѣленія произведенъ.	1813	Августа 5.
Поступилъ на службу въ Бородинскій Пѣхотный Полкъ.	1813.	Сентября 1.
За выслугу узаконенныхъ лѣтъ, Медицинскимъ Департаментомъ военнаго Министерства, удостоенъ званія Штаб-лекаря, со старшинствомъ.	1816.	Августа 5.
По представленію того же Департамента, во уваженіе ревностной службы его, помѣщенъ въ томъ же полку на окладъ 1 ^{го} Класса, съ жалованьемъ по 500 р. въ годъ.	1816.	Октября 20.
Изъ онаго Полка переведенъ въ Московскій военный Гошпиталь Ординаторомъ.	1818.	Апрѣля 29.
За усердную службу помѣщенъ на окладъ старшаго Лекаря 2 ^{го} Класса, съ жалованьемъ по 600 р. въ годъ.	1819.	Маія 7.
По желанію его уволенъ отъ военной службы. <Л. 422 об. — 423>	1820.	Декабря 16.
По Высочайшему Соизволенію, въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, опредѣленъ въ Московскую Больницу для бѣдныхъ, /:что нынѣ Маріинская:/ Ординаторомъ.	1821.	Марта 24.
По представленію Начальства за отличную и усердную службу Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Анны 3 ^{ей} степени.	1825	Апрѣля 2.
За выслугу узаконенныхъ лѣтъ произведенъ въ Коллежскіе Ассессоры.	1827	Апрѣля 7.
По представленію Начальства за отлично-ревностную службу Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ Ордена Св. Владиміра 4 ^{ей} степени.	1829	Января 18.
По представленію Начальства Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV. лѣтъ. <Л. 423 об. — 424> ⁷	1829.	Августа 22.

⁷ На поляхъ внизу лл. 421 об. — 424 запись: Письмоводитель Андрей Майковъ.

По представленію Начальства за отлично-усердную службу Всемилостивѣйше награжденъ Орденомъ Св. Анны 2 ^а ст.	1832.	Апрѣля 21.
Награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ.	1833.	Августа 22.
За выслугу лѣтъ произведенъ въ Надворные Советники съ старшинствомъ съ 1832 Апрѣля 7	1834.	Маія 10
По опредѣленію Опекунскаго Совета исправлялъ должность Главнаго доктора Больницы съ 23 ^{го} Апрѣля по 2 ^е Юня 1836 года.		
Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату, за выслугу положеннаго срока, произведенъ въ Коллежскіе Советники съ слѣдующимъ старшинствомъ. <Л. 424 об. — 425>	1837.	Апрѣля 18.
Въ походахъ противъ непріятеля и въ самыхъ сраженіяхъ былъ, или нѣтъ, и когда именно		
Не былъ.		
Не былъ ли въ штрафахъ и подъ судомъ, и если былъ, то за что именно, когда и чѣмъ дѣло кончено		
Не былъ.		
Къ продолженію Статской службы способенъ, и къ повышенію чина достоинъ, или нѣтъ, и за чѣмъ		
Способенъ и достоинъ.		
Не былъ ли въ отпускахъ; и если былъ, то когда именно и на сколько времени, и являлся ли на срокъ къ должности		
Былъ въ отпускахъ: въ 1835 году на 28. дней, въ 1836, на 2. мѣсяца и въ 1837. годахъ на 28. дней; всегда на срокъ къ должности [всегда] являлся.		
Не былъ ли въ отставкѣ съ награжденіемъ чина, или безъ онаго, и когда		
Находился въ отставкѣ съ 16. Декабря 1820, по 24. число Марта 1821. Года.		
Женатъ ли, имѣеть ли дѣтей, кого именно, какихъ лѣтъ, гдѣ они находятся, и какого вѣро-исповѣданія		
Вдовъ; имѣеть дѣтей: сыновей: Михайлу 15, Ѳедора 14, Андрея 11, и Николая 3. лѣтъ; дочерей: Варвару 13. лѣтъ; Вѣру 6. лѣтъ; кои находятся при немъ; Вѣроисповѣданія Грекороссійскаго. <Л. 421 об. — 422>		

Почетный Опекунъ Левъ Яковлевъ

Главный докторъ Александръ Рихтеръ.

Письмоводитель Андрей Майковъ. <Л. 424 об. — 425>

Albina S. Bessonova

*State Social and Humanitarian University
(Kolomna, Russian Federation)*

abessonova13@mail.ru

Dismissal from Service (Resignation of M. A. Dostoevsky According to Archival Documents of 1837)*

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90038 Dostoevsky.

Abstract. The least amount of documentary evidence has been preserved about the early period of F. M. Dostoevsky's life. Three documents discovered in the Russian state historical archive related to the 1837 resignation of Mikhail Andreevich Dostoevsky, the writer's father, are published and examined in the article. These are the report of the Moscow Board of Trustees to Nicholas I, the report of the chief doctor of the Mariinsky hospital for the poor A. A. Richter and the service record of M. A. Dostoevsky. The last document that provides important information about the official career of the writer's father, is provided in full for the first time in the Appendix to the article. The authors of preceding publications about the childhood and youth of F. M. Dostoevsky only referenced the service record of M. A. Dostoevsky or quoted the previously published passages. These documents contain the information about the size of the pension due to retired physician Dostoevsky, his service characteristics, and a list of his awards. The article raises one of the most debated questions, namely, the date of birth of the writer's father. Together, the documents on the resignation of M. A. Dostoevsky reveal new facts and clarify those already known from his 1830s biography, and therefore elucidate the circumstances of the great Russian writer's youth.

Keywords: F. M. Dostoevsky, M. A. Dostoevsky, biography, writer's father, Mariinsky hospital for the poor, retirement, Darovoe manor, archive, documents, service record

About the author: Bessonova Albina S. — PhD in Philology, Leading Researcher, State Social and Humanitarian University (ul. Zelenaya 30, Kolomna, Moscow region, 140410, Russian Federation)

Received: March 15, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Bessonova A. S. Dismissal from Service (Resignation of M. A. Dostoevsky According to Archival Documents of 1837). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 5–23. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4621 (In Russ.)

References

1. Volotskoy M. V. *Khronika roda Dostoevskogo. 1506–1933 [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty. 1506–1933]*. Moscow, Sever Publ., 1933. 442 p. (In Russ.)
2. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: biografiya v datakh i dokumentakh [Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents]*. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 382 p. (In Russ.)
3. Lyubimov S. F. M. Dostoevsky. (To the Question of its Origin). In: *Literaturnaya mysl' almanakh*. Petrograd, Mysl' Publ., 1922, book 1, pp. 208–210. (In Russ.)
4. Nechaeva V. N. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh [In the Family and the Estate of the Dostoevskys]*. Moscow, Gosudarstvennoe Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)

5. Tikhomirov B. N. Materials for the Dostoevsky Genealogy. In: *Dostoevskiy i mirovaya kultura: almanakh* [*Dostoevsky and World Culture. Almanac*]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 1998, no. 11, pp. 188–198. (In Russ.)
6. Tikhomirov B. N. «A zhivu v dome Shilya...»: Adresa F. M. Dostoevskogo v Peterburge, izvestnye i neizvestnye. 1837–1881: Issledovanie [“I Live in the House of Shil...”: Addresses of F. M. Dostoevsky in St. Petersburg, Known and Unknown. 1837–1881: Research]. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2016. 152 p. (In Russ.)
7. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo: iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [*The Moscow World of Dostoevsky: From the History of Russian Art Culture of the 20th Century*]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)
8. *Khronika roda Dostoevskikh; Igor' Volgin. Rodnye i blizkie: istoriko-biograficheskie ocherki* [*The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty; Igor Volgin. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays*]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1232 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4741
УДК 821.161.1+930.25

Т. Н. Дементьева

*Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль»
(Зарайск, Российская Федерация)
darovoe-dostoevsky@yandex.ru*

Л. А. Воронкина

*ООО «Реставрационно-строительная компания «Тефест»»
(Москва, Российская Федерация)
voronkina.la@yandex.ru*

Две купчие на Даровое, имение Достоевских*

Аннотация. В 1831 г. родители Ф. М. Достоевского приобрели поместье в Каширском уезде Тульской губернии, состоящее из сельца Дарового и деревни Даровой. Об этой покупке известно не только из воспоминаний младшего брата писателя А. М. Достоевского, но и из многочисленных косвенных источников: метрических книг церкви Сошествия Святого Духа в селе Моногарове (приходского храма сельца Даровое), ревизских сказок, семейной переписки Достоевских и Ивановых и др. Однако ни один из этих источников не дает достаточно полной и точной информации о том, когда именно и у кого было куплено Даровое и что оно собой тогда представляло. В предложенной публикации вводятся в научный оборот ранее неизвестные первые официальные документы, позволяющие уточнить даты и условия покупки Дарового Достоевскими — купчие на сельцо Даровое и деревню Даровую, датируемые 1829 и 1831 гг. и хранящиеся в фондах Центрального государственного архива города Москвы.

Ключевые слова: купчая, сельцо Даровое, деревня Даровая, Достоевские, И. П. Хотяинцев, О. А. Глаголевская, М. Ф. Достоевская

Об авторах: *Дементьева Татьяна Николаевна* — заведующая отделом «Музей-усадьба Ф. М. Достоевского «Даровое», Государственный музей-заповедник «Зарайский кремль» (ул. Музейная, 1А, г. Зарайск, Российская Федерация, 140600); *Воронкина Любовь Александровна* — ландшафтный архитектор-реставратор, ООО «Реставрационно-строительная компания «Тефест»» (пер. Милютинский, д. 10, корп. 2, оф. 36, г. Москва, Российская Федерация, 101000)

Дата поступления: 26.02.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Дементьева Т. Н., Воронкина Л. А. Две купчие на Даровое, имение Достоевских // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 2. — С. 24–37. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4741

В 1877 г. Ф. М. Достоевский в последний раз приезжал в Даровое и, рассказав об этой поездке в «Дневнике Писателя», назвал его местом своего первого детства и отрочества. Имение, где будущий писатель проводил летние месяцы, было куплено его родителями в 1831 г. у Ивана Петровича Хотяинцева, как об этом вспоминает младший брат писателя А. М. Достоевский. Позднее В. С. Нечаева на основе церковных ведомостей храма

Сошествия Святого Духа в с. Моногарове выяснила, что с 1830 по 1831 гг. часть Дарового, принадлежавшая ранее И. П. Хотяинцеву, находилась во владении Ольги Алексеевны Глаголевской, «вследствие ли продажи или смерти владельца, — неизвестно» [Нечаева: 35]. О. А. Глаголевская в свою очередь продала Даровое матери писателя Марии Федоровне Достоевской.

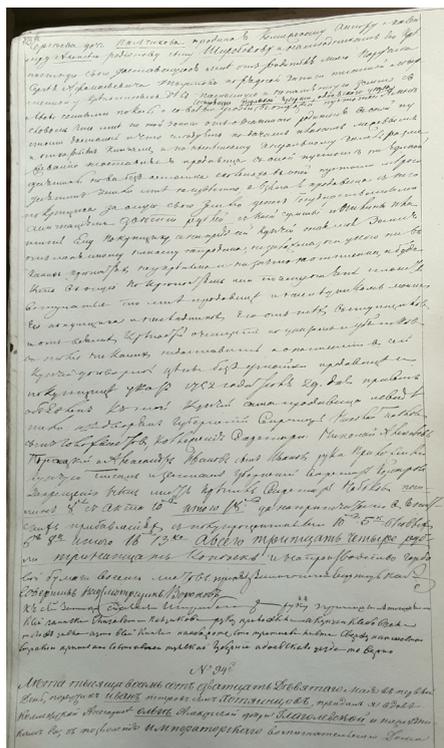
Данные В. С. Нечаевой в 1870-х гг. подтвердил и дополнил Г. А. Федоров [Федоров: 174]. Он выяснил, что кроме Дарового отец писателя М. А. Достоевский к середине 1831 г. «сторговал у коллежской ассессорши О. А. Глаголевской два имения в Тульской губернии: Косая Губа Крапивенского уезда (запись о продаже — 29 июня; дан задаток в тысячу рублей ассигнациями) и сельцо Даровое Каширского уезда (приобретение зарегистрировано вчерне на имя М. Ф. Достоевской 7 августа, заплачено 29 тысяч рублей ассигнациями) были в одной цене и стоили вместе 58 тысяч ассигнациями» [Федоров: 174].

Исследователь установил, что впоследствии на имя М. Ф. Достоевской было куплено только сельцо Даровое, ошибочно отмечая при этом, что соседняя деревня Даровая находилась во владении П. П. Хотяинцева [Федоров: 132—134, 175]. Также, по сведениям Г. А. Федорова, в купленном имении было «около 96 десятин с 76 крепостными» [Федоров: 148]. Два последних факта опровергаются в данной статье ниже.

Г. А. Федоров пишет, что его «рассказ об имущественных делах Достоевских основан на архивных документах» [Федоров: 174], но при этом приводит лишь цитаты из дел, не давая ссылок на источники. Исследователь объясняет это их многочисленностью (см.: [Федоров: 186]).

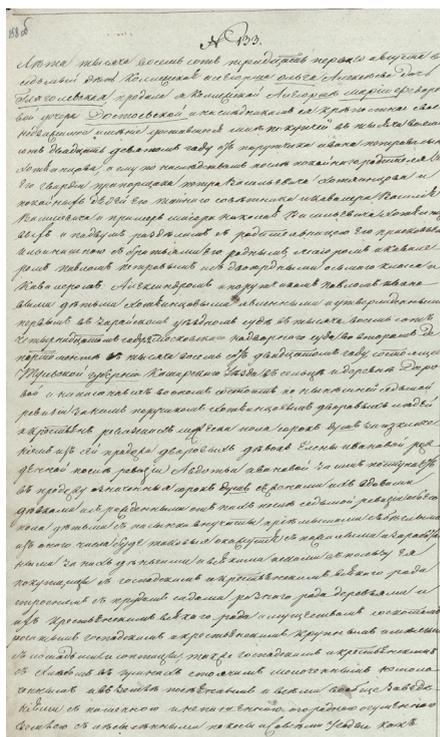
Более подробных сведений, уточняющих вопрос купли-продажи Дарового и свидетельствующих о том, что представляло собой поместье Достоевских, до сих пор обнаружено не было.

В ходе поиска в 2019 г. в Центральном государственном архиве города Москвы (далее — ЦГА Москвы) в «Книгах Московской Палаты Гражданского Суда 2-го Департамента, Крепостной Экспедиции на записку купчих в продаже недвижимого имения» авторами данной статьи были обнаружены и впервые предлагаются к публикации две купчие на Даровое за 1829 г.¹ (Илл. 1) и 1831 г.² (Илл. 2).

Илл. 1. Купчая на имение Даровое за 1829 год (ЦГА Москвы)

Fig. 1. Bill of sale for the Darovoe estate for 1829 (Central State Archive of the city of Moscow)

Илл. 2. Купчая на имение Даровое за 1831 год (ЦГА Москвы)

Fig. 2. Bill of sale for the Darovoe estate for 1831 (Central State Archive of the city of Moscow)

Оба документа подтверждают, дополняют и уточняют сведения В. С. Нечаевой и Г. А. Федорова о том, что Даровое в 1829 г. действительно было куплено у И. П. Хотяинцева О. А. Глаголевской, которая в свою очередь в 1831 г. продала его М. Ф. Достоевской. Ольга Алексеевна являлась лишь «временным звеном» при переходе имения от И. П. Хотяинцева к М. Ф. Достоевской, поэтому она, владея имением в течение двух с небольшим лет, не внесла в него какие-либо существенные изменения.

По словам В. С. Нечаевой, которая опиралась на данные церковного архива, «с середины XVIII века, а может быть, и много ранее, земли, расположенные в 10 верстах от Зарайска и в 40 верстах от Каширы, принадлежали старинному дворянскому роду Хотяинцевых. Во второй половине XVIII века владельцем их был надворный советник Василий Иевлевич Хотяинцев, проживавший в селе Моногарове» [Нечаева: 33]. В обеих купчих

говорится о том, что Даровое досталось Ивану Петровичу Хотяинцеву по наследству от его отца Петра Васильевича Хотяинцева³ и от его дядьев: Василия Васильевича Хотяинцева и Николая Васильевича Хотяинцева, а также по двум разделам 1814 г. и 1820 г. с матерью Прасковьей Ильиничной и с братьями: родным — Павлом Петровичем⁴ и двоюродным — Александром⁵.

Из купчей 1829 г. становится известно, что по седьмой ревизии⁶ в Даровом за И. П. Хотяинцевым числилось всего 55 душ мужского пола дворовых людей и крестьян, но О. А. Глаголевской было куплено только 40 душ крестьян. Остальные были либо отпущены ранее на волю, либо остались у прежнего владельца: «...и того исключается из сей продажи ревизских мужеска пола три, женска три и рожденных послѣ ревизіи мужеска двѣ души, да проданныхъ и отпущенныхъ мною прежде залога въ московскомъ опѣкунскомъ совѣтѣ вѣчно на волю дворовыхъ людѣй и крѣстьянъ ревизскихъ мужеска пола двѣнадцать и женска дѣсять душъ, и рожденныхъ послѣ ревизіи мужеска Двѣ»⁷.

В число вольноотпущенных вошли: Минай, Иван и Данил Фетисовы с семьями, а также Николай Данилов с женой и дочерью⁸. Из купчей же становится известно, что в 1818 г. И. П. Хотяинцев продал вольноотпущенному крестьянину Минаю Фетисову «при означенномъ сельцѣ Даровомъ» 18 десятин земли, а в 1824 г. Николаю Данилову — 6 десятин земли.

Можно предположить, что Иван Петрович в эти годы нуждался в деньгах, так как 3 февраля 1827 г. он заложил свое имение в Московском Опекунском совете Императорского Воспитательного дома по обязательству за 8 тыс. рублей ассигнациями, и уже 1 мая 1829 г. он продал Даровое вдове, коллежской асессорше Ольге Алексеевне Глаголевской за 30 тыс. рублей ассигнациями. Отметим, что О. А. Глаголевская купила заложенное имение и на момент составления купчей в Опекунский совет И. П. Хотяинцевым выплачено было только 160 рублей, а остальной долг — 7840 рублей переводился на нее.

На момент продажи имения, т. е. 1829 г., в Даровом находились различные господские и крестьянские строения «сѣ прудомъ садами со скотомъ рогатымъ и мѣлкимъ сѣ лошадьюми со птицы»⁹, крестьянским имуществом, хлебами, пашнями, огородами, гумнами, лесом, санными покосами и с прочими угожьями, принадлежавшими к сельцу Даровому.

Согласно второй купчей, О. А. Глаголевская, выплатив долги И. П. Хотяинцева по залогу в Опекунский совет 7 августа 1831 г.¹⁰, продала Даровое М. Ф. Достоевской, причем за меньшую сумму — 29 тыс. рублей, нежели за которую она купила его у И. П. Хотяинцева — 30 тыс. рублей.

Вместе с имением О. А. Глаголевская продала М. Ф. Достоевской 40 душ крестьян «за исключеніемъ изъ сей продажи дворовыхъ дѣвокъ Елены Ивановой рожденной послѣ ревизіи Авдотьи Ивановой»¹¹.

Отдельно стоит остановиться на том, что, согласно купчей, О. А. Глаголевская продала М. Ф. Достоевской за 1000 рублей своего дворового человека Григория Васильева «*съ женою его Федосьею Яковлевою и съ детьми рожденными послѣ седьмой ревизіи сыновьями Павломъ и Владимиромъ*»¹². До сих пор среди биографов бытовало мнение, что Васильев «не принадлежал к коренным жителям Дарового и был привезен <Достоевскими> из Москвы» [Варенцова: 9]. Оно основано, по всей видимости, на предположении В. С. Нечаевой: «С первого же года владения Достоевские поместили в Даровом семью дворового человека, Григория Васильева, который не принадлежал к коренному населению Дарового и, вероятно, был привезен из Москвы» [Нечаева: 40]. Обнаруженная купчая показывает, что семья Г. Васильева была куплена Достоевскими у О. А. Глаголевской вместе с Даровым.

При Достоевских дворовый Григорий Васильев числился приказчиком, о чем свидетельствует Ф. М. Достоевский в «Дневнике Писателя»: «В отсутствие господ ему даже поручалось управление деревней»¹³, в то же время А. М. Достоевский писал, что Васильев «собственно был просто дворовый человек и занимать место приказчика был не способен. Но он был грамотный и, как единственный человек в деревне, носил кличку приказчика. Собственно же он, по неспособности своей, ничем не распоряжался» [Достоевский, 1992: 63].

Интересны публикуемые купчие и с точки зрения вопроса землевладения Достоевских. Так в купчей 1829 г. от лица И. П. Хотяинцева кратко обозначено продаваемое им имение как «*Состоящѣе Тульской Губерніи Каширской округи въ сельцѣ Даровомъ*»¹⁴, а в купчей 1831 г. от лица О. А. Глаголевской имение Даровое, переходящее во владение М. Ф. Достоевской, описано более подробно с перечислением соседних пустошей: «*...въ означенномъ сельцѣ и деревнѣ Даровой такъ равно и въ принадлежащихъ къ онымъ пустошамъ доставшихся мнѣ по той же Купчей и состоящихъ въ томъ же Уѣздѣ имянуемыхъ Нечаевской Триполь Шелеповой Чертковой тожь Хариной и Чертковой*»¹⁵. Ранее о наличии пустошей у Достоевских было известно из некоторых литературных источников, межевых книг и планов¹⁶, но до настоящей публикации не было обнаружено документов, свидетельствующих о том, как эти пустоши стали частью владений Достоевских.

Подводя итог, следует сказать, что два публикуемых документа снимают некоторые вопросы, касающиеся состава земель, перешедших от Хотяинцевых через О. А. Глаголевскую к Достоевским. В частности, из купчей 1831 г. выясняется, что Достоевскими было приобретено не только сельцо Даровое, но и деревня Даровая с несколькими пустошами (что опровергает данные Г. А. Федорова о покупке только сельца Дарового).

Купчая 1829 г. сообщает о продаже И. П. Хотяинцевым О. А. Глаголевской из 55 крепостных мужского пола только 40 человек (в купчей содержатся

поименные списки крепостных крестьян и дворовых, оставшихся во владении И. П. Хотяинцева). Затем в 1831 г. приобретенные О. А. Глаголевской крестьяне и дворовые люди почти в том же составе перешли к Достоевским. Отметим, что Достоевские стали владельцами именно 40 душ крепостных людей, а не 76, как писал Г. А. Федоров.

Благодаря купчей 1829 г. объясняется появление в деревне Даровой еще одного землевладельца, известного по документам 1847—1850 гг. как вольный хлебопашец Н. Д. Фетисов (владелец 1 участка дачи д. Даровой).

Купчая 1831 г. опровергает версию В. С. Нечаевой и Е. М. Варенцовой о том, что дворовый человек Григорий Васильев был привезен из Москвы М. Ф. Достоевской, и выявляет факт его поступления вместе с семьей от О. А. Глаголевской к Марии Федоровне при получении имения.

Найденные купчие 1829 и 1831 гг. представляют интерес как источники, дающие более полное представление о приобретенном Достоевскими в 1831 г. имении Даровом. Благодаря им уточняется дата его покупки, состав земель и количество крепостных, выявляются имена предыдущих и новых владельцев Дарового, а также другие немаловажные факты.

ПРИЛОЖЕНИЕ

<I>

Источник текста: ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 887. Л. 103 об. — 105.
Публикуется впервые.

*Книга Московской Палаты Гражданскаго Суда 2-го Департамента,
Крѣпостной Экспедиціи на записку купчихъ въ продажѣ недвижимаго
имѣнія на 1829 годѣ. По иногородной части. Томъ 1.*

№94^и

Лѣта тысяща восемь сотъ дватцать Двѣятаго маія въ первый День, поручикъ Иванъ Петровъ сынъ Хотяинцовъ, продалъ я вдовѣ Коллежской Ассесоршѣ Ольгѣ Алексѣевой дочери Глаголевской и наслѣдникамъ ея, съ позволенія Императорскаго воспитательнаго Дома <л. 103 об.> Московскаго опѣкунскаго совѣта заложенное оному совѣту по обязательству тысяща восемь сотъ дватцать седьмаго года февраля третьяго дня Ассигнаціями въ осьми тысячахъ рублѣхъ въ число коихъ уплачено Сто шесдѣсятъ рублѣй, съ переводомъ на нѣя покупщицу долга Ассигнаціями Семи тысячъ восьми сотъ сорока рублѣй, и всѣхъ обязанностейъ въ разсужденіи исправнаго платежа процентовъ и капитала Крѣпостное свое недвижимое имѣніе доставишься мнѣ по наслѣдствамъ послѣ покойнаго родителя моего Гвардіи прапорщика Петра Васильевича Хотяинцова, и покойныхъ

дядѣи моихъ тайнаго совѣтника и ковалера Василья Васильевича и преміеръ маіора Николая Васильевича Хотяинцовыхъ, и по двумъ раздѣламъ съ родитѣльницею моею Прасковьею Ильиничною и съ братьями моими роднымъ маіоромъ и ковалеромъ Павломъ Петровымъ, и съ двоюродными осьмаго Класа и ковалеромъ Александромъ, и поручикомъ Павломъ Ивановыми дѣтьми Хотяинцовыми, явленными и утвержденными первый въ Зарайскомъ уѣздномъ судѣ въ тысяча восемь сотъ четырнадцатомъ году, и второй Московскимъ Надворнымъ Судомъ вторымъ департаментомъ въ тысяча восемь сотъ дватцатомъ году, Состоящье Тульской Губерніи Каширской округи въ сельцѣ Даровомъ и написанныхъ во ономъ состоитъ за мною по нынѣшней седьмой ревизіи дворовыхъ людѣи и крѣстьянъ мужеска пола пятьдѣсятъ пять душъ, за исключеніемъ изъ оныхъ дворовыхъ людѣи а имянно: Василья Егорова вдоваго съ Дочерьми его дѣвками Авдотьей и Александрю, Семена Макарова съ женою Федорою Минаевою и дѣтьми ихъ рожденными послѣ седьмой ревизіи Дмитріемъ и Егоромъ и Тимофѣя Архипова холостаго, и того изключается изъ сей продажи ревизскихъ мужеска пола три, женска три и рожденныхъ послѣ ревизіи мужеска двѣ души, да проданныхъ и отпущенныхъ мною преждѣ залога въ московскомъ опѣкунскомъ совѣтѣ вѣчно на волю дворовыхъ людѣи и крѣстьянъ ревизскихъ мужеска пола двѣнадцать и женска дѣсятъ душъ, и рожденныхъ послѣ ревизіи мужеска Двѣ души а имянно: Миная Фетисова вдоваго, Данилу Фетисова съ женою Анисьею Никифоровою, и съ дочерью Дѣвкою Соломонидою, Николая Данилова съ женою Авдотьей Федоровою и съ дочерью ихъ дѣвкою Пелагьею Ивана Федорова съ женою Февроньею Сергѣевою вдову Марью Максимову съ сыномъ послѣ ревизіи рожденнымъ Иваномъ Минаевымъ, Якова Яковлева холостаго, Нифонта <л. 104> Иванова съ женою Пелагьею Ивановою съ рожденнымъ послѣ ревизіи сыномъ Дмитріемъ, Еремѣя Тимофѣева, Ивана Васильева, Ивана Савинова, Василья Савинова, Емельяна Петрова холостыхъ, дѣвку Авдотью Иванову вдову Февронью Антонову Гаврилу Антонова холостаго и дѣвку Устинью Сидорову, которыхъ съ написанія сей купчей для платежа всякихъ государственныхъ податѣи перевестъ и перечислитъ мнѣ продавцу за собою Куда я пожелаю, а за симъ изключеніемъ дѣйствительно поступаетъ въ сію продажу ревизскихъ мужеска пола заложенныхъ опѣкунскому совѣту Сорокъ Душъ, съ женами ихъ вдовами дѣвками и съ рожденными отъ нихъ послѣ седьмой ревизіи обоого пола дѣтьми, съ пасынки внучаты и пріимаши въ томъ ревизскомъ количествѣ состоящими съ бѣглыми изъ онаго количества будѣ таковыя окажутся съ пожилыми и заработанными за нихъ деньгами и всякими исками въ пользу Ее покупицы, съ господскимъ и крѣстьянскимъ всякаго рода Строеніемъ съ прудомъ садами со скотомъ рогатымъ и мѣлкимъ съ лошадыми со птицы и со встѣмъ ихъ крѣстьянскимъ имуществомъ съ

Хлѣбомъ Стоячимъ молоченнымъ и немолоченнымъ и въ землю посяяннымъ съ пашенною непашенною, огородною, огуменною и со всѣми принадлежащими къ оному сельцу Даровому Землями съ лѣсы санными покосы и со всѣми угодья, что мнѣ слѣдуетъ по дачамъ планамъ Межевымъ отказнымъ Книгамъ и по нынѣшнему Генеральному земель размежеванію принадлежитъ и что мнѣ по тѣмъ наслѣдствамъ и раздѣламъ досталось за исключеніемъ проданной мною въ тысяча восемь сотъ осьмнадцатомъ году вольно отпущенному отъ мѣня крѣстьянину Минаю Фетисову при означенномъ сельцѣ Даровомъ земли осьмнадцати дѣсятинъ, и въ тысяча восемь сотъ дватцать четвертомъ году вольно отпущенному отъ мѣня крѣстьянину Николаю Данилову шести дѣсятинъ, слово^{мъ} не оставляя я продавецъ въ ономъ сельцѣ Даровомъ изъ дворовыхъ людѣй и крѣстьянъ кромѣ выговоренныхъ значущихся въ сей Купчей по именамъ ни единыя души а земли и всякихъ угодѣй за исключеніемъ вышеозначенной проданной земли дватцати четырехъ дѣсятинъ ни единого четверика но все безъ остатка А взялъ я продавецъ съ нее покупщицы За оное свое имѣніе <л. 104 об.> со всемъ означеннымъ денегъ Государственными Ассигнаціями тридцать тысячь рублѣй, полагая въ сіе число и тотъ совѣта долгъ ассигнаціями семь тысячь восемь сотъ сорокъ рублѣй съ Суммы пошлины равно и долгъ совѣта со всѣми обязанностями платить Ей покупщицы а напредъ сей купчей оное мое имѣніе отъ мѣня иному никаму не продано и кромѣ опѣкунскаго совѣта нигдѣ не заложено и ни у каго ни въ какихъ крѣпостяхъ не укреплено и ни за что не отписано а будѣ кто въ оное по крѣпостямъ или почему ни есть Станетъ вступаться то мнѣ продавцу и наслѣдникамъ моимъ Ея покупщицу и наслѣдниковъ Ея отъ тѣхъ вступщиковъ и ото всякихъ Крѣпостѣй очищать по указамъ и убытковъ въ томъ никакихъ не доставить а о написаніи въ сей купчей договорной цѣны безъ утайки продавцу и покупщицѣ указъ 1752 года июля 29 дня при семъ объявленъ, къ той Купчей Самъ продавецъ и свидѣтели ротмистръ Иванъ Дмитріевъ Коньковъ титулярный совѣтникъ Иванъ Ивановъ Аксеновъ, штабъ ротмистръ и ковалеръ Николай Ивановъ Сурминъ, титулярный совѣтникъ и ковалеръ Алексѣй Ильинъ Тихановъ, Коллежскій Ассесоръ Гаврила Ивановъ Дурново, титулярный Совѣтникъ Александра Тихановъ Яновъ, Губернской Секретаръ Филаретъ Игнатѣевъ Желтухинъ, и изъ дворянъ 14го Класса Федоръ Капитоновъ Шагаровъ руки приложили Купчую писалъ и записалъ титулярный Совѣтникъ Егоровъ по резолюціи сей палаты листъ крѣпилъ Секретаръ Набоковъ Совершитъ по указамъ пошлинъ 1200^р съ Акта 10^р Итого тысячу Двѣстѣ дѣсятѣ рублѣй, на припечатаніе въ сенатскихъ прибавленіяхъ съ полупроцентными 10^р 5^{ко} въсовыхъ 6^р 8^{ко} Итого 16^р 13^{ко} А всего тысячу Двѣстѣ Дватцать шесть рублѣй тринадцатѣ копѣекъ и для производства Гербовой бумаги восемь листовъ Принялъ За казначея Секретаръ Набоковъ Совершилъ Надсмотрщикъ

Вороновъ, Къ сей записки Ольга Глаголевская руку преложила того жъ числа. Къ сей записки Иванъ Хотяинцов Руку Приложилъ Того жъ Числа А Купчая Оставлена въ палатъ для отсылки въ Опъкунской Совѣтъ. <л. 105>

<II>

Источник текста: ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1678. Л. 158об. — 159 об. Публикуется впервые.

*Книга московской Палаты Гражданскаго Суда 2го Департамента
крѣпостной Экспедиціи назаписку купчихъ Въ Продажѣ недвижимаго
имѣнія на 1831^м Годѣ. Томъ Первый <...>*

По иногородной части.

№133

Лѣта тысяча восемь сотъ тридцать перваго августа въ седьмый дѣнь Коллежская ассесорша Ольга Алексѣева дочь Глаголевская, продала я Коллежской Ассесорши Маріи Федоровой дочери Достоевской и наслѣдникамъ ея крѣпостное свое недвижимое имѣние доставшееся мнѣ по купчей въ тысяча восемьсотъ двадцать девятомъ году отъ поручика Ивана Петрова сына Хотяинцова, а ему по наслѣдствамъ послѣ покойнаго родителя [мо] его гвардіи прапорицка Петра Васильевича Хотяинцова и покойныхъ дядей его Тайнаго совѣтника и Кавалера Василія Василіевича и примеръ маіора Николая Васильевича Хотяинцовыхъ и по двумъ раздѣламъ съ родительницею его Прасковьею Ильинишиною съ братьями его: роднымъ, маіоромъ и Кавалеромъ Павломъ Петровымъ и съ двоюродными осьмаго класса и Кавалеромъ: Александромъ и поручикомъ Павломъ Ивановыми дѣтьми Хотяинцовыми явленными и утвержденными первымъ въ Зарайскомъ уѣздномъ судѣ въ тысяча восемь сотъ четырнадцатомъ году и 2^м московскаго надворнаго суда во второмъ департаментѣ въ тысяча восемь сотъ двадцатомъ году, состоящее Тульской губерніи Каширскаго Уѣзда въ сельцѣ и деревнѣ Даровой и написанныхъ во ономъ состоитъ по нынѣшней седьмой ревизіи за нимъ поручикомъ Хотяинцовымъ дворовыхъ людей и крестьянъ ревизскихъ мужеска пола сорокъ душъ за исключеніемъ изъ сей продажи дворовыхъ дѣвокъ Елены Ивановой рожденной послѣ ревизіи Авдотьи Ивановой за симъ поступаетъ въ продажу означенныя сорокъ душъ съ женами ихъ вдовами дѣвками и съ рожденными отъ нихъ послѣ седьмой ревизіи обоего пола дѣтьми съ пасынки внучаты пріѣмышами съ бѣглыми изъ онаго числа буде таковыя окажутся съ пожилыми и заработанными за нихъ дѣньгами и всякими исками въ пользу ея покущицы съ господскимъ и крестьянскимъ всякаго рода строеніемъ съ прудомъ садами разнаго рода деревьями и ихъ крестьянскимъ всякаго рода имуществомъ со скотомъ рогатымъ господскимъ и крестьянскимъ крупнымъ и мелкимъ съ лошадыми и со птицы; также

господскимъ и крестьянскимъ съ хлѣбомъ въ гумнахъ стоячимъ молоченнымъ немолоченнымъ и въ землю посяннымъ и всѣми вообще заведѣніями съ пашенною и непашенною огородною огуменною землею съ лѣсы стѣнными покосы и со всѣми Угодья какъ <л. 158 об.> въ означенномъ сельцѣ и деревнѣ Доровой такъ равно и въ принадлежащихъ къ онымъ пустошахъ доставшихся мнѣ по той же Купчей и состоящихъ въ томъ же Уѣздѣ имянуемыхъ Нечаевской Трипольѣ Шелеповой Чертковой тожъ Хариной и Чертковой что въ оныхъ земель и всякихъ угодій слѣдуетъ по дачамъ планамъ мѣжевымъ и отказнымъ Книгамъ по справкамъ вотчиннаго департамента и по нынѣшнему Генеральному Земель размѣжеванію и во владѣніи моемъ и означенныхъ крестьянъ состоитъ и ему по упомянутымъ раздѣламъ принадлежитъ все безъ остатка, буде окажутся съ примерными и насильно завладѣнными землями и за все то исками въ пользу ея покупицы однимъ словомъ не оставляя я продавица за собою во ономъ сельцѣ и деревнѣ Доровой изъ людей и крестьянъ кромѣ выговоренныхъ девокъ ни единыя души а земли и всякихъ угодій какъ во ономъ сельцѣ и деревнѣ такъ и въ поименованныхъ пустошахъ ни единыя сажени, но все безъ остатка, сверхъ сего въ продажу сію поступаетъ дворовой человекъ Григорій Васильевъ съ женою его Федосьею Яковлевою и съ детьми рожденными послѣ седьмой ревизіи сыновьями Павломъ и Владимиромъ доставшимися мнѣ по купчей въ тысяча восемь сотъ двадцать шестомъ году отъ штабсъ Капитана Ивана Степанова сына Степанова написаннаго по седьмой ревизіи за бригадиромъ Николаемъ Васильевымъ Измайловымъ при московскомъ домѣ полковницы Пушкиной состоящемъ въ Пятницкой части котораго съ написанія сей Купчей для платежа податей перечислить ей покупицу за собою къ покупаемому имѣнію; а взяла я продавица съ нее покупицы за оное свое недвижимое имѣніе дѣнегъ Государственными ассигнаціями двадцать девять тысячъ рублей а за двороваго человека съ женою и дѣтьми ихъ тысячу рублей а всего Государственными ассигнаціями тридцать тысячъ рублей съ коей суммы пошлины платитъ ей покупицу, а напредъ сей купчей оное мое недвижимое имѣніе и дворовой человекъ отъ меня иному никому не продано не заложено и ни у кого ни въ какихъ крѣпостяхъ не укрѣплено и ни за что не отписано а буде кто во оное по какимъ крѣпостямъ или почему ни есть станетъ вступаться, то мнѣ продавицѣ и наслѣдникамъ моимъ ея покупицу и наслѣдниковъ ея отъ тѣхъ вступщиковъ и отъ всякихъ Крѣпостей очищать по Указамъ и убытковъ въ томъ никакихъ не доставить, и о написаніи въ сей Купчей договорной цѣны безъ утайки продавицѣ и покупицѣ Указъ 1752 года Юля 29 дня при семъ объявленъ <л. 159> сама продавица и свидѣтели изъ дворянъ титулярный Совѣтникъ Григорій Михайловъ сынъ Полянскій, Титулярные Совѣтники Кавалеръ Петръ Ивановъ Керцелли, Николай Ивановъ сынъ Маринскій Владимиръ Николаевъ сынъ

*Симановскій, Василій Васильевъ сынъ Васильевъ, Капитанъ Романъ Яковлевъ Фроловъ, Коллежскіе Секретари Павелъ Ивановъ сынъ Семенчиновъ и Дмитрій Алексѣевъ сынъ Божуковъ руки приложили Купчую писалъ Коллежскій Секретарь Михотинъ, по резолюціи палаты, а записалъ Донарскій, листъ крѣпилъ Секретарь Набоковъ совершить по Указамъ, пошлинь 1200^р съ акта 10^р итого 1210^р на припѣчатаніе въ сенатскихъ прибавленіяхъ съ полупроцѣнтными 10^р 5^{ко} въсовыхъ 6^р 40^{ко} итого 16^р45^{ко} а всего тысячу две-
сте двадцать шесть рублей сорокъ пять копѣекъ и для производства Гер-
бовой бумаги восемь листовъ. Принялъ Казначей <подпись нрзб.> Совершилъ
Надсмотрщикъ Вороновъ.*

*Къ сей записку Коллежская Ассессорша Марья Федорова дочь Достоевская
руку приложила того жъ числа.*

*Къ сей записки Коллежская ассессорша Ольга Алексѣева дочь Глаголевская
руку приложила и купчую къ себѣ взяла тогожъ числа. <л. 159 об.>*

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90038 Достоевский («Даровое Достоевского: Документальные источники, биография, творчество»).

- 1 Книга Московской Палаты Гражданского Суда 2-го Департамента, Крепостной Экспедиции на записку купчих в продаже недвижимого имения на 1829 год. По иногородной части. Том 1. ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 887. Л. 103 об.—105.
- 2 Книга Московской Палаты Гражданского Суда 2-го Департамента, Крепостной Экспедиции на записку купчих в продаже недвижимого имения на 1831 год. По иногородной части. Том 1. ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1678. Л. 158 об.—159 об.
- 3 Хотяинцев Петр Васильевич — сын Василия Иевлевича Хотяинцева, упоминаемого в более ранних документах (экономических примечаниях к планам генерального межевания, алфавитах дачам генерального межевания, метрических книгах и пр.) как владелец села Моногарова, сельца Дарового, деревень Даровой и Черемошни, а также целого ряда пустошей.
- 4 Хотяинцев Павел Петрович владел частью соседнего с Даровым села Моногарова и имел свою часть в дачах сельца Дарового и деревни Даровой, вышел из владельцев означенных дач по разделу 1847—1851 гг. (ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 43).
- 5 Возможно, имеется в виду Александр Иванович, внук Василия Иевлевича Хотяинцева, с 20-х гг. XIX в. владелец деревни Черемошни, которую продал в 1833 г. М. А. Достоевскому (Закладная М. А. Достоевского А. А. Куманину от 1833 г. // ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1681. Л. 43).
- 6 Седьмая ревизия проводилась в Каширском уезде в 1816 г. (ЦГА Москвы. Ф. 1247. Оп. 3. Д. 3).
- 7 ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 887. Л. 104.
- 8 Н. Д. Фетисов упоминается как вольный хлебопашец в ряде документов, относящихся к 1847—1850 гг., и как участник полюбовного размежевания дачи д. Даровой, в ходе которого ему был выделен участок размером в 24 десятины в даче д. Даровой под номером 1.

- а) ЦГА Москвы. Ф. 1243. Оп. 1. Д. 44. Дело Каширского посредника 2-го участка о специальном размежевании дач и деревни Даровой 31 августа 1847 — 17 августа 1850 гг.;
- б) ГАТО Ф. 291 оп. 7/39 № 1367 № 39. Межевая книга первого и второго участков деревни Даровой. 1850 г.;
- в) РГАДА Ф. 1354. Оп. 541. Часть 2. 1905 г. «Специальный Алфавит Тульской Губернии Каширского Уезда Хранящимся в Чертежном Архиве планам с книгами». Л. 19.
- 9 ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 887. Л. 104 об.
- 10 Книга Московской Палаты Гражданского Суда 2-го Департамента, Крепостной Экспедиции на записку купчих в продаже недвижимого имения на 1831 год. По иногородной части. ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1678. Том 1. Л. 158 об. — 159 об.
- 11 ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1678. Л. 158 об.
- 12 ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1678. Л. 159.
- 13 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 112.
- 14 ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 887. Л. 104.
- 15 ЦГА Москвы. Ф. 50. Оп. 14. Д. 1678. Л. 159.
- 16 См.: Книги и планы межевания, дела по любовному размежеванию сельца Дарового и д. Даровой.

Список литературы

1. Варенцова Е. М. Достоевские в Даровом (по материалам рукописного отдела Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 3. — С. 5–17 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1570191800.pdf (18.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4121
2. Достоевский А. М. Воспоминания. — СПб.: Андреев и сыновья, 1992. — 397 с.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1981. — Т. 22. — 407 с.
4. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских: письма М. А и М. Ф. Достоевских. — М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1939. — 158 с.
5. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского: из истории русской художественной культуры XX века. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 464 с.

Tatyana N. Demytyeva

*The Zaraysk Kremlin State Museum-Reserve
(Zaraysk, Russian Federation)*

darovoe-dostoevsky@yandex.ru

Lyubov A. Voronkina

*Hephaest Restoration and Construction Company LLC
(Moscow, Russian Federation)*

voronkina.la@yandex.ru

Two Bills of Sale for Darovoe, the Dostoevsky Family Estate

Acknowledgement. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90038 Dostoevsky («Dostoevsky’s Darovoe: Documentary Sources, Biography, Work»).

Abstract. The parents of F. M. Dostoevsky purchased an estate in the Kashirsky district of the Tula Province in 1831. It comprised the village of Darovoe and the hamlet of Darovaya. This purchase is known both from the memoirs of A. M. Dostoevsky, and from numerous indirect sources: metric books of the Church of the Descent of the Holy Spirit in the village of Monogorovo (parish church of the village of Darovoe), census records, family correspondence of the Dostoevskys and Ivanovs, etc. However, none of these sources provides sufficiently complete information about when and from whom Darovoe was bought, as well as what it was. In the proposed publication, previously unknown first official documents are introduced into scientific circulation. They allow to clarify the dates and conditions of the purchase of Darovoe by the Dostoevskys — bills of sale for the village of Darovoe and the hamlet of Darovaya, dated 1829 and 1831, that are stored in the reserves of the Central State Archive of Moscow.

Keywords: bill of sale, village of Darovoe, hamlet of Darovaya, Dostoevsky, I. P. Khotyaintsev, O. A. Glagolevskaya, M. F. Dostoevskaya, new archival documents

About the authors: *Demytyeva Tatyana N.* — Head of Department of Museum-estate of F. M. Dostoevsky «Darovoe», The Zaraysk Kremlin State Museum-Reserve (ul. Museum, Kremlin, Zaraysk, 140600, Russian Federation); *Voronkina Lyubov A.* — landscape architect-restorer, LLC «Restoration and Construction Company “Hephaest”» (per. Milyutinsky, 10, building 2, office 36, Moscow, 101000, Russian Federation)

Received: February 26, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Demytyeva T. N., Voronkina L. A. Two Bills of Sale for Darovoe, the Dostoevsky Family Estate. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 24–37. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4741 (In Russ.)

References

1. Varentsova E. M. Dostoevsky in Darovoe (Based on the Materials of the Manuscript Department of the Russian Literary History State Museum Named After V. I. Dahl). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 3, pp. 5—17. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1570191800.pdf (accessed on January 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4121 (In Russ.)
2. Dostoevskiy A. M. *Vospominaniya [Memories]*. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1992. 397 p. (In Russ.)

3. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1981, vol. 22. 407 p. (In Russ.)
4. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh* [In the Dostoevskys Family and Estate: Letters of Mikhail A. and Maria F. Dostoevsky]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)
5. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo: iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [The Moscow World of Dostoevsky. From the History of Russian Art Culture of the 20th Century]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 464 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j9.art.2020.4641

УДК 930.25+94(47).073+821.161.1

Е. Д. Маскевич*Российский государственный исторический архив (РГИА)
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

spb-collects@yandex.ru

Б. Н. Тихомиров*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

btikhomirov@rambler.ru

Петрашевцы после Семеновского плаца, комендант Набоков и император Николай I (Новые штрихи к биографии Михаила и Федора Достоевских)*

Аннотация. Публикация основана на документах, обнаруженных авторами в Российском государственном историческом архиве, которые содержатся в фонде Управления коменданта Санкт-Петербургской крепости, в Деле «Об арестантах, бывших под следствием за злоумышление в 1849 году». Большая часть документов приурочена к периоду между 22 декабря 1849 г. (инсценировка обряда смертной казни над петрашевцами на Семеновском плацу) и 9 января 1850 г. (прибытие Достоевского, Дурова и Ястржембского в Тобольск). Самый поздний документ датирован 4 февраля 1850 г. Статья состоит из трех частей, каждая из которых вносит новые подробности в биографию братьев Федора и Михаила Достоевских в означенный период. В первом разделе публикуются документы, раскрывающие обстоятельства, предшествовавшие свиданию братьев Достоевских 24 декабря 1849 г., перед отправкой Федора в Сибирь, в котором первоначально им было отказано. Это ходатайство коменданта Петропавловской крепости Набокова, направленное на имя Военного министра, с просьбой разрешить родственникам петрашевцев свидания с ними перед отправкой в места отбывания наказаний, а также последовавшее после всеподданнейшего доклада министра Всемиловитвейшее разрешение на сей счет Николая I. Во втором разделе в научный оборот вводятся документы, знакомящие с инициативой императора о выплатах денежных вспоможений семьям осужденных петрашевцев, а также семейным и многодетным петрашевцам, привлеченным к дознанию и временно заключенным в крепости. В контексте этих документов снимаются подозрения о «нескромном поведении» на следствии М. М. Достоевского, высказанные ранее некоторыми исследователями (А. С. Долинин, Л. П. Гроссман). В третьем разделе публикуется квитанция, выданная «преступнику Достоевскому», согласно которой у него при этапировании отобраны 100 рублей собственных денег, а также документ, подтверждающий получение этой суммы в Тобольском приказе о ссыльных. Рассматривается вопрос о происхождении и дальнейшей судьбе этих денег.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. М. Достоевский, петрашевцы, Российский государственный исторический архив, канцелярия коменданта Петропавловской крепости, этапирование в Сибирь, Тобольский приказ о ссыльных, денежные вспоможения петрашевцам

Об авторах: *Маскевич Екатерина Дмитриевна* — ведущий научный сотрудник, Российский государственный исторический архив (РГИА) (Заневский пр., 36, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 195112); *Тихомиров Борис Николаевич* — доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (Кузнечный пер., 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002)

Дата поступления: 02.02.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Петрашевцы после Семеновского плаца, комендант Набоков и император Николай I (Новые штрихи к биографии Михаила и Федора Достоевских) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 2. — С. 38–68. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4641

1

22 декабря 1849 г. после возвращения с Семеновского плаца, где ему и еще двадцати петрашевцам был прочитан смертный приговор, оказавшийся через несколько минут трагическим фарсом, разыгранным по сценарию императора Николая I, Достоевский, описав в письме к брату Михаилу весьма сжато (увы!) произошедшее событие, далее сообщает:

«Сейчас мне сказали, любезный брат, что нам сегодня или завтра отправляться в поход. Я просил видетсья с тобой. Но мне сказали, что это невозможно; могу только я тебе написать это письмо, по которому поторопись и ты дать мне поскорее отзыв»¹.

Под «походом» писатель подразумевает здесь отправку в Сибирь, на каторгу. Известно, что это произошло не в день экзекуции и не на следующий день², а спустя двое суток, поздним вечером 24 декабря 1849 г.³ Известно также, что, вопреки приведенному утверждению в письме к брату о запрете свиданий, встреча и прощание их перед разлукой — буквально в последний час перед тем, как Достоевского заковали в кандалы и в санях с жандармом и фельдъегерем отправили из крепости, — всё же произошли. Об этом довольно подробно рассказал в своих воспоминаниях А. П. Милюков, присутствовавший при свидании братьев.

В биографической литературе распространено мнение, что Михаил Достоевский все-таки проявил инициативу и *по его ходатайству* «комендант разрешил им последнюю встречу» [Гроссман: 158]. Однако существует и другое объяснение. В. А. Энгельсон в записке, составленной им по просьбе А. И. Герцена для французского историка Ж. Мишле, излагает события так. Отправка петрашевцев к местам отбывания наказаний была назначена на следующий день после «фарса» (слово Энгельсона) на Семеновском плацу:

«Родственники думали, что им будет позволено, как это делалось со времени приговора заговорщикам 14 декабря 1825 г., проститься с осужденными, и столпились около крепости. Но комендант Набоков объявил им, что не может разрешить свиданий, **не получив предварительно разрешения от государя**. А как добиться его? Обратились к графу Орлову, человеку, которого Николай представлял неаполитанскому королю как „своего близкого друга“. Граф Орлов совершенно отказался передать государю просьбу несчастных родственников. Попробовали просить императрицу

ходатайствовать за них перед царем — она тоже побоялась. Тогда, в отчаянии, родственники бросились опять к генералу Набокову. Наконец этот ворчун 1812 года, который за свирепой солдатской и отталкивающей внешностью скрывал не вполне извращенное и полное благочестия сердце, решил осмелиться и, осенив себя крестным знамением, рискнул войти в кабинет царя. Он **получил милостивое разрешение** дать родителям проститься с детьми»⁴.

Записка Энгельсона, однако, источник весьма ненадежный. В ней много легендарного, много грубых искажений общеизвестных фактов. Вот как, в частности, изображается экзекуция на Семеновском плацу (датируемая, кстати, 23 декабря):

«В этот день, когда утренний туман еще не успел рассеяться, войска большими колоннами выстроились на Семеновском плацу. Они образовали параллелограмм вокруг **эшафота, состоявшего из подмостков, к которым приделано было семь виселиц**».

Этот ляпсус повторяется вновь с появлением петрашевцев:

«Привезя на Семеновский плац, их поставили на эшафот и прочитали смертный приговор, вынесенный судом; затем на них надели саваны с капюшонами, падавшими на лицо, и **поставили по трое к виселицам**».

«По трое» к семи «виселицам» — значит, всех петрашевцев скопом! Вне какой-либо логики изложения затем сообщается: «...из рядов каждого батальона вышли **солдаты с ружьями**, приблизились к осужденным и стали **целиться**. Воцарилось гробовое молчание... Но отчего солдаты так долго не стреляют? Может быть, для того, чтобы продлить у осужденных предсмертную тоску?» и т. д.⁵

Противоречия в изложении Энгельсона бросаются в глаза. Поэтому исследователи не торопятся выбирать из его путаных утверждений крупинцы истины. Сошлемся, в частности, на И. Л. Волгина, который, собрав в своей капитальной монографии «Пропавший заговор» в главе под названием «Прощай, брат!» обширный свод документальных, эпистолярных, мемуарных и иных свидетельств о свидании братьев Достоевских 24 декабря 1849 г. и обстоятельствах, сопутствующих этому событию, не посчитал необходимым включать в него указание Энгельсона на то, что комендант Набоков ходатайствовал перед императором Николаем I о разрешении родственникам ссылаемых петрашевцев попрощаться с ними перед отправкой из крепости (см.: [Волгин: 648–651])⁶.

Нам известен только один случай, когда современный автор, излагая данный эпизод, апеллирует к свидетельству В. А. Энгельсона. Это новейшая

биография Достоевского, написанная Л. И. Сараскиной и вышедшая несколькими изданиями в серии «Жизнь замечательных людей». Предваряя рассказ о свидании братьев, исследовательница частью пересказывает, частью цитирует записку Энгельсона (со слов: «Наконец этот ворчун 1812 года...» — и до заключения: «Он получил милостивое разрешение дать родителям проститься с детьми»). Рефлексии по поводу надежности используемого источника в изложении Л. И. Сараскиной нет (см.: [Сараскина: 242]).

Насколько оправдан такой ход в строго документальном жанре, в котором строит свое повествование исследовательница? Вопрос этот может показаться риторическим. До последнего времени не было известно источников, которые могли бы подтвердить или опровергнуть версию Энгельсона. Существует, впрочем, свидетельство петрашевца Н. С. Кашкина о том, что его матушка, Евгения Ивановна Кашкина, вечером 22 декабря обратилась к императору с «всеподданнейшим прошением», и «ей и ее мужу <...> было разрешено свидеться с сыном в крепости в течение утра 23 декабря»⁷ (в этот день его отправляли в Ставрополь). Но это всё же другая история, частный случай, хотя здесь тоже варьируется тема ходатайства перед Николаем I⁸.

Подвести под этот вопрос строго научное основание позволяют документы, обнаруженные нами в Российском государственном историческом архиве (РГИА), в фонде Управления коменданта С.-Петербургской крепости (так официально называлась Петропавловская крепость), в Деле № 156 «Об арестантах, бывших под следствием за злоумышление в 1849 году».

Первый из них, никогда прежде не бывший в печати, — *отпуск обращения генерал-адъютанта И. А. Набокова на имя Военного министра (князя А. И. Чернышева)*. Вот его текст:

«Родители, жены, родственники осужденных преступников просят меня неотступно дозволить им проститься с ними.

Снисходя к слезам просителей, я имею честь покорнейше просить Вашу Светлость, не благоугодно ли будет исходатайствовать на сие у Государя Императора Высочайшее соизволение.

Подписал генерал-адъютант Набоков

Верно *Емельянов*

22 декабря 1849 г.

Г-ну Военному министру»⁹.

На сей документ на следующий день был получен ответ, также впервые вводимый в научный оборот:

«Министерство Военное.

Департамент Инспекторский.

Канцелярия.

Стол II

“23” декабря 1849

№ 275

весьма нужное

Господину Коменданту
С.-Петербургской крепости
Дежурного генерала Главного штаба
Его Императорского Величества
Рапорт

Государь Император, по всеподданнейшему докладу записки Вашего Высокопревосходительства, Всемилоостивейше соизволил разрешить: дозволить родителям, женам и родственникам осужденных преступников видаться с ними в крепости, но не иначе как в присутствии Вашем или плац-майора.

О Высочайшем разрешении этом, по поручению господина Военного Министра, поспеваю иметь честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства.

Генерал-адъютант *Игнатъев*».

На верхнем поле входящий номер: «Канц<елярия> ком<енданта> № 437». В правом верхнем углу помета: «Получ<ено> 23 декабр<я> 1849 г.»¹⁰.

Таким образом, свидетельство В. А. Энгельсона, вопреки ожиданиям, оказалось достоверным. Но — лишь отчасти. Реальный факт, как это часто бывает, оброс под его пером слухами. Ходатайство перед императором на самом деле имело место. Были ли попытки родственников осужденных обратиться к Николаю I через посредство шефа жандармов графа А. Ф. Орлова или императрицу Александру Федоровну, сказать затруднительно. Но «старый ворчун 1812 года», как называет Энгельсон генерал-адъютанта Ивана Александровича Набокова, действительно инициировал обращение к императору, однако действуя не напрямую, а — строго по субординации. Он отнюдь не «рискнул войти в кабинет царя», но направил записку Военному министру светлейшему князю А. И. Чернышеву. Тот представил ее во всеподданнейшем докладе и получил Всемилоостивейшее соизволение.

Любопытно, что несколько ранее почти буквально в тех же словах Николай I удовлетворил прошение Е. И. Кашкиной (неизвестно кем представленное), рассмотрение которого как бы уже «взрыхлило почву» для обращения Набокова и Чернышева¹¹.

Комендант Петропавловской крепости И. А. Набоков упоминает в своей записке «родителей, жен и родственников» осужденных петрашевцев, которые в течение дня 22 декабря «неотступно» просили его дозволить свидание перед разлукой. Обращался ли с такой просьбой к нему и Михаил Достоевский, сегодня уже вряд ли возможно твердо установить. Скорее всего, обращался. Во всяком случае, он *достоверно знал*, когда состоится отправка брата в Сибирь. Как можно предположить, он должен был получить об этом

известие из Петропавловской крепости, что позволяет сделать вывод о прямых контактах Михаила с канцелярией Управления коменданта. Вот как начинается в своих воспоминаниях эпизод, повествующий о прощании братьев Достоевских, А. П. Милюков:

«Осужденных отвозили из крепости в ссылку партиями по два и по три человека. Если не ошибаюсь, на третий день после экзекуции на Семеновской площади М. М. Достоевский приехал ко мне и сказал, что брата его **отправляют в тот же вечер** и он едет проститься с ним»¹².

Значит, Михаил направлялся в крепость уже к конкретно определенному времени. В изложении мемуариста, который, естественно, не мог знать всех предшествующих событий, разрешение на свидание они с Михаилом Михайловичем получают уже на месте, обратившись к плац-адъютанту Майделю¹³. Однако, судя по всему, заминка возникла в связи с тем, что официально дозволено прощаться было только родственникам. Для присутствия при свидании Милюкова потребовалось дополнительное разрешение коменданта. «Это сначала меня очень огорчило, — пишет мемуарист, — но, зная доброе сердце и снисходительность генерала Набокова, я решил обратиться к нему лично за позволением проститься с друзьями. И я не ошибся в своей надежде: комендант **разрешил и мне** видеться с Ф. М. Достоевским и Дуровым»¹⁴. Подчеркнем: Милюков вполне определенно пишет, что данное разрешение касалось именно его. Присутствие посторонних лиц «Всемиловейшим соизволением» императора не предполагалось. Тут уже была проявлена добрая воля генерала Набокова, благодаря которой мемуарная литература о Достоевском пополнилась одним из самых пронзительных эпизодов, который первый биограф писателя О. Ф. Миллер назвал «драгоценным рассказом»¹⁵. Он хорошо известен, но приведем здесь для полноты картины соответствующий фрагмент:

«Смотря на прощанье братьев Достоевских, всякий заметил бы, что из них страдает более тот, который остается на свободе в Петербурге, а не тот, кому сейчас предстоит ехать в Сибирь на каторгу. В глазах старшего брата стояли слезы, губы его дрожали, а Федор Михайлович был спокоен и утешал его.

— Перестань же, брат, — говорил он, — ты знаешь меня, не в гроб же я уйду, не в могилу провожаешь, — и в каторге не звери, а люди, может, еще и лучше меня, может, достойнее меня... Да мы еще увидимся, я надеюсь на это, — я даже не сомневаюсь, что увидимся... А вы пишете, да, когда обживусь — книгу присылайте, я напишу каких; ведь читать можно будет... А выйду из каторги — писать начну. В эти месяцы я много пережил, в себе-то самом много пережил, а там впереди-то что увижу и переживу, — будет о чем писать...

Можно было подумать, что этот человек смотрел на свою будущую карьеру, точно на какую-нибудь поездку за границу, где ему предстоит любоваться красотами природы и памятниками искусства и знакомиться с новыми, привлекательными людьми, при полной свободе и со всеми средствами и удобствами путешественника. Он как будто не думал о том, что должен провести четыре года в “Мертвом доме”, в цепях, вместе с людьми, выброшенными из общества за страшные преступления...»¹⁶.

Чтобы не снижать пафос эпизода, А. П. Милюков не касается здесь «низкой прозы». Но отметим по другим источникам, что в ходе этого свидания М. М. Достоевский получил личные вещи брата: кроме книг и бумаг — главным образом верхнюю одежду, в которой восемь месяцев назад Федор был арестован. Сохранились две описи вещей Достоевского. Первая — в том же Деле Управления коменданта Петербургской крепости:

«ОПИСЬ

Принадлежащим вещам и деньгам № 9 Достоевского¹⁷;
1849 года 22-го декабря

Звание вещам	Сколько числом
денег имеется 51 коп. серебром	
шинель на вате	1
сюртук суконный	1
брюки триковые	1
пальто	1
Жилет	1
Рубаха	1
подштанники	1
подтяжки резинковые	1
платок шейный	1
Шарф	1
платок носовой	1
Сапоги	1
чулки	1
шляпа пуховая	1
книг разных	28
тюк запечатанный с разными вещами	1» ¹⁸

Этот перечень был составлен в день экзекуции на Семеновском плацу. Достоевский, как и другие петрашевцы, был взведен на эшафот в собственной одежде — той, в которой был арестован 23 апреля. Через два дня, 24 декабря, была составлена другая опись, уже гораздо более краткая, включавшая лишь запечатанный тюк с бумагами и вещами; шинель на вате, пальто, сапоги, шляпу пуховую и 28 книг. Эта опись подшита уже

в Деле Алексеевского рavelина. Она сопровождается собственноручной распиской арестанта: «Означенные по сей описи вещи и тюк с разными моими вещами получил и передал брату моему Михайле Михайловичу Достоевскому. Федор Достоевский» (цит. по: [Бельчиков: 246–247])¹⁹.

Здесь же и расписка М. М. Достоевского: «Означенные в сей описи вещи получил подпоручик Достоевский» (цит. по: [Бельчиков: 246]).

Из одежды, как можно понять, передавались только крупные вещи, верхняя одежда. В запечатанном тюке находились рукописи («бумаги») — «черновой план драмы и романа и оконченная повесть “Детская сказка”» (Д30; 28; 162). Под «Детской сказкой» подразумевается повесть, напечатанная в 1857 г. в «Отечественных записках» под названием «Маленький герой». Наброски к другим произведениям не сохранились. В письме к брату Михаилу из Омска, написанном в феврале 1854 г., сразу же по выходе из острога, Достоевский спрашивает: «Получил ли ты мою „Детскую сказку“, которую я написал в рavelине?» (Д30; 28; 174). О том, что рукописи были у него «отобраны» по возвращении с Семеновского плаца, Достоевский писал брату в письме от 22 декабря 1849 г., еще не рассчитывая на личную встречу. При прощании он, судя по приведенным документам, передал тюк с бумагами Михаилу *из рук в руки*. Но готовившие отpravку писателя в Сибирь служители Алексеевского рavelина, не предполагая появления родственников Достоевского, запечатали тюк заранее. Отсюда вопрос и беспокойство писателя: сохранилась ли «Детская сказка»?

2

Второй блок документов из Дела № 156 в каком-то отношении продолжает тему, начатую блоком первым, — участие императора Николая I в судьбах петрашевцев после «трагического фарса» на Семеновском плацу. Однако раньше, чем мы обратимся непосредственно к обнаруженным нами архивным свидетельствам, важно обозначить одну биографическую проблему, касающуюся прежде всего М. М. Достоевского, для рассмотрения которой данные документы задают исключительно важный контекст.

Как хорошо известно, в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г. в числе тридцати четырех лиц, арестованных за участие в социалистическом кружке М. В. Петрашевского, вместо старшего брата писателя — Михаила Достоевского, посещавшего собрания петрашевцев на Покровской площади, ошибочно был арестован и помещен в каземат № 1 Зотова бастиона Петропавловской крепости младший брат — Андрей, совершенно непричастный к этому делу. Ошибка была обнаружена Секретной следственной комиссией лишь через десять дней. 3 мая 1849 г. председатель Комиссии генерал-адъютант И. А. Набоков поставил в известность о возникшей ситуации Военного министра князя А. И. Чернышева, тот доложил Его Императорскому Высочеству

наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу, который 4 мая распорядился «губернского секретаря Андрея Михайлова *Достоевского* освободить из-под ареста и, возвратив ему опечатанные у него бумаги, отправить к своему месту, а брата его Михаила *Достоевского* арестовать немедленно и передать в распоряжение Секретной следственной комиссии»²⁰. В ночь с 5 на 6 мая М. М. Достоевский был арестован и помещен в Петропавловскую крепость, в каземат № 7 куртины между бастионами Трубецкого и Екатерины. В свою очередь А. М. Достоевский был выпущен на свободу.

Благодаря возникшей путанице Михаил Достоевский был арестован на двенадцать дней позже большинства других петрашевцев. Возможно, он воспользовался этим временем, чтобы уничтожить какие-то улики, которые могли сыграть в отношении его роковую роль. Во всяком случае, известно, что он сжег какую-то часть домашнего архива.

В первый же день после ареста, 6 мая, М. М. Достоевский был допрошен Следственной комиссией. В протоколе заседания № 9 записано: «Допрашивали Достоевского 2-го. Отставной прапорщик²¹. Бывал у Петрашевского и уверяет, что у него собирались только для веселья. Но потом просил разрешения припомнить и изложить их [так!] на бумаге»²². Развернутые показания М. М. Достоевского на шести страницах датированы 10 мая²³. Затем в течение двух недель он был еще вызываем в Следственную комиссию для устных расспросов. 28 мая председатель Комиссии для разбора бумаг и книг арестованных статс-секретарь А. Ф. Голицын сообщил Следственной комиссии, что «в бумагах отставного подпоручика Михаила Достоевского не оказалось ничего относящегося к известному делу, ниже заслуживающего внимания»²⁴. После этого еще почти месяц М. М. Достоевский находился в заключении. В конечном счете, по Высочайшему повелению Предписанием Военного министра № 520 от 24 июня 1849 г. Михаил Достоевский был освобожден из Петропавловской крепости. Этому решению предшествовал следующий документ:

«Секретно

Господину Военному министру
Председателя Секретной Следственной комиссии,
Высочайше учрежденной в С.-Петербургской крепости,
Генерал-адъютанта Набокова

Рапорт

Следственная комиссия, по соображении показаний, отобранных от уволенного от службы подпоручика *Достоевского 2-го* и показаний о нем других арестованных лиц, находит, что Достоевский, познакомившись с Петрашевским случайно через брата, хотя сначала посещал его иногда, но в последнее время, пред арестом, был у него только один раз и никакого участия при происходивших там разговорах никогда не принимал, равным

образом он, Достоевский, бывал у коллежского асессора Дурова на музыкально-литературных вечерах, учредившихся в марте месяце сего года, которые, когда начали было в последнее время получать направление политическое по влиянию Филиппова и Момбелли, то Достоевский тотчас же настоятельно изъявил свое мнение о прекращении этих вечеров как отклоняющихся от настоящей своей цели; кроме того, он один раз зазван был братом своим к Спешневу на обед, на котором читана была поручиком Григорьевым статья под названием "Солдатская беседа", коей он, Достоевский, не только не сочувствовал, но еще, как удостоверяет и сам Григорьев, советовал ему уничтожить это гнусное сочинение. В бумагах Достоевского ничего подозрительного не оказалось. Убеждаясь из сего, что Достоевский не только не имел никаких преступных намерений против Правительства, но даже им противодействовал, и принимая в соображение чахоточное его расположение, которое от двухмесячного ареста усиливается, равно как и тяжкое положение его семейства, которое он пропитывает своими трудами, Комиссия признает возможным ныне же освободить его из-под ареста, испросив на это Всемилоостивейшее Его Императорского Величества соизволение.

О таком определении Комиссии имею честь донести Вашему Сиятельству, покорнейше прося о последующем почтить меня предписанием.

Подписал генерал-адъютант Набоков.

№ 51-й

21 июня 1849 года»²⁵.

Документ этот, не включенный в Следственное дело М. М. Достоевского²⁶, публикуется впервые.

В 1928 г. А. С. Долинин в примечании к одному из писем Ф. М. Достоевского опубликовал обнаруженное им в делах «департамента полиции» письмо М. М. Достоевского, датированное 30 июля 1849 г. и адресованное Управляющему III Отделением генерал-лейтенанту Л. В. Дубельту, которым брат писателя, отвечая на письмо к нему начальника штаба Корпуса жандармов, почтительнейше подтверждал, что получил всемилоостивейше пожалованные ему двести рублей серебром²⁷. При первой публикации А. С. Долинин оставил это письмо без комментариев.

Однако в 1935 г. в предисловии к публикации писем Михаила Достоевского к брату А. С. Долинин, почему-то представив это же самое письмо к Дубельту как «неопубликованное», использует его для такой, мягко говоря, двусмысленной характеристики М. М. Достоевского, сообщая, что тот «был введен в общество петрашевцев, увлекался Фурье и вместе со всеми петрашевцами попал в Петропавловскую крепость. Но почему-то он, один из немногих, через два месяца был освобожден и даже получил, как невинно пострадавший, от Дубельта, шефа жандармов, пособие. Так благополучно

кончилось его увлечение утопическим социализмом, и наступило уже окончательное отрезвление» [Долинин: 506].

Позднее еще определеннее развил эту тему Л. П. Гроссман. В 1930 г. были опубликованы воспоминания А. М. Достоевского, в которых младший брат писателя, в частности, рассказал эпизод о том, как в Екатеринославе, где он служил, некий Краевский, ссылаясь на сведения, полученные им в Петербурге, распространял слухи о том, что он, Андрей Достоевский, «предатель своих братьев», что в 1849 г. «он предал своих двух братьев по делу Петрашевского и сам через это высвободился из дела целым и невредимым!»²⁸. Сей Краевский был уличен и разоблачен как грязный сплетник. Тем не менее это дало Л. П. Гроссману дополнительный аргумент для подозрений в отношении Михаила Достоевского.

Маститый исследователь, биограф Достоевского писал, развивая подозрение А. С. Долинина: «Неясна его [М. М. Достоевского] роль и в процессе петрашевцев. Он был арестован в мае 1849 г., но в июне освобожден с резолюцией департамента полиции: „Отставной подпоручик М. М. Достоевский не только не имел никаких преступлений против правительства, но даже им противодействовал“. Он был за это награжден императорской канцелярией. Сохранилось его письмо к начальнику III Отделения Дубельту:

“Ваше Превосходительство,
Милостивый государь
Леонтий Васильевич.

На милостивое письмо Вашего превосходительства от 16 сего июля честь имею отвечать, что всемилостивейше пожалованные единовременно в пособие деньги двести рублей серебром мною получены 28-го числа сего месяца.

С глубочайшим почтением честь имею пребыть Вашего Превосходительства покорнейшим слугою.

Михаил Достоевский

Июля 30-го 1849 года”.

Далее Л. П. Гроссман продолжает: «По воспоминаниям третьего брата, Андрея Михайловича Достоевского, также арестованного в апреле 1849 года и вскоре освобожденного по непричастности к делу, в обществе и даже в чиновничьих кругах распространялись слухи о том, что один из трех братьев (это, конечно, не мог быть Федор Михайлович, сосланный на каторгу) предал своих братьев по делу Петрашевского и сам через это высвободился из дела целым и невредимым. Это не мог быть и Андрей Михайлович, никакого отношения к обществу петрашевцев вообще не имевший и **никакой царской награды за ошибочный арест не получивший**. Такова несколько таинственная страница старинного политического процесса, которая еще ждет своего полного освещения и разрешения» [Гроссман: 310–311].

Ни А. С. Долинин, ни Л. П. Гроссман не договаривают самого последнего слова, но тенденция в освещении материалов выражена в изложении обоих исследователей вполне определенно. Причем в их интерпретации приведенных наблюдений очевиден искусственный «нажим».

Скажем, А. С. Долинин в публикации 1935 г., сообщая об аресте Михаила Достоевского, затем сугубо подчеркивает: «Но почему-то он, один из немногих, через два месяца был освобожден...» Это искажение реальной картины. Б. Ф. Егоров в специальном исследовании рисует иную картину: «...отпускались на волю явно второстепенные лица: в июне были выпущены П. А. Деев, К. К. Ольдекоп, А. А. Кузмин, М. М. Достоевский, П. Н. Латкин, в июле — А. Н. Барановский, П. И. Белецкий, А. И. Берестов, Е. Е. Бернардский, Г. П. Данилевский, Н. И. Кайданов, Д. А. Кропотков, П. И. Ламанский, А. М. Михайлов, А. Т. Мадерский, Н. А. Серебряков, А. И. Тимковский, М. Н. Чириков, А. Д. Щелков» [Егоров: 177]. И данный список не является окончательным. Исследователь продолжает: «Последний „выпуск“ из крепости до суда состоялся 26–27 сентября (отпущены П. А. Кузмин, Б. И. Утин, Э. Г. Ващенко, А. П. Беклемишев, Е. С. Есаков)» [Егоров: 177]. Таким образом, Михаил Достоевский в этом перечне оказывается одним из *двадцати четырех* выпущенных из крепости петрашевцев, то есть примерно *половины* от всех, кто был арестован.

Неизвестно, в документе «департамента полиции», из которого А. С. Долинин и Л. П. Гроссман извлекли лишь процитированную резолютивную часть, содержалась ли сопутствующая мотивировка, но в приведенном выше Рапорте председателя Следственной комиссии И. А. Набоков ходатайствует об освобождении М. М. Достоевского, также «принимая в соображение чахоточное его расположение, которое от двухмесячного ареста усиливается, равно как и тяжелое положение его семейства, которое он пропитывает своими трудами». Отметим, что еще в показаниях Следственной комиссии от 10 мая Михаил Михайлович специально подчеркнул: «Я оставил жену свою в страшном, отчаянном положении. Она недавно разрешилась от бремени и сама кормит²⁹. Несчастье, обрушившееся надо мною, может иметь на нее губительное влияние. Сверх того, мы люди бедные. Кроме рук моих и труда у семейства моего нет других средств к пропитанию» [Перлина: 265].

Выдача из казенных сумм Михаилу Достоевскому двухсот рублей серебром, бесспорно (и это документально будет обосновано ниже), была обусловлена не только тем, что он был, как с явной иронией пишет А. С. Долинин, «невинно пострадавший», но также и критическим материальным положением, в котором оказалась из-за ареста мужа и отца семья старшего брата писателя. Именно так трактует ситуацию Андрей Достоевский, который пишет в мемуарах: «За те шесть недель, которые он провел в каземате, лишенный способов зарабатывать себе деньги, ему выдано было вспоможение до 200 рублей серебром, что очень поддержали его»³⁰.

Тут исключительно важно подчеркнуть, что младший брат мог узнать об этом вспоможении старшему *только* от него самого. Значит, М. М. Достоевский не скрывал, что получил при выходе из крепости материальную помощь. Сыграй Михаил действительно «роль Иуды Искариотского»³¹, вряд ли он стал бы афишировать получение выплаты «из сумм III Отделения». Причем Андрей Достоевский был не единственным, кто знал о выплате брату двухсот рублей. Так, 5 августа 1851 г. знакомец Михаила Достоевского А. Чумиков сообщал об этом в Лондон А. И. Герцену, причем акцентировал мизерность выделенной суммы при бедственном положении семейства старшего брата писателя³².

После всего сказанного подошло время обратиться к документам, обнаруженным нами в Деле № 156 «Об арестантах, бывших под следствием за злоумышление в 1849 году». Они интересны тем, что, как уже сказано, задают для «дела» М. М. Достоевского более широкий контекст, лишаящий описанную ситуацию старшего брата писателя искусственно привнесенной исследователями исключительности, вписывая ее в более общую картину мероприятий властей в отношении арестованных петрашевцев.

Уже 23 декабря 1849 г., на следующий день после экзекуции на Семеновском плацу, в Управление коменданта Петропавловской крепости на бланке Инспекторского департамента Военного министерства (Канцелярия. Стол 2. № 1023) пришел Рапорт Дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества, в котором указывалось:

«Государю Императору угодно, чтобы Его Величеству представлено было сведение о семействах преступников, над коими вчера исполнен известный Вашему Высокопревосходительству приговор, которые истинно нуждаются в пособии.

Прося эту справку от С.-Петербургского Военного генерал-губернатора, имею честь довести о сем до сведения Вашего Высокопревосходительства, для выиграния времени»³³.

Генерал-адъютант *Игнатъев*³⁴.

Через два дня, 25 декабря, комендант Петропавловской крепости И. А. Набоков направляет отношение № 530 на имя Военного генерал-губернатора С.-Петербурга генерала от инфантерии Д. И. Шульгина:

«Дмитрий Иванович

Дежурный генерал Главного штаба Его Императорского Величества отношением от 23-го сего декабря № 1023 уведомил, что Государю Императору угодно, чтобы Его Величеству представлено было сведение о семействах преступников, которые истинно нуждаются в пособии, — и что сведения эти должны быть доставлены от Вашего Высокопревосходительства.

Собрав, через личный расспрос преступников, об остающихся семействах их и составив из сих<> более недостаточным особый список, имею честь препроводить оный к Вашему Высокопревосходительству.

Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности»³⁵.

К этому отношению был приложен

«Список

Осужденным преступникам с обозначением их семейств и состояний

№	Фамилии преступников	Члены, составляющие семейства, и какое имеют состояние?
1	Момбелли	Три сестры и мать полковника Александра Момбелли, живущие в Вязме Смоленской губернии. Состояния никакого не имеют и находятся в самой глубокой нужде.
2	Григорьев	Отец, проживающий в Нижнем Новгороде. Имеет состояние.
3	Львов	Родители: Отец подполковник Николай Львов. {Таганрогский полицеймейстер} ³⁶ с женою и дочерьми и брат, состоящий на службе подпоручиком. По отзыву прест<упника> Львова, отец его состояния никакого не имеет и обременен значительными долгами.
4	Ханыков	Имеет родителей [/кого именно прест<упник> Ханыков не обозначил/] {прожи<вающих в СПб}, от коих пользовался пособием, и о состоянии их, как не входивший в дела по имению, не знает.
5 6	Дебу 1 Дебу 2 /: братья; 1-й из них отправлен 22 декабря:!	Престарелый отец, не имеющий никакого состояния и содержащий себя с дочерью вдовою и ее сыном — пенсионом. {в Петерб<урге>}
7	Толь {в Петерб<урге <нрзб.>}	Престарелый отец, вышедший по слабости здоровья в отставку, имеет жену, двух дочерей и несовершеннолетнего сына; не имеет никакого состояния, живет в крайней бедности, нуждается даже в самом необходимом.
8	Ястржембский	Отец дворянин Лев Ястржембский и замужняя сестра проживают Минской губернии в Речецком уезде, но в каком они теперь находятся положении, того /как отозвался прест<упник> Ястржембский:/ по долговременному аресту не знает.

9	Плещеев	Мать, имеющая около 200 душ крестьянах [так!]; других детей, кроме прест<упника> Плещеева, не имеет.
10	Тимковский {[Сп] в СПб <нрзб.>}	Жена и дети: сын 4-х лет и дочь 4 месяцев {живущие в СПб}. Не имеют никакого состояния и остаются в совершенной крайности и без всяких средств к существованию, и прест<упник> Тимковский, по отзыву его, содержал семейство службою своею и литературными трудами.
11	Шапошников	Отец и мать {М. Ш.<з>}; — состояния не имеют. — Сам преступник Шапошников содержал себя от торговли и давал пособие родителям{, которые прожив<ают> в Моск<ве>}
12 13	Спешнев Кашкин	Родители их имеют состояние
14 15 16 17	Достоевский Дуров Ахшарумов Пальм	Ни семейств, ни состояния не имеют.
	Примечание.	О семействах и состоянии преступников: Буташевича-Петрашевского, Черносивитова, Филиппова, Головинского и Европеуса, за отправлением их вчерашнего /: 22-го:/ числа, неизвестно.

Генерал-адъютант (подписи нет)»³⁷.

Список этот, как можно предположить, был не единственный. Здесь он касается исключительно осужденных петрашевцев (21-го подвергнутого 22 декабря 1849 г. экзекуции на Семеновском плацу и Р. А. Черносивитова, сосланного в тот же день в Кексгольмскую крепость). Однако в следующем — итоговом для нашей темы документе — фигурируют также выпущенные ранее из крепости и несудимые: М. М. Достоевский и Е. Е. Бернадский, а также высланный в Петрозаводск в ноябре 1849 г. А. П. Баласогло.

Под датой 4 февраля 1850 г. в Деле подшит Рапорт Дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества (также на бланке Инспекторского департамента Военного министерства, за № 154, с грифом в правом верхнем углу «*Секретно*») на имя генерал-адъютанта И. А. Набокова:

«Вашему Высокопревосходительству имею честь представить, собственно для сведения Вашего, записку о вспоможениях, Всемиловнейше оказанных семействам преступников и прикосновенных по делу, производившемуся в минувшем 1849-м году, в Следственной комиссии под председательством Вашим.

Генерал-адъютант *Игнатъев*»³⁸.

Далее следует сама записка:

«О Всемиловейшем вспомоществовании, оказанном семействам преступников, над коими исполнен приговор 22 декабря 1849 года, а также семействам лиц, прикосновенных к делу о тех преступниках.

“4” февраля 1850 года.

1. Отцу преступников Дебу 1-го и Дебу 2-го, <i>отставному коллежскому советнику Дебу.</i>	В продолжение ареста преступников Дебу 1-го и Дебу 2-го отцу их производилось содержание, которое они получали на службе. Сверх того выдано ему, из III Отделения Собственной Его Величества канцелярии, 100 рублей серебром. В нынешнем феврале месяце пожаловано ему, на уплату долгов, 1177 рублей серебром, — и Всемиловейше повелено: сына живущей при нем дочери его, вдовы, принять в кадеты, если он дворянин.
2. Жене преступника <i>Тимковского</i> , с 4х-летним сыном и дочерью 4-х месяцев.	Во время содержания Тимковского в крепости выдано его жене, из сумм III Отделения Собственной Его Величества канцелярии, 125 рублей серебром. В минувшем январе месяце Всемиловейше повелено выдавать ей, негласно, по 300 руб. сер. в год; — и определить сына ее в кадеты, когда достигнет установленных для сего лет.
3. Отцу преступника <i>Толля</i> , отставному титулярному советнику.	Всемиловейше пожаловано, в единовременное пособие, 300 рублей серебром.
4. Отцу преступника <i>Ястржембского</i> , неслужащему дворянину.	Пожаловано, на уплату долгов сына, 241 рубль серебром.
5. Художнику <i>Бернардскому</i> , с женою и двумя малолетними детьми.	Во время арестования Бернардского выдавалось жене его, из III-го Отделения Собственной Его Величества канцелярии, по 50 руб. серебр. в месяц, — всего выдано 200 р. серебром. В минувшем январе месяце пожаловано ему, негласно, 500 руб. серебром.
6. Отставному инженер-поручику <i>Достоевскому</i> , с женою и четырьмя малолетними детьми.	Во время арестования Достоевского выдано жене его, из III-го Отделения Собственной Его Величества канцелярии, 100 рублей. Ему самому, по освобождении из крепости, выдано 200 р. серебром. В январе сего года пожаловано ему, негласно, 500 рубл. серебром.

7. Надворному советнику <i>Болосоогло</i> [так!], с женою и шестью малолетними детьми.	Жене Болосоогло производилось и ныне выдается содержание ее мужа, которое он получал, состоя на службе, по 59 р. 50 к. сер. в месяц. Из сумм III Отделения собственной Его Величества канцелярии выдано ей, в пособие, 351 рубль. При отправлении его в Олонецкую губернию пожаловано на переезд его семейства — 300 рублей серебром. В минувшем январе месяце жене его пожаловано, негласно, 300 руб. серебром, — и Всемиловитейше повелено сыновей, по достижении установленных лет, определить в кадеты.
--	--

Управляющий канцеляриею, старший адъютант
*полковник Соболевский*³⁹.

Первый вывод, который вытекает из приведенных документов, таков: не только несправедливым является утверждение, что Михаил Достоевский «один из немногих» «почему-то» был освобожден из крепости (на свободу была отпущена почти половина арестованных петрашевцев), но и материальное вспоможение по инициативе императора Николая I и из сумм III Отделения также получил далеко не он один.

Однако гораздо важнее, что обнаруженные нами документы вполне определенно вскрывают подлинные мотивы, которыми руководствовалась власть, и это отнюдь не «роль Иуды Искариотского», которую якобы сыграл в процессе следствия Михаил Достоевский, на что с нажимом намекали А. С. Долинин и особенно Л. П. Гроссман⁴⁰.

Здесь исключительно показательно присутствие среди тех, чьи семьи получили вспоможение, фигуры И. Л. Ястржембского, который своими показаниями Следственной комиссии настолько раздражил императора Николая I, что тот на ходатайстве Генерал-аудиториата, просившего заменить этому петрашевцу смертную казнь *четырьмя* годами каторги, наложил резолюцию: «*Ястржембского на 6 лет...*»⁴¹. «Царь не любил поляков!» — заметил по этому поводу Б. Ф. Егоров [Егоров: 193]. Укажем также, что из двадцати одного петрашевца, выведенных на Семеновский плац, император увеличил тяжесть наказания, по сравнению с ходатайством Генерал-аудиториата, только двоим — И. Л. Ястржембскому и К. И. Тимковскому, семья которого, однако, также получила материальную поддержку⁴².

Еще более важно указать, что вспоможения получили *все семейные* петрашевцы, *имевшие детей*. М. М. Достоевский здесь встает в один ряд с Тимковским, Бернадским и Баласогло⁴³. Подозревать в каких-либо неблагоприятных поступках во время следствия этих лиц (для которых, кстати, привлечение к процессу петрашевцев закончилось очень по-разному: Тимковский — на шесть лет в арестантские роты, Баласогло — отправлен в ссылку в Петрозаводск, Бернадский — отпущен подчистую) у нас нет

ровно никаких оснований. Нет никаких сомнений, что император Николай I и вообще власть руководствовались здесь пусть по-своему понимаемыми, но чисто гуманными побуждениями. Причем — подчеркнем это сугубо — оказывая свою помощь «негласно», так что представляется не вполне справедливым замечание Б. Ф. Егорова, который, оценивая это решение царя, писал: «...слишком несоразмерны были “преступления” и жестокие наказания петрашевцев, и нужно было актерски замолить грехи и показать широту души» [Егоров: 174].

Однако с итоговым заключением этого исследователя, касающимся нашей темы, мы вполне солидарны (впрочем, лишь по существу, а не по формулировке). Упомянув некоторые (далеко не все) из выплаченных в качестве вспоможения семьям арестованных сумм (без указания источника и в отношении не всех перечисленных в нашем документе лиц), далее Б. Ф. Егоров резюмирует: «В свете этих „щедрот“, отваливаемых монархом (у которого вряд ли была спокойная совесть <...>), освобождается от этического подозрения в каком-либо неблагоприятном поступке во время следствия неумышленный и обремененный семьей М. М. Достоевский, освобожденный из крепости 24 июня и получивший затем “негласную” подачку от царя — 200 рублей серебром» [Егоров: 174].

Впрочем, гораздо более авторитетный голос прозвучал в защиту Михаила Достоевского много раньше, еще в XIX в., через двенадцать лет после его смерти. «...он не дал *никаких показаний*, которые бы могли компрометировать других, с целью облегчить тем собственную участь, тогда как мог бы кое-что сказать, ибо хотя сам ни в чем не участвовал, но *знал о многом*» (ДЗ0; 22: 135). Так писал, вспоминая драматические события 1849 г., в статье с знаменательным названием «За умершего» из апрельского выпуска «Дневника писателя» 1876 г. его брат — бывший петрашевец Федор Михайлович Достоевский.

3

Третий блок документов из Дела № 156 также касается вопроса денежного. И хотя он имеет гораздо более частный характер, зато напрямую относится к самому Ф. М. Достоевскому. Начнем с воспроизведения двух документов, которые сразу же обозначают серьезную биографическую проблему:

«В Тобольский Приказ о ссыльных»

Отобранные {собст<венные> деньги} от посылаемых по Высочайшей Его Императорского Величества конфирмации в Сибирь, в каторжную работу, преступников Дурова 100 р., Достоевского 100 руб. и Ястржембского 100 руб., всего триста руб. сер., при сем с {поручиком} фельдъегерского корпуса Прокофьевым препровождая, покорнейше <прошу> о получении оных почтить меня уведомлением.

№ 512

квит. Дост. № 513, Яст. № 514, Дур. № 515»⁴⁴.

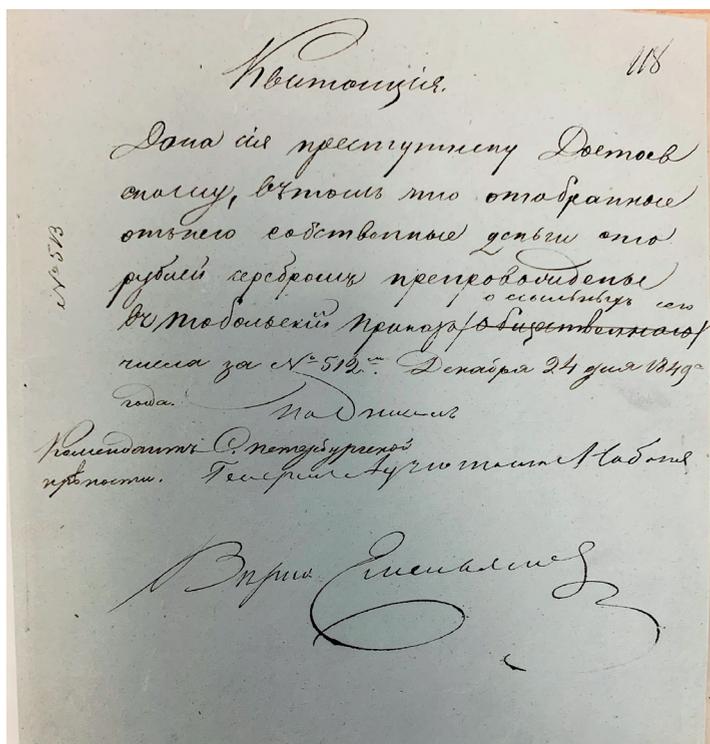
«Квитанция

Дана сия преступнику Достоевскому в том, что отобранные у него собственные деньги сто рублей серебром препровождены в Тобольский Приказ [общественного] {о ссыльных сего} числа за № 512-м. Декабря 24 дня 1849-го года.

Подписал

Комендант С.-Петербургской крепости

генерал-адъютант Набоков

Верно Емельянов»⁴⁵.

Илл. 1. Квитанция, выданная «преступнику Достоевскому», в том, что у него отобрано сто рублей собственных денег

Fig. 1. Receipt issued to “criminal Dostoevsky” in that a hundred rubles of his own money was taken from him

Казалось бы, эти документы можно просто принять к сведению. И поставить точку. Однако они плохо согласуются с другими документами, хранящимися в данном Деле, а именно с Описями личных вещей и денег заключенных в Алексеевском равелине⁴⁶, составленными после экзекуции на Семеновском плацу — 22 декабря 1849 г., в которых указано, что в день оглашения приговора у Достоевского было всего лишь 51 коп. серебром, у Ястржембского — 23 руб. 37 коп. серебром и у Дурова — 1 руб. 77 коп. серебром⁴⁷. В связи с этим возникает вопрос о происхождении указанных в квитанциях сумм собственных денег.

В письме брату Михаилу из Омска, написанном сразу же по выходе с казни, Достоевский сообщал, что некоторую сумму перед отъездом в Измаил (в письме ошибочно назван Севастополь), куда он был отправлен 22 декабря 1849 г., для него оставил его друг петрашевец Павел Филиппов: «Филиппов, уезжая в Севастополь, подарил мне 25 руб. серебр<ом>. Он оставил их у коменданта Набокова, так что и я не знал. Он думал, что у меня не будет денег. Добрая душа» (ДЗ0; 28;: 173)⁴⁸. Однако это свидетельство мало что проясняет, скорее, наоборот, больше запутывает. По описи, составленной 22 декабря смотрителем Алексеевского равелина подполковником Кс. Яблонским, у самого П. Н. Филиппова было всего лишь 25 руб. 58 коп. серебром⁴⁹. Но даже если данная опись составлена уже после того, как Филиппов передал для Достоевского половину своих средств коменданту И. А. Набокову, это никак не объясняет наличие у Достоевского на момент отправки в Тобольск *ста рублей*.

Можно предположить, что какую-то сумму при прощании передал отправляющемуся в Сибирь брату Михаил Михайлович. Такое допущение надо признать вполне естественным. Тем более что о деньгах в письме к Михаилу, написанном сразу же после Семеновского плаца, просит и сам Достоевский: «Теперь, брат, предстоит мне, может быть, далекий путь по этапу. Нужны деньги. Брат милый, как получишь это письмо и если будет возможность достать сколько-нибудь денег, то пришли тотчас же. Деньги мне теперь нужнее воздуха...» (ДЗ0; 28;: 162). Хотя факт передачи денег не упоминается ни в позднейшей переписке братьев, ни в воспоминаниях А. П. Милюкова, присутствовавшего при их прощании, возьмем эту версию на вооружение. В таком случае, казалось бы, Михаил должен был передать брату 75 рублей, которые вместе с 25 рублями Филиппова и составили бы означенную в квитанции сумму в сто рублей.

Однако и при таком допущении остается открытым вопрос о происхождении собственных денег — тоже по сто рублей — у товарищей Достоевского по этапу, Дурова и Ястржембского, у которых также 22 декабря еще не было таких денег. Дуров присутствовал при прощании братьев Достоевских, но нет никаких данных, что, например, А. П. Милюков дружески ссудил товарищу, отправляющемуся по этапу, какую-то сумму. Нет и иных сведений, что Дуров перед отъездом встречался еще с кем-то из

друзей-петрашевцев, например с А. И. Пальмом. То же надо сказать и о Ястржембском, родственники которого (отец, сестра) находились в далекой Минской губернии. В его воспоминаниях о прощании с кем-то перед этапом нет ни слова. В этой связи возникает вопрос: не имели ли оформленные квитанциями суммы, странным образом *тождественные* (трижды по сто рублей)⁵⁰, *казенного* происхождения: то есть не были ли они выданы арестантам, например, из канцелярии Управления коменданта Петропавловской крепости?⁵¹ На этот счет, впрочем, в Деле нет никаких документов.

Картина дополнительно осложняется тем, что, кроме оформленных квитанцией ста рублей, у Достоевского, Ястржембского и Дурова на этапе были и *другие деньги*.

Еще 21 декабря, накануне экзекуции, Дежурный генерал Главного штаба Его Императорского Величества П. Н. Игнатьев уведомил Рапортом коменданта Петропавловской крепости И. А. Набокова, что, по распоряжению Военного министра, тот обязан «при отправлении политических преступников, назначенных по Высочайшей о них конфирмации, в 19-й день сего декабря последовавшей на всеподданнейшем докладе Генерал-аудиториата⁵², в каторжную работу, приказать отбирать у них собственные деньги и отправлять таковые с фельдъегерями, их сопровождающими, в Тобольский приказ о ссыльных...»⁵³. Это требование приведенные выше документы и отражают.

Однако, описывая в уже упомянутом письме к брату Михаилу из Омска свой путь в Тобольск, Достоевский сообщает: «По всей дороге на нас выбегали смотреть целыми деревнями и, несмотря на наши кандалы, на станциях брали с нас втридорога. Один Кузьма Прокофьич (фельдъегерь Прокофьев. — *Е. М., Б. Т.*) взял чуть ли не половину наших расходов на свой счет, взял насильно, и, таким образом, **мы заплатили только по 15 руб. сереб<ром> каждый за трату в дороге**» (ДЗ0; 28;: 168–169). Причем, стоит подчеркнуть, некоторые дорожные траты узников были весьма прихотливыми, выходившими за рамки казенно-необходимых. Так, например И. Л. Ястржембским в Казани была куплена «бутылка хорошего рому»⁵⁴.

Может показаться, что означенные дорожные траты из собственных сумм арестантов не вступают в противоречие с описанной выше ситуацией. Вот как, например, вопрос о расходах в дороге на каторгу политических арестантов освещен в воспоминаниях поляка Ш. Токаржевского, который — также через Тобольский приказ о ссыльных — был этапирован сначала в Усть-Каменогорск, а через полгода — в Омский острог, куда прибыл тремя месяцами раньше Достоевского: «Когда мы выехали из крепости (Молвин, неподалеку от Варшавы. — *Е. М., Б. Т.*), у нас изъяли все деньги, у кого сколько было, и отдали их жандармам. Мы имели право брать деньги из этой кассы, только надо было вести точные расчеты. В Тобольске наши “капиталы” получил Иванов (сопровождающий жандарм. — *Е. М., Б. Т.*) и обязан был передать их следующему конвоиру»⁵⁵.

Однако, видимо, в каждой партии были свои порядки. Если бы в случае с Дуровым, Ястржембским и Достоевским действовал порядок, описанный Ш. Токаржевским, исходная сумма ко времени их прибытия в Тобольск должна была бы уменьшиться — со ста рублей (у каждого) до восьмидесяти пяти. Но существует документ, подтверждающий, что поручик К. П. Прокофьев, по прибытии в Тобольский приказ о ссыльных, *полностью*, под квитанцию, вместе с арестантами передал и *все триста рублей* принадлежавших им «собственных денег». Это датированное 10 января 1850 г. Донесение № 20 управляющего Приказом надворного советника Павла Кравчуновского и заседателя Ивана Анненкова⁵⁶ на имя коменданта Петропавловской крепости И. А. Набокова, в котором сообщалось:

«Вашему Высокопревосходительству Приказ о ссыльных честь имеет донести, что доставленные поручиком фельдъегерем Прокофьевым при отношении Вашем от 24 декабря прошлого 1849 года № 512 деньги, принадлежащие посланным по Высочайшей Его Императорского Величества конфирмации в Сибирь в каторжную работу преступникам Дурову, Достоевскому [так!] и Ястржембскому каждому по 100 руб., а всего три ста [так!] рублей серебром, в сем Приказе получены и записаны по книге на приход 9 числа января под № 4-м, в чем ему, Прокофьеву, и выдана оно же числа квитанция под № 21-м»⁵⁷.

Следовательно, траты на этапе по пятнадцати рублей серебром были сделаны арестантами из каких-то других сумм, которые были *в их свободном распоряжении*. Это, в частности, косвенно подтверждает и сам Достоевский, сообщавший через четыре года брату Михаилу: «11 января (на самом деле 9-го. — Е. М., Б. Т.) мы приехали в Тобольск и после представления начальству и обыска <...> у нас отобрали все наши деньги» (ДЗ0; 28;: 169). Очевидно, что здесь речь идет отнюдь не о тех деньгах, которые официальным образом, под квитанцию, передал в Управление Тобольского приказа о ссыльных фельдъегерь Прокофьев. О каких же?

В случае Достоевского можно было бы предположить, что — по недосмотру или попусшению коменданта Набокова — у него не были изъяты (под квитанцию) те 25 руб. серебром, которые оставил для него Павел Филиппов. У Ястржембского, по описи от 22 декабря, оставались еще от времени заключения 23 руб. 37 коп. серебром. Но остается необъясненным тот факт, что свободная сумма на этапе оказалась также и у Дурова. Находящиеся в Деле № 156 документы, дополненные мемуарными и эпистолярными свидетельствами, к сожалению, не позволяют разрешить вопрос о происхождении собственных денег у этапиремых из Петербурга в Тобольск петрашевцев, но зато очень четко обозначают контур означенной биографической проблемы. Возможно, новые документы прольют на нее дополнительный свет.

Какова же последующая судьба собственных денег Дурова и Достоевского? Здесь у нас тоже больше вопросов, нежели ответов. Скажем, в воспоминаниях Ф. Н. Львова воспроизведен такой диалог арестанта с начальством на пересылке в Нерчинске:

«Начальник спросил <...> не имею ли я какой денежной квитанции? (хотя это всё было ему известно из моего статейного списка, лежавшего перед ним, и из отношения тобольского приказа о ссыльных). На последний вопрос я отвечал, что у меня есть квитанция на 100 руб., отобранных у меня в Тобольске. <...> Я подал ему квитанцию и в свою очередь спросил: должен я лишиться этих денег? — “Нет, — отвечал он с улыбкою: — лишение прав так далеко не простирается; деньги эти будут отосланы в шилкинский завод, куда мы вас назначили, и вы будете получать их по мере надобности, по частям, от управляющего округом”»⁵⁸.

Также и в воспоминаниях Ш. Токаржевского сообщается, что по прибытии узников в острог, отобранные у них на этапе, «деньги <...> лежат в канцелярии, поскольку, согласно предписаниям, в Александровской крепости, впрочем, как и во всех других, каторжанам не разрешалось иметь при себе значительные суммы — они могли мелкими квотами получать деньги из канцелярии для каждой своей нужды, объяснив, на что их истратят»⁵⁹.

Казалось бы, аналогичная ситуация с собственными деньгами по прибытии в Омский острог должна была быть и у Достоевского с Дуровым. Но на этот счет у нас нет никаких документальных данных. Единственное свидетельство — «Записки из Мертвого Дома», где, однако, нет никаких упоминаний о том, что у Горянчикова (Достоевского) есть какие-то денежные средства, хранящиеся в канцелярии острога или крепости, доставленные туда официальным путем (под квитанцию), которыми арестант мог распоряжаться по мере надобности.

«При вступлении в острог у меня было несколько денег, — сообщает автор “Записок...”; — в руках с собой было немного, из опасения, чтоб не отобрали, но на всякий случай было спрятано, то есть заклеено в переплете Евангелия, которое можно было пронести в острог, несколько рублей» (ДЗ0; 4: 67). Заклеенные в переплете Нового Завета десять рублей — это деньги, полученные Достоевским (как и другими петрашевцами) от жен декабристов в Тобольске, во время их встреч в пересыльной тюрьме в январе 1850 г. По поручению Н. Д. Фонвизиной жандармский офицер, капитан Смольков, помогавший декабристкам, передал арестантам «тайные деньги вдѣланные въ книги и показалъ каждому какъ доставать и какъ опять заклѣивать»⁶⁰. Из этого свидетельства можно заключить, что в переплете Евангелия было спрятано несколько мелких купюр. Когда автор «Записок...» сообщает, что при вступлении в острог у него «в руках с собой было немного» денег, можно предположить, что речь идет о какой-то кредитке,

извлеченной из тайника в Новом Завете⁶¹. Ведь другие свободные деньги, по свидетельству Достоевского, у них были отобраны при обыске в Тобольске⁶².

О том же сообщает (со слов мужа) в черновом варианте своих воспоминаний и А. Г. Достоевская. Описывая встречу в Тобольске Достоевского с женами декабристов, она завершает: «Ф. М. провелъ съ ними весь вечеръ и на прощаньи получилъ въ подарокъ Евангеліе, въ переплетъ котораго были вклеены 15 руб. [так!] Это были единственныя деньги, имѣвшіяся у Федора Михайловича за четыре года каторги (арестантамъ не дозволялось имѣть денегъ); онѣ шли на улучшение пищи, покупку табаку и т. д.»⁶³. Анна Григорьевна не вполне точна здесь в деталях⁶⁴, но, как и в «Записках из Мертвого Дома», какие-либо иные денежные средства, которыми мог *официально* пользоваться Достоевский-каторжник, в приведенном свидетельстве также не предполагаются.

Публикуемые нами документы, причем отложившиеся в делопроизводстве как в Петербурге, так и в Тобольске, — единственный след принадлежавших Достоевскому ста рублей, которые по распоряжению Военного министра были отобраны у него 24 декабря 1849 г. при отправке в Сибирь, благополучно и в полном объеме доставлены 9 января 1850 г. фельдъегерем поручиком К. П. Прокофьевым в Тобольск и сданы под расписку управляющему Приказом о ссыльных надворному советнику П. П. Кравчуновскому. Как происхождение этих денег, так и их дальнейшая (после Тобольска) судьба остаются не установленными. Это — одно из «темных мест» биографии Ф. М. Достоевского.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90019 Достоевский («Нерешенные вопросы научной биографии Ф. М. Достоевского: новые печатные и архивные источники»).

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28. Кн. 1. С. 162. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ДЗ0* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.

² Но некоторые из петрашевцев, действительно, были отправлены в арестантские роты или в дальние гарнизоны в день экзекуции на Семеновском плацу. В частности, 22 декабря В. А. Головинский был отправлен в Троицк, П. Н. Филиппов — в Измаил, К. М. Дебу — на Аландские острова и А. И. Европеус — в Ставрополь (см.: Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге / сост. Б. Ф. Егоров. Л., 1984. С. 347, 368–369, 376, примеч.). Также 22 декабря Р. А. Черно-свитов был отправлен в Кексгольмскую крепость.

³ «Ровно в 12 часов, то есть ровно в Рождество, я первый раз надел кандалы. <...> Затем нас посадили в открытые сани, каждого особо, с жандармом, и на 4-х санях, фельдъегерь впереди, мы отправились из Петербурга», — вспоминал через четыре года Достоевский в письме к брату (*ДЗ0*; 28, : 167). А. П. Милоков, приходивший вместе с М. М. Достоевским в этот день в Петропавловскую крепость прощаться с отправляющимся по этапу писателем, корректирует это свидетельство. Предупрежденные плац-адъютантом Ю. К. Майделем о том, что Достоевский с товарищами будут отправлены по этапу вскоре после свидания («через час или даже раньше»), они остались поджидать выезда

арестантов у ворот Петропавловской крепости. «На крепостной колокольне **куранты проиграли девять часов**, — пишет Милоков, расходясь в указании времени со свидетельством Достоевского, — когда выехали двое ямских саней, и на каждых сидел арестант с жандармом» (Милоков А. П. Федор Михайлович Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 270. Здесь и далее курсивные выделения в цитатах принадлежат цитируемому автору, полужирные — авторам статьи). Достоевский пишет: «...ровно в 12 часов» (то есть в полночь), Милоков вспоминает: «...куранты проиграли девять часов». Большое доверие вызывает изложение событий сторонним наблюдателем — Милоковым. Писатель же, как представляется, пытается в позднейшем эпистолярном свидетельстве *сакрализовать* роковой, поворотный момент своей биографии: его каторжный, страдальческий путь начинается «ровно в Рождество».

⁴ Энгельсон В. А. Петрашевский // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. С. 75–76.

⁵ Там же. С. 73–74.

⁶ Отметим, что некоторые утверждения Энгельсона И. Л. Волгин в других главах все-таки изредка приводит, сопровождая их, впрочем, такими примечаниями: «Это сообщение В. А. Энгельсона нельзя считать достоверным» [Волгин: 646]. Рассказ же о ходатайстве генерала Набокова перед императором опускает полностью.

⁷ Кашкин Н. С. [Казнь петрашевцев] (в записи Н. Н. Кашкина) // Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. С. 324.

⁸ Персональное прошение Е. И. Кашкиной действительно имело место, и высочайшее соизволение на него действительно было дано еще вечером 22 декабря. В Рапорте № 272 Дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества на имя Коменданта С.-Петербургской крепости сообщалось: «Государь Император во Всемиловивейшем внимании к просьбе матери осужденного за участие в преступных замыслах Кашкина, Высочайше соизволил разрешить дозволить ей повидаться с сыном в течение завтрашнего утра, в крепости, в присутствии Вашего Высокопревосходительства или плац-майора крепости. / О Высочайшем разрешении сем поспеваю иметь честь довести до сведения Вашего Высокопревосходительства к зависящему распоряжению. / Милость эта Кашкиной вместе с сим объявлена. Генерал-адъютант *Игнатъев*» (РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 101–101 об.).

⁹ Там же. Л. 103.

¹⁰ Там же. Л. 104.

¹¹ Из двух Рапортов Дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества, доводящих до сведения И. А. Набокова Всемиловивейшее соизволение о дозволении свиданий с осужденными, первый, касающийся Кашкина, имеет исходящий № 272, второй — о всех иных осужденных — № 275.

¹² Милоков А. П. Федор Михайлович Достоевский. С. 268.

¹³ В воспоминаниях А. П. Милокова Ю. К. Майдель ошибочно именуется «плац-майором». Исправлено по изданию: Дело петрашевцев: в 3 т. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 402 (официальный документ). Также см.: Адрес-календарь: общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1852: в 2 ч. СПб., 1852. Ч. 2. С. 134–135.

¹⁴ Милоков А. П. Федор Михайлович Достоевский. С. 268.

¹⁵ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и Приложениями. СПб., 1883. С. 125, 1-я паг. (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 1).

¹⁶ Милоков А. П. Федор Михайлович Достоевский. С. 269–270.

¹⁷ Отметим, что Достоевский здесь фигурирует как арестант, содержащийся в каземате № 9. В исторической литературе приводятся сведения, согласно которым, помещенный первоначально, 23 апреля, в каземат № 9, в июле, когда был освобожден из крепости П. И. Белецкий, Достоевский был переведен в его камеру № 7 (см.: [Гернет: 221]). Однако,

как следует из данного документа, по положению на 22 декабря он вновь находится в каземате № 9, а в каземате № 7 заключен Р. А. Черносвитов (см.: РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 105, 108). Больше того, 22 июля 1849 г. комендант Набоков докладывал Дубельту, что «отставной подпоручик *Черносвитов* сего числа в С.-Петербургской крепости принят и посажен в доме Алексеевского рavelина в покое под № 7» (Там же, л. 606). О том, что писатель был заключен в казематах № 7 и 9, сообщал еще первый биограф Достоевского О. Ф. Миллер (см.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С. 109, 1-я пар.). Этот вопрос требует дополнительного изучения.

¹⁸ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 108.

¹⁹ Публикатор не указывает шифр архивного хранения, сообщая лишь, что документ хранится «в деле Алексеевского рavelина (1849 г., № 35, л. 60)» [Бельчиков: 245]. Данный автограф Достоевского в ПСС не воспроизведен и не учтен. Не учтен он также в фундаментальном «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» (см.: [Описание рукописей Ф. М. Достоевского]).

²⁰ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 266 (копия с предписания Военного министра председателю Секретной следственной комиссии, Высочайше учрежденной в С.-Петербургской крепости, г<ну> Генерал-Адъютанту Набокову от 4 мая 1849 года № 410). Также см. отношение от 5 мая Управляющего III Отделением Л. В. Дубельта коменданту Петропавловской крепости ([Перлина Н. М.] Следственное дело М. М. Достоевского-петрашеца // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1974. Т. 1. С. 257).

²¹ Ошибка. М. М. Достоевский вышел в отставку с чином подпоручика.

²² Цит. по: [Перлина: 254].

²³ См.: Там же. С. 261–265.

²⁴ Цит. по: Там же. С. 255.

²⁵ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 157. Л. 66–68 (отпуск).

²⁶ См. опись документов Следственного дела в публикации: [Перлина: 254]. Резолютивную часть в несколько иной формулировке («Отставной подпоручик М. М. Достоевский не только не имел никаких преступлений против правительства, но даже им противодействовал») по другому документу, хранившемуся в Деле № 214 1-й экспедиции департамент полиции, в 1928 г. опубликовал А. С. Долинин (Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 501, примеч.). Представляется, что формулировка «не имел никаких преступлений» является искажением текста в публикуемом нами документе («не имел никаких преступных намерений»), вызванным ошибкой либо переписчика, создававшего вторичный документ, либо публикатора.

²⁷ Достоевский Ф. М. Письма. Т. 1. С. 501, примеч.

²⁸ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л., [1930]. С. 283.

²⁹ Имеется в виду младенец Надежда Достоевская — первый ребенок старшего брата писателя, родившийся в Петербурге 8 марта 1849 г. Она умерла в младенчестве 29 октября 1850 г., прожив чуть более полутора лет (см.: [Панюкова]).

³⁰ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. С. 209.

³¹ Там же. С. 286.

³² См.: Письма к Герцену и Огареву // Литературное наследство. М., 1955. Т. 62: Герцен и Огарев, кн. 2. С. 720. Источник указан Н. М. Перлиной.

³³ Текст, заключенный в фигурные скобки, вписан позднее другой рукой.

³⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 120–120 об.

³⁵ Там же. Л. 121–121 об.

³⁶ Здесь и далее вписанный позднее текст заключается в фигурные скобки ({}), зачеркнутый — в прямоугольные ([]). Сомнительное прочтение сопровождается пометой <¿>, недоступное для прочтения — <нрзб.> (не разобрано).

³⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 122–123 (отпуск исходящего документа). Записи

в графах 2, 4, 8, 9, 12–17 и Примечание перечеркнуты карандашом. Фамилии в графах 12–17 дополнительно перечеркнуты чернилами. Оставшиеся не зачеркнутыми графы заново перенумерованы карандашом: 1–7. Это, очевидно, и есть «особый список» «более недостаточных» арестантов (точнее, основа для него).

³⁸ Там же. Л. 135–135 об.

³⁹ Там же. Л. 136–137.

⁴⁰ Публикуя материалы следственного дела М. М. Достоевского-петрашевца, взять под защиту брата писателя от голословных обвинений названных исследователей попыталась Н. М. Перлина. Однако ее аргументация представляется нам легковесной. «Эпизод этот (с получением 200 руб. — Е. Д., Б. Т.) показался исследователям загадочным и вызвал сперва осторожные вопросы, а затем и прямые утверждения: не оказался ли М. М. Достоевский нескромным в своих показаниях <...>. При этом была упущена оригинальная привычка Дубельта, памятуя об Иудиных сребрениках, выдавать доносчикам в награду денежные суммы, кратные тридцати» [Перлина: 256].

⁴¹ Петрашевцы: Сборник материалов: в 3 т. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 336.

⁴² Из явно нуждающихся семейств не получили материальной помощи лишь родственники штаб-капитана Ф. Н. Львова и поручика Н. А. Момбелли, находившиеся, согласно списку И. А. Набокова, «в самой глубокой нужде» и «обремененные значительными долгами». Можно предположить, что в данном случае сказалось особо негативное отношение Николая I к *офицерам-гвардейцам*, участвовавшим в «преступном заговоре».

⁴³ В свете этого наблюдения теряет вес и тот скрытый аргумент Л. П. Гроссмана, который он также искусственно акцентирует, когда сопоставляет ситуации Михаила Достоевского и его младшего брата Андрея, «никакой царской награды за ошибочный арест не получившего». Исследователь здесь как бы приравнивает *бессемейного* Андрея *обремененному многодетным семейством* Михаилу.

⁴⁴ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 116 (отпуск). На левом поле проставлен № 513.

⁴⁵ Там же. Л. 118 (отпуск).

⁴⁶ В Деле имеются Описи принадлежащим вещам и деньгам только семерых узников Алексеевского равелина (Толля, Филиппова, Достоевского, Ястржембского, Григорьева (Шапошникова), Дурова и Головинского) (см.: Там же. Л. 106–112).

⁴⁷ См.: Там же. 156. Л. 108, 109, 111.

⁴⁸ В новейшей биографии писателя это свидетельство истолковано так, что комендант И. А. Набоков якобы *не передал* Достоевскому деньги, оставленные для него Филипповым, и он каким-то образом узнал об этом лишь в Омске, выйдя с каторги: «Месяц, проведенный у Ивановых, позволил Достоевскому узнать новости о товарищах по эшафоту — и о тех, с кем расстался на плацу, и о тех, с кем простился в Тобольске. Узнал, что Филиппов, перед отъездом в Измаил, в арестантские роты, оставил для него у Набокова 25 рублей серебром. Добрая душа!» [Сараскина: 267]. Однако парадоксально истолкованные биографом слова писателя: «...так что и я не знал» — означают иное: что деньги Филиппова, полученные перед отъездом Достоевским, стали для него *сюпризом*.

⁴⁹ См.: РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 107.

⁵⁰ Судя по воспоминаниям Ф. Н. Львова, который был отправлен в Тобольск днем раньше Достоевского, 23 декабря 1849 г., у него также была на этапе квитанция на *сто рублей* собственных денег, отобранных у него перед выездом (Львов Ф. Н. Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного // Современник. 1861. № 9. Отд. I. С. 108; 1862. № 1. Отд. I. С. 212).

⁵¹ Такому предположению, однако, противоречит тот факт, что у Н. А. Спешнева, например, было отобрано под квитанцию 350 руб. серебром, а у Н. С. Кашкина — 300 руб. серебром собственных денег. Названные петрашевцы были из наиболее богатых семей, и эти суммы более похожи на переданные арестантам при прощании родственниками (о чем, впрочем, также нет никаких данных).

- ⁵² В исторической литературе широко распространено ошибочное указание на то, что Высочайшая конфирмация на докладе Генерал-аудиториата последовала 19 ноября 1849 г. (в действительности резолюция Николая I была нанесена на сокращенной *выписке*, подготовленной Генерал-аудиториатом). По-видимому, эта ошибка явилась следствием *опечатки*, вкравшейся в публикацию доклада Генерал-аудиториата в изд.: Петрашевы: Сборник материалов. Т. 3. С. 332. Правильная дата — 19 декабря — содержится в публикации Н. Ф. Бельчикова [Бельчиков: 172]. Публикуемый нами документ подтверждает эту дату.
- ⁵³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 83–83 об.
- ⁵⁴ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С. 126, 1-я паг. В противоречии с фактами Ю. И. Селезнев сообщает, что бутылку рома «ухитрился купить еще в Казани» сам Достоевский (Селезнев Ю. И. Достоевский. М., 1981. С. 143. Сер. «Жизнь замечательных людей»).
- ⁵⁵ Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье. Кемерово, 2007. С. 143.
- ⁵⁶ Подписавшим этот документ заседателем Тобольского приказа о ссыльных был декабрист И. А. Анненков — муж Прасковьи Егоровны Анненковой (урожд. Жанетты-Полины Гёбль), одной из декабристок, посещавших петрашевцев в пересыльной тюрьме.
- ⁵⁷ РГИА. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 156. Л. 134. Ср. с воспоминаниями Ф. Н. Львова: «Я очутился в Тобольске <...>. Но вот раздался голос сторожа: “ведите преступника в приказ!” И я догадался, что меня ведут в тобольский приказ о ссыльных. День был праздничный; в канцелярии служащих никого не было. Меня встретил, однако, член приказа и спросил: нет ли у меня денег? На ответ, что мои сто рублей находятся у сопровождавшего меня казака, он взял их от него, пересчитал и отдал мне, предупредив, что у меня снова их отберут в остроге, причем посоветовал не сопротивляться при обыске» (Львов Ф. Н. Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного // Современник. 1861. № 9. Отд. I. С. 108). Замечательно, что и у Львова, кроме оформленных квитанцией, были еще какие-то *свободные* деньги, зашитые в шапке (см.: Там же. С. 110).
- ⁵⁸ Львов Ф. Н. Выдержки из воспоминаний ссыльно-каторжного // Современник. 1862. № 1. Отд. I. С. 212.
- ⁵⁹ Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье. С. 721. Ш. Токаржевский в 1864–1868 гг. отбывал каторгу в Александровске-на-Амуре.
- ⁶⁰ Письмо Н. Д. Фонвизиной к И. А. Фонвизину от 18 мая 1850 г. / публ. Е. Н. Вяль и Л. В. Алексеевой // Неизвестный Достоевский. 2015. № 2. С. 58 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754924.pdf (30.01.2020).
- ⁶¹ В «Записках из Мертвого Дома» не однажды упоминается, что Горянчиков с первого же дня за небольшие деньги пользовался со стороны товарищей по острогу разными мелкими услугами.
- ⁶² Деньги, но несколько неопределенно, упоминаются в «Записках...» и при описании повествователем первой встречи с плац-майором Кривцовым, который отдает унтер-офицеру такой приказ: «Всё отобрать. Отдать им только одно белье, и то белое, а цветное, если есть, отобрать. Остальное всё продать с аукциона. **Деньги записать в приход.** Арестант не имеет собственности...» (ДЗ0; 4: 214). Это сказано, однако, Кривцовым еще до обыска. Повторим, о том, что какие-то деньги у арестантов по прибытии в острог были отобраны, в «Записках из Мертвого Дома» не сообщается. Аналогичный эпизод описывает и Ш. Токаржевский. При первой встрече с прибывшими в Омский острог поляками Кривцов приказывает писарю Дягилеву: «Всё отобрать, описать, и передать на публичные торги, **отобранные деньги использовать на улучшение содержания каторжан**» (Токаржевский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье. С. 171). Но далее мемуарист рассказывает, как в Ордонанцгаузе и них забрали и опечатали личные вещи, однако о том, что были отобраны и деньги, не сообщает.
- ⁶³ ОР РГБ. Ф. 93. III. 5. 15. С. 16–17 (цит. по: [Захаров: 45]).
- ⁶⁴ Подробнее об этом событии см. в статье В. Н. Захарова [Захаров: 44–53].

Список литературы

1. Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. — М.: Наука, 1971. — 294 с.
2. Волгин И. Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 года. — М.: Либерия, 2000. — 703 с.
3. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. — 3-е изд. — М.: Госюриздат, 1961. — Т. 2: 1825–1870. — 582 с.
4. Гроссман Л. П. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 1965. — 605 с. — (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; вып. 4 (357))
5. Долинин А. С. М. М. Достоевский // Ф. М. Достоевский: материалы и исследования / под ред. А. С. Долинина. — Л.: Изд-во АН СССР, 1935. — С. 505–507.
6. Егоров Б. Ф. Петрашевцы. — Л.: Наука, 1988. — 234, [2] с.
7. Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года // *Неизвестный Достоевский*. — 2015. — № 2. — С. 44–53 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (30.01.2020).
8. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. — М.: б. и., 1957. — 588 с.
9. Панюкова Т. В. Уточнение к родословию Достоевских: семейство Михаила Михайловича: (по материалам петербургского архива) // *Неизвестный Достоевский*. — 2018. — № 3. — С. 129–179 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541066529.pdf (29.01.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3621
10. [Перлина Н. М.] Следственное дело Достоевского-петрашевца // *Достоевский: материалы и исследования*. — Л.: Наука, 1974. — Т. 1. — С. 254–265.
11. Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 824, [1] с. — (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; вып. 1320)

Ekaterina D. Maskevich

*The Russian State Historical Archive (RGIA)
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

spb-collects@yandex.ru

Boris N. Tikhomirov

*F. M. Dostoevsky Literary and Memorial Museum
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

btikhomirov@rambler.ru

The Petrashevites After the Semyonovsky Parade Ground Events, Commandant Nabokov and Emperor Nicholas I (New Details in the Biography of Mikhail and Fedor Dostoevsky)

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90019 Dostoevsky.

Abstract. The publication is based on the documents discovered by the authors in the Russian State Historical Archive, which are preserved in the Repository of the Commandant's Office of the St. Petersburg Fortress, in the case "Regarding the prisoners under investigation for malicious intent in 1849". Most of the documents date back to the period between December 22, 1849 (the staging of the mock execution of the Petrashevites on the Semyonovsky parade ground) and January 9, 1850 (arrival of Dostoevsky, Durov and Yastrzhembsky in Tobolsk). The latest document is dated February 4, 1850. The article contains three parts, each of which sheds new light on the biography of the brothers Fedor M. and Mikhail M. Dostoevsky in the aforementioned period. The first section incorporates the documents that reveal the circumstances prior to the meeting of the brothers Dostoevsky on December 24, 1849, before Fedor was sent to Siberia, a meeting which was initially refused to them. Specifically, these documents are the request made by the Commandant of the Peter and Paul Fortress Nabokov and addressed to the War Minister, to allow relatives of the members of the Petrashevsky circle to meet with them before departure for the place of punishment, and the most gracious permission of Nicholas I on the matter, following the most humble report of the Minister. The second section introduces into scientific circulation the documents presenting the emperor's initiative to provide monetary assistance to the families of convicted Petrashevites, as well as to Petrashevites with families (including multi-child families), who were temporarily imprisoned in the fortress during the investigation. In the context of these documents, suspicions about the "immodest behavior" of M. M. Dostoevsky during the investigation that were previously expressed by certain researchers (Dolinin, Grossman), are removed. The third section introduces a receipt issued to "criminal Dostoevsky," according to which 100 rubles of his money were appropriated during the prison transfer, and a document confirming the reception of this amount in the Tobolsk directive regarding convicts. The question of the origin and subsequent fate of this money is examined.

Keywords: F. M. Dostoevsky, M. M. Dostoevsky, Petrashevites, Russian State Historical Archive, Office of the Commandant of the Peter and Paul Fortress, prison transfer in Siberia, Tobolsk directive regarding convicts, monetary assistance to Petrashevites

About the authors: *Maskevich Ekaterina D.* — Leading Researcher, The Russian State Historical Archive (RGIA) (pr. Zanevskiy 36, St. Petersburg, 195112, Russian Federation); *Tikhomirov Boris N.* — Doctor of Philology, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary and Memorial Museum in St. Petersburg, The President of the Russian Dostoevsky Society (per. Kuznechnyy 5/2, St. Petersburg, 191002, Russian Federation)

Received: February 2, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. The Petrashevites After the Semyonovsky Parade Ground Events, Commandant Nabokov and Emperor Nicholas I (New Details in the Biography of Mikhail and Fedor Dostoevsky). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 38–68. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4641 (In Russ.)

References

1. Belchikov N. F. *Dostoevskiy v protsesse petrashevtsev [Dostoevsky in the Trial of the Petrashevites]*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 294 p. (In Russ.)
2. Volgin I. L. *Propavshiy zagovor: Dostoevskiy i politicheskiy protsess 1849 goda [Missing Plot: Dostoevsky and Political Trial of 1849]*. Moscow, Libereya Publ., 2000. 703 p. (In Russ.)
3. Gernet M. N. *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 tomakh [History of the Tsar's Prison: in 5 Vols]*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961, vol. 2: 1825–1870. 582 p. (In Russ.)
4. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1965. 605 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudey. Seriya biografii; issue 4 (357)). (In Russ.)
5. Dolinin A. S. M. M. Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [F. M. Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1935, pp. 505–507. (In Russ.)
6. Egorov B. F. *The Petrashevites*. Leningrad, Nauka Publ., 1988. 234 p. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Who Presented the Gospel to Dostoevsky in January 1850? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 2, pp. 44–53. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (accessed on January 30, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464 (In Russ.)
8. [Nechaeva V. S.] *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 589 p. (In Russ.)
9. Panyukova T. V. Revision of the Dostoevsky Genealogy: Family of Mikhail Mikhailovich (Based on the Materials of St. Petersburg Archive). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2018, no. 3, pp. 129–179. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1541066529.pdf (accessed on January 29, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3621 (In Russ.)
10. [Perlina N. M.] The Investigation Case of M. M. Dostoevsky as a Petrashevets. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 254–265. (In Russ.)
11. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 824 p. (Zhizn' zamechatel'nykh lyudey. Seriya biografii; issue 1320). (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4661

УДК 930.25+17.81.31

М. В. Заваркина

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

mvníkulina@mail.ru

«Социализм и Христианство»: проблемы атрибуции и публикации замысла Достоевского*

Аннотация. Статья посвящена неосуществленному замыслу Ф. М. Достоевского под названием «Социализм и Христианство», над которым писатель работал в первой половине 1860-х гг. Рассмотрена история создания наброска и его публикаций, а также сделана попытка хронологической атрибуции на основе уже существующих мнений по данной проблеме. В процессе исследования было выявлено, что к данному замыслу могли относиться и другие наброски, содержащиеся в записных книжках и тетрадях Достоевского указанного периода. Условная тематическая компиляция записей Достоевского на тему социализма и христианства, представленная в первых публикациях, лишь косвенно намечает границы наброска, выпуская из виду некоторые возможные части текста. Ориентируясь на внутренний (самых книжек и тетрадей) и внешний (художественных и публицистических текстов писателя) контексты, автор статьи пытается не только расширить границы наброска, но и проанализировать возникающие связи и параллели. Отдельные спорные прочтения рукописного текста Достоевского выводят на новые уровни восприятия и углубляют наши представления о полемике писателя с современниками, в частности с Чернышевским.

Ключевые слова: Достоевский, записные книжки и тетради, рукопись, социализм, христианство, проблемы публикации, атрибуция, Чернышевский

Об авторе: Заваркина Марина Владимировна — кандидат филологических наук, специалист Web-лаборатории Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 01.03.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Заваркина М. В. «Социализм и Христианство»: проблемы атрибуции и публикации замысла Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 2. — С. 69–97. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4661

В первой половине 1860-х гг. Ф. М. Достоевский задумывал написать статью под названием «Социализм и Христианство»¹. Замысел остался неосуществленным, однако идеи, высказанные в подготовительных материалах к статье, писатель развивал на протяжении всей жизни — в публицистике, письмах, художественных произведениях.

Основной набросок статьи содержится в записной тетради 1864–1865 гг. (далее — *ЗТ*), хранящейся в фонде РГАЛИ (212.1.4. С. 21–24). В «Описании рукописей Ф. М. Достоевского» В. С. Нечаева обозначила эти записи как «наброски для публицистической статьи с заглавием “Социализм и христианство”» [Нечаева, 1957: 135]. Впервые полностью они были опубликованы в 1971 г. в 83 томе «Литературного наследия» [ЛН: 246–250], подготовку

текста осуществила Л. М. Розенблюм, которая назвала его «конспектом статьи» и датировала осенью 1864 г. [Розенблюм, 1971: 39–40; 1981: 11, 74–76]. Другие датировки данного наброска: конец августа 1864 г. [Нечаева, 1975: 100], лето — осень 1864 г.², вторая половина сентября 1864 г. [Летопись: 478], август-сентябрь 1864 г. [Щенников: 353], 1863–1864 гг. [Достоевский, 2013–2019, т. 5: 504], 1864 г. [Тарасова, 2019: 107].

В 3Т набросок находится среди черновых записей к роману «Преступление и Наказание»³ (с. 1, 2, 4, 6, 8, 9 (запись на полях), 10, 12–20), которые прерываются набросками для «политической статьи» (с. 3, 5, 7, 9, 11, 13) и двумя публицистическими записями для журнала «Эпоха» (с. 14, 17). После наброска «Социализм и Христианство» на с. 25 сделана заметка, содержащая дату «День № 5 {65 год<a>}»⁴, а далее, со с. 26, снова продолжены черновые записи к роману «Преступление и Наказание». Даты, проставленные автором, и характер заполнения тетради позволяют уточнить датировку наброска в целом. Черновые записи к роману в этой части тетради сделаны во второй половине 1865 г. (авторские даты: 7 августа (с. 1) и 14 октября (с. 18))⁵ на оборотах страниц, поскольку другая часть страниц к этому времени была уже занята набросками для «политической статьи» и статьи о социализме и христианстве: наброски эти вписывались, видимо для удобства, на каждой нечетной странице без записи на оборотах, оставшихся пустыми (они и были использованы писателем позже, в 1865 г.). Над «политической статьей» Достоевский работал, скорее всего, в августе — октябре 1864 г.⁶ (авторские даты: 19 Августа (с. 3), 19 Августа, 21 Августа (с. 5), 21 Августа, 23 Августа (с. 9), 29 Августа (с. 11), 30 Августа (с. 13), также есть дата рядом с публицистической записью — 14 Сентября (с. 14)). В. С. Нечаева считает, что «многочисленные краткие заметки в тетрадях 1864–1865 гг. о социализме как продукте западной цивилизации и о связи последней с католицизмом, иезуитизмом и папством» (именно об этом в том числе идет речь в набросках «политической статьи») контекстуально близки к конспекту «Социализм и Христианство»: Достоевский, «видя высшим идеалом совершенства образ Христа», «объединял материалистические тенденции с понятием “социализма”, откуда появилось противопоставление “христианства и социализма”» [Нечаева, 1975: 100, 99]⁷. Таким образом, можно предположить, что Достоевский разрабатывал основной набросок статьи в 3Т в то же время, что и политическую статью, т. е. в августе-сентябре 1864 г. 1863 г. и 1865 г. исключаются: во-первых, данная 3Т датируется в целом 1864–1865 гг., а во-вторых, черновые записи к роману «Преступление и Наказание», сделанные в 1865 г., прерываются на с. 20 (перед наброском) и возобновляются на с. 26 (после наброска) — т. е. на данный момент он там уже был.

Как предварительные наброски к статье были также атрибутированы полудневниковые записи, сделанные Ф. М. Достоевским 16 апреля 1864 г. — на следующий день после смерти первой жены М. Д. Достоевской (урожденной Констант, в первом браке Исаевой) — и находящиеся в записной

книжке под условной нумерацией «2» (далее ЗК₂), которая датируется 1862–1864 гг. и хранится в фонде ОР РГБ (93.1.2.7. С. 41–55) (подробнее о взаимосвязи двух набросков см.: [Розенблюм, 1971: 39], [Фридлиндер: 105], [Нечаева, 1975: 100], (ДЗ0; 20: 251–252), [Розенблюм, 1981: 76]). Н. Г. Михновец и Н. Ф. Буданова в одном из последних комментариев к Полному собранию сочинений и писем Ф. М. Достоевского (в 35 т.) также рассматривают набросок из ЗТ и записи из ЗК₂ в одном контекстном ряду [Достоевский, 2013–2019, т. 5: 432, 498]. Впервые запись от 16 апреля 1864 г. была частично опубликована в 1924 г. Л. П. Гроссманом [Гроссман, 1924: 130–131], впервые полностью в 1932 г. Б. П. Вышеславцевым [Вышеславцев: 293–297], затем в 1971 г. [ЛН: 173–175] и в 1980 г. (ДЗ0; 20: 172–175). В «Описании рукописей» В. С. Нечаева дала ей следующую характеристику: «Запись в связи со смертью М. Д. Достоевской. Размышления о назначении и развитии человека на земле, о будущей жизни и христианстве» [Нечаева, 1957: 264].

К разработке статьи «Социализм и Христианство» исследователи отнесли еще ряд записей, если судить по комментариям, предложенным в ДЗ0:

1) Запись, расположенную на с. 23 ЗК₂, — как идейно и тематически близкую к указанной статье (подробнее см.: ДЗ0; 20: 363): «Соціалісти хотять переродити челоуька<, > освободити его, представи<ть> его безъ Бога и безъ семейства. Они заключаютъ, что измънивъ насильно экономическій бытъ его цъли достигнутъ. Но челоуькъ [не] измънится [пр] не отъ внъшнихъ причинъ, а не [от] иначе какъ отъ перемъны нравственной. Раньше не оставитъ Бога, какъ увърившись математически, а семейства прежде чъмъ мать [будетъ] {не захочетъ быть} матерью, а челоуькъ не захочетъ обратити любовь въ клубничку. Можно-ли достигнуть этого оружіемъ. И какъ смътъ сказать зарань, прежде опыта, что въ этомъ спасеніе? И это рискуя всъмъ челоуьчествомъ. Западная дребедень» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 23) (см. также: ДЗ0; 20: 171–172).

2) Записи на с. 77 ЗК₂ («изъ лучиночекъ...») и на с. 79 ЗК₂ («Изъ католическаго христіанства выросъ только соціалізмъ; изъ нашего выростетъ братство») со следующими комментариями: «См. развитие той же мысли выше в набросках неосуществленной статьи “Социализм и христианство”»; «Наброски для неосуществленной статьи “Социализм и христианство”» (ДЗ0; 20: 177, 366).

3) Запись, находящуюся на с. 7 и 9 ЗТ: «NB — О Соціалістахъ (глубокая противуположность Соціалізму христіанства)<. > Лучиночки и братство» (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 7, 9) (см. также: ДЗ0; 20: 190)⁸.

Философский и художественный контекст, в котором создавался набросок, а также контекст самих записных книжек и тетрадей 1860–1865 гг. позволяют расширить границы данного наброска и включить в него еще ряд записей.

Несмотря на то, что основной набросок статьи в ЗТ создавался во второй половине 1864 г., в нем отразились идеи, которые волновали писателя еще

до каторги. Л. П. Гроссман обратил внимание на анахронизм романа «Бесы»: повествуя о событиях конца 1860-х — начала 1870-х гг., Достоевский наполнил их фигурами и идеями, более актуальными для 1840-х гг. [Гроссман, 1924: 99–100], т. е. времени, когда сам писатель был увлечен идеями французских социалистов. То же самое можно сказать и о набросках статьи «Социализм и Христианство»: работая над ними, Достоевский снова обращается к идеям своей молодости, пересматривает и дополняет их, пропуская через «горнило сомнений» (ДЗ0; 27: 86).

Еще на каторге Достоевский задумывал написать обширную статью под названием «Письма об искусстве», где речь должна была идти, по признанию писателя в письме А. Е. Врангелю от 13 апреля 1856 г., «о назначении христианства в искусстве» (ДЗ0; 28₁: 229). По мнению В. В. Зеньковского, анализировавшего этот замысел, «для Достоевского искусство вне христианства как бы не справляется с своей задачей», «оно не может раскрыть своих крыльев без христианства и “назначение христианства в искусстве” должно было бы очевидно в том и состоять, чтобы “помочь” искусству» [Зеньковский: 50]. Статья так и не была написана: «негде было поместить, но взгляд Достоевского на эту тему выражен во всем последующем творчестве» [Захаров, 1996: 143]. Так, многие ее идеи писатель высказал уже в 1861 г. в «Ряде статей о русской литературе» (подробнее см.: ДЗ0; 18: 237–239, 270; см. также: [Шевцова: 351]). Возможно, замысел «Социализм и Христианство» также вырастает из этой неосуществленной статьи о христианстве в искусстве, которую сам писатель назвал «плодом десятилетних обдумываний» (ДЗ0; 28₁: 229).

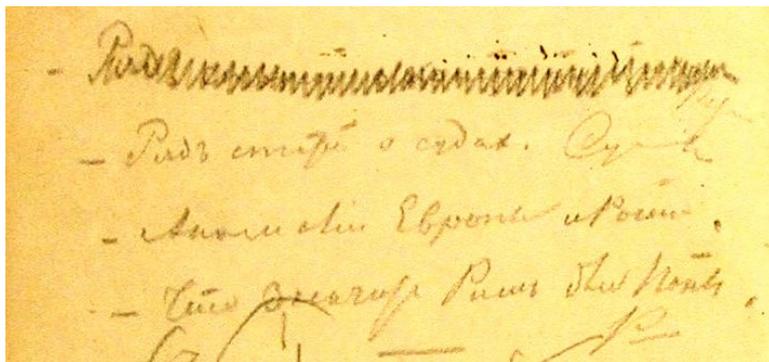
Свое понимание социализма Достоевский дал в показаниях по делу петрашевцев. В «Объяснении» 1849 г. Достоевский упомянул о своих выступлениях в кружке, одна из тем которых сближается с записью от 16 апреля 1864 г. в ЗК: «Я говорил три раза: два раза я говорил о литературе и один раз о предмете вовсе не политическом: об личности и об человеческом эгоизме» [Достоевский, 2003: 381]. Далее он пояснил, что имел в виду: «Что же касается до второй темы: о личности и эгоизме, то в ней я хотел доказать, что между нами более амбиции, чем настоящего человеческого достоинства, что мы сами впадаем в самоумаление, в размельчение личности от мелкого самолюбия, от эгоизма и от бесцельности занятий. Эта тема чисто психологическая» [Достоевский, 2003: 381]. Достоевский в этих показаниях настаивал на том, что его интересовала тогда не политика, а вопросы экономические и нравственные. Систему Фурье он определял как «мирную», которая «очаровывает душу своей изящностью, обольщает сердце тою любовью к человечеству, которая воодушевляла Фурье <...> В системе этой нет ненавистей» [Достоевский, 2003: 384]. В то же время уже тогда писатель называл систему Фурье утопией, причем самой несбыточной и даже «комической» [Достоевский, 2003: 384].

На протяжении всего творческого пути Достоевский пытался как сближить, так и развести социалистический и христианский идеал, именно

поэтому в мировоззрении писателя исследователи видят отражение идей утопического социализма [Scanlan: 39], «христианского социализма» [Мочульский: 96], [Булгаков: 228], «социального христианства» [Вагин], [Кибальник, 2017а, 2017б], «христианского натурализма» [Зеньковский: 40], наконец, собственной своеобразной авторской утопии [Гроссман, 1924: 118], [Розенблюм, 1971: 39], [Фридлиндер: 107], [Пруцков], [Кириллова], [Щенников].

Отметим, что набросок в ЗТ называется именно «Социализм **и** Христианство», а не «Социализм **или** Христианство». Позже в записной тетради 1872–1875 гг. Достоевский запишет, как бы поясняя, почему в названии наброска соединительный, а не разделительный союз: «Социализмъ — это тоже христианство, но оно полагаетъ, что можетъ достигнуть разумомъ»⁹ (РГАЛИ. Ф. 212.1.11. С. 139; см. также: ДЗ0; 21: 254). Однако в письме к М. П. Погодину от 26 февраля 1873 г. Достоевский сформулирует свою позицию более непримиримо (с **или**): «Моя идея в том, что социализм и христианство — антитезы. Это бы и хотелось мне провести в целом ряде статей, а между тем и не принимался» (ДЗ0; 29₁: 262). Возможно, разбросанность по разным ЗК и ЗТ многочисленных мелких «дополнительных» к основному замыслу набросков и вызвана этим изначальным желанием Достоевского написать *ряд* статей на указанную тему.

Уже в записной книжке 1860–1862 гг. (далее ЗК₁) на с. 4 в направлении, обратном основному тексту, содержится запись четырех замыслов, так и оставшихся не осуществленными, но которые, судя по названиям, были близки к статье «Социализм и Христианство» (см. Илл. 1) и которые тематически определяют круг интересовавших писателя вопросов; над ними он размышлял не только в данной ЗК₁, но и в других записных книжках и тетрадях этого периода:

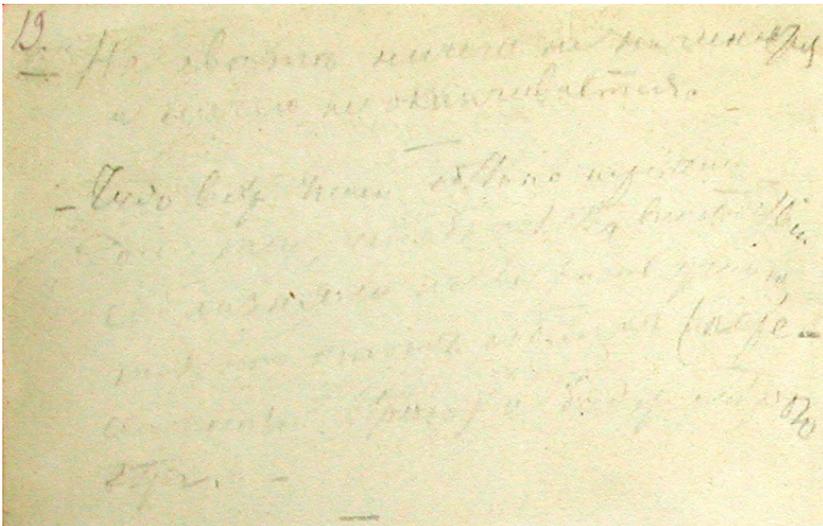
Илл. 1. С. 4 ЗК₁

Fig. 1. Article concepts in Dostoevsky's notebook of 1860–1862

- «[— Рядъ статей о <несколько нрзб.>]
 — Рядъ статей о судахъ. Суды<?>.
 — Аномалии Европы и Россіи.
 — Что значитъ Римъ для Папы» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.6. С. 4; см. также: ДЗ0; 20: 152).

Г. М. Фридлиндер в свое время связал эти замыслы из ЗК₁, наброски для «политической статьи» в ЗТ 1864–1865 гг. и «Дневник Писателя», который как раз начал задумываться Достоевским в первых ЗТ под названием «Записная книга»: «Большой интерес представляют содержащиеся в рабочих тетрадях 1864–1865 гг. план “политической статьи” <...> Записи эти подтверждают <...> на основании содержания записной книжки 1860–1862 гг. <...> что Достоевский в первой половине 60-х годов вынашивал мысль о статьях на обе указанные темы (о внешней и внутренней политике и о судах. — М. З). Высказанные в набросках “политической статьи” мысли <...> о стремлении папского престола укрепить католицизм путем заигрыванья с “социальными идеями”, с “революционерами и социалистами” вплотную подводят нас к идеям позднейшей внешнеполитической публицистики Достоевского периода “Дневника писателя”» [Фридлиндер: 104].

На с. 19 ЗК₁ находится набросок размышлений о чуде воскресения (см. Илл. 2), которые перекликаются как с тезисами статьи «Социализм и Христианство», так и с более поздними рассуждениями Достоевского и его героев о чуде, тайне и авторитете, лежащих, по мнению Достоевского, в основе и католической церкви, и социализма:

Илл. 2. С. 19 ЗК₁

Fig. 2. Draft with reflections on the miracle of resurrection in Dostoevsky's notebook of 1860–1862

«— На свѣтъ ничего не начинается
и ничего не оканчивается.

— Чудо въ Хр<истианскомъ> Ученіи сдѣлано нарочно
для того, чтобъ **человѣка** впослѣдствіи
соблазняло **не вѣрить ученію**,
такъ какъ этотъ соблазнъ (пере-
станешь вѣрить) и будетъ мѣрою
вѣры. —» (ОР РГБ. Ф. 93.І.2.6. С. 19)¹⁰.

Эти мысли Достоевский позднее развил в поэме «Великий инквизитор», в которой католицизм (социализм) становится олицетворением первого искушения — чудом превращения камней в хлебы (ср. с записью Достоевского в ЗТ: «Соціалісты дальше брюха не идутъ» (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 22; см. также: ДЗ0; 20: 192)). Это повлияло, в свою очередь, на толкование социализма С. Н. Булгаковым, автором статьи «Христианство и социализм». Назвав статью почти так же, как и Достоевский, Булгаков, конечно, не имел представления о набросках в ЗТ. Но, отталкиваясь от поэмы Ивана Карамазова и романа «Братья Карамазовы» в целом, а также от высказываний Достоевского в «Дневнике Писателя» 1881 г. о «нашем русском социализме»¹¹, Булгаков выстраивает свою концепцию христианского социализма. Пройдя путь от увлечения марксизмом через христианский социализм к разочарованию в социализме, Булгаков в статье «Христианство и социализм» приходит к тому же выводу, который Достоевский художественно сформулировал в поэме «Великий инквизитор»: «Разумеется, насколько социализм проникается антихристианским духом и отдается чарам первого искушения, он не может быть соединен с христианством, которое требует прежде всего человеческого сердца» [Булгаков: 227–228] (ср. с уже приводившейся записью из ЗК₂, которую также относят к замыслу статьи «Социализм и Христианство»: «Соціалісты хотятъ переродить человѣка<,> освободить его, представи<ть> его безъ Бога и безъ семейства. Они заключаютъ, что измѣнивъ насильно экономическій бытъ его цѣли достигнутъ. Но человѣкъ [не] измѣнится [пр] не отъ внѣшнихъ причинъ, а не [от] иначе какъ отъ перемѣны нравственной» (ОР РГБ. Ф. 93.І.2.7. С. 23)). Булгаков указывал на противоречивость социализма, о чем не раз заявлял и Достоевский: «С одной стороны, здесь поддерживается общегуманистическая вера в человека <...> а с другой — в социализме совершенно упраздняется человеческая личность <...> вместо нее ставится всеопределяющая социальная среда» [Булгаков: 221]. Булгаков использует ту же метафору, что и Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях» — *tabula rasa*: когда душа человека воспринимается как «чистая доска», «на которой пишет то или другое содержание социальная среда» [Булгаков: 220]. Достоевский называл такого человека «вошичком», из которого можно «вылепить» все, что угодно,

с душой *tabula rasa*, т. е. человеком без веры, национальности, оторванным от родной почвы и родного народа [Достоевский, 2004: 75, 731].

Из ЗК₂ к замыслу статьи «Социализм и Христианство» исследователи отнесли цитируемую выше запись: «Соціалісты хотят переродить чловѣка<, > освободить его <...> Западная дребедень» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 23). Однако далее, на с. 25–24 (в обратном направлении), находим записи, сделанные тем же карандашом (неточеным, с широким грифелем), что и весь предыдущий текст на с. 23. Достоевский, видимо, планировал развить их в «политическую статью» (подробнее см.: ДЗ0; 20: 361, 378–379):

«Въ политич<ескую> Статью

— Объ изобрѣт<еніи> оружій

— Эмиля Жирарден<a> въ Голось (*le droit*).

— Статейка о естественныхъ границахъ.

Изъ этой статейки переходъ на почву и о ложныхъ идеяхъ.

Ж. Ж. Руссо (оставался молод<ымъ>)

Главное развитіе.

Между нами и цивилизаціе<й> вѣра. Начало католическое и византійское.

Шеддо-Ferroti

Opinion publique en Russie

X. «*Que fera-t-on<?>*» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 25–24; см. также: ДЗ0; 20: 171).

Записи датируются 1863 г., т. к. именно в это время вышла статья Шеддо-Ферроти (наст. имя Ф. И. Фиркс), название которой Достоевский частично записал на данной странице: «Что сделают с Польшей?» («*Que fera-t-on de la Pologne?*») — и которая была написана в связи с восстанием в Польше в январе 1863 г. Однако данные записи могут быть отнесены и к 1864 г., о чем мы уже писали¹², когда после отъезда А. Е. Разина в Польшу в связи с проведением там аграрной реформы в феврале 1864 г. Достоевский, так и не найдя замену старейшему и опытному сотруднику, пытается писать «политическую статью» сам. Не случайно в «третьей» записной книжке (далее — ЗК₃), которую Достоевский заводит параллельно с ЗК₂ летом 1864 г., первые страницы тоже отданы под полноценный набросок для «политической статьи», но под названием, которое уже полностью дублирует соответствующий раздел во «Времени» и «Эпохе»: «Политическое обозрение». Кроме того, комментаторы ДЗ0 связывают набросок в ЗК₂ с набросками «политической статьи», сделанными Достоевским в ЗТ 1864–1865 гг. (ДЗ0; 20: 361).

Нам кажется важным, что, как и в случае с набросками в ЗТ, записи о социализме и христианстве в ЗК₂ идут «рука об руку» с идеями для

«политической статьи». На с. 151 ЗК₂ Достоевский разовьет свою мысль, снова связав политику и религию:

«— Польская война есть война двухъ христiанствъ — это начало [и нач] [от] будущей войны православiя съ католичествомъ, другими словами Славянскаго генiя съ [цивилизация] европейской цивилизаціей. И такъ {—} развитіе у насъ и развитіе не официальное (по голландской программѣ) а народное» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 151; см. также: ДЗ0; 20: 170).

По мнению Н. О. Лосского, комментировавшего данное высказывание, «польское восстание, начавшееся в январе 1863 г., еще более оттолкнуло Достоевского от западной цивилизации и привлекло его внимание к роли католицизма в развитии ее» [Лосский, 1953: 81].

Далее на с. 41–49, 51–55 следуют известные записи от 16 апреля 1864 г. «16 Апрелья, Маша лежитъ на столѣ. Увижусь-ли съ Машей?..»¹³. Интересно, что в этих записях Достоевский ни разу не употребил слово «социализм», зато использовал слова «антихристы», «атеисты», «материалисты», как анти-тезы христианам и христианству. В отличие от наброска в ЗТ, где действительно дано сравнение социализма и христианства не столько как разных идеологий, сколько как разных форм человеческого бытия, в данном наброске Достоевский записывает свои сокровенные мысли о христианском типе личности, к которому должно стремиться, чему, однако, мешает эгоистическая природа человека. Чаще всего исследователи видят связь между этими набросками и «Зимними заметками о летних впечатлениях» (1863), где впервые «возникает у писателя» образ «христианского братства» [Достоевский, 2013–2019, т. 5: 498], а также повестью «Записки из подполья», которая публиковалась в первой половине 1864 г., параллельно с набросками [Гроссман, 1924: 191] [Достоевский, 2013–2019, т. 5: 498]. Однако А. Б. Галкин и С. А. Кибальник в своих статьях убедительно показывают, что параллели также нужно искать в романе «Идиот», который появится позже, но в котором пойдет речь о настоящем христианине, как «идеале человека во плоти» (см.: [Галкин: 322], [Кибальник, 2017с: 42]).

В ЗК₂ разработка замысла статьи «Социализм и Христианство» на этом не закончилась: исследователи отнесли к нему короткую запись на с. 77 («изъ лучиночекъ...») и запись на с. 79 («Изъ католическаго христiанства выросъ только соціализмъ; изъ нашего выростетъ братство»). Однако записи были «вырваны» из цельного текста: исследователи проигнорировали тот факт, что остальные записи на с. 77–78 сделаны тем же почерком и тем же карандашом, что и записи на с. 79 и тоже могут быть близки основному замыслу. Приведем полностью всю запись на с. 77–79:

«изъ лучиночекъ»

[Чер<нышевскій> — Аристот<ель>]

— Бѣдные жалкіе дурачки!¹⁴

— Мы не за то ругаемся съ ними, что они проповѣдуютъ общечеловѣка {способность Россіи къ синтезу}, а за что они проповѣдуютъ {обще}человѣка на чужихъ помочахъ. *C'est plus qu'un crime, c'est une faute*¹⁵.

У нихъ великій аргументъ, что наука общечеловѣчна, а не національна. Вздоръ! Наука вездѣ и всегда была въ высшей степени національна — можно сказать науки есть въ высочайшей степени національны.

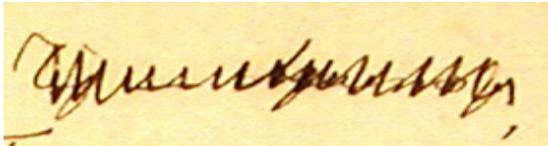
2 x 2 = 4 не наука, а фактъ

Открытъ¹⁶ всѣ факты — не наука, а работа надъ фактами есть наука и т. д.

Станція Тверь, *profession de foi*¹⁷ —

Изъ католическаго христіанства выросъ только социализмъ; изъ нашего выростетъ братство» (ОР РГБ. Ф. 93.І.2.7. С. 77–79; см. также: Д30; 20: 177).

Наверху с. 77, возможно в качестве заголовка, вынесены два слова, которые среди карандашных записей были записаны чернилами и которые густо зачеркнуты и предположительно прочитаны в ЛН: «Чей <?> Христос» [ЛН: 176], в Д30: «Чер<нышевскій?> — Аристот<ель?>» (Д30; 20: 177) (см. Илл. 3).

Илл. 3. Фрагмент с. 77 ЗК₂

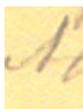
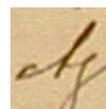
Fig. 3. “Chernyshevsky — Aristotle” entry in Dostoevsky’s notebook of 1862–1864

Способ зачеркивания позволяет прочитать запись. Слово «Чей» в рукописи не читается, так как на месте третьей буквы присутствует нижняя петля, характерная для строчной буквы «р» в почерке Достоевского. Ср. написание буквы «р» в данной ЗК:

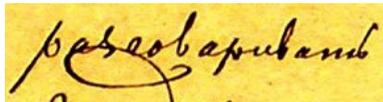
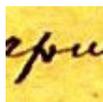
		Современникъ (РГБ. Ф. 93.І.2.7. С. 6)
		о романъ (РГБ. Ф. 93.І.2.7. С. 6)

		Проклятый (РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 6)
		Терезы (РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 6)

Расшифровка первого слова как «Чер<нышевский>» в этом случае предпочтительнее. Что же касается второго слова, то находим традиционную для почерка Достоевского прописную букву А, написанную с небольшим наклоном вправо и с отсутствующим горизонтальным штрихом, ср.:

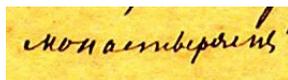
Антонович (С. 46 ЗК₁)Азиатомъ (с. 60 ЗК₁)

Далее снова видим строчную «р», небольшую букву «и»; ср. сочетание «ри» в слове «разговаривать» в этой же ЗК₂:

разговаривать (РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 6)

В сочетании «ст» буква «с» тоже могла быть небольшой по сравнению со следующей «т», которую Достоевский прописывал двумя способами: с тремя вертикальными штрихами, соединенными дугообразными элементами, с надстрочным штрихом или без него (как в данном случае) и с верхней и нижней выносными линиями, выходящими за пределы строк, что мы наблюдаем в конце сокращенного слова «Аристот.»¹⁸ — ср. написание сочетания «ст», а также два способа написания буквы «т» в почерке Достоевского:

монастырямъ (РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 6)

		Статья (РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 6)
		Статья (РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 6)

Полемика с Чернышевским велась Достоевским практически во всех записных книжках и тетрадях первой половины 1860-х гг. Уже на с. 3 ЗК₁ Достоевский записывает «план» будущей статьи о «полезности и нравственности искусства», где упоминает Чернышевского, отстаивавшего утилитарное отношение к искусству, и вновь возвращается к неосуществленному замыслу статьи «Письма об искусстве»:

«— Шекспиръ. Его безполезность, Шекспиръ какъ отсталый человекъ ({no} Шекспиру государственные люди, ученые, историки учились) (мнѣнія Современник<a>)

— Нравственность (Щеглова) Мнѣнія Чернышевскаго. — (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.6. С. 3; см. также: ДЗ0; 20: 152).

Л. П. Гроссман высказал предположение, что Достоевский, задумывая в Семипалатинской ссылке статью «Письма об искусстве», имел в виду магистерскую диссертацию Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855) [Гроссман, 1965: 200–202]. Н. В. Шевцова в обзорной статье, посвященной неосуществленному замыслу «Письма об искусстве», указывает, что идея Достоевского была шире: «Возможно, писатель собирался не только критически осмыслить эстетич<еские> взгляды революционеров-демократов, но и подробно остановиться на религ<иозно>-нравств<енном> смысле искусства, связанном с процессом самосовершенствования человека, его постоянным стремлением к идеалу, к<ото>рым для Д<остоевского> был Христос» [Шевцова: 351].

Полемика с Чернышевским была продолжена в ЗТ, в наброске статьи, направленной против «Современника» под рабочим заголовком «В статью Яблоко натуральное и проч.» (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 139–149; см. также: ДЗ0; 20: 196–203), который датируется автором 9 сентября <1864 г.> и который, таким образом, разрабатывался в ЗТ параллельно с набросками «политической статьи» и статьи «Социализм и Христианство».

Однако некоторые записи на анализируемой 77-й странице ЗК₂ исследователи связывают со статей Достоевского «Два лагеря теоретиков», вышедшей в февральском номере «Времени» за 1862 г. (ДЗ0; 20: 366), где Достоевский, защищаясь от нападков другого своего идейного противника — Антоновича, снова заявляет о собственной «почвеннической позиции», а также критикует теоретизм некоторых представителей как западников, так и славянофилов. Возможно, записи на этой странице были сделаны позже, в два этапа. Сначала чернилами Достоевский записал заголовок «Чер<нышевскій> — Аристот<ель>» и начало полемического наброска: «— Бѣдныя жалкіе дурачки!», планируя, видимо, продолжить спор о сущности и назначении искусства, а позже сделал остальные записи карандашом на с. 77–79.

Прочтение «Чер<нышевскій> — Аристот<ель>» подтверждается ближайшим по времени литературным контекстом. В 1854 г. в «Отечественных

Записках» вышла статья Н. Г. Чернышевского «О поэзии. Сочинение Аристотеля», в которой Чернышевский через анализ взглядов Платона и Аристотеля на искусство пытался ответить на один из самых важных вопросов эстетики: «об источнике и значении искусства» [Чернышевский: 267]. Во взглядах Платона на искусство, которое философ, по мнению Чернышевского, «презирал», считая идеалом человека, прежде всего, «гражданина своего государства» [Чернышевский: 268], критик увидел сходство со своей эстетической концепцией, согласно которой искусство всегда ниже действительности и «вообще не имеет никаких прав на предпочтение природе и жизни» [Чернышевский: 52]. Поддерживая в целом утилитарное отношение Платона к искусству, Чернышевский в то же время отходит от идеализма греческого философа, считая свою материалистическую концепцию искусства противоположной «господствующей ныне эстетике», согласно которой «сущность искусства состоит в создании идеалов» [Чернышевский: 267]. Аристотель же, по мнению Чернышевского, смотрит на искусство снисходительнее, но тоже требует от последнего пользы [Чернышевский: 274–275]. Во взглядах Аристотеля на искусство Чернышевского привлекает то, что философ «ставит науку выше жизни, умственную деятельность выше практической» [Чернышевский: 275], а поэтому Чернышевский «прощает» Аристотелю его отношение к искусству как к «подражанию» (в том числе и идеалу: например, подражание великим людям в трагедии) [Чернышевский: 268]. Несколько «смягчает» Чернышевский и Платона, признавая «справедливость очень многих нападений Платона на искусство», и делает вывод в духе того же утилитарного отношения к искусству, что «поэзия имеет важное значение для образованности и идущего вслед за нею улучшения нравов и материального благосостояния...» [Чернышевский: 274].

Статья Чернышевского об Аристотеле, которую Достоевский вспомнил в первой половине 1864 г. в *ЗК*₂, углубляет наше представление о полемике Достоевского и Чернышевского, а именно: о противоположности их взглядов на преобразующую силу искусства. Именно эта идея, скорее всего, и развивалась Достоевским в не дошедшей до нас статье о «назначении христианства в искусстве», обдумывавшейся им еще на каторге в течение 10 лет. В комментарии к публикации *ЗК*₂ в *ДЗ*₀ уже говорилось о том, что в противовес Н. Г. Чернышевскому Достоевский «отстаивает идею нравственного перевоспитания и общества в целом, и отдельного человека как единственно возможный, с его точки зрения, путь к преобразованию жизни. Свой этический идеал Достоевский стремится обосновать, опираясь на переосмысление христианского учения и норм христианской нравственности». Исследователи снова связывают эту позицию Достоевского с записями от 16 апреля 1864 г. и набросками статьи «Социализм и христианство» (*ДЗ*₀; 20: 251–252).

Можно лишь добавить, что Достоевский попытался вести полемику с Чернышевским в *ЗК* и *ЗТ* не только в связи с его магистерской диссертацией (когда, например, писал о «яблоке натуральном» и «яблоке нарисованном»

(см.: ОР РГБ. Ф. 93.I.2.7 С. 117; см. также: ДЗ0; 20: 367)), но и в связи со статьей Чернышевского об Аристотеле. Достоевский почему-то не стал развивать спор в записной книжке (остался только заголовок), но продолжил полемику в художественных текстах: в «Записках из подполья» и «Преступлении и Наказании» — где, как известно, он спорит уже с этической теорией Чернышевского (подробнее см.: ДЗ0; 5: 379; 7: 338), и в романе «Идиот», где всем своим произведением и образом князя Мышкина доказывает, что цель искусства действительно состоит в создании идеалов, и рисует образ «положительно прекрасного человека». В этом писатель видел смысл и подлинного христианского искусства.

Полемику Достоевский продолжил и в ЗК₃, которую вел параллельно с ЗТ в 1864–1865 гг., где на с. 31–30 (в обратном порядке) написано:

«Яблоко. Натур<альное>

—

*Вы хотите заставить человечество не объясняться образами, (грѣжь ность)<.> Человѣкъ съ самыхъ первыхъ временъ объяснялся образами. Каждый языкъ полонъ образами и метафорами. Вы посягаете на образное изложение мысли, вы заговорщики противъ прогресса<.> **бѣдныя, несчастныя невѣжды** (выделено мной. — М. З.).*

—

Формульность — достояніе Рима¹⁹ есть удѣлъ Запада<.>

Отъ формулы они и погибнутъ<.>

Формула тянетъ къ муравейн<ику.>

Какъ можно больше оставитъ на живаго духа — [тогда] это русское достояніе. Мы приняли Свят. Духа, а вы къ намъ несете формулу» (ОР РГБ. Ф. 93.I.2.8. С. 31–30; см. также: ДЗ0; 20: 205).

Во-первых, слова «Яблоко. Натур<альное>» обозначают объект полемики, во-вторых, здесь сохранилось почти то же самое уничижительное обращение к своим оппонентам — ср.: «бѣдныя, жалкіе дурачки» (с. 77 ЗК₂; см. Илл. 5) и «бѣдныя, несчастныя невѣжды» (с. 31 ЗК₃; см. Илл. 4), в-третьих, присутствует тот же самый посыл о важности искусства, в том числе как языка образов, метафор, с помощью которого на протяжении тысячелетий «объясняется человечество».

Ниже (с. 31–30) сделана запись («Формульность — достояніе Рима <...> вы къ намъ несете формулу»), которая также сближается с наброском «Социализм и Христианство» и заметками для «политической статьи» (см. Илл. 4). Так, исследователи находят в данном отрывке близость Достоевского идеям А. С. Хомякова, который считал католицизм — единством без свободы, а протестантизм — свободой без единства: «Юридический формализм и логический рационализм Римско-католической церкви, — по мнению Хомякова, — имели корни в римском государстве» [Лосский, 2011: 42].

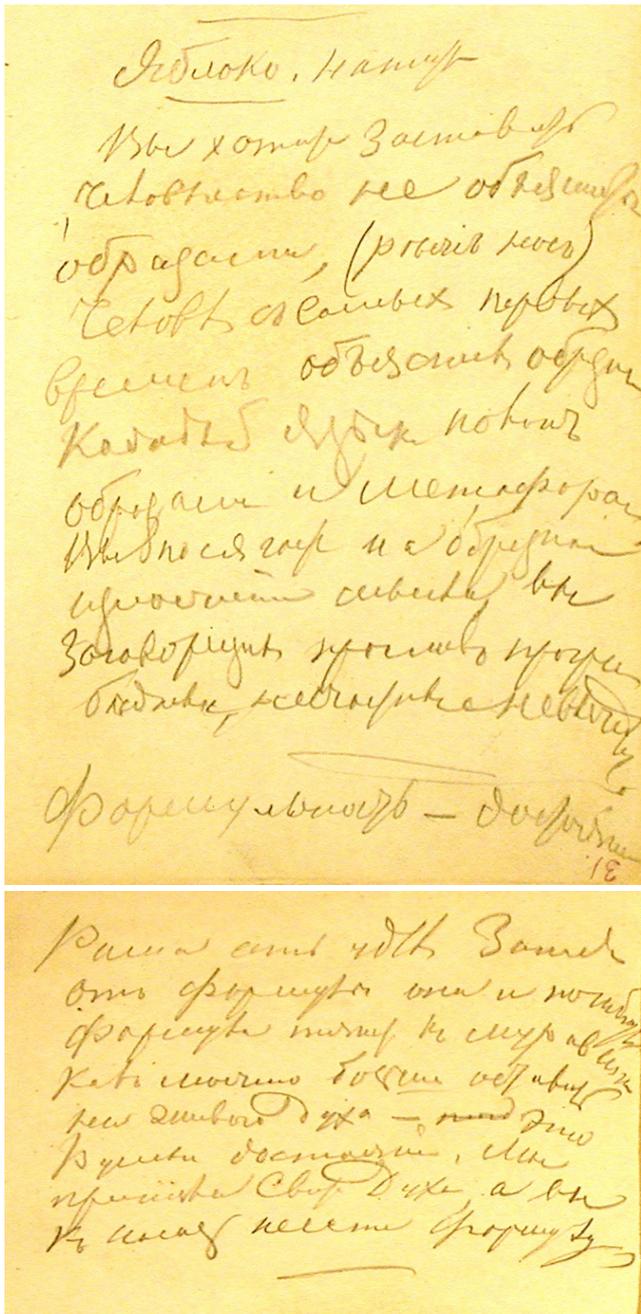
Илл. 4. С. 31–30 ЗК₃

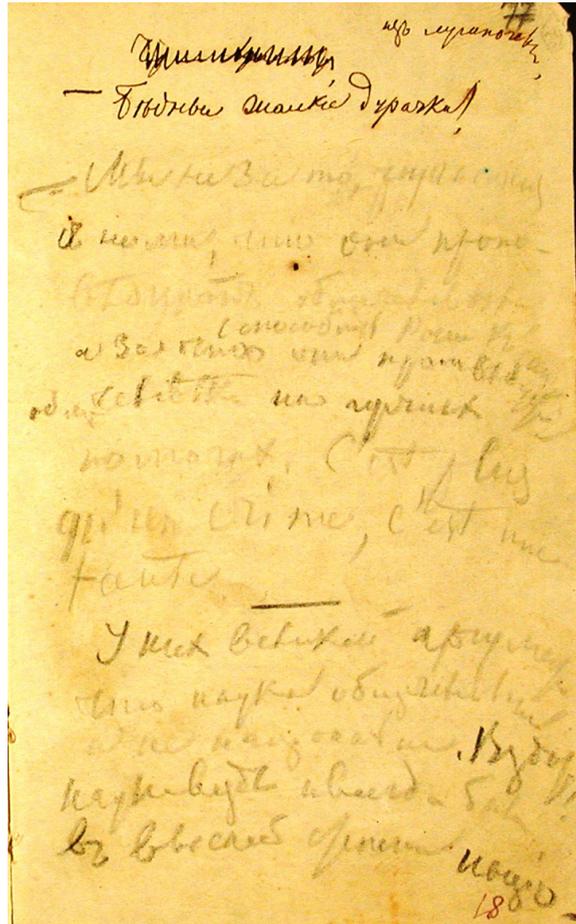
Fig. 4. A draft of Dostoevsky's polemics in his notebook of 1864–1865

По мнению комментаторов ДЗ0, «критика католицизма и папства в сочинениях славянофилов, в том числе Хомякова, оказала в 1860-х годах влияние на выработку философско-исторических идей Достоевского и на его понимание природы католицизма» (ДЗ0; 20: 381). Кроме того, в данном наброске формульность западного мышления и образа жизни сравнивается с муравейником (или одно вытекает из другого: «формула тянет к муравейнику») и противопоставляется русскому Духу. А если исходить из того, что «муравейник» был для Достоевского прообразом социалистического общества, построенного на утилитарных началах, где каждый беспокоится только о собственном сытом брюхе, а под русским св. Духом подразумевал, скорее всего, православие, то мы снова сталкиваемся с противопоставлением социализма и истинного христианства. Образ муравейника возникнет и в «Записках из подполья», само же слово было заимствовано Достоевским, по указанию С. Борщевского, у Ап. Григорьева, хотя «еще раньше, в 1861 году, оно было брошено Катковым в споре с Чернышевским» [Борщевский: 69].

Вернемся снова к замыслу «Чер<нышевский> — Аристот<ель>». Несмотря на то, что набросок дальше не продолжен, записи карандашом на с. 77–79 не менее важны для углубления полемики и расширения контекста статьи «Социализм и Христианство». Именно к ней возвращает нас еще одна запись чернилами в правом верхнем углу с. 77: «изъ лучиночекъ» (см. Илл. 5). Во-первых, она должна была указывать на то, что полемика с Чернышевским играет важную роль при разработке замысла статьи. Во-вторых, она была сделана позже всех записей на странице — и карандашных, и чернильных: отличаются и почерк, и цвет чернил. Скорее всего, это помета Достоевского для себя, чтобы связать данные записи с другими, где также идет речь о лучиночках и братстве, как противопоставлении ложного единения в социализме и истинного, братского — в христианстве. Возможно, разрабатывая основной конспект статьи «Социализм и Христианство» в ЗТ в 1864 г., Достоевский возвращался к более ранним записным книжкам и помечал нужные для разработки замысла записи, хотя они и были им изначально задуманы как наброски для других статей.

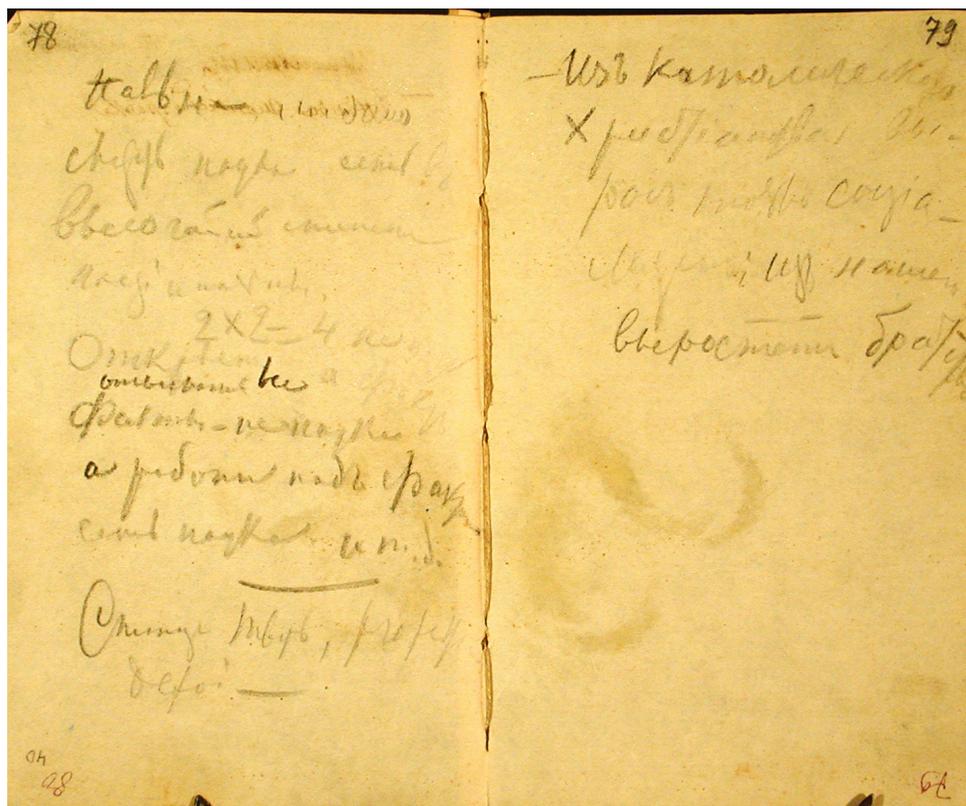
Далее на с. 78–79 карандашная запись продолжена (см. Илл. 6), но только часть ее, на с. 79, исследователи относят к замыслу статьи «Социализм и Христианство». А между тем на с. 78 находим две важные пометы: упоминание математической истины ($2 \times 2 = 4$), ставшей идиомой («как дважды два четыре»), и автобиографическую запись: «Станиця Тверь, profession de foi». Выражение «дважды два четыре» было использовано в статье «Противоречия и увлечения “Времени”» (1861), которая первоначально публиковалась в разделе Dubia (ДЗ0; 27: 155–161); возможность атрибуции статьи Достоевскому была аргументирована Г. Хетсо [Хетсо: 23–24] и В. Н. Захаровым [Захаров, 2004: 704, 767; 2013: 215–216]; в пятом томе Полного собрания сочинений под ред. В. Н. Захарова статья опубликована как принадлежащая Достоевскому:

«Вѣдь въ самомъ дѣлѣ конечная цѣль ученья чтенію и письму состоитъ въ томъ, чтобъ дойти до того предѣла, когда начнешь читать и писать машинально. Неужели и это нужно объяснять? Вѣдь, право, нѣкоторыя вещи объяснять даже совѣстно. Как вы станете объяснять, что дважды два — четыре и тому подобныя истины? Но делать нечего: вы требуете — извольте. Будемъ объяснять и это» [Достоевский, 2004: 200].

Илл. 5. С. 77 ЗК₂

Fig. 5. A draft for an article about socialism and Christianity in Dostoevsky's notebook of 1862–1864

Илл. 6. С. 78–79 ЗК₂ (продолжение записи со с. 77)

Fig. 6. Extended draft for an article about socialism and Christianity in Dostoevsky's notebook of 1862–1864

Затем выражение перешло в «Записки из подполья», которые печатались в первой половине 1864 г. параллельно с разработкой статьи «Социализм и Христианство», — в рассуждения подпольного парадоксалиста, отрицающего рациональный подход к человеческой природе и заявляющего, что дважды два очень даже может быть пять. В «Записках из подполья», с одной стороны, отразились взгляды самого Достоевского на эгоистичную природу человека, самовластие человеческого Я, отдаляющее его от других людей, с другой — писатель признает правомерность бунта своего героя против всеобщей гармонии и математических истин: «Достоевский отрицал традиционную поэтику, которая основана на непреложности закона “дважды два четыре”. Дважды два пять — один из тех принципов его поэтики, который позволял ему выражать и доводить до читателя заветные идеи, в том числе возглашать осанну в горниле сомнений, утверждать вековечный идеал вопреки “математическим” опровержениям свободы, Бога, Христа» [Захаров, 2011: 113].

Запись «*Станція Тверь, profession de foi*» комментаторами ЛН и Д30 соотносится со временем смерти первой жены: «Вероятно, запись вызвана воспоминанием о какой-то беседе Достоевского при возвращении его из Москвы в конце апреля 1864 г.» [ЛН: 191]; «заметка эта связана по смыслу с размышлениями Достоевского по поводу смерти М. Д. Достоевской» (Д30; 20: 366). Таким образом, все записи на этих страницах имеют отношение, хоть и косвенное, к разработке статьи «Социализм и Христианство».

В ЗК₂, ЗК₃, а также в двух рабочих тетрадях 1864–1865 гг. обнаружилось еще записи, близкие замыслу. Одна из проблем публикации записных книжек и тетрадей Достоевского состоит в том, что в ЛН и Д30 дана выборочная тематическая публикация, причем о контексте, а также об «отнесенности» записей «к тому или иному публицистическому либо литературно-критическому произведению читатель может получить информацию, да и то далеко не во всех случаях, только из реального комментария» [Тихомиров: 108].

Так, в ЗК₂ находим еще две записи, которые по смыслу близки замыслу статьи, — это записи на с. 37 и 81:

«— Теоретикамъ и нигилистамъ можно сказать: вы проповѣдуете социализмъ, но сами-же вы вѣрите въ опытъ. Знайте-же, что никогда вамъ неубѣдить никого въ социализмъ путемъ голословнаго убѣжденія. Нуженъ опытъ. А слѣдственно надо хлопотать только объ усиленіи и о прогрессѣ въ теперешней жизни, которую вы презираете, а между тѣмъ этимъ усиленіемъ вы {будете} приобрѣтать все болѣе и болѣе опытовъ, {черезъ которые народы сами собою дойдутъ до социализма, если только правда что онъ представляетъ универсальное лекарство всему обществу}» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 37; см. также: Д30; 20: 172).

«Социализмъ основанъ на неуваженіи къ челоувѣчеству (стадность) (а сантимерентальность, котор[о]{у} вы берете — вздоръ)» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 81; см. также: Д30; 20: 177).

Запись на с. 37 относится комментаторами Д30 к «полемике с лагерем “Современника” и “Русского слова”» (Д30; 20: 363), однако контекстуально она также близка к статье «Социализм и Христианство» и находится непосредственно перед записью от 16 апреля 1864 г. Запись на с. 81 следует за проанализированным выше наброском полемики с Чернышевским. Комментарий к данной записи отсутствует как в «Описании рукописей» В. С. Нечаевой и ЛН, так и в Д30.

В ЗК₃, которая носила, скорее всего, вспомогательный характер и служила для записи адресов и заметок для памяти (т. к. вся художественная и журналистская работа велась в двух записных тетрадях 1864–1865 гг. — РГАЛИ. Ф. 212.1.3 и 212.1.4), на с. 4–5 снова появляется метафора «лучиночки»:

«Современни>ку<.> Все изъ лучиночекъ, взглядъ комическій. Вы такъ сдѣлали, что вашъ взглядъ уважать нельзя. —

Все мѣщанство соціализма проявилось въ васъ, также какъ въ «Голось» все мѣщанство Петербург<ска>го либерализма» (ОР РГБ. Ф. 93.1.2.8. С. 4–5; см. также: Д30; 20: 204).

В записной тетради 1864–1865 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.3) на с. 140–139 (в обратном порядке) находим запись, датированную автором 8 сентября <1864 г.>:

«7) Засвидѣтельствовать въ 1^ю же статью о чрезвычайномъ множествѣ незнающихъ грамотъ кандидатовъ университета и студентовъ

*— № 36 дня отвѣтитъ о кафедрѣ “Русскаго Дух<а>” вы смѣтается?..
1/2 дѣла будетъ сдѣлана, не будетъ и паршивой Бѣлой Арапіи.*

Бѣлоараповцы не замѣчаютъ что соціализмъ вовсе не обязательно общечеловѣченъ, что идеаль общечеловѣчій вовсе не тотъ (а Христіанск.) что Соціализмъ только есть органическій продуктъ Западной жизни и всѣхъ противурѣчій ея. Ученіе Бѣлоараповцы принимаютъ, а то изъ чего произошло оно (т. е. почву, органическое начало этого ученія отвергаютъ) Вѣдь только на Западѣ и только на одномъ Западѣ могло оно явиться. Форма соціальныхъ стремленій, форма рисующагося вдали для Россіи идеала, должны быть не твѣ, а наши<, > собственныя наши, органическій нашъ продуктъ. Хоть колъ теши не понимаютъ. “Хотя-бы кто изъ мертвыхъ воскресъ и того не послушаютъ”» (РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 140–139; см. также: Д30; 20: 179–180).

Эта запись заключена в рамку, т. е. специально выделена писателем среди других многочисленных записей на данных страницах. Комментарий в ЛН к ней отсутствует, в Д30 найдены параллели с некоторыми современными Достоевскому статьями (Д30; 20: 369–370). Однако В. С. Нечаева определила этот набросок как «записи для полемической статьи о социализме» [Нечаева, 1957: 135].

Основной текст наброска статьи «Социализм и Христианство» содержится в записной тетради 1864–1865 гг. (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 21–24)²⁰. В. С. Нечаева, как говорилось выше, предлагает рассматривать многочисленные заметки Достоевского на с. 3, 5, 7, 9, 11, 13, сделанные им для будущей «политической статьи», как контекстуально близкие замыслу статьи «Социализм и Христианство» [Нечаева, 1975: 100]. Например, известно, что Достоевский был знаком с трудами Ламенне, одного из основателей христианского социализма: его книга «Слова верующего» (1834) не только имела в библиотеке Петрашевского [Библиотека: 6], но одну из ее глав перевел на церковнославянский язык А. П. Милюков и читал свой перевод на встречах петрашевцев [Гроссман, 1924: 83] (более подробно о влиянии идей Ламенне на Достоевского см.: [Никитина]). Возможно, в работах французского философа, который был учеником Сен-Симона, Достоевского привлекала эволюция Ламенне «от ортодоксального католицизма, через отрицание светской власти папы к христианскому социализму и к разрыву с католической церковью» (Д30;

20: 380). Не случайно фамилия Ламенне появляется в ЗТ (С. 7) рядом с рассуждениями о социализме и христианстве, о сущности папской власти и о связи западноевропейского социализма с основной доктриной католицизма: «(Попытки обновленнаго Христiанства въ величай[цай]{шихъ} представителей Католицизм<a> Ламене, Лакордеръ)» (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 7; см. также: ДЗ0; 20: 189).

Важно учитывать, что основной набросок в ЗТ расположен между черновыми набросками к «Преступлению и Наказанию»: «Не дописав повести, Достоевский в той же первой рабочей тетради намечал планы ее окончания. Находятся они в начале тетради (страницы 1–26, 30, 42), в середине (94–95) <...> Конец повести рисовался в этом плане так: “Страдания и вопросы — Сяся. Эпизоды. Вдова Капет. Христос, баррикада. Мы недоделанное племя. Последние конвульсии. Признание” <...> Упоминание “вдовы Капет”, т. е. казненной в 1793 г. Марии Антуанетты, не вполне ясно. По-видимому, она включалась в цепь представлений о людях, принявших мученическую смерть (как и Христос, и защитники революционных баррикад)» (ДЗ0; 7: 314). Однако, если учитывать конспект статьи «Социализм и Христианство», развитый в этой же самой тетради, то можно сказать, что такой вывод по сути своей противоречит замыслу Достоевского. Сравнивая в этой статье христианский и социалистический идеал, Достоевский не мог ставить знак равенства между Христом и французскими революционерами: ведь как раз по поводу провозглашенного ими лозунга «Свобода, Равенство, Братство» (ложного братства и ложной свободы без Христа) он так много напишет и в данных записных книжках, и в тетрадях более поздних.

Попытки сблизить / сравнить христианский и социалистический идеал (социализм и христианство) или же, наоборот, развести (социализм или христианство), предпринимавшиеся Достоевским на протяжении всей жизни, уже на данном этапе показали нереальность именно сближения. Замысел остался неосуществленным, возможно, по причине своей «теоретичности», против чего Достоевский выступал в публицистических и литературно-критических статьях. Однако сотканный из различных мелких и крупных набросков, разбросанных по нескольким записным книжкам и тетрадям, этот замысел воплотился в основных своих идеях не только в «Записках из подполья», но и в поздних романах Достоевского. Особую роль в разработке замысла сыграла полемика с Чернышевским. Нашел он отражение и в подготовке объявления об издании журнала «Эпоха» в 1865 г., в одном из набросков к которому Достоевский писал: «Искусствомъ мы потому занимаемся особо, чтобъ заявить о нашемъ уваженіи, къ органическ<имъ> проявленіямъ жизни духа, который хотятъ игнорировать нравоучители» (РГАЛИ. Ф. 212.1.4. С. 135; см. также: ДЗ0; 20: 195). И хотя эти слова так и не вошли в окончательный текст объявления, они подчеркивают непримиримую позицию Достоевского по отношению к утилитарности как в жизни (социализм), так и в искусстве, в котором писатель воплощал свой христианский идеал.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90028 («Рукописное наследие Ф. М. Достоевского: систематизация, исследование, описание»).
- 1 Оба слова написаны Достоевским с прописной буквы и вынесены в отдельную строку в качестве заголовка.
 - 2 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1980. Т. 20. С. 420, 424. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с сокращением *ДЗ0* и указанием тома, полутома (нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
 - 3 «Отдельные заметки, конспекты, планы вносились в тетрадь как одновременно с писанием первой редакции (иногда прерывая ее текст), так и позднее. Датировать их можно промежутком времени от августа по октябрь 1865 г. В основном они намечают развитие действия последних, не написанных глав: разговор с Заметовым о старухе, именинный вечер у Разумихина, письмо от матери, встреча с чиновником Мармеладовым, посещение квартиры убитой, допрос следователем, смерть Мармеладова, знакомство с его дочерью, признание народу» (*ДЗ0*; 7: 312); см. также: [Достоевский, 2013–2019, т. 7: 439].
 - 4 Здесь и далее цитаты из записных книжек и тетрадей Достоевского приводятся в старой орфографии по автографам. Расшифровка рукописей была сделана вслед за первыми академическими публикациями (в *ДЗ0* и *ЛН*) И. С. Андриановой и Е. Н. Вяль, затем повторно Т. В. Панюковой и М. В. Заваркиной.
 - 5 Подробнее о датировке работы над этой частью романа «Преступление и Наказание» см.: (*ДЗ0*; 7: 312–313), [Тарасова, 2019: 107].
 - 6 О возможных датировках набросков «политической статьи» см.: [Заваркина: 66–71].
 - 7 Стоит отметить, что наброски к статье «Социализм и Христианство», а также к другой статье (тоже неосуществленной) — ««Наши направления. Западники. Славянофилы и реалисты»» (РГАЛИ. Ф. 212.1.3. С. 43–45, 47), по мнению комментаторов *ДЗ0*, могут свидетельствовать о верности предположения, высказанного в свое время Б. В. Томашевским, о том, что редакционные примечания в журнале «Эпоха» за 1864 г. принадлежат Ф. М. Достоевскому [Достоевский, 1930: 569, 576]: «Круг <...> вопросов (разоблачение нигилизма, противопоставление эгоизма и самопожертвования, значение идеалов в жизни человечества <...> совпадает с разработкой Ф. Достоевским в этот период двух замыслов: «Социализм и христианство» и статьи «О направлениях»...» (*ДЗ0*; 20: 417). Кроме того, оба этих наброска были использованы писателем в разработке объявления об издании журнала «Эпоха» (1865 г.) в августе 1864 г. (подробнее см.: *ДЗ0*; 20: 401).
 - 8 В комментарии к публикации основного наброска «Социализм и Христианство» из *ЗТ* в *ДЗ0* сказано: «Далее в тетради следуют наброски неосуществленной статьи на эту тему, развивающие ряд идей, выраженных в «Зимних заметках о летних впечатлениях» <...> в записи от 16 апреля «Маша лежит на столе...» и в заметке о «лучиночках» и «братстве»...» (*ДЗ0*; 20: 384).
 - 9 Эта мысль будет продолжена Достоевским в записной тетради 1880–1881 гг.: «Соціалізмъ и Хрістіанство. Попробуйте раздѣлиться, попробуйте опредѣлить гдѣ кончается ваша личность и начнется другая? Опредѣлите это наукой? Наука именно за это берется. Соціалізмъ именно опирается на науку. Въ хрістіанствѣ и вопросъ не мыслимъ этотъ. (NB. Картина хрістіанскаго разрѣшенія) Гдѣ шансы того и другаго рѣшенія? — Повѣтъ духъ новый, внезапный...» (РГАЛИ. Ф. 212.1.17. С. 9; см. также: *ДЗ0*; 27: 49).
 - 10 Полу жирным шрифтом выделены разночтения с *ДЗ0* (см.: *ДЗ0*; 20: 152).

- 11 «Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм!» (ДЗ0; 27: 19).
- 12 Подробнее см.: [Заваркина: 57, 66–71].
- 13 Некоторые ошибки чтения в данной записи, допущенные в первых публикациях, исправлены в статье [Заваркина, Панюкова, Тарасова: 90–95].
- 14 Выделенные слова написаны чернилами.
- 15 Это больше, чем преступление, это ошибка (*фр.*).
- 16 Под словом вписан вариант: отыскать
- 17 Исповедание веры (*фр.*).
- 18 Подробнее о графических особенностях почерка Достоевского см.: [Тарасова, Заваркина, Панюкова].
- 19 В ЛН и ДЗ0 прочитано: «Рама» [ЛН: 286], (ДЗ0; 20: 205). Подробнее об анализе разночтения см.: [Заваркина: 75–76].
- 20 См. также: [ЛН: 246–250], (ДЗ0; 20: 191–194). Критику отдельных прочтений см.: [Тарасова, 2017: 60–61].

Список литературы

1. Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. — СПб.: Наука, 2005. — 338 с.
2. Борщевский С. Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы. — М.: ГИХЛ, 1956. — 392 с.
3. Булгаков С. Н. Христианство и социализм // Булгаков С. Н. Христианский социализм: сб. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1991. — С. 205–233. (Сер. «Споры о судьбах России»)
4. Вагин Е. А. Достоевский: от христианского социализма к социальному христианству // Записки Русской Академической Группы в США. — Нью-Йорк, 1981. — Т. 14. — С. 261–277.
5. Вышеславцев Б. Достоевский о любви и бессмертии (Новый фрагмент) // Современные записки (Annales contemporaines). — Париж, 1932. — Кн. 50. — С. 288–304.
6. Галкин А. Б. Образ Христа и концепция человека в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. — М.: Наследие, 2001. — С. 319–336.
7. Гроссман Л. П. Путь Достоевского. — Л.: Изд-во Брокгауз — Ефрон, 1924. — 242 с.
8. Гроссман Л. П. Достоевский. — Изд. второе, испр. и доп. — М.: Молодая гвардия, 1965. — 606 с.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. худож. произведений / под ред. Б. Томашевского и К. Халабаева. — М.; Л.: Госиздат, 1930. — Т. 13: Статьи. — 650 с.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
11. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. / науч. ред. проекта проф. В. Н. Захаров; [сост., подгот. текстов В. Н. Захарова]. — М.: Воскресенье, 2003. — Т. 2: Произведения 1847–1849 гг. — 491 с.
12. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. — Т. 5. — 936 с.

13. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; под ред. В. Е. Багно. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Наука, 2013–2019—. (продолжающееся издание).
14. Заваркина М. В. Проблемы хронологической атрибуции «третьей» записной книжки Ф. М. Достоевского // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 4. — С. 57–83 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576758765.pdf (01.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4261
15. Заваркина М. В., Панюкова Т. В., Тарасова Н. А. Графические особенности рукописей Достоевского (по материалам записных книжек и тетрадей 1862–1865 гг.) // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 4. — С. 84–138 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (01.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301
16. Захаров В. Н. О христианском значении основной идеи творчества Достоевского // *Достоевский в конце XX века: сб. ст.* — М., 1996. — С. 137–146.
17. Захаров В. Н. Идеи «Времени», дела «Эпохи» // *Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова*. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. — Т. 5. — С. 695–712.
18. Захаров В. Н. Сколько будет дважды два, или Неочевидность очевидного в поэтике Достоевского // *Вопросы философии*. — 2011. — № 4. — 109–114.
19. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
20. Зеньковский В. В. Проблема красоты в миросозерцании Достоевского // *Путь: орган русской религиозной мысли*. — Париж, 1933. — № 37 (февраль). — С. 36–60.
21. Кибальник С. А. «Христианский социализм» или «социальное христианство»? (Гоголь и Достоевский в истории русской социально-философской мысли) // *Проблемы исторической поэтики*. — 2017. — Т. 15. — № 3. — С. 70–93 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506330970.pdf (01.02.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2017.4481 (a)
22. Кибальник С. А. Гоголь, Достоевский и «социальное христианство» // *Вопросы философии*. — 2017. — № 4. — С. 150–158. (b)
23. Кибальник С. А. Записные книжки как источник для комментария и интерпретации литературного произведения // *Русская литература*. — 2017. — № 4. — С. 40–51. (c)
24. Кириллова И. А. «Маша лежит на столе...» — утопические и христианские мотивы (к обозначению темы) // *Достоевский и мировая культура: альманах*. — М.: Классика плюс, 1997. — № 9. — С. 22–27.
25. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: в 3 т.* — СПб.: Академический проект, 1993. — Т. 1: 1821–1864. — 544 с.
26. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. — Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. — 408 с.
27. Лосский Н. О. История русской философии. — М.: Академический Проект: Трикста, 2011. — 551 с.
28. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. — Paris: YMCA-PRESS, 1980. — 565 с.
29. *Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг.* — М.: Наука, 1971. — 727 с. (Литературное наследство; т. 83). [ЛН]

30. [Нечаева В. С.] Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 589 с.
31. Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха» (1864–1865). — М.: Наука, 1975. — 303 с.
32. Никитина Ф. Г. Идеи Ламенне в России // Достоевский и мировая культура: альманах. — М.: Классика плюс, 1997. — № 8. — С. 201–226.
33. Пруцков Н. И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1974. — Т. 1. — С. 58–82.
34. Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского // Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. — М.: Наука, 1971. — С. 9–92. (Литературное наследство; т. 83)
35. Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоевского. — М.: Наука, 1981. — 368 с.
36. Тарасова Н. А. Критика текста и проблема «трудных чтений» (на материале черновых записей 1864–1865 годов) // Русская литература. — 2017. — № 4. — С. 51–61.
37. Тарасова Н. А. Проблемы изучения рабочих тетрадей Ф. М. Достоевского в биографическом контексте // Русская литература. — 2019. — № 3. — С. 103–110. DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-103-110
38. Тарасова Н. А., Заваркина М. В., Панюкова Т. В. Графические особенности рукописей Достоевского: материалы для информационной базы данных // Неизвестный Достоевский. — 2018. — № 4. — С. 17–69 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (01.02.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3788
39. Тихомиров Б. Н. Задачи и проблемы издания записных книжек и тетрадей Ф. М. Достоевского // Вестник РГНФ. — 2010. — № 1 (58). — С. 101–115.
40. Фридендер Г. М. Новые материалы из рукописного наследия художника и публициста // Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. — М.: Наука, 1971. — С. 93–122. (Литературное наследство; т. 83)
41. Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому: К вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах *Время* и *Эпоха*. — Осло: Solum Forlag, 1986. — 82 с.
42. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. — М.: ГИХЛ, 1949. — Т. 2: Статьи и рецензии 1853–1855. — 944 с.
43. Шевцова Н. В. Письма об искусстве // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — С. 351–352. (Сер. «Достоевский и русская культура»)
44. Щенников Г. К. Социализм и христианство // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. — СПб.: Пушкинский Дом, 2008. — С. 353–355. (Сер. «Достоевский и русская культура»)
45. Scanlan J. P. Socialism, utopia, and myth // Dostoevsky in Context / ed. D. Martinsen, O. Maiorova. — Cambridge: Cambridge University Press, 2016. — Pp. 39–47. DOI:10.1017/SVO9781139236867.006

Marina V. Zavarkina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

mvnikulina@mail.ru

Socialism and Christianity:

Problems of Attribution and Publication of Dostoevsky's Idea

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90028 Dostoevsky.

Abstract. The article is devoted to the unrealized idea of F. M. Dostoevsky called *Socialism and Christianity*, which the writer worked on in the early 1860s. The researcher examines the origin of the draft and its publications, and attempts to chronologically attribute them based on existing opinions on this issue. Research revealed that this idea could have encompassed other drafts contained in Dostoevsky's notebooks and diaries of the specified period. The formal thematic compilation of Dostoevsky's notes on socialism and Christianity, which were presented in the initial publications, only indirectly outlined the boundaries of the draft, overlooking certain contingent parts of the text. Focusing on the internal (related to the diaries and notebooks themselves) and external (related to the writer's artistic and journalistic texts) contexts, the researcher tries both to expand the boundaries of the draft, and to analyze the emerging ties and interconnections. Certain controversial interpretations of Dostoevsky's handwritten text lead to a new level of its comprehension and deepen our understanding of Dostoevsky's polemics with his contemporaries, in particular with Chernyshevsky.

Keyword: Dostoevsky, diaries and notebooks, manuscript, socialism, Christianity, problems of publication, attribution, Chernyshevsky

About the author: *Zavarkina Marina V.* — PhD in Philology, Specialist, Web-laboratory of Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: March 1, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Zavarkina M. V. "Socialism and Christianity": Problems of Attribution and Publication of Dostoevsky's Idea. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 69–97. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4661 (In Russ.)

References

1. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie [F. M. Dostoevsky's Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
2. Borshchevskiy S. *Shchedrin i Dostoevskiy: istoriya ikh ideynoy bor'by [Shchedrin and Dostoevsky: The History of Their Ideological Struggle]*. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1956. 392 p. (In Russ.)
3. Bulgakov S. N. Christianity and Socialism. In: *Bulgakov S. N. Khristianskiy sotsializm: sbornik [Bulgakov S. N. Christian Socialism: Collected Works]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1991, pp. 205–233. (In Russ.)

4. Vagin E. A. Dostoevsky: From Christian Socialism to Social Christianity. In: *Zapiski Russkoy Akademicheskoy Gruppy v SShA* [Notes of the Russian Academic Group in the USA]. New York, 1981, vol. 14, pp. 261–277. (In Russ.)
5. Vysheslavtsev B. Dostoevsky About Love and Immortality (New Fragment). In: *Sovremennyye zapiski (Annales Contemporaines)* [Modern Notes (Annales Contemporaines)]. Paris, 1932, book 50, pp. 288–304. (In Russ.)
6. Galkin A. B. The Image of Christ and the Concept of Man in the Novel by F. M. Dostoevsky “Idiot”. In: *Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyaniye izucheniya* [The Novel by Dostoevsky “The Idiot”: The Current State of Studying]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 319–336. (In Russ.)
7. Grossman L. P. *Put’ Dostoevskogo* [The Way of Dostoevsky]. Leningrad, Brockhaus-Efron Publ., 1924. 242 p. (In Russ.)
8. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1965. 606 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie khudozhestvennykh proizvedeniy* [Dostoevsky F. M. The Complete Works of Fiction]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., 1930, vol. 13: Articles. 650 p. (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
11. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [The Complete Works: in 18 Vols]. Moscow, Voskresen’e Publ., 2003, vol. 2. 491 p. (In Russ.)
12. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2004, vol. 5. 936 p. (In Russ.)
13. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 35 Vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2019 (Continued). (In Russ.)
14. Zavarkina M. V. Problems of Chronological Attribution of “the third” Notebook of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 4, pp. 57–83. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576758765.pdf (accessed on February 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4261 (In Russ.)
15. Zavarkina M. V., Panyukova T. V., Tarasova N. A. Graphical Peculiarities of Dostoevsky’s Manuscripts: Based on the Materials of the Notebooks and Workbooks of the Years 1862–1865. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 4, pp. 84–138. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1576766460.pdf (accessed on February 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4301 (In Russ.)
16. Zakharov V. N. About the Christian Meaning of the Main Idea of Dostoevsky’s Works. In: *Dostoevskiy v kontse XX veka* [Dostoevsky at the End of the 20th Century]. Moscow, 1996, pp. 137–146. (In Russ.)
17. Zakharov V. N. The Ideas of “Vremya”, the Deeds of “Epokha”. In: *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2004, vol. 5, pp. 695–712. (In Russ.)
18. Zakharov V. N. How Much is Two and Two, or the Unobviousness of the Obviousness in Fedor Dostoyevsky’s Poetics. In: *Voprosy filosofii*, 2011, no. 4, pp. 109–114. (In Russ.)
19. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [The Author’s Name is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
20. Zenkovskiy V. The Problem of Beauty in Dostoevsky’s Worldview. In: *Put’*. Paris, 1933, no. 37 (February), pp. 36–60. (In Russ.)

21. Kibalnik S. A. “Christian Socialism” or “Social Christianity”? (Gogol and Dostoevsky in Terms of the History of Russian Socio-Philosophical Thought). In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetic*], 2017, vol. 15, no. 3, pp. 70–93 Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1506330970.pdf (accessed on February 1, 2020). DOI: 10.15393/j9. art. 2017.4481 (In Russ.) (a)
22. Kibalnik S. A. Gogol, Dostoevsky and “Social Christianity”. In: *Voprosy filosofii*, 2017, no. 4, pp. 150–158. (In Russ.) (b)
23. Kibalnik S. A. Notebooks as a Source for Commentaries and Interpretation of Literary Works. In: *Russkaya literatura*, 2017, no. 4, pp. 40–51. (In Russ.) (c)
24. Kirillova I. A. “Masha Lies on the Table...” — Utopian and Christian Motifs (on the Designation of the Theme). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. Moscow, Klassika plyus Publ., 1997, no. 9, pp. 22–27. (In Russ.)
25. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1. 544 p. (In Russ.)
26. Losskiy N. O. *Dostoevskiy i ego khristianskoe miroponimanie* [*Dostoevsky and His Christian Understanding of the World*]. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova Publ., 1953. 408 p. (In Russ.)
27. Losskiy N. O. *Istoriya russkoy filosofii* [*History of Russian Philosophy*]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Triksa Publ., 2011. 551 p. (In Russ.)
28. Mochul'skiy K. *Dostoevskiy. Zhizn' i tvorchestvo* [*Dostoevsky. Life and Works*]. Paris, UMCA-PRESS Publ., 1980. 565 p. (In Russ.)
29. *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 godov* [*The Unpublished Dostoevsky. Notebooks and Workbooks of 1860–1881*]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 727 p. (Ser. “The Literary Heritage”; vol. 83). (In Russ.)
30. Nechaeva V. S. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [*The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts*]. Moscow, the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 589 p. (In Russ.)
31. Nechaeva V. S. *Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha» (1864–1865)* [*The Journal of Mikhail and Fedor Dostoevsky “Epokha” (1864–1865)*]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 303 p. (In Russ.)
32. Nikitina F. I. The Ideas of Lamenne in Russia. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. Moscow, Klassika plyus Publ., 1997, no. 8, pp. 201–226. (In Russ.)
33. Prutskov N. I. Dostoevsky and Christian Socialism. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 58–82. (In Russ.)
34. Rozenblyum L. M. Art Diaries by Fedor Dostoevsky. In: *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 godov* [*The Unpublished Dostoevsky. Notebooks and Workbooks of 1860–1881*]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 9–92. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 83). (In Russ.)
35. Rozenblyum L. M. *Tvorcheskie dnevniki Dostoevskogo* [*The Creative Diaries of Fedor Dostoevsky*]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 368 p. (In Russ.)
36. Tarasova N. A. Text Criticism and the Problem of “Difficult Readings” (Based on the Material of Draft Records of 1864–1865). In: *Russkaya literatura*, 2017, no. 4, pp. 51–61. (In Russ.)
37. Tarasova N. A. The Problems of the Study of F. M. Dostoevsky's Workbooks in a Biographical Context. In: *Russkaya literatura*, 2019, no. 3, pp. 103–110. (In Russ.)

38. Tarasova N. A., Zavarkina M. V., Panyukova T. V. The Graphic Peculiarities of Dostoevsky's Manuscripts: Materials for Information Database. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2018, no. 4, pp. 17–69. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1545737853.pdf (accessed on February 1, 2020). (In Russ.)
39. Tikhomirov B. N. The Tasks and Problems of the Publication of F. M. Dostoevsky's Notebooks. In: *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [*Bulletin of the Russian Foundation for Humanities*], 2010, no. 1, pp. 101–115. (In Russ.)
40. Fridlender G. M. New Materials From the Handwritten Heritage of the Artist and Publicist. In: *Neizdannyy Dostoevskiy. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 godov* [*The Unpublished Dostoevsky. Notebooks and Workbooks of 1860–1881*]. Moscow, Nauka Publ., 1971, pp. 93–122. (Ser. “Literary Heritage”; vol. 83). (In Russ.)
41. Khetso G. *Prinadlezhnost' Dostoevskomu: k voprosu ob atributsii F. M. Dostoevskomu anonimnykh statey v zhurnalakh «Vremya» i «Epokha»* [*Attributed to Dostoevsky: The Problem of Attribution to Dostoevsky Anonymous Articles in “Time” and “Epoch”*]. Oslo, Solum Forlag Publ., 1986. 82 p. (In Russ.)
42. Chernyshevskiy N. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 15 tomakh* [*The Complete Works: in 15 Vols*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1949, vol. 2. 944 p. (In Russ.)
43. Shevtsova N. V. Letters About Art. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky: Works, Letters and Documents: Dictionary and Reference Book*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 351–352. (In Russ.)
44. Shchennikov K. G. Socialism and Christianity. In: *Dostoevskiy: sochineniya, pis'ma, dokumenty: slovar'-spravochnik* [*Dostoevsky: Works, Letters and Documents: Dictionary and Reference Book*]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2008, pp. 353–355. (Ser. “Dostoevsky and Russian Culture”) (In Russ.)
45. Scanlan J. P. Socialism, Utopia, and Myth. In: *Dostoevsky in Context*. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2016, pp. 39–47. DOI: 10.1017/CBO9781139236867.006 (In English)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4762

УДК 930.25

И. В. Дергачева

*Московский государственный институт культуры
(Москва, Российская Федерация)*

krugh@yandex.ru

Итальянский путь славянофила С. П. Колошина, корреспондента Ф. М. Достоевского: архивные материалы*

Аннотация. В статье представлены результаты архивного поиска сведений, имеющих отношение к личности С. П. Колошина — публициста, издателя журнала «Зритель общественной жизни, литературы и спорта», разорившегося в 1863 г. В 1860-е гг. он жил в Италии, пытался сотрудничать с журналом «Эпоха», переписывался с братьями М. М. и Ф. М. Достоевскими, умер 27 ноября 1868 г. во Флоренции. Обнаруженные документы позволяют уточнить время и обстоятельства его смерти. В Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ МИД) хранится дело о поручении протоиерею русского православного храма Рождества Христова и святителя Николая во Флоренции Михаилу Орлову, совершившему обряд елеосвящения Колошина, перевезти тело усопшего в Милан для захоронения в колумбарии, а также исполнить последнюю волю покойного, закончив его земные расчеты, в том числе с хозяйкой съёмного жилья. В ее расписке о получении денег указан адрес проживания Колошина в Милане, что имеет значение в связи с поисками его архива. В статье вводятся в научный оборот зашифрованные телеграммы российской дипломатической миссии в Турине, подписанные фамилией Kolochine (Колошин), и высказываются предположения о том, что они принадлежат родному брату С. П. Колошина — Дмитрию Павловичу, младшему секретарю русской миссии в Брюсселе, или же его двоюродному брату — Ивану Петровичу, магистру-резиденту Министерства иностранных дел Российской империи. Этим лицам также могли быть переданы документы личного архива С. П. Колошина, вероятно, включавшего и письма Достоевского.

Ключевые слова: С. П. Колошин, Ф. М. Достоевский, протоиерей Михаил Орлов, Флоренция, Милан, Флорентийская миссия, Туринская миссия, Архив внешней политики Российской империи, переписка, личный архив

Об авторе: *Дергачева Ирина Владимировна* — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой лингвистики факультета Государственной культурной политики, Московский государственный институт культуры (ул. Библиотечная, 7, Московская обл., г. Химки, 141406, Российская Федерация)

Дата поступления: 01.05.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Дергачева И. В. Итальянский путь славянофила С. П. Колошина, корреспондента Ф. М. Достоевского: архивные материалы // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 2. — С. 98–118. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4762

Опубликовавший неизвестный автограф Достоевского на записке М. П. Погодина в редакцию журнала «Эпоха» В. Н. Захаров писал о необходимости продолжения изучения судьбы С. П. Колошина и поисков его архива: «Из редакционной переписки сохранились лишь письма С. П. Колошина М. М. и Ф. М. Достоевским. Не известны письма Достоевских Колошину. Они касались его сотрудничества с «Эпохой», публикации статей, расчетов за них. Что случилось с архивом умершего на чужбине русского

литератора? Нужно искать архив Колошина, письма Достоевского и начинать поиск нужно во Флоренции, где Колошин умер 27 ноября (9 декабря¹) 1868 года» [Захаров: 60]. Изучение архивных документов русского православного храма Рождества Христова и святителя Николая во Флоренции позволило найти некоторые новые факты итальянского пути С. П. Колошина и уточнить дату смерти и место захоронения публициста (о начале нашего исследования см.: [Астутто, Дергачева]). Поиски были продолжены в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ МИД). Их результаты представлены в данной публикации.

В фонде дел личного состава и хозяйственных дел АВПРИ МИД фигурируют имена двух Колошиных — Ивана и Дмитрия Петровичей². И. П. Колошин значится среди списка лиц высших должностных чиновников Министерства иностранных дел:

«В Карлсруэ³

Поверенные в делах:

<...> Барон Феликс Казимирович Мейендорф с 4 июля 1870 по 3 января 1871 г.

Иван Петрович Колошин с 3 апреля 1871 по 26 мая 1876.

Магистр-резидент:

Иван Петрович Колошин с 26 мая 1876 г.»⁴.

Не установлено, кому именно — ему, магистру-резиденту И. П. Колошину, или его родному брату Д. П. Колошину, также входившему в личный состав МИД и его штат, принадлежат 9 зашифрованных телеграмм с подписью «Колошин», хранящихся в АВПРИ⁵. Приводим переводы с французского данных телеграмм в Приложении⁶.

Для прояснения, кем Иван и Дмитрий Колошины приходились публицисту Сергею Павловичу Колошину, приведем сведения из биографических исследований рода Колошиных и генеалогических таблиц.

Род Колошиных сыграл заметную роль в истории Российской империи. Отец трех братьев Колошиных, декабрист Павел Иванович Колошин, был знакомым отца Льва Толстого, Николая Ильича. Кроме того, Толстые и Колошины состояли в отдаленном родстве (по жене Павла Ивановича — Александре Григорьевне Салтыковой, приходившейся Л. Н. Толстому четвероюродной сестрой). Титулярный советник Московского губернского правления (1825), член «Союза спасения» (с 1817 г.), «Союза благоденствия» и Московской управы Северного общества (1825), после восстания декабристов он провел под арестом 6 месяцев, после освобождения уволен в отставку с чином коллежского асессора и выслан в деревню с запрещением въезда в обе столицы и установлением секретного надзора. Лишь в 1831 г. ему было разрешено жить в Москве. Последние 20 лет жизни был слеп. Умер в Москве и похоронен в Новодевичьем монастыре.

У П. И. и А. Г. Колошиных было трое сыновей — Сергей, Дмитрий и Валентин и две дочери — Александра и Софья. В примечаниях к генеалогическим таблицам обозначены их родственные связи с Толстыми:

«77. *Сергей Павлович Колошин* (57), (р. 10.I.1825, ум. 27.XI.1868), (дн., *письма*), литератор. Четвероюродный племянник Толстого.

78. *Дмитрий Павлович Колошин* (57), (р. 1827, ум. 2.XII.1877), чиновник. Четвероюродный племянник Толстого.

79. *Софья Павловна Колошина* (57), (р. 22.VIII.1828, ум. 1911?), (дн.), подруга детства Л. Н. Толстого и, по его собственному признанию, его первая любовь. Она выведена в «Детстве» в лице Сонечки Валахиной. Четвероюродная племянница Толстого.

80. *Валентин Павлович Колошин* (57), (ум. 28.VIII.1855), товарищ Л. Н. Толстого по Севастополю, где и был убит. Четвероюродный племянник Толстого» [Толстой а: 494].

Из генеалогических таблиц следует, что братья Колошины находились в родстве с Л. Н. Толстым, а литературные источники свидетельствуют об их дружбе и о любви Толстого к их сестре Соне (см.: [Басинский: 20]). В дневнике Л. Н. Толстого за 1856 г. читаем: «[21 мая. Москва.] 21 Мая. Утромъ были Калоши[ны] и Загоскинъ. Обѣдалъ у Аксакова. Познакомилъ съ Хомяковымъ. Остроумный человекъ. Спорилъ съ Константиномъ о сельскомъ чтеніи, которое онъ считаетъ невозможнымъ. Вечеромъ у Горчак[овыхъ] съ С[ергѣемъ] Д[митріевичемъ] спорилъ о совершенно противномъ; С[ергѣй] Д[митріевичъ] увѣрялъ, что самый развратный класъ крестьяне. Разумѣется я изъ Западника сдѣлался жестокимъ Славянофиломъ» [Толстой b: 74].

Валентин Павлович Колошин воевал вместе со Львом Толстым и был убит во время последнего штурма Севастополя (см.: [Басинский: 21]).

Второй брат, *Дмитрий Павлович*, был чиновником: «Дмитрий Павлович Колошин (р. 1827 г., ум. 2 декабря 1877 г.) служил в 1859–1861 гг. младшим секретарем Русской миссии в Брюсселе» [Толстой b: 326].

Родные братья *Иван* и *Дмитрий Петровичи Колошины* приходились двоюродными братьями С. П. Колошину. Этим лицам также мог быть передан архив последнего. Более известен Иван Петрович Колошин (1827 или 1829–1891), чьи документы обнаружены нами в АВПРИ МИД, — «сын подполковника, затем тайного советника Петра Ивановича Колошина (1794–1848), близкого к декабристам, от брака с Марией Сергеевной Мальцовой (1804–1878). Окончил С.-Петербургский университет. В службе с 1848. С 1853 — младший секретарь миссии в Бельгии. С 1856 — старший секретарь миссии в Испании. <...> В 1871 произведен в действительные статские советники и назначен поверенным в делах, а в 1876 чрезвычайным посланником и полномочным министром в Бадене. С 1882 член Совета МИД»⁷. Иван Петрович был другом поэта Вяземского, писал стихи. Автограф одного из произведений

И. П. Колошина и его письма хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)⁸.

Интересующий нас *Сергей Павлович Колошин*, третий сын декабриста Павла Ивановича Колошина, учился в Царскосельском лицее, поступил на военную службу, был гренадером, потом служил в гусарах. После выхода в отставку с военной службы в 1846 г. он начал печатать юмористические очерки и фельетоны в «Москвитяине», «Пантеоне», «Северной Пчеле» и «Развлечении»⁹. М. П. Погодин и И. С. Аксаков разделяли его взгляды и оказывали ему поддержку. Колошин играл заметную роль в журнале московских славянофилов «Москвитянин», но в 1851 г. покинул его из-за возникших разногласий с редактором Погодиным. В 1853 г. вышел в свет его роман «Светские язвы», содержащий острую сатиру на современное общество. 16 декабря 1861 г. С. П. Колошин начал издавать еженедельный литературный иллюстрированный журнал «Зритель общественной жизни, литературы и спорта». Как талантливый издатель он пользовался большой любовью читателей. Л. Н. Толстой с почтением отзывался о его издательской деятельности: «В пятидесятые годы один из братьев Колошиных, Сергей Павлович, был успешным писателем и журналистом. Толстой завидовал ему, о чем сообщал в письме к Ёргольской: “Он честно зарабатывает свой кусок хлеба, и зарабатывает его больше, чем приносят триста душ крестьян”» [Басинский: 20–21]. Однако 14 сентября 1863 г. издание журнала, просуществовавшего полтора года, прекратилось за недостатком средств. В результате финансовых проблем С. П. Колошин разорился.

Принципиальность и приверженность Колошина славянофильским идеалам вызывали резкое неприятие не только у некоторых его современников, но впоследствии и у наследников революционных демократов. К. И. Чуковский писал о нем с неожиданной для уважаемого писателя неприкрытой неприязнью, вряд ли объясняемой только советской цензурой: «Когда читаешь эти беглые упоминания о Сергее Колошине, он представляется человеком вполне доброкачественным. Но стоит перелистать его “Зритель”, и перед нами возникает другое лицо. Пошлый и злой мракобес, стремящийся оплевать и обляять революционные идеи шестидесятых годов, облить грязью великих поборников этих идей, — таким он встает перед нами со страниц своего нечистоплотного “Зрителя”» [Чуковский].

В 1863 г. из-за тяжелого материального положения и пошатнувшегося здоровья Колошин уехал в Италию, где служил переводчиком в суде г. Милана и посылал корреспонденции в газеты «Голос» и «Русский Инвалид». Свою поездку впоследствии он описал в «Современной Летописи»: «Из его статей в “Современной Летописи” составила книжка: “Европа и европейцы. Зигзаги и арабески русского туриста” (вып. I, М., 1866). Кроме того, изданы отдельно: “Въетан на Малой Дмитровке 13 марта” (М., 1860) и “Наша деревня изо дня в день. Дневник фельетониста Развлечения” (М., 1860). К. ум. в 1869 г.» [В. С. [Карпов]: 761–762].

С. П. Колошин, глубоко преданный славянофильским идеям и враждебно настроенный к католицизму, пользовался поддержкой литераторов круга Ф. М. Достоевского. Из-за цензурных запретов Достоевский сумел опубликовать лишь две его статьи. Подробную историю сотрудничества С. П. Колошина с Ф. М. Достоевским, основанную на изучении документальных источников, приводит В. Н. Захаров: «По рекомендации Ивана Аксакова и Михаила Погодина к участию в журнале был привлечен журналист и критик Сергей Колошин (1825–1868), живший в то время в Италии. Всего в “Эпохе” были напечатаны две его статьи (“Рим, Папа и Антонелли” — 1864, № 3; “Иезуиты и их уложение” — 1864, № 6. — *И. Д.*). В сентябре — октябре 1864 г. Достоевский безуспешно пытался добиться цензурного разрешения на публикацию статьи Колошина о польском вопросе. Другие материалы не были приняты к печати. По запросу Погодина редакция вернула отклоненные статьи Колошина. В своем ответе Достоевский информирует Погодина о том, что после июня 1864 года была опубликована лишь одна статья Колошина об иезуитах (7 страниц), за которую он назначает 15 рублей гонорара “по роду статьи”. Расчет был произведен 25 февраля 1865 года. Ответ Достоевского раскрывает драматические обстоятельства сотрудничества Колошина с журналом “Эпоха”. В записных книгах писателя за 1864–1865 годы имя Колошина упоминается 13 раз за шесть месяцев, была редакционная переписка, но сохранились лишь письма Колошина Михаилу и Федору Достоевским, не известны их письма Колошину» [Захаров: 58].

О деятельности С. П. Колошина в Милане систематических сведений не имеется. Достоверно известны лишь дата и место его смерти: «В метрической книге храма была обнаружена запись о причащении, смерти, отпевании и захоронении “майора гусарского полка Сергея Павловича Колошина”, который умер “от чахотки” во Флоренции 15 ноября [1868 г.], 16 ноября погребен “на общем городском кладбище в г. Милане, колумбайя № 32» [Астутто, Дергачева: 141], ср.: [Талалай: 370–371]. Таинство Елеосвящения совершил протоиерей Михаил Орлов, ранее служивший в Неаполе при походном алтаре императора Александра II; когда алтарь был перенесен в православный храм Флоренции — он перешел на службу туда.

В АВПРИ МИД в фонде российской дипломатической миссии во Флоренции было найдено «Дело по случаю поездки отца Орлова в Милан для погребения Колошина 1868 г.»¹⁰. Оно состоит из 3 листов на французском языке и 2 листов на итальянском. Приводим их перевод (фотокопии некоторых листов автографа см. в Приложении):

<1>

*«Ла Гард-Адэмар, 14 декабря 1868 г.**Луи Энре, торговец в Ла Гард-Адэмаре (Дром¹¹)**Его Превосходительству господину Послу России во Флоренции**<Резолюция посла:**...написал, чтобы он**обратился к брату**Дмитрию Колошину**В С.-Петербурге,**атташе со специальной миссией**при Министре**19 декабря 1868 г.>**Господин Посол,*

Из Милана мне пишут, что российское посольство во Флоренции взяло на себя обязательства покрыть расходы в связи со смертью и долгами господина Сергея Колошина, российского подданного, скончавшегося в Милане 27 ноября 1868 года, брата другого господина Колошина, служившего атташе посольства в Брюсселе.

Позвольте мне, господин Посол, как кредитору, давшему в долг небольшую сумму господину Сергею Колошину, осведомиться у Вашего Превосходительства, точна ли полученная мною информация.

Если это так, имею честь просить Ваше Превосходительство сообразоволять уведомить меня об этом через французское посольство, и тогда я имел бы честь незамедлительно передать Вашему Превосходительству долговые расписки.

Семья этого господина, чья добрая репутация мне известна, должна расценить этот долг как дело чести, учитывая, что он проистекает из суммы, дружески данной мной взаймы во время моего пребывания в Милане два или три года назад в момент крайней нужды господина Сергея Колошина, с которым мы там подружились.

Если же, напротив, сведения, предоставленные мне, ошибочны, просил бы Вас, тем не менее, господин Посол, сообразоволять передать мне через канцелярию вашего посольства или через французское посольство адрес брата господина Колошина, чтобы я мог написать ему напрямую.

Имею честь просить Вас принять, Ваше Превосходительство господин Посол, уверения в моем глубоком уважении.

*Ваш покорный слуга,**[подпись]**Милан, 28 ноября 1868 г.» <л. 1-1 об.>*

<2>

«Милан, 28 ноября 1868 г.
Его Превосходительству
Господину Киселеву,
Полномочному Посланнику
Его Величества Императора России
Флоренция

Господин Посланник,

Только вчера имел удовольствие видеть преподобного отца Орлова, передавшего Ваше письмо от 21 ноября.

Преподобный отец Орлов, сообщив мне о том, что господин Колошин скончался утром, также проинформировал меня, что займется всеми необходимыми в подобных обстоятельствах приготовлениями, и по его просьбе для содействия в этих делах, которые он по доброте своей взял на себя, я предоставил ему соответствующий документ.

Господин Колошин скончался в меблированных комнатах, где он проживал. Движимое имущество не опечатывалось, поскольку оно ему не принадлежало. Имущество господина Колошина составляло 2000 итальянских лир, кои он доверил своему другу господину Бланку, биржевому брокеру в этом городе.

Этот господин, с коим я был знаком лично, пришел ко мне, чтобы дать сумму лишь в 1925,10 лиры в связи с приобретением различных продуктов по просьбе господина Колошина, и которые он собирался вернуть господину Орлову вместе с запиской или со счетом.

Господин Бланк заявил мне, что господин Колошин, чувствуя, что очень болен, доверил ему эти деньги, завещав ему, что в случае смерти они пошли на оплату расходов по погребению и возврату небольших долгов, добавив, что он желал бы, чтобы остаток средств был передан госпоже Розе Фолетти, у которой он проживал и которая весьма старательно заботилась о нем.

Я вручил господину Бланку расписку о получении денег на сумму в 1925,10 лиры, и этим утром я передал эту сумму отцу Орлову, который пришел за ней, предоставив мне в свою очередь расписку о получении, в которой он подтверждает, что эти деньги пойдут на оплату похорон и долгов покойного, и что, поскольку у господина Колошина здесь более ничего не было, кроме суммы доверенной господину (сэру) Бланку, он не имеет полномочий по принятию других мер по охране наследства.

Считая, что таким образом истолковал и последовал указаниям, которые Вы мне дали, я вновь предлагаю Вам свои услуги и прошу принять, господин Посланник, уверения в моем самом глубоком уважении.

*Ваш преданный слуга,
Жюль Белинзаги¹²» <л. 2, 2 об., 3, 3 об.>*

<3>

«Две тысячи лир от протоиерея Михаила Орлова 28 ноября 1868 года я получила, хозяйка дома на улице Турин № 56 в Милане. А остальные двести тридцать лир остаются в кошельке покойного С. Колошина.

Роза Фолетти» <л. 4>.

<4>

«Милан 27 ноября 1868

Сим подтверждается, что русский священник Орлов, капеллан императорской дипломатической миссии России, согласно письму от 21 текущего месяца во Флоренции, отправился в Милан, чтобы присутствовать при отправлении в последний путь г-на Колошина, русского подданного, эмигранта, проживавшего на улице Турин № 56. Вышеназванный священник Орлов уполномочен по закону России защищать и выполнять все, что требуется по закону в случае смерти г-на Колошина.

*Джулио Беланьяр, Милан
[Муниципалитет Милана. Печать]» <л. 5>*

<5>

«Господину Жюлю Белинзаги,

Заявляю, что вы мне передали сегодня сумму в размере 1925,10 лиры, которую господин Бланк передал Вам вчера. Эта сумма принадлежала господину Колошину, и настоящим я сообщаю, что использую ее для оплаты расходов на похороны и покрытие небольших долгов покойного господина Колошина. Получив эту сумму в полном объеме для оплаты данных расходов, я беру на себя ответственность за нее. Учитывая тот факт, что господин Колошин скончался в меблированных комнатах, а другого имущества у него не было, никакой необходимости в проведении процедур по опечатыванию или охране наследства нет.

Протоиерей Михаил Орлов» <л. 6>.

Искать объяснение факта пребывания и смерти С. П. Колошина во Флоренции следует, видимо, в исповедальных ведомостях православного храма

во имя Рождества Христова и святителя Николая и в фондах «Канцелярии заведующего придворным духовенством МИД» в РГИА (исповедальные ведомости, как и метрические книги, составлялись в двух экземплярах, один из которых оставался в храме, а второй, если дело касалось православного зарубежного храма, отправлялся в Канцелярию МИД). События, связанные с национально-освободительным движением Италии за государственную целостность конца 50-х — начала 70-х гг. XIX в., находили сочувствие и в России, в лице не только представителей российской дипломатии, но и видных журналистов и писателей: Ф. И. Тютчева, М. Н. Каткова, Н. В. Альбертини, В. Ф. Корша и пр. Можно предположить, что С. П. Колошин, патриот и неравнодушный публицист, не мог оставаться в стороне и активно участвовал в освещении событий. Тот факт, что российская дипломатическая миссия во Флоренции приняла активное участие в захоронении С. П. Колошина и улаживании его последних мирских дел, может косвенно свидетельствовать о том, что и он мог иметь с миссией некие контакты, учитывая дипломатический статус его родного и двоюродного братьев.

«Примерно в те же дни, когда умер Колошин, во Флоренцию приехали Достоевские. О планах перебраться “в конце ноября” из Милана во Флоренцию, где были русские газеты и жизнь казалась дешевле, Достоевский писал С. А. Ивановой 26 октября (7 ноября). Переезд и состоялся в конце ноября — начале декабря. 5 (17 декабря) Достоевский уже оплатил месячный абонемент Флорентийской библиотеки. Встреча Федора Михайловича с умирающим литератором маловероятна, практически исключена. Впрочем, русская диаспора во Флоренции была мала, в то время там были два русских домовых храма: один в палаццо графа Бутурлина, второй — в палаццо Сан-Донатто Демидовых, у которых в Никольском храме служил постоянный священник. Вполне возможно, что Достоевский участвовал если не в отпевании, то в поминальных службах по усопшему товарищу. Вполне возможна и даже неизбежна эта заупокойная встреча Достоевского с Колошиным» [Захаров: 60–61].

Состоялась ли встреча С. П. Колошина и четы Достоевских в Милане? Достоевские жили там с начала сентября по вторую половину ноября 1868 г. Колошин проживал на ул. Турин, 56, а Достоевские — «близ Согсо в такой узенькой улице, что соседи могли переговариваться из окна в окно» [Достоевская: 182]. По топографии Милана они жили на расстоянии нескольких улиц друг от друга, причем Достоевские — рядом с храмом Santa Maria della Grazia, а С. П. Колошин недалеко от храма San Lorenzo Maggiore. Хочется верить, что их общий интерес к храмам и культурному наследию Италии увеличивает вероятность их встречи. Впрочем, всё зависело от состояния здоровья больного.

Колошин умер во Флоренции 15/27 ноября 1868 г. Зачем он приезжал в этот город? Лечился ли там, готовился ли к смерти или она случилась неожиданно? Если готовился, то мог бы заранее распорядиться своим архивом. Где же он?

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90034 («Достоевский и Италия»).
- 1 Разыскания И. В. Дергачевой дают возможность исправить ошибку в дате смерти С. П. Колошина, которая содержится в цитируемой статье. Источником ошибки стала информация справочных и энциклопедических изданий. См., например, [Махов: 28]. С. П. Колошин умер не 27 ноября (9 декабря), а 15 (27) ноября. — *Прим. ред.*
 - 2 АВПРИ МИД. Ф. ДЛС и ХД. Реорганизация МИД. Оп. 731. Ед. хр. 8 (Личный состав МИД и его штат 1854–1917 гг.). Л. 319 об. (Колошин Иван Петрович), л. 330 (Колошин Дмитрий Петрович).
 - 3 Город в Германии, в земле Баден-Вюртемберг, расположенный в окрестностях реки Рейн недалеко от французско-германской границы.
 - 4 АВПРИ МИД. Ф. ДЛС и ХД. Реорганизация МИД. Оп. 731. Ед. хр. 9 (Список лиц, занимающих важнейшие должности по Министерству иностранных дел с 1856 по 1881 г.). Л. 15. См. также л. 4.
 - 5 АВПРИ МИД. Ф. 190 (Посольство в Риме). Оп. 525а (1856 г.). Ед. хр. 904 (шифрованные депеши МИД России в Российскую миссию в Турине).
 - 6 Выражаю благодарность С. В. Дергачеву за расшифровку и перевод с французского языка на русский рукописных документов XIX в.: 9 телеграмм и 3 писем, касающихся миланской миссии протоиерея Михаила Орлова, а также за пояснения в примечаниях.
 - 7 Алфавитный указатель дипломатов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusdiplomats.narod.ru/koloshin-ip.html>
 - 8 РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 2074 (Письма Колошина Ивана Петровича Вяземскому Петру Андреевичу; 9 декабря 1874 — 29 декабря 1876, б. д.; 7 п., 10 л.); Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 3333 (Письма Колошина Ивана Петровича Вяземской Вере Федоровне; на рус. и фр. языках; 5 декабря 1879, 1880-е гг.; 4 п., 5 л.); Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 5404 (И. П. Колошин. «Когда перед венгром австрийцы дрожали...». Стихотворение; 11–23 июня 1854 г.; 1 л.).
 - 9 Описанию литературной и издательской деятельности С. П. Колошина посвящены статьи Н. А. Бойко [Бойко, 2014а, 2014б, 2015].
 - 10 АВПРИ МИД. Ф. 197 (миссия во Флоренции). Оп. 607/1. Ед. хр. 42 (Дело по случаю поездки отца Орлова в Милан для погребения Колошина 1868 г.). Л. 1, 1 об., 2, 2 об., 3, 3 об., 4, 5, 6.
 - 11 Департамент Дром на юго-востоке Франции.
 - 12 Джулио Белинзаги (1818–1892) — итальянский политик, мэр города Чернобьо в провинции Комо (1864–1868), дважды мэр Милана (1867–1884, 1889–1892), заседал в Сенате Италии (1872–1892).
 - 13 Граф Эрнест Густавович Штакельберг, российский дипломат из остзейского дворянского рода Штакельбергов. Родился в Вене, где его отец возглавлял русское посольство. В 1852 г. Штакельберг состоял при посольстве России в Вене. В 1856 г. ему был вверен пост чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворе короля Сардинского; этот пост он занимал пять лет — до 1861 г.
 - 14 Французский город в 100 км от Лиона и в 210 км от Турина.
 - 15 Барон Петр Казимирович Мейендорф (1796–1863), русский дипломат из остзейского рода Мейендорфов. С 1850 по 1854 г. чрезвычайный и полномочный посол России

в Австрийской империи. В 1854 г. назначен членом Государственного совета и Комитета министров.

- ¹⁶ Город в Италии, расположен в регионе Пьемонт на берегу Лаго Маджоре.
- ¹⁷ Возможно, речь идет об австрийском императоре Франце Иосифе I, в чьи владения входило Сардинское королевство.
- ¹⁸ Иногда во время транспортировки трюфели засыпают рисом или помещают в оливковое масло, что дает возможность хранить грибы в свежем виде дольше.

Список литературы

1. Астутто Дж., Дергачева И. В. По следам Ф. М. Достоевского во Флоренции // *Неизвестный Достоевский*. — 2019. — № 2. — С. 130–148 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562685444.pdf (05.03.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4022
2. Басинский П. Святой против Льва. Иоанн Кронштадский и Лев Толстой: история одной вражды. — М.: АСТ, 2013. — 572 с.
3. Бойко Н. А. С. П. Колошин: предчувствие реформ // *Власть*. — 2014. — Т. 22. — № 8. — С. 127–130. (a)
4. Бойко Н. А. Трансформация общественной и издательской деятельности С. П. Колошина в 1863 г.: польский вопрос // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2014. — № 6 (ноябрь — декабрь) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/6/Boйко_Koloshin-Polish-Question/ (05.03.2020). (b)
5. Бойко Н. А. История как наставница: изучение С. П. Колошиным исторических экспозиций европейских музеев // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. — М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2015. — № 5. — С. 41–49.
6. В. С. [Карпов] Колошин С. П. // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т.* — СПб.: Семеновская Типо-Литография (И. А. Ефрона), 1895. — Т. XVa: Коала — Конкордия. — С. 761–762.
7. Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подготовка текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. — М.: Худож. лит., 1971. — 496 с.
8. Захаров В. Н. Неопубликованный автограф Достоевского: Ф. М. Достоевский и С. П. Колошин // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — № 7 (136). — Т. 2. — С. 58–61 [Электронный ресурс]. — URL: <http://uchzap.petrso.ru/files/n136-2.pdf> (05.03.2020).
9. Махов А. Е. Колошин Сергей Павлович // *Русские писатели. 1800–1917: биографический словарь* / гл. ред. П. А. Николаев. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. — Т. 3: К–М. — С. 28–29. [Электронный ресурс]. — URL: https://imwerden.de/pdf/russkie_pisateli_1800-1917_tom3_1994_text.pdf
10. Талалай М. Г. Российский некрополь в Италии. — М.: Старая Басманная, 2014. — 908 с. (Сер. «Российский некрополь»; вып. 21)
11. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. — М.: Худож. лит., 1937. — Т. 46: Дневник 1847–1854 гг. — 574 с. (a)
12. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. — М.: Худож. лит., 1937. — Т. 47: Дневники и Записные книжки 1854–1857. — 619 с. (b)
13. Чуковский К. История одного пасквиля // *Литературная газета*. — 1961. — 30 ноября [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/articles/istoriya-odnogo-paskvilya> (05.03.2020).

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. Российская дипломатическая миссия в Турине.
Шифрованные депеши

АВПРИ МИД. Ф. 190 (Посольство в Риме). Оп. 525а (1856 г.). Ед. хр. 904
(Russian diplomatic mission in Turin. The encrypted dispatches)

TÉLÉGRAPHIE PRIVÉE

№ 14267 Bureau de Turin 54

DÉPÊCHE reçue du Bureau de Lyon
le jour 19 août 1856 à 11 h. du soir

Nombre des mots 24/19 Date 19.

A Coute Stachelberg Turin Hôtel Jéber

Arrivé trop tard pour courrier du matin
je pars ce soir par Chambour. Veuillez
faire dire à Angelo.

Signé
Kolochina

Kolochina

Il est expressément défendu aux messagers de recevoir des étrennes.

Илл. 1. АВПРИ МИД. Ф. 190 (Посольство в Риме).
Оп. 525а 1856 г. Ед. хр. № 904. Л. 54

Fig. 1. The Russian Empire's Foreign Policy Archive.
Fund 190. Inventory 525a. Case 904. Leaf 54

<1>

«ЧАСТНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

№ 14267

Бюро в Турине

Телеграмма получена из бюро в Лионе

19 августа 1856 года в 16:40

Количество слов: 24/19

Дата: 19

Графу Штакельбергу¹³, Турин, гостиница “Зедер”

Прибыл слишком поздно для передачи утренней почтой. Отправляюсь этим вечером через Шамбери¹⁴. Прошу сообщить Анжело.

Подписано

Колошин» <л. 54>

<2>

«РЕГИОНАЛЬНОЕ БЮРО ТЕЛЕГРАФА ВО ФЛОРЕНЦИИ

№ 191

Телеграмма получена из Турина

5 сентября 1856 года в 14:50

Графу Штакельбергу, Флоренция

Отправлена в 14:55 вчера из Москвы

В четверг Мейендорф¹⁵ приступает в Ницце к ранее согласованным приготовлениям

предложение дворца отвергнуто по причине здоровья
прочитано Кавуру.

Колошин» <л. 55>

<3>

«Барону Мейендорфу, Штутгарт

Получил вчерашнюю телеграмму.

Король распорядился снять гостиницу в Ароне¹⁶, дворец готов в Гиусе.
Пароходы готовы.

14 октября

Колошин» <л. 56>

<4>

«ЧАСТНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

№ 322

Бюро в Турине

Телеграмма получена из бюро в Ницце

30 октября 1856 года в 10:55

Количество слов: 32/27

Дата: Ницца, 30

Господину Колошину, дипломатическая миссия России в Турине

Наш курьер, выехавший отсюда вчера, прибудет к Вам в полдень. Отправьте через него Императору¹⁷ сухие белые трюфели, засыпанные рисом¹⁸.

Подписано

Мейендорф» <л. 61>

<5>

«САРДИНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

№ 115

Бюро в Турине

Телеграмма получена из бюро в Бреслау

13 в 16:25

Количество слов: 25/18

Дата: Бреслау, 13

Посланнику России в Турине

Будете ли Вы 11 в Ницце или для того, чтобы увидеться с Вами я должен прибыть в Турин. Пожалуйста, телеграфируйте ответ в Баден-Баден.

Шувалов

Графу Шувалову, Баден-Баден

Штакельберг в Ницце

Прибывает сюда б. Советую

проехать в Турин

Колошин» <л. 65>

<6>

«ЧАСТНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

№ 322

Бюро в Турине

Телеграмма получена из бюро в Ницце

6 сентября 1856 года в 15:16

Количество слов: 24

Дата: Ницца, 30

Господину Колошину, дипломатическая миссия России в Турине.

Прибыв 4, отправляюсь обратно на корабле и буду 7 в Турине. Спасибо за ваши письма.

Подписано

Штакельберг» <л. 85>

<7>

«САРДИНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ»

№ 98

Бюро в Турине

Телеграмма получена из бюро в Ницце

9 ноября в 10:28

Количество слов: 24/19

Дата: Бреслау, 13

Господину Колошину, дипломатическая миссия России в Турине

Немедленно сообщите и затем отправьте его мне. Отправляйтесь в Милан, получив мое второе письмо от 9.

Штакельберг» <л. 87>

<8>

«ЧАСТНЫЙ ТЕЛЕГРАФ»

№ 117

Бюро в Турине

Телеграмма получена из бюро в Ницце

11 октября 1856 года в 11:15

Количество слов: 20/14

Дата: Ницца, 11

Господину Колошину, дипломатическая миссия России в Турине

Ожидается почта из Парижа, буду в Турине 13. Ждите меня и предупредите Коста.

Подписано
Штакельберг» <л. 88>

<9>

«ЧАСТНЫЙ ТЕЛЕГРАФ»

№ 126

Бюро в Турине

Телеграмма получена из бюро в Ницце

11 декабря 1856 года в 15:10

Количество слов: 48/43

Дата: Ницца, 11

Господину Колошину, дипломатическая миссия России в Турине

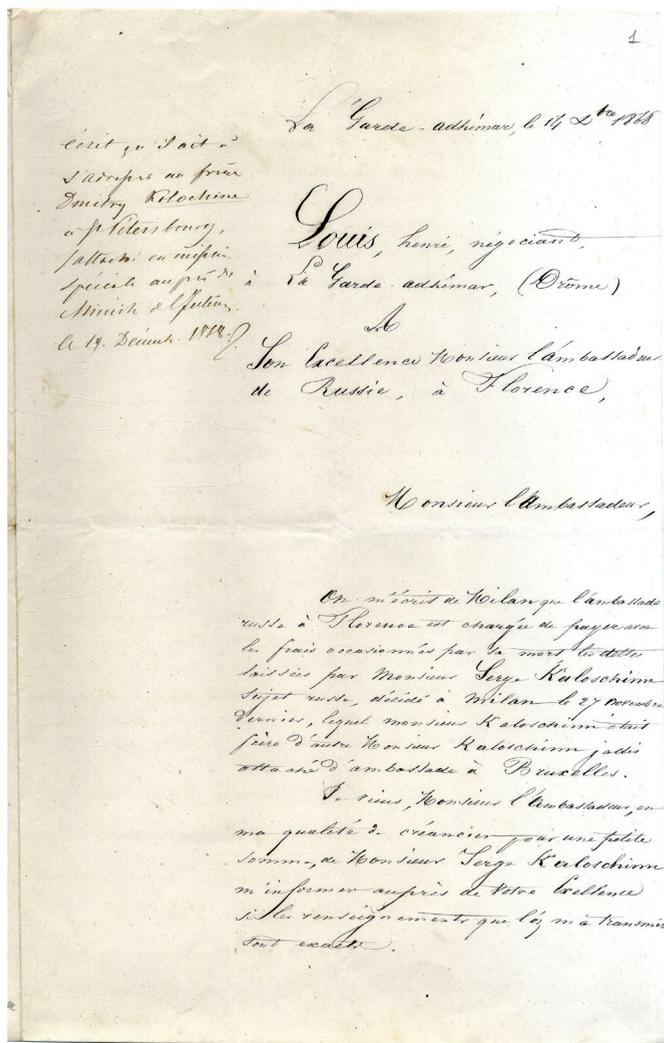
Великая княжна 12 вечером в Милане. Будьте там. Объявите Фельдъ-ягуеру в Милане. Олафу в Генуе. Посоветуйте речной путь через Виджевано 2 озера на излучине реки Тичино. Телеграфируйте время, в которое я должен ждать в Новаре, прибуду в Турин 13 утром. Оставьте письмо по ситуации.

Подписано
Штакельберг» <л. 89>

II. Дело по случаю поездки протоиерея Михаила Орлова в Милан
для погребения С. П. Колошина 1868 г.

АВПРИ МИД. Ф. 197 (Миссия во Флоренции). Оп. 607/1. Ед. хр. 42.

(The Case on the occasion of Archpriest Mikhail Orlov's trip to Milan
for the burial of S. P. Koloshin in 1868)

Илл. 2. АВПРИ МИД. Ф. 197 (Миссия во Флоренции).

Оп. 607/1. Ед. хр. 42. Л. 1

Fig. 2. The Russian Empire's Foreign Policy Archive.

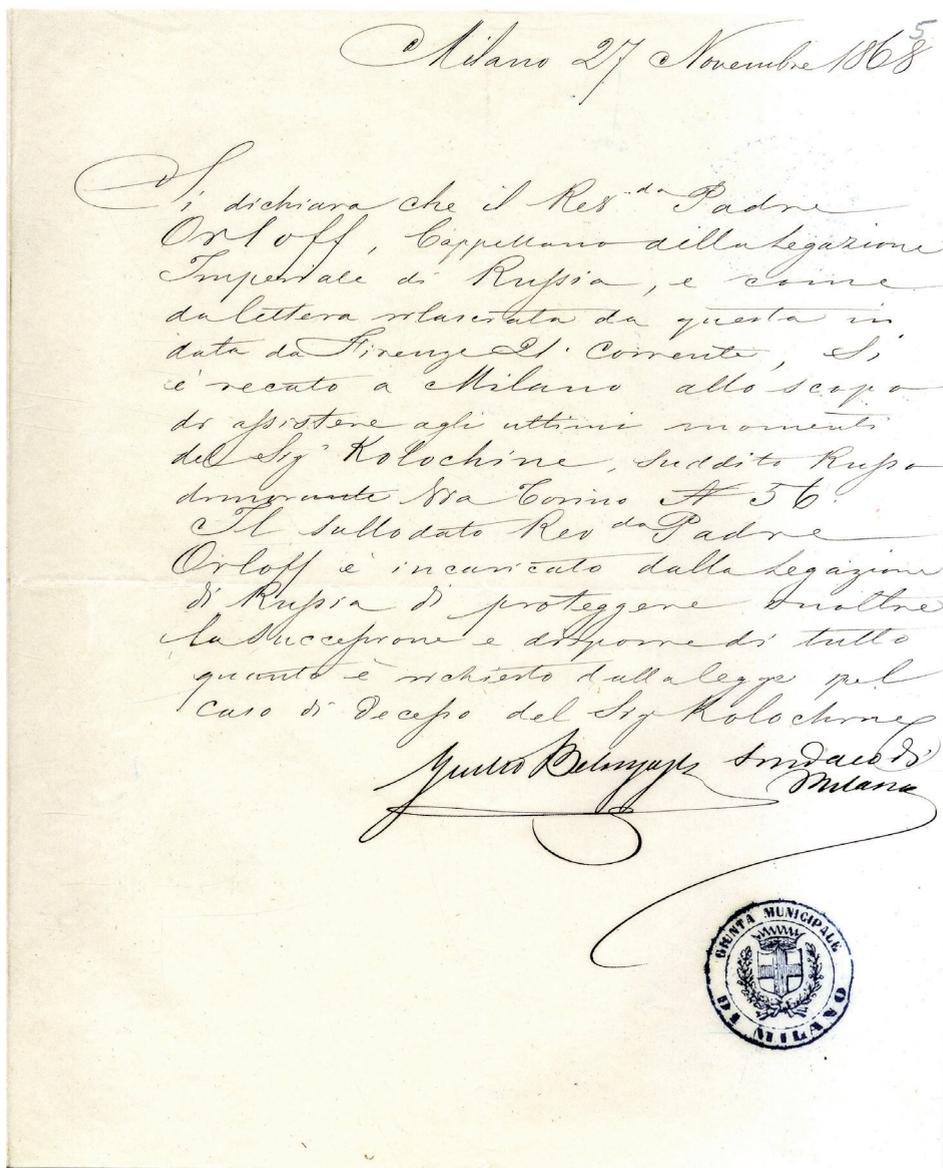
Fund 197. Inventory 607/1. Case 42. Leaf 1

4

Le Lire due mille
Da Arciprete, Padre Michele
Orloff, il giorno 28 Novembre
1868 anno ho ricevuto, Pad-
rona di casa. Via Torino
N 56. Milano. Ed altri
duecento trenta lire restati
in contanti nel portofoglio
del defunto S. Kaloscin.
Losa Felletti

Илл. 3. АВПРИ МИД. Ф. 197 (Миссия во Флоренции).
Оп. 607/1. Ед. хр. 42. Л. 4

Fig. 3. The Russian Empire's Foreign Policy Archive.
Fund 197. Inventory 607/1. Case 42. Leaf 4

Илл. 4. АВПРИ МИД. Ф. 197 (Миссия во Флоренции).

Оп. 607/1. Ед. хр. 42. Л. 5

Fig. 4. The Russian Empire's Foreign Policy Archive.

Fund 197. Inventory 607/1. Case 42. Leaf 5

6

Non

Milan 28 Novembre 1868

Monsieur Jules Pelizzaghi
in villa

Je déclare que sous m'avez payé
aujourd'hui la somme de L. 11925.10.
que M^r le Cher Blanc vous avait
remise hier - Cette somme appartenait
à Mr Kaloschine et je déclare
par la présente que je lui en
serais pour payer les frais
d'enterrement et des petites
dettes de feu Mr Kaloschine ;
Cette somme ne servant en entier
pour les susdits frais, je sou
en donne décharge ajoutant pour
votre règle que Mr Kaloschine
étant mort dans un Chambre mortuaire
il n'y a rien de rien que lui
appartenait, ainsi aucune démarche
à faire pour mettre des scellés
ou protéger la succession

Avoué, Michel Orloff.

218. 6000

Илл. 5. АВПРИ МИД. Ф. 197 (Миссия во Флоренции).
Оп. 607/1. Ед. хр. 42. Л. 6

Fig. 5. The Russian Empire's Foreign Policy Archive.
Fund 197. Inventory 607/1. Case 42. Leaf 6

Irina V. Dergacheva

Moscow State University of Culture
(Moscow, Russian Federation)

krugh@yandex.ru

The Italian Path of the Slavophile S. P. Koloshin, Correspondent of F. M. Dostoevsky: Archival Materials

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 18-012-90034 (“Dostoevsky and Italy”).

Abstract. The article presents the results of an archival search for information regarding Sergey P. Koloshin, a publicist and the publisher of the *Zritel obschestvennoy zhizni, literatury i sporta* (*Spectator of public life, literature and sports*) magazine, who went bankrupt in 1863. In the 1860s, he lived in Italy, attempted to collaborate with the *Epokha* (*Epoch*) magazine, corresponded with the brothers M. M. and F. M. Dostoevskys, and died on November 27, 1868 in Florence. The discovered documents allow to clarify the time and circumstances of his death. The Russian Empire’s Foreign Policy Archive contains a file regarding the assignment of the transportation the body of the deceased to Milan for burial in the columbarium to Mikhail Orlov, the Archpriest of the Russian Orthodox Church of the Nativity of Christ and St. Nicholas in Florence, who already performed the rite of blessing S. Koloshin. The latter was also entrusted with fulfilling the last will of the deceased, completing his settlements on this Earth, including those with the owner of his rented residence. Her receipt for money received indicates the address of Koloshin’s residence in Milan, which is significant in connection with the search for his archive, which probably includes the letters of Dostoevsky. The article also introduces the encrypted telegrams of the Russian mission to Turin into scientific circulation for the first time. These telegrams are signed by the name Koloshin (Kolochine), and the authors suggest that they belong either to Sergey’s brother, Dmitry Pavlovich, junior secretary of the Russian mission in Brussels, or to Ivan Petrovich Koloshin, Resident Master of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire, cousin of S. P. Koloshin. He could have also provided the documents from the personal archive of S. P. Koloshin, which likely included letters from Dostoevsky.

Keywords: S. P. Koloshin, F. M. Dostoevsky, Archpriest Mikhail Orlov, Florence, Milan, Florence Mission, Turin Mission, Archive of Foreign Policy of the Russian Empire

About the author: Dergacheva Irina V. — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics, Faculty of State Cultural Politics, Moscow State University of Culture (ul. Bibliotechnaya 7, Khimki, 141406, Russian Federation)

Received: May 1, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Dergacheva I. V. The Italian Path of the Slavophile S. P. Koloshin, Correspondent of F. M. Dostoevsky: Archival Materials. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 2, pp. 98–118. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4762 (In Russ.)

References

1. Astuto G., Dergacheva I. V. In the Footsteps of Dostoevsky in Florence. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2019, no. 2, pp. 130–148. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562685444.pdf (accessed on March 5, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4022 (In Russ.)

2. Basinskiy P. *Svyatoy protiv L'va. Ioann Kronshtadskiy i Lev Tolstoy: istoriya odnoy vrazhdy* [*Saint Against Leo. John of Kronstadt and Leo Tolstoy: The Story of One Enmity*]. Moscow, AST Publ., 2013. 572 p. (In Russ.)
3. Boyko N. A. S. P. Koloshin: Premonition of Reforms. In: *Vlast'*, 2014, no. 8, pp. 127–130. (In Russ.)
4. Boyko N. A. Transformation of the Public and Publishing Activity of S. P. Koloshin in 1863: The Polish Question. In: *Informatsionnyy gumanitarnyy portal «Znanie. Ponimanie. Umenie» 2014 g.* [*Humanitarian Informational Portal “Knowledge. Understanding. Skill” 2014*]. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/6/Boyko_Koloshin-Polish-Question/ (accessed on March 5, 2020). (In Russ.)
5. Boyko N. A. History as a Mentor: Studying by S. P. Koloshin Historical Expositions of European Museums. In: *Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [*Scientific Works of the Moscow Humanitarian University*]. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ., 2015, no. 5, pp. 41–49. (In Russ.)
6. V. S. (Karpov) Koloshin S. P. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 tomakh* [*The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 Vols*]. St. Petersburg, Semenovskaya Tipo-Litografiya (I. A. Efrona) Publ., 1895, vol. 15a, pp. 761–762. (In Russ.)
7. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya* [*Memories*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1971. 496 p. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. Unpublished Autograph of Dostoevsky: Fyodor Dostoevsky and Sergey Koloshin. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Scientific Notes of Petrozavodsk State University*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, no. 7 (136), vol. 2, pp. 58–61. (In Russ.)
9. Makhov A. E. Koloshin Sergey Pavlovich. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: biograficheskiy slovar* [*Russian Writers: a Biographical Dictionary*]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1994, vol. 3, pp. 28–29. [Электронный ресурс]. — URL: https://imwerden.de/pdf/russkie_pisateli_1800-1917_tom3_1994_text.pdf
10. Talalay M. G. *Rossiyskiy Nekropol' v Italii* [*Russian Necropolis in Italy*]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2014. 908 p. (In Russ.)
11. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh* [*The Complete Works: in 90 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1937, vol. 46: Diary of 1847–1854. 574 p. (In Russ.)
12. Tolstoy L. N. *Polnoe sobranie sochineniy: v 90 tomakh* [*The Complete Works: in 90 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1937, vol. 47: Diaries and Notebooks 1854–1857. 619 p. (In Russ.)
13. Chukovskiy K. History of a Libel. In: *Literaturnaya gazeta*. 1961. 30 November. Available at: <http://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/articles/istoriya-odnogo-paskvilya> (accessed on March 5, 2020) (In Russ.)

DOI: 10.15393/j9.art.2020.4582

УДК 821.161.1.09"18"+17.81.31

С. А. Кибальник

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом),
Российская академия наук,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

kibalnik007@mail.ru

Нечаевцы или петрашевцы? (О прототипах главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы»)*

Аннотация. Опубликованные в первом академическом издании «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского подготовительные материалы к роману «Бесы» содержат пометы писателя о том, что образ одного из главных его героев — Петра Верховенского — отчасти стилизован им под М. В. Петрашевского. В то же время комментаторы этого издания обнаружили в них помету, косвенно подтверждающую гипотезу о том, что одним из главных прототипов Ставрогина был Н. А. Спешнев. В статье проанализированы подготовительные материалы к «Бесам», в которых будущий Ставрогин значился еще как «Князь». Они сопоставлены в работе с личными впечатлениями Достоевского от общения со Спешневым не только в 1847–1849 гг., но и уже после его возвращения из ссылки, в 1860-е гг., а также с печатными материалами о пребывании Спешнева вместе с Петрашевским на поселении в Иркутске в 1857–1860 гг. Эти сопоставления показывают: некоторые отдельные существенные моменты в творческой истории «Бесов» связаны с тем, что если Петрашевский в 1859–1860 гг. и принял заметное участие в истории вокруг так называемой «иркутской дуэли», которая была направлена против генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского, то Спешнев к тому времени совершенно переменялся в убеждениях. Таким образом, подготовительные материалы к роману «Бесы» в полной мере подтверждают предположение о том, что основным прототипом Николая Ставрогина был Н. А. Спешнев. В то же время, обратившись к поведению М. В. Петрашевского в иркутской ссылке в 1859–1860 гг., можно понять, почему и каким образом в сознании Достоевского с этим человеком мог ассоциироваться социалист-революционер, подобный С. Г. Нечаеву.

Ключевые слова: прототип, главный герой, роман, «Бесы», творческая история, подготовительные материалы, рабочая тетрадь, Достоевский, петрашевцы

Об авторе: Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Российская академия наук (наб. Макарова, 4, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034)

Дата поступления: 17.03.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Кибальник С. А. Нечаевцы или петрашевцы? (О прототипах главных героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы») // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 2. — С. 119–141. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4582

1

Основным прототипом Петра Верховенского, который очевиден уже из подготовительных материалов к «Бесам», безусловно, является С. Г. Нечаев. Сложнее обстоит дело с Николаем Ставрогиным, прототипом которого предлагалось считать М. А. Бакунина, Н. А. Спешнева [Спор о Бакуanine и Достоевском: 7–40, 72–122, 162–168, 197–215], А. И. Герцена [Кантор: 275–288] и др. Сопоставление материалов рабочих тетрадей Достоевского с фактами пребывания некоторых петрашевцев на поселении в Сибири позволяет, как мне кажется, существенно уточнить вопрос об основных прототипах главных героев самого нашумевшего из романов писателя.

Как известно, в подготовительных материалах к «Бесам» Достоевский многих своих героев называет по именам их прототипов. Так, например, в ранних набросках к роману будущего Степана Трофимовича Верховенского он называет «Грановским», Липутина — «Милюковым», Петрушу Верховенского — «Нечаевым» и т. д. Причем характеристика последнего в целом соответствует тому, что Достоевский в то время узнавал о С. Г. Нечаеве из печатных источников. Так, например, в рабочей тетради, хранящейся в ОР РГБ (Ф. 93.1.1.5), читаем:

«Нечаев слушает тупо — требует иногда разъяснений самых пустых, и главное — уничтожить. Он вовсе не спорить приехал, а делать, а главное — согласиться всё истребить. В нашем городке у него склад, и он организует»¹.

И вдруг следует неожиданная помета: «НЕЧАЕВ — ОТЧАСТИ ПЕТРАШЕВСКИЙ <...>. Придерживаться более типа Петрашевского» (ДЗ0; 11: 106–107). В. А. Туниманов полагал, что, по всей вероятности, Достоевский «имел в виду не “широкое”, а частное сходство, некоторые черты характера Петрашевского, особенно энергию и энтузиазм, в психологическом смысле роднившие его с Нечаевым. От Петрашевского к Верховенскому перейдут хлопотливость, суетливость, неутомимость, запомнившиеся Достоевскому: “Человек он вечно суетящийся и движущийся, вечно чем-нибудь занят”...» (ДЗ0; 12: 218–219)². Однако так ли или, по крайней мере, только так ли это на самом деле?

Понятно, почему Достоевский решил стилизовать Нечаева под Петрашевского. Ведь как он сам признавался, «ни Нечаева, ни Иванова, ни обстоятельств того убийства» он «не знал» и совсем не знает, «кроме как из газет» (ДЗ0; 29; 141). Для создания же живого образа необходимо представлять себе внешний и внутренний облик отображаемого лица. И Достоевскому показалось, что революционер, организовавший убийство своего товарища, должен был быть именно таким:

«...мой Петр Верховенский может несколько не походить на Нечаева; но мне кажется, что в пораженном уме моем создано воображением то лицо, тот тип, который *соответствует этому злодейству*» (ДЗ0; 29; 141; здесь и далее курсив в цитатах мой. — С. К.).

С настоящим воодушевлением писатель может говорить только о глубоко пережитом им самим. Вот почему именно «личные мемуары на всем протяжении “Бесов” сочетаются с политическим бюллетенем дня, и хроника былого дублируется текущей газетной передовицей» [Гроссман: LXXX]. С одной стороны, это объясняет, почему Петр Верховенский, действительно, напоминает Петрашевского «своей возбужденной активностью гораздо сильнее, чем холодного, сосредоточенного методического Нецаева» [Спор о Бакуanine и Достоевском: 162]. Однако с другой стороны, ведь Петрашевский никого из своих товарищей не убивал, и поэтому насколько уместно и оправданно то, что Нецаев в сознании Достоевского ассоциировался с Петрашевским?

Тем не менее, «Петрашевский» — это ведь почти точная неполная анаграмма от «Петруша Верховенский» (в устном варианте «ПЕТ-РУШАВЕРХАВЕНСКИЙ»), позволившая писателю в одно и то же время, с одной стороны, сохранить аллюзионное указание на прототип своего героя, а с другой — акцентировать в нем как непомерное самолюбие, так и поверхностность, которые успешно соединились в личности М. В. Петрашевского³.

Далеко не так просто обстоит дело с прототипом Ставрогина. Отчасти это, безусловно, глубоко автобиографический герой (особенно если иметь в виду Ставрогина как героя, не раз высказывавшего в прошлом взгляды, близкие к почвенническим). Недаром Достоевский признавался: «Я из сердца взял его» (ДЗ0; 29; 142). «Религиозные диспуты Шатова и Ставрогина, — справедливо отмечал Вяч. Полонский, — есть ведь не что иное, как объективирование этой (самого Достоевского. — С. К.) внутренней борьбы» [Полонский: 181].

В то же время, как предположил еще Л. П. Гроссман, в образе Ставрогина, преломились отдельные черты «таинственного и демонического Спешнева» [Спор о Бакуanine и Достоевском: 168]. «Его (Н. А. Спешнева. — С. К.) бесстрашие, холодность, неудовлетворенный скептицизм, его красота и сила, обаяние, на всех производимое, и ореол какой-то тайны, — развивала ту же мысль В. Р. Лейкина, — все это реальные элементы в образе Ставрогина» [Лейкина: 13]⁴.

2

Именно такое впечатление, производимое Спешневым на самого Достоевского и на ряд других петрашевцев, по-видимому, не раз отозвалось в эпизодах «Бесов», раскрывающих отношение к Ставрогину Петра Верховенского и многих других героев романа: Шатова, Кириллова, Марьи Тимофеевны, Лебядкина, Лизы, Даши и др. Основания видеть в Николае Ставрогине Николая Спешнева, помимо совпадения имени героев и первой

буквы их фамилий, можно найти еще и в том, что с Петрашевским Спешнев в 1847–1849 г. был связан сложными отношениями сотрудничества и соперничества.

Достаточно вспомнить, например, попытку создания Спешневым «своего особенного кружка», переговоры Петрашевского и Спешнева с Р. А. Черносвитовым и многое другое. Петрашевский со Спешневым составляли тогда такую же странную пару, на первый взгляд, хороших знакомых (оба они в одно время учились в Александровском Лицее) и почти сверстников, как и Верховенский со Ставрогиным⁵.

Недаром во время следствия по «делу петрашевцев» Спешнев казался Петрашевскому главным виновником его беды: «Теперь мне попеременно представляется... то ужасная провокация — хитрая, коварная проделка *agent-provocateur*⁶ Черносвитова, то действия Спешнева, — месть тонкая оскорбленного самолюбия... Спешневым все было сделано на гибель мою и других...» [Философские и общественно-политические произведения петрашевцев: 434–435]. И поскольку Петрашевский сам всегда выбалтывал свои самые заветные секреты, то не было бы ничего удивительного, если бы и это дошло не только до Спешнева, но и до Достоевского.

Комментируя диалог Верховенского с «хромым учителем» в главе «У наших», В. А. Туниманов не без основания отметил, что «слово “аффилиация”, несколько раз специально употребленное им и Верховенским, несомненно восходит к “Проекту обязательной подписки” Спешнева <...> Достоевский специально сталкивает “Проект” Спешнева и “Катехизис” Нечаева, улавливая в последнем некоторые черты преимущества в деле организации “пятерок”, но подчеркивая и различия...» (ДЗ0; 12: 220). Исследователь, безусловно, имеет в виду то обстоятельство, что нечаевский «Катехизис революционера» называли также иногда, в частности в ходе процесса над «Народной расправой», «Уставом международного общества», так как именно такую, регламентирующую деятельность революционера, роль он и призван был играть.

В свете этого следует, по-видимому, интерпретировать и реплику Верховенского Ставрогину: «Впрочем, вы сами устав писали, вам нечего объяснять» (ДЗ0; 10: 298). Скорее реплика эта не в последнюю очередь отсылает к нечаевскому «Уставу...», то есть к «Катехизису...»⁷. Недаром ей предшествуют следующие слова:

«— Там, куда мы идем, членов кружка всего четверо. *Остальные, в ожидании, шпионят друг за другом взапуски и мне переносят.* Народ благонадежный. *Все это материал, который надо организовать, да и убираться*» (ДЗ0; 10: 298).

Возможно, Верховенский имеет здесь в виду § 10 «Катехизиса...»: «У каждого товарища должно быть под рукою *несколько революционеров второго и третьего разрядов, то есть не совсем посвященных*. На них он должен смотреть, как на *часть общего революционного капитала, отданного в его распоряжение*. Он должен экономически тратить свою *часть капитала*, стараясь всегда *извлечь из него наибольшую пользу*» (цит. по: [Революционный радикализм: 245]).

Однако нельзя не вспомнить здесь и спешневский «[Проект обязательной подписки для членов тайного общества]» (см.: [Философские и общественно-политические произведения петрашевцев: 503–504]). Впрочем, образ Ставрогина как автора «устава» тайного общества революционеров, разбитого на «пятерки», мог произрастать также и из воспоминаний Достоевского о кипучей деятельности Спешнева по созданию такого общества из членов кружка Петрашевского. В ноябре — декабре 1848 г. в ходе этой деятельности Спешнев «был задействован: в тройке с Тимковским и Данилевским; в тройке с Черносвитовым и Петрашевским; в *пятерке* (!!! — С. К.) с Петрашевским, Момбелли, Львовым и Дебу-старшим» [Сараскина: 179].

При этом в ходе организации «пятерки» на одном из собраний Спешнев представил «план тайного общества», который был прочитан участникам и предполагал три взаимосвязанных «внеправительственных пути действия — иезуитский (!!! — С. К.), пропагандный и восстанием»; при этом руководство брал на себя *центральный комитет*, которому подчинялись *два частных* — комитет товарищества для устройства школ пропаганды (фурьеристской, коммунистической, либеральной) и комитет тайного общества на восстание [Петрашевцы в воспоминаниях: 63]. По словам Н. А. Момбелли, «*Центральный Комитет* (его (Спешнева. — С. К.) выражение), в который вошли бы представители различных мнений», Спешнев «предложил *устроить из себя*» [Дело петрашевцев: 426].

В тексте романа есть вполне конкретное отражение этих реалий движения, можно сказать, уже не столько петрашевцев, сколько «спешневцев». Так, Верховенский говорит Ставрогину:

«Дураки попрекают, что я всех здесь надул *центральным комитетом* и «*бесчисленными разветвлениями*». Вы сами раз этим меня корили, а какое тут надувание: *центральный комитет* — я да вы, а *разветвлений* будет сколько угодно» (ДЗ0; 10: 299)⁸.

Бесконечные трения между петрашевцами по поводу создаваемого ими нового тайного общества и того положения, которое составившие его члены будут занимать в нем, сам Спешнев в письме, переданном им Петрашевскому, назвал «*chasse aux places*»⁹. При этом, например, у одного из кандидатов в создаваемое общество — Ф. Н. Львова, когда он узнал об отказе Спешнева остаться членом «пятерки» под предлогом того, что тот «связан другими

условиями более положительными», — сложилось впечатление, «что он нас потому не хочет иметь с собою, *чтобы быть у себя первым*» [Дело петрашевцев: 426]. Все это могло отозваться в романе идеей Петра Верховенского о «мундире» для «наших»:

«Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи — очень нравится и отлично принялось» (Д30; 10: 298).

Между прочим, отдельные детали из общения Спешнева и Петрашевского с Черносвитовым также могли отозваться в «Бесах». Например, в декабре 1848 г. после одной из «пятниц» у Петрашевского, когда Спешнев и Достоевский вышли от него, «Достоевский на улице сказал: “Черт знает, этот человек говорит по-русски, точно как Гоголь пишет”, и потом, подойдя ко мне, сказал: “Знаете что, Спешнев, — мне кажется, что *Черносвитов просто шпион*”. “Я думаю, — отвечал я, — что он человек с задними мыслями”. Он [оставил] во мне впечатление *или эмиссара, или главы какого-нибудь тайного общества в Сибири*, который приехал набирать людей». Причем Черносвитов, которому Петрашевский передал потом этот разговор Спешнева и Достоевского, «стал вроде комплимента» говорить Спешневу: «Мих[аил] Вас[ильевич] (Петрашевский. — С. К.) говорил мне о догадке Достоевского и об вашей», и взял за руку и пожал мне ее» [Дело петрашевцев: 457–464].

Как тут не вспомнить следующий диалог между главными героями «Бесов»:

- «А слушайте, Верховенский, *вы не из высшей полиции, а?*
 — Да ведь кто держит в уме такие вопросы, тот их не выговаривает.
 — Понимаю, да ведь мы у себя.
 — Нет, покамест не из высшей полиции» (Д30; 10: 300).

Во время последующих встреч Черносвитова со Спешневым между ними шла «напряженная психологическая игра» [Дело петрашевцев: 174], в ходе которой Черносвитов пытался выведать у Спешнева, существует ли «тайное общество», а Спешнев в ответ «лгал» «бессовестно, и оттого все ходил по комнате, чтоб он» (Черносвитов. — С. К.) не смотрел ему «прямо в лицо» [Дело петрашевцев: 457]. Когда же они решили продолжить разговор вместе с Петрашевским, Спешнев по дороге к Черносвитову предложил Петрашевскому: «Только я буду представляться, что *я глава целой партии*; пожалуйста, и ты сделай то же, а то он ничего не скажет» [Дело петрашевцев: 458].

В своих показаниях Спешнев объяснял, что предложил это, зная: Петрашевский, как обычно, передаст эти его слова Черносвитову. Петрашевский же на следствии показал об этих их переговорах: «Спешнев говорил, что *ему надо снестись с каким-то обществом*, но как о сем он мне прежде никогда не говорил, и к тому же зная любовь его прихвастнуть, я решил,

что сношения эти с обществом есть вымысел. В этом еще более убеждали меня слова “дай прикинуть коммунистом и главою коммунистов”» [Дело петрашевцев: 96].

В «Бесах» это, возможно, отозвалось в следующем диалоге героев:

«— Вы, конечно, меня там *выставили каким-нибудь членом из-за границы, в связях с Internationale, ревизором?* — спросил вдруг Ставрогин.

— Нет, не ревизором; ревизором будете не вы; но *вы член-учредитель из-за границы, которому известны важнейшие тайны,* — вот ваша роль» (ДЗ0; 10: 299).

На роль такого «члена-учредителя из-за границы» из числа членов «Народной расправы», безусловно, мог претендовать прежде всего Неचाев, а из круга петрашевцев — только Спешнев.

Разумеется, налицо существенная разница: в «деле петрашевцев» Спешнев предлагает Петрашевскому представляться им обоим «главой целой партии», а в романе Достоевского Верховенский намеревается представить «пятерке» Ставрогина как «члена-учредителя из-за границы». Так или иначе, очевидно, что воспоминания о сложной психологической игре друг с другом участников кружка Петрашевского, скорее всего, настолько хорошо питали творческую фантазию Достоевского, что он мог обойтись и без того, чтобы увидеть в лицо членов «Народной расправы» на открытых судебных заседаниях первой половины июля 1871 г. (хотя, разумеется, по возвращении в Петербург из-за границы у него была масса других дел, помешавших ему воспользоваться такой возможностью).

Когда Черносвитов с Петрашевским в ходе дальнейших переговоров требовали от Спешнева откровенности, он ответил им вполне по-ставрогински: «— Вы, кажется, господа, ошибаетесь насчет наших отношений, я с вами не связан никакими обязательствами, не состою с вами здесь в тайном обществе, и я решительно не понимаю, *с чего выдумаете, что вы имеете право заставлять меня говорить*» [Дело петрашевцев: 444]¹⁰. Ср. финал главы «Бесов» «У наших»:

«— Позвольте, господин Ставрогин, — резко обратилась к нему хозяйка, — мы все здесь ответили на вопрос, между тем как вы молча уходите?

— *Я не вижу надобности отвечать на вопрос, который вас интересует,* — пробормотал Ставрогин» (ДЗ0; 10: 318).

Из многих приведенных выше примеров можно сделать еще один, несколько неожиданный вывод. Отнюдь не всегда мы наблюдаем прямое соответствие: черты Петрашевского питали собой образ Верховенского, а черты Спешнева — образ Ставрогина. В отдельных случаях дело обстояло как раз наоборот, а иногда можно говорить и о том, что не только сами по себе Петрашевский и Спешнев, но и Петрашевский и Спешнев, взятые

вместе, а то и, например, Черносвитов, как и некоторые другие участники «пятниц» у Петрашевского, отдельными деталями своего поведения могли питать собой образы главных героев «Бесов».

Так что наряду с прямой прототипичностью Петрашевского по отношению к Верховенскому, а Спешнева по отношению к Ставрогину, которая, конечно же, имеет первостепенное значение, можно, по всей видимости, говорить и об определяющем воздействии на зарождение этих образов в творческом сознании Достоевского «дела Петрашевского» в целом или в отдельных его частях¹¹.

3

В отличие от того, как обстоит дело с именем Петрашевского в набросках Достоевского к «Бесам», имя Спешнева там ни разу не названо. Правда, В. А. Туниманов обратил в связи с этим внимание на следующую запись: «Иногда молчаливо любопытен и язвитель, как *Мефистофель*. Спрашивает как власть имеющий, и везде как власть имеющий» (ДЗ0; 12: 221) (см. также: ДЗ0; 11: 175). В ней исследователь не без основания увидел отзвук собственных слов Достоевского, сказанных им о Спешневе доктору С. Д. Яновскому: «Понимаете ли вы, что у меня с этого времени *есть свой Мефистофель*» [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях: 248]¹².

Тем не менее исследователи, писавшие на эту тему, как правило, высказывали некоторое недоумение по поводу, как им казалось, очевидного несоответствия внутреннего облика молодого Спешнева с личностью Ставрогина (см., например: [Лейкина-Свирская: 140; Сараскина: 9]). При этом, однако, ими упускалось из вида то, что во время своего пребывания за границей в 1842–1846 гг. Спешнев явно находился под сильным влиянием не только французской социалистической и коммунистической, но и немецкой антропотеистической¹³ и индивидуалистической философии. И, вероятно, ее налет не сошел со Спешнева по возвращении в Россию.

При внимательном рассмотрении становится ясно, что отчасти конспект из нашумевшего апофеоза эгоцентризма «Единственный и его собственность» (1845), принадлежавшего перу Макса Штирнера, представляют собой письма Спешнева к К. Э. Хоэцкому (см.: [Кибальник: 373–375]). Впрочем, и в других письмах Спешнева, начиная с 1845 г., — письмах сугубо личного характера — то и дело проскальзывают мотивы осознанно манифестируемого эгоцентризма: «...я имею полное сознание моей бессовестности — и вывожу из этого философическое заключение “это-де фактически значит, что я потерял всякую совесть!”». Отрадный факт — я помню времена, когда у меня *совести* было по горло <...> *все это прах и суета* — и человек этак делает, что дурь сидит у него в голове». И в другом письме к матери, уже от 17 / 5 апреля 1846 г.: «Когда-нибудь при камельке стану я рассказывать, что

бывало со мной на белом свете — и как умно на свете себя любить много, много и других мало, мало» (цит. по: [Сараскина: 404, 409]).

Дополнительные основания для сближения образов Верховенского с Петрашевским, а Ставрогина со Спешневым есть не только в многочисленных отзывах самого Достоевского о Спешневе и Петрашевском, относящихся к периоду существования «кружка» последнего, но и в дальнейшей судьбе Петрашевского и Спешнева. До настоящего времени в связи с «Бесами» не обращалось внимания на то, что сложные, неоднозначные отношения Петрашевского и Спешнева еще не раз вновь ярко проявились в период их совместного пребывания на каторге и в особенности в иркутской ссылке.

Как известно, в 1853 г. Петрашевский присоединился к Спешневу, отбывавшему каторгу в Александровске, а с 1857 по 1860 гг. оба они находились на поселении в Иркутске. Живя там на одной квартире, они со временем даже возобновили былые сходки в открывшейся вскоре после этого Иркутской публичной библиотеке. Спешнев к тому же был назначен генерал-губернатором Н. Н. Муравьевым начальником газетного стола, редактором и смотрителем типографии «Иркутских губернских ведомостей», а Петрашевский печатался в них.

При этом, однако, если Спешнев совершенно оставил прежние затеи, то Петрашевский ничуть не изменился. И его отношения с их общим покровителем Муравьевым в некоторых моментах напоминает сюжетную линию «Бесов»: «Петр Верховенский — губернатор фон Лембке». Так, например, Ф. Н. Львову Петрашевский внушал, что «надобно эксплуатировать либерализм и прогрессизм Муравьева, которыми он желает блеснуть»: «Вследствие таких видов он и ударился в некоторого рода хитрость и... иногда льстил ему для того, чтобы подсластить горькие пилюли, которые он ему подносил... <...> Муравьев по большей части оскорблялся тонкими», по мнению Петрашевского, замечаниями и сарказмами. «С другой стороны, Петрашевский не мог вытерпеть, чтобы не рассказать того, как Муравьев опростоволочился в том или другом случае... Все это доходило до Муравьева, и он уже не скрывал от других, что Петрашевский ему не нравится, хотя и не переставал его принимать и кокетничать с ним» [Семевский: 21].

Сюжетную линию «Бесов» «Верховенский — фон Лембке» принято возводить к собственным впечатлениям Достоевского от общения с тверским губернатором П. Т. Барановым во время его пребывания в Твери в 1859 г.¹⁴ Баранов немало сделал для Достоевского, и, в частности, активно содействовал тому, чтобы писателю было возвращено право проживать в Петербурге [Достоевская: 31]. Было бы странно после всего этого пародировать его в «Бесах»; насколько известно, Достоевский не относился к числу людей, которые отплачивают за помощь черной неблагодарностью. Так что линия «Верховенский — фон Лембке» в этом смысле больше напоминает отношения между Петрашевским и Муравьевым, чем между Достоевским и Барановым¹⁵.

И, следовательно, она — как и многое другое в романе «Бесы» — также имеет по меньшей мере два разных источника биографического характера.

При этом иркутская «генеалогия» фон-Лембке представляется более вероятной и существенной. Тем более что она включает в себя также и ассоциации с военным и гражданским губернатором Иркутска Карлом Венцелем, о котором В. Ф. Раевский писал: «Карл Карлович Венцель <...> как губернатор *донельзя карикатурен*, но даже положительно вреден по своей *бесхарактерности и ослиной тупости*; в рассказах Щедрина есть губернатор, напоминающий много Венцеля, но и тот великий человек по уму и административным способностям в сравнении с нашим Карлушей» (цит. по: [Иркутские повествования: 111]).

С 12 апреля и до самого конца 1859 г. Спешнев в должности правителя путевой канцелярии графа Муравьева-Амурского ездил вместе с ним в Китай и Японию с дипломатической миссией. В отсутствие губернатора Петрашевский и Львов, воспользовавшись нашумевшей историей с дуэлью между чиновниками М. С. Неклюдовым и Ф. А. Беклемишевым (последний был членом Совета Главного управления Восточной Сибири), в результате которой Неклюдов был убит, нанесли Муравьеву «удар прямо в сердце» [Милютин: 617]. Петрашевский выступил на гражданской панихиде у могилы Неклюдова с обличающей его «убийц» речью¹⁶, а Львов даже поместил в «Иркутских губернских ведомостях» (1859. № 17, неофициальная часть. С. 1–3) статью, в которой «очень осторожно, но настойчиво проводил мысль, что дуэль Беклемишева с Неклюдовым — гнусное убийство» [Протест: 229]. Кроме того, близкие по содержанию материалы об этой дуэли были доставлены Герцену и появились в приложении к «Колоколу» «Под суд» [см.: Белоголовый].

Вскоре после дуэли состоялся суд над его участниками и организаторами, в результате которого они были приговорены к двадцати годам тюремного заключения. Поскольку такое судебное решение было вынесено под очевидным влиянием Петрашевского и его сторонников, Губернский Иркутский суд в сентябре 1859 г. отменил решение Иркутско-Верхоленского окружного суда и значительно снизил наказание, а его члены в свою очередь были приговорены к тюремному заключению.

Муравьев после своего возвращения в Иркутск не стал тем не менее наказывать Петрашевского, а тот, дождавшись нового его отъезда — на сей раз в Петербург, — тут же принялся за прежнее. В «Колокол» была отправлена заметка Львова, опубликованная в нем анонимно под заглавием «Опять об иркутской дуэли». В ней тот в конце концов сам проговаривается о том, с какой целью им с Петрашевским разжигалась история «иркутской дуэли»: «Муравьеву и его *protégés* хочется непременно открыть, что судьи писали свой приговор под диктовку Петрашевского или, по крайней мере, что они были в это время под его и Львова с К^о влиянием. Разумеется, открыть этого нельзя, потому что между ними не было никаких сношений. Но если бы это даже и действительно было, то что ж из этого? Оно доказало бы только

нравственную силу Петрашевского и К°, которая сильнее генерал-губернаторского деспотизма...» (цит. по: [Протест: 231]).

Действительно, целью Петрашевского и его сторонников, как полагает Л. И. Сараскина, было «свалить Муравьева, доказав всему миру, что легендарный генерал-губернатор, национальный герой России, не может быть честным и порядочным человеком, а может быть только царским сатрапом и деспотом с “рожей татарина”» [Сараскина: 297].

Если и в самом деле не все в истории дуэли Беклемишева с Неклюдовым было до конца ясно и честно (см. об этом: [Матханова: 206–220]), то во всяком случае сам Муравьев, пока он оставался в городе, пытался эту дуэль предотвратить¹⁷. От Петрашевского же в ходе всей этой истории исходило так много подтасовок и инсинуаций (см.: [Протест: 239]), что они вынудили даже отбывавшего в это время ссылку в Иркутске М. А. Бакунина, который, впрочем, с самого начала был на стороне Беклемишева, выступить в «Колоколе» с опровержением версии, распространявшейся сторонниками Петрашевского [Бакунин: 348–359].

Всецело становясь на сторону своего родственника и покровителя Муравьева, Бакунин обвинял Петрашевского еще и в неблагодарности и коварстве, небезосновательно указывая на то, что теми возможностями «волновать весь Иркутск», которыми воспользовался «при наших законах, при известных всем порядках» «бесправный и беззащитный поселенец», он был обязан самому Муравьеву. И далее очерчивал всю палитру средств, которыми пользовался при этом Петрашевский: «Опираясь таким образом, с одной стороны, на мнимое сочувствие Муравьева, который с ведома всех принимал его с почетом еще накануне своего отъезда, с другой же — на множество тайных и явных недоброжелателей Муравьева, запугивая одних генерал-губернатором, других — жандармами, третьих — “Колоколом”, Петрашевский безнаказанно и беспрепятственно бушевал в Иркутске целое лето, целую осень, почти ползимы — до самого возвращения Муравьева в январе 1860 года» [Бакунин: 355].

19 января 1860 г. Спешнев вместе с Муравьевым снова уехал из Иркутска, на сей раз покинув Сибирь навсегда. Вряд ли у них обоих остались какие-либо сомнения в том, что Петрашевский и К° готовы на любой подлог, чтобы втянуть в свое дело как можно больше людей. Когда же в начале 1861 г. Муравьев вышел в отставку, Спешневу стало ясно, что единственным результатом, который имела иркутская «интрига» Петрашевского, было следующее: такой полезный для Сибири и России в целом деятель, сделавший столько добра сосланным петрашевцам и декабристам, как Муравьев (см.: [Барсуков]), оказался не у дел¹⁸.

4

До Достоевского, уже сразу по выходе его из Омского острога, дошли сведения о различном поведении двух бывших «лицейстов» в Сибири. «Спешнев в Иркутской губернии приобрел всеобщую любовь и уважение, — писал Ф. М. Достоевский М. М. Достоевскому еще 30 января — 22 февраля 1854 г. — Чудная судьба этого человека! Где и как он ни явится, люди самые непосредственные, самые непроходимые окружают его тотчас же благоговением и уважением. Петрашевский по-прежнему без здравого смысла» (ДЗ0; 28₁: 174).

Что же касается иркутского «заговора», то о нем Достоевский мог узнать лично от Спешнева, когда они встретились в Петербурге в начале 1860 г. [Сараскина: 302]; ср.: [Летопись: 283], а затем и от других его очевидцев и, наконец, из «Колокола» и приложений к нему. Если статьи об «иркутской дуэли» оставались неизвестными ему ранее, то они наверняка были прочитаны Достоевским как раз в период работы над «Бесами», когда он постоянно читал издания вольной эмигрантской печати. Помимо этого, писатель, конечно же, мог слышать о ней от самих издателей «Колокола» А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

Итак, создавая образы Верховенского и Ставрогина, Достоевский ориентировался на отношения Петрашевского и Спешнева не только 1847–1849 гг., но и 1859 г. — января 1860 г., когда Петрашевский напрасно надеялся втянуть Спешнева в «интригу» против Муравьева. Этой истории в тексте «Бесов», по-видимому, прямо соответствует то, что Ставрогин по возвращении из-за границы не только не считает себя принадлежащим к «обществу», но и вообще более не хочет быть как-либо связанным с ним (см.: ДЗ0; 10: 193).

Возможно, непосредственным отзвуком рассказов Спешнева и других петрашевцев, а также знакомства с историей «иркутской дуэли» по печатным источникам стало то, что при переработке для нового издания повести «Двойник» в начале 1860-х гг. писатель ввел в него следующий эпизод: старший Голядкин «знакомится с Петрашевским, видит, как “тот читает дворнику и мужикам своим систему Фурье и уведомляет его, что тот донесет”». Помимо этого, старший Голядкин подозревает младшего в готовности предать (см.: [Захаров, 2013: 357–358]).

Все это, по-видимому, также отчасти соотносится и с тем фактом, что Спешнев в Иркутске отказался участвовать в «интриге» Петрашевского против губернатора. Хотя нет, разумеется, никаких оснований полагать, что Спешнев, возвратившись в Иркутск вместе с Муравьевым, предавал Петрашевского или доносил на него. Уже изменившись в убеждениях и прежде, он просто тем более укрепился теперь в мысли верой и правдой служить Отечеству на том поприще, которое ему выпадет.

Тем не менее, по-видимому, еще в ходе своего путешествия 1859 г. Спешнев нашел случай сообщить Львову, что губернатор сердит на того за статью о дуэли в «Иркутских губернских ведомостях», которую тот напечатал в отсутствие Муравьева [Сараскина: 296]. По возвращении же в Иркутск у Спешнева было не так много возможностей видаться со своими бывшими товарищами по несчастью. Муравьев пригласил его остановиться в его собственном доме, а Петрашевского и Львова не принимал. Подробных же разъяснений всей истории дуэли Беклемишева с Неклюдовым, посланных Львовым Спешневу в Нерчинск с намерением склонить его на свою сторону, он так и не получил: они с Муравьевым проехали в Иркутск другой дорогой.

Однако хорошо зная и Петрашевского, и Муравьева, вряд ли Спешнев сколько-нибудь сочувствовал очередной «интриге» своего бывшего однокашника и соседа. Тем не менее пламенный почитатель Петрашевского М. П. Шестунов, уволенный в ходе всех этих событий из Иркутской публичной библиотеки, назовет Спешнева (а заодно и Бакунина) «отщепенцем по расчету» [Семевский: 37]. «Клубные активисты явно досадовали, — передавала атмосферу Иркутска того времени автор жизнеописания Спешнева, — что Спешнев по возвращении в Иркутск не подхватил знамя борьбы с “тиранией графа Амурского” и не предал его...» [Сараскина: 298].

Скорее всего, именно в результате всей этой истории Спешнев окончательно укрепился в мысли уехать из Сибири¹⁹. Хотя и отдаленную, но все же напрашивающуюся параллель с его скорейшим отъездом из Иркутска составляет в «Бесах» внезапный отъезд Ставрогина также в Петербург. Угрозы же Верховенского Ставрогину, переставшему скрывать перед Лизой свою осведомленность о готовившемся убийстве Марьи Тимофеевны: «Так вы вот за что принялись? *На всех донесете, а сами в монастырь уйдете или к черту...* Но ведь я вас все равно укукошу, хоть бы вы и не боялись меня!» (ДЗ0; 10: 407) — в целом соответствуют той мере досады, которая, как мы легко можем вообразить, охватила Петрашевского, когда Спешнев отказался участвовать в интриге против Муравьева.

По возвращении из Сибири Спешнев стремился по мере возможностей заниматься какой-то полезной деятельностью и, оказавшись, как и Муравьев, не у дел, сделался у себя в Псковской губернии, где у него было имение, мировым посредником первого призыва, почетным мировым судьей и гласным уездного земского собрания.

Свой документальный рассказ о жизни Спешнева Л. И. Сараскина завершает выводом относительно коренного несовпадения Ставрогина со Спешневым: «...взяв за основу сильнейшее впечатление 1849 года и “чудную судьбу” своего “Мефистофеля”, он (Достоевский. — С. К.) представит в “Бесах” случай крайний, а именно такой, когда исправление подпольного невозможно и все пути для его воскрешения и новой жизни отрезаны» [Сараскина: 312]. Это и в самом деле так. Однако если рассматривать только окончательный текст романа, не принимая во внимание его сложную творческую историю.

5

Обратившись теперь к подготовительным материалам романа «Бесы», мы увидим, что личность Н. А. Спешнева, хотя его имя действительно нигде прямо не названо, находит в них гораздо более широкое отражение. Так, например, следующие места: «Князь говор<ит>: “Да ведь все это *недоучившиеся мальчишки*, которые ничего не понимают ни в обществе, ни в народе”»; «Глубокая черта, что Князь очень много и *пристально слушает*»; «Во всяком случае *барин*»; «Таким образом, выходит, что Князь *лицо романическое и загадочное*: он всех посещает, всех *выслушивает* — *чтоб еще больше утвердиться самому*»; «Князь *не имеет, однако же, особенных идей*. У него одно только *отвращение к современным людям*, с которыми он решил порвать»; «Сам в себе не находит никаких оснований, и *ему скучно*» (ДЗ0; 11: 108, 125, 126, 131, 134) — имеют очевидные параллели в мемуарных свидетельствах о Спешневе.

Ср., например, отзыв Достоевского о Спешневе еще в 1848–1849 гг.: «Я его мало знаю, да, по правде, и не желаю ближе с ним сходиться, так как этот *барин* чересчур *силен* и не чета Петрашевскому» [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях: 248] — а также характеристику его следственной комиссией: «Он *не имел глубокого политического убеждения*, не был исключительно *пристрастен* ни к одной из систем социалистических <...> замыслами и заговорами он *занимался как бы от нечего делать*; оставлял их по прихоти, *по лени, по какому-то презрению к своим товарищам, слишком, по его мнению, молодым или мелкообразованным*, — и вслед затем готов был *приняться опять за прежнее, приняться, чтоб опять оставить*» (цит. по: [Лейкина: 15]).

По мнению Львова, своим поведением перед следственной комиссией, Спешнев «хотел показать, что серьезного дела нельзя было и замышлять с *такими ничтожными людьми* и что он один только между ними имел преступные намерения, а отвернулся от этой молодежи потому, что *не находил в них опоры*. Он предполагал, быть может, что спасет этим других и один *сделается интересною жертвою*» (цит. по: [Первые русские социалисты: 55]).

По свидетельству Момбелли, Спешнев «был всегда *холоден, ненарушимо спокоен*, наружность его никогда не изменяла выражения». Бакунин отзывался о нем как о «человеке замечательном во многих отношениях: *умен, богат, образован, хорош собою, наружности самой благородной, далеко не отталкивающей, хотя и спокойно-холодной, вселяющей доверие, как всякая спокойная сила, джентльмен с ног до головы*» [Бакунин: 344].

По словам П. П. Семенова-Тянь-Шанского, он «отличался *замечательной мужественной красотой*. <...> Замечательно образованный, культурный и начитанный, он воспитывался в лицее, принадлежал к очень зажиточной дворянской семье и был сам *крупным помещиком*. *Романическое происшествие* в его жизни заставило его провести несколько лет во Франции в начале

и середине сороковых годов. <...> Эта жизненная драма наложила на Спешнева неизгладимый отпечаток: Спешнев *обрек себя на служение гуманитарным идеям* [Первые русские социалисты: 81]. Наконец, М. В. Загоскин, тесно общавшийся в годы иркутской ссылки и с Петрашевским, и со Спешневым, после отъезда последнего заключал: «Спешнев из всех их был самый развитой, многознающий и выдержанный человек» [Арефьев: 182].

Что же касается других помет о «Князе», то следующие из них легко соотносимы с поведением Спешнева в Иркутске в 1857 г. — январе 1860 г.: «Он идет в управляющие к Губернатору, чем поражает мать»; «Он в романе судья нигилизма»; «Теперь, во-первых, по возвращении в город, он давно в нем не был. В это время успел измениться в убеждениях»; «В то же время связывается от негодования в дело Нечаева и доносит и обличает»; «Решился предать Нечаева, но тот выскользает...»; «Пожар и кощунство поражают его. Он решает предать...»; «Последнее признание Князя перед застрелом в форме письма. — Я знал этих дураков (Нечаева) и был с ними, но я всегда верил, что они дураки» (Д30; 11: 126, 130, 135, 131, 132)²⁰.

Итак, мы видим, что в подготовительных материалах к «Бесам» Князю приданы черты и приписаны отдельные биографические обстоятельства реального поведения Спешнева в ходе «заговора» против Муравьева. Хотя Спешнев и не предавал Петрашевского, он определенно, во-первых, пошел если и не в «управляющие», то в правители путевой канцелярии губернатора, а во-вторых, действительно «успел измениться в убеждениях».

6

Попытаемся теперь проанализировать текст, следующий в рабочих тетрадях Достоевского сразу после пометы «НЕЧАЕВ — ОТЧАСТИ ПЕТРАШЕВСКИЙ»: «У Нечаева только несколько мыслей, на которых он выезжает. Места, времени, национальности, разнообразия он не принимает в расчет²¹. Кто не согласен с ними, тот у него подкуплен. Успенский, Милюков даже иногда думают, что он ничтожен и глуп» (Д30; 11: 106).

Все эти черты и мысли действительно были свойственны не только Нечаеву, но и отчасти Петрашевскому. Компрометирующие обвинения вместо аргументов для Петрашевского были обычной практикой (см.: [Бакунин: 339–340]). Высказываний со стороны петрашевцев о «ничтожности» Петрашевского тоже хватает (см. хотя бы: [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях: 256, 261, 292]). Достаточно вспомнить, что и сам Достоевский «не стеснялся высказывать многим из близких своих приятелей его неуважение к Петрашевскому, причем обыкновенно называл его *агитатором и интриганом*» [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях: 250].

Далее в подготовительных материалах следует фраза: «Он ловко втянул их в убийство Шатова, так что им уж нельзя было отказаться», — казалось бы, относящаяся исключительно к Нечаеву. Однако сразу за ней идет помета:

«Придерживаться более типа Петрашевского» (ДЗ0; 11: 107). В чем тут дело? Ведь Петрашевский, как известно, в отличие от Нечаева, никого ни в какое убийство не втянул? Нет, не втянул, но зато, как мы видели выше, втягивал многих других в свои интриги. В том числе пытался втянуть Спешнева в интригу против Муравьева.

Так что дело было не только в том, что такой человек, по представлениям писателя, непременно должен был отличаться холерическим темпераментом и параноидальными наклонностями, которые явно просматривались в Петрашевском²². Он еще и оказывался просто «мошенником», а не «социалистом» (ДЗ0; 10: 325), причем вполне сознательно. Задолго до убийства нечаевцами студента Иванова Достоевскому было хорошо известно, что социалисты не останавливались перед нарушением любых нравственных законов, если только это им казалось необходимым для успеха революционного дела²³.

История с иркутской интригой против Муравьева была одним из самых ярких примеров подобного рода. «Честь и личное достоинство для него, — писал после этой истории в своем «Ответе “Колоколу”» Бакунин о Петрашевском, приводя ряд выразительных примеров, — понятия чужестранные» [Бакунин: 355].

Таким образом, подготовительные материалы к роману «Бесы» в полной мере подтверждают предположение о том, что прототипами Петра Верховенского и Ставрогина были далеко не в последнюю очередь М. В. Петрашевский и Н. А. Спешнев. При этом мы еще раз убедились в том, что подлинно художественный образ представляет собой, как правило, результат глубокой трансформации прототипа, подлинной переплавки, коренного изменения, иногда даже искажения прототипа вплоть до еле узнаваемого сходства [Спор о Бакунине и Достоевском: 90–95].

И в этом случае особая роль нередко принадлежит подготовительным материалам к созданию художественного произведения. В них как раз иногда безо всяких изменений запечатлены «отдаленные первообразы для дальнейших перевоплощений» [Спор о Бакунине и Достоевском: 91]. Очевидная близость отдельных черт и даже поступков этих «первообразов» с породившими их историческими лицами является убедительным доказательством реальной прототипичности этих лиц по отношению к данным литературным героям**.

Примечания

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда «Рабочие тетради Ф. М. Достоевского: первая полнотекстовая публикация автографов в их динамической транскрипции, № 16-18-10034, ИРЛИ РАН.

** Когда настоящая статья уже была сдана в печать, я обнаружил некоторые подтверждающие развитую в ней концепцию соображения в статье Е. Н. Дрыжаковой «Петруша Верховенский: социалист или мошенник?» (Дрыжакова Е. Н. По живым следам Достоевского. Факты и размышления. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 194–199).

- 1 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 11. С. 106. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *ДЗ0* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- 2 Правда, исследователь сопровождает эти свои сближения рядом оговорок идеологического характера. Например, цитирует слова В. И. Семевского о том, что «к Петрашевскому Достоевский относился хотя без особых симпатий, но безусловно уважал его “как человека честного и благородного”» и пишет: «Если брать облик Верховенского в целом, то Петрашевский в той же степени его “прототип”, как Наполеон III, старшая княжна Безухова, Д. И. Писарев и Ф. В. Ливанов, с которыми по некоторым частным признакам Верховенский сравнивается в записных тетрадах <...> В этом ряду Петрашевский занимает свое место не столько потому, что некоторые черты его характера переданы Верховенскому, но главным образом потому, что многие идеи, конфликты, проекты, уставы, речи, беседы, книги, бытовавшие в кружке петрашевцев, затронуты или упомянуты в “Бесах»» (*ДЗ0*; 12: 218–219).
- 3 В свете той иркутской генеалогии образа Верховенского, о которой пойдет речь в статье далее, не так уж фантастично и сближение этой фамилии с названием одного из соседствующих с «Иркутским» округов: «Верхоленский». Контаминация именованний «Петрашевский» и «Верхоленский», если она имела в виду подчеркнуть *верхоглядность* и стремление героя *верховодить*, порождала фамилию «Верховенский».
- 4 Впервые исследовательница высказала эту мысль в статье «Петрашевец Н. А. Спешнев» (Былое. 1924. № 25. С. 24). Очевидно, на этом основании Л. И. Сараскина называет В. Р. Лейкину-Свирскую «первооткрывательницей темы, обратившей в свою веру Л. П. Гроссмана и Вяч. П. Полонского» [Сараскина: 8]. Однако, кажется, это совсем не факт: статья Гроссмана «Спешнев и Ставрогин» также была опубликована в 1924 г. в журнале «Каторга и ссылка» (1924. № IV). Как отмечал сам Гроссман, еще 25 мая 1923 г. доклад на эту тему был прочитан им в Обществе Любителей Российской Словесности [Спор о Бакуanine и Достоевском: 162].
- 5 По общему признанию исследователей (см., например: [Достоевский: 486]), в этом отношении пара «Нечаев—Бакунин», во-первых, гораздо менее похожа на героев Достоевского, а, во-вторых (и это главное), ни того, ни другого Достоевский лично не знал.
- 6 Ср. в «Бесах» реплику из толпы в адрес Степана Трофимовича во время его выступления на литературном «празднике»: «— Это донос? — ворчали одни. — Компрометирующие вопросы! — *Agent-provocateur!*» (*ДЗ0*; 10: 372).
- 7 Авторство не Верховенского, а Ставрогина по отношению к «уставу», вызывающему ассоциации прежде всего с нечаевским «Катехизисом...», к сожалению, обходит вниманием Б. Н. Тихомиров, который, впрочем, верно отмечает, что «в романе Петруша Верховенский (который в черновиках последовательно именуется *Нечаевым*) в отличие от своего прототипа не является *автором* какого-либо *текста* (программы, манифеста или иного теоретического изложения принципов своей деятельности), по отношению к которому “Катехизис революционера” можно было рассматривать как его (текста) *прототип*» [Тихомиров: 171].
- 8 Впрочем, возможны, конечно, и другие источники — например, прокламация П. Г. Зайчневского «Молодая Россия», написанная от имени несуществовавшего «Центрального Революционного Комитета» и распространявшаяся в России в мае 1862 г. [Прокламации: 65–67].
- 9 «Охотой за местами» (*фр.*).
- 10 Учитывая выше приведенный разговор Спешнева и Достоевского о Черносвитове и последующее сближение их, по всей видимости, на почве новоучрежденного тайного общества, вероятность посвященности Достоевского в эту историю довольно высока.

- 11 Благодарю за это соображение высказавшего его в письме ко мне В. Н. Захарова.
- 12 По предположению Гроссмана, в действительности это было связано не с тем, что Достоевский взял у Спешнева взаймы деньги, а с тем, что он вошел в создаваемое им тайное общество и обязался действовать в его пользу (см.: [Спор о Бакуanine и Достоевском: 166–167]).
- 13 В бумагах Спешнева было найдено «рассуждение в форме речи о религии, в котором опровергается существование бога». Сам он в своих показаниях писал впоследствии о том, что в нем он распространял свои «иррелигиозные идеи», а «социализм, атеизм и терроризм» относил ко «всему доброму на свете» [Петрашевы в воспоминаниях: 53].
- 14 Основание для сближения фон Лембке с Барановым обыкновенно усматривают в значении немецкой фамилии героя (*Д30*; 12: 227). Однако следующее место в подготовительных материалах к «Бесам» и другие подобные ему места в тексте романа ставят под сомнение и этот аргумент: «Ш<атов> говорит: “Немец — естественный враг России <...> Все бездарности служили в высших чинах с *бараньим презрением* к русским”» (*Д30*; 11: 137). Ср. также относящуюся к фон-Лембке деталь в основном тексте: «...у него был *несколько бараний взгляд*» (*Д30*; 10: 275).
- 15 Например, в том, что Верховенский по-хозяйски ведет себя в доме фон-Лембке (см.: *Д30*; 10: 244), возможно, отозвался тот факт, что Петрашевский был одно время даже «чем-то вроде хозяйки дома Муравьева, за отсутствием уехавшей в Париж жены» [Венюков, кн. 1: 274].
- 16 Впрочем, инициатива использования иркутской дуэли для борьбы с Муравьевым принадлежала не самому Петрашевскому — тем выразительнее тот факт, что он, в отличие от М. А. Бакунина, не отказался выступить на гражданской панихиде по Неклюдову (подробнее см.: [Должиков: 104]).
- 17 См. собственный рассказ об этом Неклюдова [Протест: 232].
- 18 «Говорят, Муравьев уезжает, но оставляет свою креатуру — Корсакова, человека с весьма ограниченным умом и сухим сердцем, — писал один из непосредственных участников «заговора» против Муравьева Ф. Н. Львов. — Бедная Восточная Сибирь!» [Львов: 238]. Как отмечает Б. Г. Кубалов, публикация антимуравьевских материалов на страницах «Колокола» объективно ускорила уход генерал-губернатора в отставку [Кубалов: 153].
- 19 «Спешнев, кажется, не желает возвратиться в Сибирь...», — писал Муравьев в Азиатский департамент 12 января 1860 г. (цит. по: [Сараскина: 297]).
- 20 Как известно, «провокации, подозрения, неизбежная двойственность стали атрибутами революционного подполья, в котором оказались оба Голядкина», герои повести Достоевского «Двойник», которую Достоевский пытался переработать для нового издания в начале 1860-х гг. (см.: [Захаров, 2013: 357–358]).
- 21 А. П. Милюков упоминает отталкивающую «холодность ко всему русскому» Петрашевского [Ф. М. Достоевский в воспоминаниях: 261].
- 22 Особенно очевидным это стало уже после того, как петрашевцы были отправлены в Сибирь (см., например: [Захаров, 2012]). Ср. отзыв Бакунина, относящийся уже к иркутскому периоду: «...в последние годы близкие люди нередко замечали в нем все признаки сумасшествия» [Бакунин: 359].
- 23 Ср. отзыв Бакунина о Петрашевском: «Это просто свинья с человеческой головою, циник по внутреннему призванию. <...> Как истинный художник, помимо всех личных видов, хотя он и далеко не пренебрегает ими, он любит шум для шума, скандал для скандала, грязь для грязи. Уличите его во лжи, в клевете, назовите его в глаза подлецом, поколотите его, он завтра же подаст вам руку и будет уверять вас в своем уважении и в своей симпатии, если это только покажется ему нужным» (Бакунин: 339).

Список литературы

1. Арефьев В. С. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Русская старина. 1902. — № 1. — С. 177–186.
2. Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. 1828–1876: в 4 т. — М.: Изд-во всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934–1935. — Т. 4. — 624 с.
3. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам. — М.: Синодальная типография, 1891. — Кн. 1–2. — 372 (XII) с.; 320 (VI) с.
4. Белоголовый Н. А. Убийство Неклюдова в Иркутске // Под суд! — 1859. — № 2. — 15 ноября.
5. Венюков М. И. Из воспоминаний. 1832–1867. — Амстердам: [б. и.], 1895–1901. — Кн. 1–3.
6. Гроссман Л. Политический роман Достоевского // Достоевский Ф. М. Бесы / ред., вступ. ст. и коммент. Л. П. Гроссмана. — М.; Л.: Academia, 1935. — С. I–LXXX.
7. Дело петрашевцев. — М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. — Т. I. — 584 с.
8. Должиков В. А. М. А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). — Барнаул: Изд-во АГУ, 2017. — 329 с.
9. [Достоевская Л. Ф.] Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской / под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда. — М.; Пг.: ГИЗ, 1922. — 105 с.
10. Достоевский Ф. М. Письма. — М.; Л.: Государственное издательство, 1930. — Т. II: 1867–1871 / ред. и примеч. А. С. Долинина. — 617 с.
11. Дрыжакова Е. Н. По живым следам Достоевского. Факты и размышления. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. — 515 с.
12. Захаров В. Н. Достоевский в Тобольске // Тобольск и вся Сибирь. 425 лет Тобольску. — Тобольск: Общественный Благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012. — Альманах № 18. — С. 73–76.
13. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
14. Иркутские повествования. 1661–1917 годы: в 2 т. / автор-сост. А. К. Чернигов. — Иркутск: Оттиск, 2003. — Т. 1. — 464 с.
15. Кантор В. А. Изображая, понимать, или Sententia sensa: философия в литературном тексте. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 825 с.
16. Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. — СПб.: ИД «Петрополис», 2013. — 431 с.
17. Кубалов Б. Г. А. И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). — Иркутск: Кн. издательство, 1958. — 162 с.
18. Лейкина В. Р. Петрашевцы. — М.: Гос. типография им. Ивана Федорова, 1924. — 146 с.
19. Лейкина-Свирская В. Р. Спешнев в свете новых материалов // История СССР. — 1978. — № 4. — С. 128–140.
20. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Наука, 1993. — Т. 1: 1821–1864. — 544 с.
21. [Львов Ф. Н.] <Об иркутской дуэли> // Литературное наследство. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 63: Герцен и Огарев. — С. 232–239.
22. Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев-Амурский, М. С. Корсаков. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. — 428 с.
23. Милютин Б. А. Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник. — 1888. — № 12. — С. 595–635.

24. Первые русские социалисты: воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1984. — 392 с.
25. Петрашевцы в воспоминаниях современников: сб. материалов: в 3 т. — М.: Гос. соц-экон. изд-во, 1928. — Т. 3: Доклад генерал-аудиториата. — 389 с.
26. Полонский Вяч. Николай Ставрогин и роман «Бесы» // Спор о Бакуanine и Достоевском. Статьи Л. П. Гроссмана и Вяч. Полонского. — Л.: Гос. изд-во, 1926. — С. 169–196.
27. Прокламации шестидесятых годов. — М.; Л.: Московский рабочий, 1926. — 79 с.
28. Протест против выступления Бакунина об «иркутской дуэли» / публ. Б. Г. Кубалова // Литературное наследство. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 63: Герцен и Огарев. — С. 228–231.
29. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / ред. Е. Л. Рудницкая. — М.: Археографический центр, 1997. — 576 с.
30. Сараскина Л. Николай Спешнев. Несбывшаяся судьба. — М.: Наш дом — L'Age d'Homme, 2000. — 533 с.
31. Семевский В. М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири // Голос минувшего. — 1915. — № 3. — С. 18–57.
32. Спор о Бакуanine и Достоевском. Статьи Л. П. Гроссмана и Вяч. Полонского. — Л.: Гос. изд-во, 1926. — 215 с.
33. Тихомиров Б. Н. «Катехизис революционера» Сергея Нечаева. Исторический документ и его роль в творческой истории романа «Бесы» // Достоевский и мировая культура: альманах. — 2019. — № 3. — С. 162–178.
34. Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. — М.: Госполитиздат, 1953. — 824 с.
35. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 1. — 622 с.

Sergey A. Kibalnik

*Institute of Russian Literature,
The Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russian Federation)*

kibalnik007@mail.ru

The Nechaevtsy or the Petrashevites? (About Prototypes of the Main Characters in Fedor Dostoevsky's Novel *Demons*)

Acknowledgments. The research work was carried out with financial support of Russian Science Foundation (project № 16-18-10034).

Abstract. The preparatory materials for the novel *Demons*, published in the first academic edition of *Complete Works* by Dostoevsky contain his notes stating that the image of one of his main characters, Pyotr Verkhovensky, was partly stylized after M. V. Petrashevsky. At the same time, commentators found a note in this publication indirectly confirming the hypothesis that Nikolai Speshnev was one of the main prototypes of Stavrogin. The paper analyzes the preparatory materials for *Demons*, in which the future Stavrogin was listed as “Prince”. They are compared

with Dostoevsky's personal impressions of communicating with Speshnev, not only in 1847–1849, but also in the 1860s, after his return from exile. In addition, they are juxtaposed with printed materials about Petrashevsky and Speshnev's stay in Irkutsk in 1857–1860. These comparisons demonstrate that significant elements of *Demons*' creative history are related to the fact that while Petrashevsky took a noticeable part in the incident around the so-called "Irkutsk duel" in 1860, which was directed against the Governor-General of Eastern Siberia N. N. Muravyov-Amursky, Speshnev, on the contrary, completely changed his beliefs by that time. Thus, the preparatory materials for the novel *Demons* fully confirm the assumption that Nikolai Speshnev (partly along with F. Dostoevsky himself) was the main prototype of Nikolai Stavrogin. At the same time, a reference to the behavior of M. V. Petrashevsky in his Irkutsk exile in 1859–1860 allows to understand why and how a socialist-revolutionary like Sergey Nechaev could be associated with him in the mind of Dostoevsky.

Keywords: prototype, main character, novel, *Demons*, creative history, preparatory materials, notebook, Dostoevsky, Petrashevsky circle

About the author: Kibalnik Sergey A. — Doctor in Philology, Professor, Saint Petersburg State University; Leading researcher, Institute of Russian literature, The Russian Academy of Sciences (Makarova nab. 4, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation)

Received: March 17, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Kibalnik S. A. The Nechaevtsy or the Petrashevites? (About Prototypes of the Main Characters in Fedor Dostoevsky's Novel "Demons"). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 119–141. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4582 (In Russ.)

References

1. Aref'ev V. S. M. V. Butashevich-Petrashevsky in Siberia. In: *Russkaya starina*, 1902, no. 1, pp. 177–186. (In Russ.)
2. Bakunin M. A. *Sobranie sochineniy i pisem. 1828–1876: v 4 tomakh [Collected Works and Letters. 1828–1876: in 4 Vols]*. Moscow, Izdatel'stvo vsesoyuznogo obshchestva politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev Publ., 1934–1935, vol. 4. 624 p. (In Russ.)
3. Barsukov I. *Graf Nikolay Nikolaevich Murav'ev-Amurskiy po ego pis'mam, ofitsial'nym dokumentam, rasskazam sovremennikov i pechatnym istochnikam [Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky According to His Letters, Official Documents, Stories of Contemporaries and Printed Sources]*. Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1891, book 1–2. (In Russ.)
4. Belogolovyy N. A. The Murder of Neklyudov in Irkutsk. In: *Pod sud!* 1859, no. 2, 15 November. (In Russ.)
5. Venyukov M. I. *Iz vospominaniy 1832–1867 [From the Memories. 1832–1867]*. Amsterdam, 1895–1901, book 1–3. (In Russ.)
6. Grossman L. Political Novel of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy F. M. Besy [Dostoevsky F. M. Demons]*. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935, pp. 1–80. (In Russ.)
7. *Delo petrashevtssev [The Case of the Petrashevites]*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1937, vol. 1. 584 p. (In Russ.)
8. Dolzhikov V. A. *M. A. Bakunin v natsional'no-regional'nom politicheskom protsesse epokhi «otpepli» (rubezh 1850–1860-kh gg.) [M. A. Bakunin in the National and Regional Political Process of the "Thaw" Era (the Border of the 1850–1860s)]*. Barnaul, Altai State University Publ., 2017. 329 p. (In Russ.)

9. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii svoey docheri L. Dostoevskoy* [*Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya*]. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1922. 105 p. (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Pis'ma* [*Letters*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930, vol. 2. 617 p. (In Russ.)
11. Dryzhakova E. N. *Po zhivym sledam Dostoevskogo. Fakty i razmyshleniya* [*In the Footsteps of Dostoevsky. Facts and Reflections*]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2008. 515 p.
12. Zakharov V. N. Dostoevsky in Tobolsk. In: *Tobol'sk i vsya Sibir'. 425 let Tobol'sku* [*Tobolsk and All Siberia. 425 Years of Tobolsk*]. Tobolsk, Obshchestvennyy Blagotvoritel'nyy fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2012, almanac no. 18, pp. 73–76. (In Russ.)
13. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [*The Author's Name is Dostoevsky. An Essay on Creative Works*]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
14. *Irkutskie povestvovaniya. 1661–1917 gody: v 2 tomakh* [*Irkutsk Narratives. 1661–1917: in 2 Vols*]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2003, vol. 1. 464 p. (In Russ.)
15. Kantor V. A. *Izobrazhaya, ponimat', ili Sententia sensa: filosofiya v literaturnom tekste* [*Imitating, Understanding, or Sententia Sensa: Philosophy in a Literary Text*]. Moscow; Saint Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2018. 825 p.
16. Kibal'nik S. A. *Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoevskogo* [*Problems of Intertextual Poetics of Dostoevsky*]. St. Petersburg, Izdatel'skiy dom Petropolis Publ., 2013. 431 p. (In Russ.)
17. Kubalov B. G. *A. I. Gertsen i obshchestvennost' Sibiri (1855–1862)* [*A. I. Herzen and the Public of Siberia (1855–1862)*]. Irkutsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1958. 162 p. (In Russ.)
18. Leykina V. R. *The Petrashevtsy*. Moscow, Gosudarstvennaya tipografiya imeni Ivana Fedorova Publ., 1924. 146 p. (In Russ.)
19. Leykina-Svirskaya V. R. New Materials About Speshnev. In: *Istoriya SSSR*, 1978, no. 4, pp. 128–140. (In Russ.)
20. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993, vol. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
21. L'vov F. N. About the Irkutsk Duel. In: *Literaturnoe nasledstvo* [*Literary Heritage*]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 63: Herzen and Ogarev, pp. 232–239. (In Russ.)
22. Matkhanova N. P. *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V. Ya. Rupert, N. N. Murav'ev-Amurskiy, M. S. Korsakov* [*Governors-General of Eastern Siberia in the Mid of the 19th Century: V. Ya. Rupert, N. N. Muravyov-Amursky, M. S. Korsakov*]. Novosibirsk, Sibirskoe otdelenie Rossiyskoy akademii nauk Publ., 1998, pp. 206–210. (In Russ.)
23. Milyutin B. A. General-Governorship of N. N. Muravyov in Siberia. In: *Istoricheskiy vestnik* [*The History Herald*], 1888, no. 12, pp. 595–635. (In Russ.)
24. *Pervye russkie sotsialisty: vospominaniya uchastnikov kruzhkov petrashevtssev v Peterburge* [*The First Russian Socialists: Memoirs of the Members of the Petrashevsky Circle in St. Petersburg*]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1984. 392 p. (In Russ.)
25. *Petrashevtsy v vospominaniyakh sovremennikov: sbornik materialov* [*Petrashevtsy in the Memoirs of Contemporaries: A Collection of Materials*]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1928, vol. 3. 389 p. (In Russ.)
26. Polonskiy V. Nikolai Stavrogin and the Novel "Demons". In: *Spor o Bakunine i Dostoevskom. Stat'i L. P. Grossmana i Vyach. Polonskogo* [*The Dispute About Bakunin and Dostoevsky*].

- Articles by L. P. Grossman and V. Polonsky]. Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1926, pp. 17–69. (In Russ.)
27. *Proklamatsii shestidesyatykh godov* [Proclamations of the Sixties]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1926. 79 p. (In Russ.)
 28. Protest Against Bakunin's Speech About the "Irkutsk Duel". In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 63: Herzen and Ogarev, pp. 228–231. (In Russ.)
 29. *Revolutsionnyy radikalizm v Rossii: vek devyatnadsatyy. Dokumental'naya publikatsiya* [Revolutionary Radicalism in Russia: The Nineteenth Century. Documentary Publication]. Moscow, 1997. 576 p. (In Russ.)
 30. Saraskina L. *Nikolay Speshnev. Nesbyvshayasya sud'ba* [Nikolay Speshnev. Unfulfilled Fate]. Moscow, Nash dom — L'Age d'Homme Publ., 2000. 533 p. (In Russ.)
 31. Semevskiy V. M. V. Butashevich-Petrashevsky in Siberia. In: *Golos minuvshogo*, 1915, no. 3, pp. 18–57. (In Russ.)
 32. *Spor o Bakunine i Dostoevskom. Stat'i L. P. Grossmana i Vyach. Polonskogo* [The Dispute About Bakunin and Dostoevsky. Articles by L. P. Grossman and V. Polonsky]. Leningrad, State Publishing House Publ., 1926. 215 p.
 33. Tikhomirov B. N. Sergey Nechaev's "A Revolutionary's Catechism". A Historical Document and Its Role in the Creative History of "The Demons". In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [Dostoevsky and World Culture: Almanac], 2019, no. 3, pp. 162–178. (In Russ.)
 34. *Filosofskie i obshchestvenno-politicheskie proizvedeniya petrashevtsev* [Philosophical and Political and Social Works of the Petrashevites]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 824 p. (In Russ.)
 35. *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky in Memoirs of His Contemporaries: in 2 Vols]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4721

УДК 821.161.1+070

Д. Д. Бучнева*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

darja.lammasjarvi@mail.ru

Кто автор редакционной статьи «Желание» в первом номере «Гражданина» за 1873 год?*

Аннотация. В еженедельнике «Гражданин» 1873–1874 гг. редакционные статьи писали два редактора: редактор-собственник В. П. Мещерский и редактор-издатель Ф. М. Достоевский. Данное исследование посвящено атрибуции редакционной статьи «Желание», опубликованной в первом номере еженедельника «Гражданин» за 1873 г. Исследователи Б. В. Томашевский, В. В. Виноградов, В. А. Викторович приписывали авторство этой заметки Ф. М. Достоевскому. Редакционная коллегия академического «Полного собрания сочинений» аргументировала принадлежность заметки В. П. Мещерскому. И. Зохран считает, что «Желание» написано В. П. Мещерским и отредактировано Ф. М. Достоевским. В статье предпринято исследование, опирающееся на стилистические и математико-статистические методы. В результате комплексного анализа текста как на идейном (содержательном), так и на языковом уровне отклонено предположение об авторстве Ф. М. Достоевского. Сопоставительный анализ «Желания» с текстами Достоевского и Мещерского, выводы статистических методик атрибуции позволяют признать автором статьи В. П. Мещерского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский, атрибуция, редакционная статья, «Желание», еженедельник «Гражданин», «Дерево решений»

Об авторе: Бучнева Дарья Дмитриевна — студентка 2-го курса Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 15.02.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Бучнева Д. Д. Кто автор редакционной статьи «Желание» в первом номере «Гражданина» за 1873 год? // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 2. — С. 142–161. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4721

Редакционная статья «Желание» опубликована в первом номере еженедельника «Гражданин» за 1873 г. Заметка анонимная, но примечательно, что она располагается перед подписью «Редакторъ-Издатель Ф. М. Достоевский».

В «Гражданине» редакционные статьи писали два редактора — редактор-собственник В. П. Мещерский и редактор-издатель Ф. М. Достоевский: эти статьи — «особый жанр, который формулирует не личную, а редакционную, но почти всегда редакторскую точку зрения. Они выражают направление и программу журнала, установки и указания редактора» [Захаров, 2017: 14].

Мнения исследователей по поводу авторства анализируемой заметки расходятся. Так, Б. В. Томашевский счел Достоевского автором статьи и включил ее в «Приложение» к Полному собранию художественных произведений писателя в тринадцати томах (Л.: Гос. изд-во, 1926–1930) [Томашевский: 607]. Исследователь основывался на близости содержания заметки с замыслом Лизы Дроздовой в «Бесах» (см.: [Томашевский: 607]). В. В. Виноградов согласился с данной атрибуцией [Виноградов: 567]. Редакционная коллегия академического Полного собрания сочинений Достоевского признала автором статьи В. П. Мещерского¹. И. Зохран полагает, что заметка написана Мещерским, но отредактирована Достоевским [Zohrab]. В. А. Викторovich аргументировал принадлежность статьи Ф. М. Достоевскому [Викторovich: 154–155], эта же атрибуция подтверждена им в монографии «Достоевский — редактор “Гражданина” (1873–1874)» [Викторovich: 310–312].

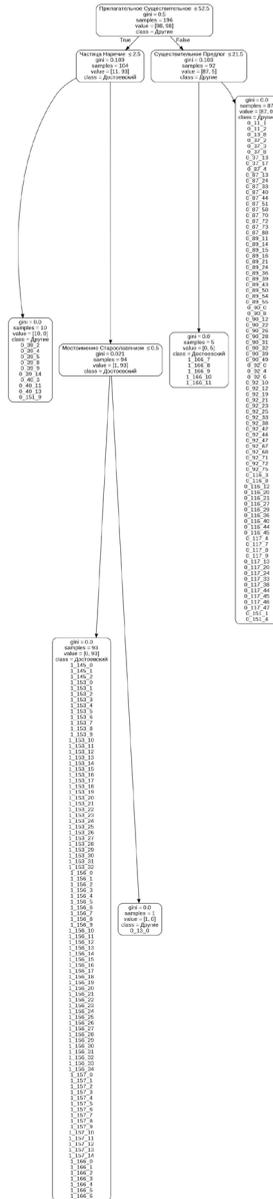
При таком разнообразии атрибуций вопрос, кому принадлежит заметка «Желание», требует решения.

Существует несколько методов атрибуции анонимных сочинений: документальный, идейно-тематический, стилистический. Гейр Хетсо применил математические методы установления авторства текстов [Хетсо: 9]. Его методика получила развитие в текстологических исследованиях, проводимых в Петрозаводском государственном университете. Так, в 1999 г. был введен программный комплекс «Атрибуция», состоящий из модулей «Грамматический анализ» и «Синтаксический анализ». Они позволили провести грамматический и синтаксический разборы литературных текстов по лингвистическим атрибутам (часть речи, падеж, род, число, тип предложения) [Захаров, Леонтьев, Рогов, Сидоров: 115]. В ходе исследования были проанализированы 18 статей, принадлежащих Ф. М. Достоевскому, и 31 статья, авторство которых неизвестно или вызывает споры [Захаров, Леонтьев, Рогов, Сидоров: 121]. В сравнительном анализе статей также использовались экспертный метод для первичной визуальной обработки данных; компонентный анализ с целью понижения размерности признакового пространства; методы кластерного анализа (алгоритм иерархического кластерного анализа, включающий методы ближайшего и дальнего соседа с различными мерами близости между объектами) и метод корреляционных плеяд, позволяющий получать группы статей на основе корреляционной матрицы [Захаров, Рогов, Сидоров: 405]. Для расширения базы данных исследований был создан программный корпус «Статистические методы анализа литературных текстов» (далее — ПК СМАЛТ). На

сегодняшний день основу ПК СМАЛТ составляют публицистические статьи журналов «Время», «Эпоха», «Гражданин», «Современник», «Библиотека для чтения» «Светоч», «Молва», «Заря» в оригинальной орфографии. Многие тексты имеют двойную разбивку с разным набором грамматических параметров (см. подробнее: [Рогов: 4–9]). Атрибуция текстов производилась при помощи отдельных программных модулей, применялся различный набор правил, построенный с использованием как методик Г. Хетсо, так и других статистических методов [Рогов: 4–5].

В настоящее время в ПК СМАЛТ используется сервис «Decision Tree» («Дерево решений»), предполагающий поиск решений за счет постановки определенного количества вопросов. Он начинается в корне дерева и расщепляется по признаку, ведущему к самому большому приросту информации (см. подробнее: [Рашка: 95]). Для атрибуции текстов параметром решений выбрана последовательность частей речи: например, «ПрилагательноеСуществительное», «СуществительноеСуществительноеПрилагательное». Существуют «деревья решений» со смешанной последовательностью частей речи. Алгоритм применим исключительно для текстов от 1 000 слов и более, так как размер одного фрагмента равен 1 000 слов, шаг — 100 слов. Таким образом, текст делится на несколько фрагментов в зависимости от количества слов. Так, в тексте объемом 1 300 слов и более исследователь выделяет первый фрагмент от 1-го до 1 000-го слова, делает шаг и получает второй фрагмент от 101-го до 1 101-го слова, затем совершает еще один шаг в 100 слов и формирует третий фрагмент от 201-го до 1 201-го слова и т. д. На основе полученных фрагментов определяется наиболее информативный параметр для атрибуции текста автору. С этих позиций анализируется текст с неустановленным или спорным авторством.

Представим некоторые результаты исследования статьи «Желание». Для «Дерева решений» были обработаны бесспорно принадлежащие Ф. М. Достоевскому статьи, а также случайно выбранные фрагменты из статей М. М. Достоевского, А. А. Григорьева, А. У. Порецкого и др. Наиболее информативным параметром стала последовательность таких частей речи, как «ПрилагательноеСуществительное» (корень дерева: см. Алгоритм 1). Этот показатель дал четкое разделение контрольной группы текстов на два класса: «Достоевский» и «Другие». Все тексты, ранее атрибутированные Достоевскому, попали в разряд «Достоевский», во второй группе «Другие» оказались статьи М. М. Достоевского, А. А. Григорьева, А. У. Порецкого и др.

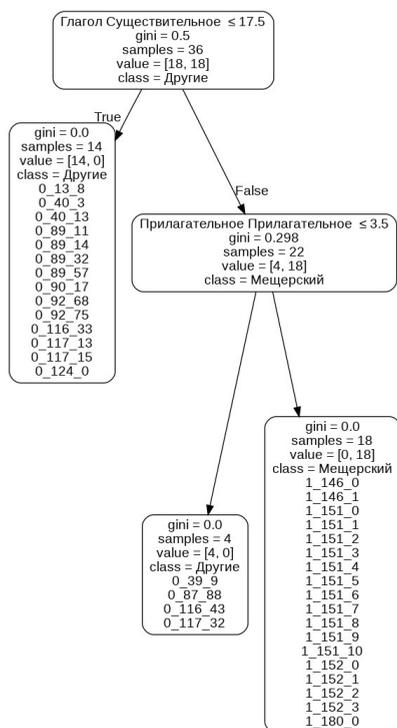

Алгоритм 1

Algorithm 1

Редакционная статья «Желание» состоит из 339 слов. Предварительно текст обработан с помощью семплинга¹⁾, а именно — оверсемплинга²⁾ (дублирования объектов миноритарного класса³⁾ (см. подробнее: [Каврин, Субботин: 84]).

Для «Дерева решений» был выполнен разбор статей В. П. Мещерского («Вперед или назад», 1872; «Все ли на Руси так плохо, как кажется?», 1872; «О наших отношениях к церкви», 1872; «Борьба церкви с государством в Европе», 1872 и др.) и случайно выбранных фрагментов текстов А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Страхова, А. У. Порецкого и др., количество которых равняется количеству фрагментов Мещерского (см. Алгоритм 2). Наиболее информативным параметром для разделения текстов на классы «Мещерский» и «Другие» явилась последовательность «ГлаголСуществительное» (корень дерева: см. Алгоритм 2).

Алгоритм 2

Algorithm 2

¹⁾ Семплинг — прием, при помощи которого текст разбивается на фрагменты.

²⁾ Оверсемплинг — прием, при помощи которого создаются копии исходного фрагмента для получения необходимого объема для исследования.

³⁾ Миноритарный — класс с меньшим количеством данных.

«Дерево решений» исключает статью «Желание» из класса «Другие» и относит ее к классу текстов «Мещерский» (см. Алгоритм 2).

Данные результаты противоречат атрибуции, в частности В. А. Викторovichа [Викторovich, 2019: 310], который, приводя дополнительные аргументы в пользу авторства Ф. М. Достоевского, обращается к «Объявлению о подписке на журнал “Время” на 1863 год». Исследователь говорит об общих идеях в текстах, однако не раскрывает их на примерах. Сравним основные положения двух публикаций:

«Желание» (1873 г.)	«Объявление о подпискѣ на журналъ “Время” на 1863 годъ» (1862 г.)
<p>«Чуть ли не всѣ города (здесь и далее выделено мной. — Д. Б.) нашего обширнаго отечества перебывали на страницахъ нашихъ газетныхъ лѣтописей скандала, и чуть ли не со всѣми этими городами мы только этими путями и роднимся. За то, уввы, мы слишкомъ мало знаемъ о томъ что у насъ есть на Руси хорошаго, и слишкомъ мало выказываемъ сочувствія и поощренія всякому честному труженику»²</p>	<p>«Въ своей ярости они (теоретики. — Д. Б.) преслѣдовали не только грязныя и уродливыя стороны національностей, стороны и безъ того необходимо долженствующія современемъ уступить правильному развитію, но даже выставляли въ уродливомъ видѣ и такія особенности народа нашего, которыя именно составляютъ залогомъ его будущаго самостоятельнаго развитія; которыя составляютъ его надежду и самостоятельную, вѣковѣчную силу»³</p>
<p>«Мы слишкомъ хорошо знаемъ все то, что у насъ есть дурнаго, мы слишкомъ хорошо умѣемъ смѣяться надъ всякимъ общественнымъ дѣятелемъ; мы слишкомъ строго умѣемъ быть судьями и обличителями всякаго кто намъ не по нраву» (<i>Гражданин</i>: 28)</p>	<p>«Они съ любовью самоосужденія и обличенія искали одного только “темнаго царства” и не видали свѣтлыхъ и свѣжихъ сторонъ» (Ө. Д.: 465)</p>

В обоих текстах имеются схожие положения. Публицисты заостряют внимание на том, что русский народ слишком много знает «дурнаго» (*Гражданин*: 28) и не пытается увидеть сильные стороны России. Много развелось обличителей, которые ищут «одного только “темнаго царства”» (Ө. Д.: 464–465).

Отдельное внимание следует обратить на слова об «обличителях», упоминаемых в «Объявлении о подписке на журнал “Время” на 1863 год». Приведем некоторые выдержки:

«Желаніе» (1873 г.)	«Объявленіе о подпискѣ на журналъ “Время” на 1863 годъ» (1862 г.)
<p>«Если наши <u>нигилисты, — мы разумѣемъ это слово въ широкомъ его значеніи,</u> — такъ сильны, то <u>не заключается ли ихъ сила</u> между прочимъ въ томъ, что <u>они имѣютъ право, указывая на изобиліе общественныхъ золъ и скандаловъ,</u> печатаемыхъ въ нашей журналистикѣ, и на отсутствіе въ ней всякихъ примѣровъ хорошаго и прекраснаго, сказать: <u>какъ же намъ не быть нигилистами, когда все у насъ хорошее такъ дурно, а все дурное такъ нравится?!</u>» (<i>Гражданин</i>: 28)</p>	<p>«Мы хотимъ только сказать, что <u>обличителю легче найти сочувствіе.</u> Даже <u>разномыслящіе и несовсѣмъ согласные съ обличителемъ готовы примкнуть къ нему ради обличенія</u>» (<i>Ө. Д.</i>: 467)</p>

«Обличители», упомянутые во «Времени», близки к «нигилистам <...> в широкомъ значеніи» в «Гражданине» (*Гражданин*: 28). Обличение, в пониманіи Достоевскаго, иногда имеетъ основаніе — «глубокую, живую идею» (*Ө. Д.*: 467). Нигилисты в «Желаніи» обличаютъ, такъ какъ «все у насъ хорошее такъ дурно, а все дурное такъ нравится» (*Гражданин*: 28). В замѣтке нигилисты, какъ и обличители во «Времени», существуютъ не только какъ отрицатели всего, но иногда имеютъ основанія для этого.

В 1864 г. Ф. М. Достоевскій вновь обращается к идеямъ, поднятымъ во «Времени», но уже в объявленіи о предстоящемъ в 1865 г. изданіи журнала «Эпоха».

«Желаніе» (1873 г.)	«Подписка на 1865 годъ. Обь изданіи ежемѣсячнаго журнала Эпоха литературнаго и политическаго издаваемаго семействомъ М. Достоевскаго» (1864 г.)
« <u>Мы слишкомъ хорошо знаемъ</u> все то, <u>что у насъ есть дурнаго</u> , мы слишкомъ хорошо умѣемъ смѣяться надъ всякимъ общественнымъ дѣятелемъ; <u>мы слишкомъ строго умѣемъ быть судьями и обличителями</u> всякаго кто намъ не по нраву» (<i>Гражданин</i> : 28)	« <u>Признакъ-же</u> настоящаго <u>русскаго</u> теперь, это — <u>знать то, что именно теперь надо не бранить у насъ на Руси. Не хулить, не осуждать, а любить умѣть</u> — вотъ что надо теперь наиболѣе настоящему русскому. Потому что <u>кто способенъ любить и не ошибается</u> въ томъ, <u>что именно ему надо любить на Руси — тотъ уже знаетъ что и хулить ему надо</u> ; знаетъ безошибочно и чего пожелать, что осудить, о чемъ сѣтовать, и чего домогаться ему надо; и полезное слово умѣетъ онъ лучше и понятнѣе всякаго другаго сказать, — полезнѣе всякаго присяжнаго обличителя. <u>Многое научились мы бранить въ нашемъ отечествѣ</u> , и иногда, надо отдать справедливость, довольно остроумно и какъ-будто даже и метко бранились» (Ө. Д.: 474)
«За то, увь, <u>мы слишкомъ мало знаемъ</u> о томъ <u>что у насъ есть на Руси хорошаго</u> , и слишкомъ мало выказываемъ сочувствія и поощренія всякому честному труженику» (<i>Гражданин</i> : 28)	«Но за то <u>мы до сихъ поръ не научились</u> и, почти сплошь, <u>не знаемъ того что именно должно не бранить на Руси</u> » (Ө. Д.: 474)

В 1864 г. Достоевский замечает, что только люди, умеющие любить Родину, а «не хулить, не осуждать» (Ө. Д.: 474), имеют право принадлежать к типу настоящего русского.

Проблема русского общества — незнание того, что «именно должно не бранить» (Ө. Д.: 474). В «Желании» автор замечает, что «быть судьями и обличителями» (*Гражданин*: 28) легче и проще, нежели искать хорошее в России. Действительно, в этих текстах авторы заостряют внимание на одних и тех же проблемах, но делают разные акценты. Автор заметки несколько раз обращает внимание на то, что «слишкомъ мало выказывается сочувствія <...> честному труженику» (*Гражданин*: 28). В то же время Достоевский

подчеркивает то, что русское общество часто обличает и бранит необъективно.

В 60-е гг. XIX в., как отмечает В. А. Викторovich, в лексиконе Достоевского появляется выражение «литература скандалов» [Викторovich, 2019: 310], повторяющееся в «Желании» неоднократно:

«...перебывали на страницахъ нашихъ газетныхъ лѣтописей скандала...»;
 «...они имѣютъ право, указывая на изобиліе общественныхъ золь и скандаловъ, печатаемыхъ въ нашей журналистикѣ...»;
 «...больше пользы можетъ принести обществу примѣръ доблести и прекрасной жизни, чѣмъ повѣсть о скандалахъ и безобразіяхъ...» (*Гражданин*: 28).

Соглашаясь в целом с наблюдениями В. А. Викторovichа об идейной близости публикаций во «Времени», «Эпохе» и «Гражданине», попробуем обнаружить сходство идей в публикациях других авторов еженедельника. Так, В. П. Мещерский, издавая «Гражданин» в 1872 г., не раз высказывал подобные мысли. Сравним «Желание» с некоторыми статьями В. П. Мещерского, опубликованными в «Гражданине» в 1872 г.:

«Желаніе» (1873 г.)	Статьи В. П. Мещерского (1872 г.)
<p>«Мы слишкомъ хорошо знаемъ все то, что у насъ есть дурнаго, мы слишкомъ хорошо умѣемъ смѣяться надъ всякимъ общественнымъ дѣятелемъ; мы слишкомъ строго умѣемъ быть судьями и обличителями всякаго кто намъ не по нраву» (<i>Гражданин</i>: 28).</p> <p>ИЛИ:</p> <p>«...какъ же намъ не быть нигилистами, когда все у насъ хорошее такъ дурно, а все дурное такъ нравится?!» (<i>Гражданин</i>: 28)</p>	<p>«Жалуюсь на отсутствіе талантовъ, мы даровитыми называемъ теперь всякаго, кто рисуетъ передъ нами наше ничтожество, наше безсиліе, но такъ, чтобы мы могли продолжать жить въ иллюзіи, что ничтожество это не наше, а чье-то, до насъ не касающаяся»⁴</p>

<p>«За то, увы, <u>мы слишком мало знаем о томъ что у насъ есть на Руси хорошаго, и слишком мало выказываемъ сочувствія и поощренія</u> всякому честному труженику» (<i>Гражданин</i>: 28)</p>	<p>«...нравами, поражающими въ нашемъ обществѣ <u>столько безобразій, на которыя всѣ мы жалуемся,</u> но на которыя <u>не имѣемъ мужества взглянуть въ глаза, чтобы каждое изъ нихъ разобрать до малѣйшей подробности?»</u>⁵</p>
---	---

Идеи, высказанные в «Желании», В. П. Мещерский ранее развивал в своей статье «Все ли на Руси так плохо, как кажется?», подчеркивая, что русское общество отдает предпочтение «даровитым», которые ищут и, главное, популяризируют в России «ничтожество» и «безсиліе»⁶ своих соотечественников, пока «честный труженик» (*Гражданин*: 28) работает во благо своей Родины. Заметим, что В. П. Мещерский в статье «1871-й годъ» (1872) пишет: «...все не такъ дурно, какъ кажется»⁷, — используя выражение в контексте, схожем с «Желанием»: «...когда все у насъ хорошее такъ дурно, а все дурное такъ нравится!» (*Гражданин*: 28).

В редакционной статье «Желание» неоднократно высказывается негодование из-за непонимания России, ее положительных и отрицательных сторон. Виден явный призыв поменять сознание, посмотреть на определенные вещи с другой стороны. Подобные идеи встречаются в статье В. П. Мещерского «Мысли вслух».

«Желаніе» (1873)	Статья В. П. Мещерского «Мысли вслухъ» (1872)
<p>«Сколько разъ <u>мы проходимъ мимо такихъ честныхъ бойцовъ, даже не замѣчая ихъ; сколько</u> прекрасныхъ гражданскою доблестью и общественною пользою <u>богатыхъ жизней уносятъ могила безслѣдно,</u> безъ привѣта отъ этого общества, которому эти жизни были всецѣло и безкорыстно посвящены!» (<i>Гражданин</i>: 28)</p>	<p>«<u>Изучайте наше общество</u> и всматривайтесь ближе въ то, <u>на что у насъ жалуются,</u> такъ называемые, <u>отсталые люди</u>»⁸</p>

Авторы отмечают, что в России есть люди, которые действительно заслуживают внимания, но уходят в «могилы безслѣдно» (*Гражданин*: 28). Не стоит верить «отсталым людям»⁹, важно «изучать наше общество»¹⁰.

В статье «Мысли вслухъ» В. П. Мещерский обращает внимание на одну важную деталь: «...назовите мнѣ журналъ, назовите мнѣ книгу, гдѣ общество

находило бы для подражанія и вдохновенія себя, идеалы религіи, любви къ родинѣ, семейной жизни, доблестнаго служенія государству, а нигилисты — доводы противъ своихъ бредней <...>. Думаю, что вы немного такихъ книгъ найдете...»¹¹.

В «Желании» говорится о нигилистах, которые не видят, вернее, не могут видеть положительные стороны, потому что «все у насъ хорошее такъ дурно, а все дурное такъ нравится?!» (*Гражданин*: 28). Ни одно периодическое издание не показывает лучшие черты России. Цель «Гражданина» — увидеть положительные стороны русского общества и популяризировать их в массах.

«Желаніе» (1873)	Статья В. П. Мещерского «Все-ли на Руси такъ плохо, какъ кажется?» (1872)
«... мы искренно желали бы служить этой цѣли, и рады будемъ дать мѣсто всякому сообщенію, ей удовлетво-ряющему » (<i>Гражданин</i> : 28)	«Но мы твердо вѣримъ , что придетъ день , когда, съ Божіею помощію, присоеди-нятся къ намъ и къ нашей трудной и неблагодарной задачѣ, всѣ честно любящіе Россію люди , и тогда, именно потому, что мы не будемъ одни, мы будемъ и менѣе безсильны, и менѣе бездарны, и менѣе смѣшны » ¹²

Относительно структуры текста фрагменты, приведенные выше, завершают мысль авторов и находятся соответственно в конце публикаций. Есть сходство в финальных предложениях. В них авторы, во-первых, ждут будущих сторонников и надеются, что они появятся. Во-вторых, публицисты уверены в своих действиях.

Взгляды Ф. М. Достоевского и В. П. Мещерского обнаруживают сходство. Не стоит отрицать и влияние на Мещерского журналов «Время» и «Эпоха». Личные и деловые отношения Достоевского и Мещерского сложились с конца 1871 г. Достоевский активно посещал «литературные среды», основанные В. П. Мещерским. Как отмечал собственник издания, Достоевский был одним из «восприемников»¹³ «Гражданина». Писатель активно «участвовал в обсуждении редакционной политики издания, статей и содержания номеров» [Захарова: 25]. Когда в апреле 1874 г. Достоевский покинул место редактора-издателя «Гражданина», он продолжил посещать «литературные среды» Мещерского.

Сходство заметки «Желание» и предисловия В. П. Мещерского «Нѣчто въ родѣ исповѣди. Вмѣсто предисловія» к книге «Рѣчи консерватора»

отмечали комментаторы полного тридцатитомного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (Д30; 27: 181).

Сравним два текста:

«Желаніе» (1873)	«Нѣчто въ родѣ исповѣди. Вмѣсто предисловія» из книги «Рѣчи консерватора» (Соч. Кн. В. Мещерскаго, 1876)
<p>«За то, увы, мы слишкомъ мало знаемъ о томъ что у насъ есть на Руси хорошаго, и слишкомъ мало выказываемъ сочувствія и <u>поощренія всякому честному труженику</u>».</p> <p>«Исходя изъ мысли, что обнародованіе возможно большаго числа явленій изъ русской жизни, достойныхъ общественной симпатіи, и <u>повѣстей о жизни такихъ людей, которые въ темныхъ углахъ Россіи посвящали себя служенію общества доблестно, но тайно</u>, и со смертью коихъ въ памяти нѣсколькихъ людей остались воспоминанія объ этой доблести...» (Гражданин: 28)</p>	<p>«...почти <u>въ каждомъ углу Россіи вы найдете</u> уroda въ семьѣ либераловъ, <u>человѣка-труженика, человѣка съ религіею, человѣка съ правильнымъ понятіемъ о свободѣ, человѣка любящаго свою родину и своего ближняго, человѣка мыслящаго такъ</u>, какъ мыслили его дѣдъ и отецъ относительно основъ и идеаловъ жизни»¹⁴.</p> <p>«Но <u>въ каждомъ углу такіе люди одиноки</u>»¹⁵</p>

Как и Ф. М. Достоевский, В. П. Мещерский не раз затрагивал проблему непонимания России. Особое внимание публицист уделял религиозной тематике. В статье «Наши отношенія къ церковному вопросу» он обращает внимание на то, что «мы ничего не можемъ, ибо ничего не знаемъ — не знаемъ даже, что такое наша церковь»¹⁶. Данную проблему поднимает и автор заметки «Желание».

Автор заметки характеризует «наше время» как время «*сомнѣній и отрицаній*» (Гражданин: 28). Такое понимание современности характерно и для В. П. Мещерского. В 1872 г. В. П. Мещерский замечает: «Годъ сомнѣній, колебаній, вопросительныхъ знаковъ...»¹⁶ — или далее: «...не смотря на наши сомнѣнія и колебанія»¹⁷. На наш взгляд, это еще один аргумент в пользу принадлежности заметки «Желание» Мещерскому.

Обратимся к лингвистическим аспектам текста. Следует отметить синтаксический параллелизм, осложненный нагнетанием, эмоциональным возбуждением, который, по мнению исследователей, часто используется в речи Достоевского (см.: [Викторович, 2019: 311–312], [Иванчикова: 281–285] и др.). Сравним «Желание» со статьями Ф. М. Достоевского 1860-х гг.:

«Желаніе» (1873)	Статьи Ф. М. Достоевского
<p>«Мы слишком хорошо знаем все то, что у насъ есть дурнаго, мы слишком хорошо умѣемъ смѣяться надъ всякимъ общественнымъ дѣятелемъ; мы слишкомъ строго умѣемъ быть судьями и обличителями всякаго кто намъ не по праву» (Гражданин: 28)</p>	<p>«Вы говорите, что никогда еще не распложалось такъ много словъ и фразъ, какъ теперъ <...>. Вы говорите: “никогда еще не доходила до такого всевластнаго господства рутина, безсмысленное и рабское повтореніе мнѣній изъ чужой жизни, какъ теперъ<...>”» (Ө. Д.: 234)</p>
	<p>«Разъ положенное ложное начало ведетъ къ самымъ ложнымъ заключеніямъ, потому что теорія любитъ послѣдовательность. Разъ положенное узкое, одностороннее начало непремѣнно, по той же самой послѣдовательности теоріи, поведетъ къ отрицанію тѣхъ сторонъ жизни, которые противорѣчатъ принятому принципу» (Ө. Д.: 259)</p>
	<p>«Развѣ не за стыдъ, не за ретроградство считаютъ у насъ до сихъ поръ идею о томъ, что мы — сами по себѣ, что мы своеобразны, своеисторичны? Развѣ не за принципъ науки считаютъ у насъ, что національность, <i>въ смыслѣ высшаго преустыянія</i>, есть нѣчто вродѣ болѣзни, отъ которой избавить насъ всестирающая цивилизація?» (Ө. Д.: 475)</p>

Однако синтаксический параллелизм, осложненный нагнетанием, эмоциональным возбуждением, неоднократно встречается и в статьях, автором которых является В. П. Мещерский. Приведем примеры:

«Желаніе» (1873)	Статьи В. П. Мещерского
<p>«<u>Мы слишком хорошо знаемъ все то, что у насъ</u> есть дурнаго, <u>мы слишкомъ хорошо умѣемъ смѣяться</u> надъ всякимъ общественнымъ дѣятелемъ; <u>мы слишкомъ строго умѣемъ быть</u> судьями и обличителями всякаго кто намъ не по нраву» (<i>Гражданин</i>: 28)</p>	<p>«<u>Страшно потому, что</u> этотъ частный приставъ — будь онъ смѣненъ сегодня, завтра будетъ замѣненъ такимъ-же <...>. <u>Страшно потому, что</u> вслѣдствіе этого, въ каждомъ уголкѣ Россіи, можетъ разыгратъ драма, подобная харьковской, и сто разъ хуже ея; <u>страшно</u>, наконецъ, <u>потому, что</u> всякое такое дѣло имѣетъ свои роковыя жертвы, невинныя жертвы...»¹⁹</p>
	<p>«...<u>онъ требуетъ</u> смѣны министра народнаго просвѣщенія, <u>онъ требуетъ</u> полнаго отдѣленія религіознаго обученія отъ народнаго образованія, <u>онъ требуетъ</u> уменьшенія собираемыхъ съ него въ пользу церкви налоговъ, <u>онъ требуетъ</u> неограниченной свободы совѣсти въ дѣлѣ религіознаго обученія, <u>онъ требуетъ</u>, наконецъ, чтобы только тѣ были избраны членами парламента, которые согласились бы-взять на себя обезпечить успѣхъ его требованій»²⁰</p>
	<p>«Къ реформамъ основнымъ надо поставить точку, ибо нужна пауза, пауза для того, чтобы <u>дать жизни сложиться, дать жизни создать</u> душу и формы для народнаго образованія, <u>дать этому</u> народному образованію вырасти людей не колеблющихся и не сомнѣвающихся, <u>дать этимъ</u>²¹ людямъ создать изъ себя силы для общества и правительства!»²²</p> <p>ИЛИ:</p> <p>«...<u>не нашлось</u> въ теченіи 70 лѣтъ <u>ни одного человѣка, который</u> на столько бы зналъ свое государство, чтобы понять, чѣмъ должно быть его движеніе впередъ, <u>не нашлось ни одного человѣка, который</u> бы понялъ, что кричать “впередъ и впередъ” не есть еще подвигъ гражданскаго мужества...»²³</p>

В. А. Викторovich отмечает, что для речи Достоевского характерно гиперболизирующее выражение «чуть ли не» [Викторovich, 2019: 312]. Между тем это выражение довольно часто встречается в текстах В. П. Мещерского. Стоит заметить, что в «Желании» используется выражение «не сто ли разъ больше», варьирующееся в текстах Мещерского и являющееся неким чрезмерным преувеличением наравне с «чуть ли не». Приведем примеры использования этих выражений в статьях В. П. Мещерского в сравнении с «Желанием»:

«Желаніе» (1873)	Статьи В. П. Мещерского
<p>«Чуть ли не всѣ города нашего обширнаго отечества перебивали на страницахъ нашихъ газетныхъ лѣтописей скандала, и чуть ли не со всѣми этими городами мы только этими путями и роднимся» (Гражданин: 28)</p>	<p>«...мы не только не готовы, мы не только не можемъ ей дать отвѣта, но мы сами, мы боимся нашей церкви, мы не доврѣемъ ей чуть ли не больше, чѣмъ Европа своей. Литература наша боится дать церкви слишкомъ широкое мѣсто высказаться»²⁴</p> <p>«Третья государственная реформа — народнаго образованія, изъ всѣхъ — чуть-ли не самая важнѣйшая, — полуготовою вошла въ 71 годъ»²⁵</p> <p>«Такимъ образомъ, здѣсь уже, мы находимся передъ сценами временъ чуть-ли не до-Петровскихъ»²⁶</p>
<p>«А между тѣмъ не сто ли разъ больше пользы можетъ принести обществу примѣръ доблести и прекрасной жизни...» (Гражданин: 28)</p>	<p>«...мы будемъ стоять посреди этихъ смуть Европы, сто тысячь разъ болѣе важныхъ и серьезныхъ, чѣмъ внѣшнія войны или внутреннія, чисто-политическія, движенія»²⁷</p>
	<p>«...сто разъ, тысячу разъ преступнѣе — и передъ правительствомъ, и передъ государствомъ, и передъ церковью — всякихъ Нечаевыхъ!»²⁸</p>
	<p>«...кривду учителя онъ толкуетъ массѣ крестьянъ сто разъ кривѣе...»²⁹</p>
	<p>«Страшно потому, что вслѣдствіе этого, въ каждомъ уголкѣ Россіи, можетъ разыгратъ драма, подобная харьковской, и сто разъ хуже ея...»³⁰</p>

По мнению В. А. Викторовича, доказательством авторства Достоевского является некий синтаксический «курсив» [Викторович, 2019: 311], свойственный писателю. Однако к такому приему прибегает и В. П. Мещерский:

«Желание» (1873)	Статьи В. П. Мещерского
«Въ нашей періодической печати давно, и очень давно ощущается весьма важный пробѣлъ, отражающійся пробѣломъ и въ нашей общественной жизни» (Гражданин: 28)	«Да, мы низко, и очень низко упали!» ³¹
	«...что теперь, именно теперь , эти слова звучат еще...» ³²

Приведенные аргументы указывают на то, что автором редакционной статьи «Желание» является редактор-собственник «Гражданина» В. П. Мещерский. Ф. М. Достоевский мог обсуждать и редактировать статью, но пока это неаргументированное предположение. Нет никаких оснований приписывать Достоевскому авторство этой заметки. Выводы статистических методик атрибуции позволяют отклонить авторство Достоевского и признать автором статьи В. П. Мещерского.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90026 («Проблема атрибуции анонимных и псевдонимных статей в журналах “Время”, “Эпоха” и еженедельнике “Гражданин”»).

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 181. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома и страницы в круглых скобках.

² <Мещерский В. П.> Желаніе // Гражданинъ. 1873. № 1. С. 28. Далее ссылки на данную публикацию приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Гражданин* и указанием страницы в круглых скобках.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. Т. 5. С. 464–465. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Ө. Д.* и указанием страницы.

⁴ Мещерскій В., кн. Все-ли на Руси такъ плохо, какъ кажется? // Гражданинъ. 1872. № 16. С. 552.

⁵ <Мещерский В. П.> Отвѣтъ судьямъ нашей послѣдней статьи // Гражданинъ. 1872. № 7. С. 228. Автором данной редакционной публикации является В. П. Мещерский, который неоднократно высказывал идеи о безнравственности русского общества, в частности в статье «Безнравственность нашего общества» (Гражданинъ. 1872. № 7. С. 187–189), где огромная роль уделена театру Буфф, который приводит молодежь к растлению (в воспоминаниях Мещерский также отрицательно писал о театре Буфф. — См. подробнее: Мещерскій В. П., кн. Мои воспоминанія: [в 3 ч.]. Ч. 2: 1865–1881 гг. С.-Петербург: Тип. кн.

- В. П. Мещерскаго, 1898. С. 171–172). Эти же мысли публицист излагает в тексте «Отвѣтъ судьямъ нашей послѣдней статьи». Мещерский указывает на то, что наша общественная нравственность расшатана и необходимо закрывать театр Буфф для предотвращения проникновения яда в организм русского общества. Автор также приводит в качестве примера в обеих статьях опыт Пруссии, Англии и Франции.
- 6 Мещерский В., кн. Все-ли на Руси такъ плохо, какъ кажется? // Гражданинъ. 1872. № 16. С. 552.
- 7 <Мещерский В. П.> 1871-й годъ // Гражданинъ. 1872. № 1. С. 1. Автором обозрения является собственник издания. Имеется текстологическое совпадение со статьей «Впередъ или назадъ» (Гражданинъ. 1872. № 2). В обозрении «1871-й годъ» Мещерский отмечает: «мы ушли впередъ, не надо ли идти назадъ». Подобная мысль была высказана им в статье «Впередъ или назадъ». В ней автор пишет, что «реформамъ основнымъ надо поставить точку, ибо нужна пауза». Эти идеи были неправильно поняты читателями. Мещерского упрекали в желании вернуться к прошлому, затормозить развитие. В то же время в этих статьях утверждается, что Россия идет вперед. Например, «въ Россіи не можетъ быть движенія назадъ, потому что движеніе впередъ объявлено всенароднымъ» («Впередъ или назадъ». С. 42) и «неотразимо высказалось движеніе впередъ нашего государства» («1871-й годъ». С. 2).
- 8 Мещерский В. Мысли вслухъ // Гражданинъ. 1872. № 25. С. 225.
- 9 Там же.
- 10 Там же.
- 11 Там же. С. 227.
- 12 Мещерский В., кн. Все-ли на Руси такъ плохо, какъ кажется? С. 553.
- 13 Мещерский В. П., кн. Мои воспоминанія: [в 3 ч.]. Ч. 2. С. 164.
- 14 Соч. кн. Мещерскаго В. Рѣчи консерватора. С.-Петербургъ: Типогр. и литогр. кн. В. Оболенскаго, 1876. [Вып. 1]. С. 12.
- 15 Там же.
- 16 Мещерский В., кн. Наши отношенія къ церковному вопросу // Гражданинъ. 1872. № 5. С. 156.
- 17 <Мещерский В. П.> 1871-й годъ. С. 1.
- 18 Там же. С. 2.
- 19 Мещерский В., кн. Наша полиція. (По поводу харьковскихъ безпорядковъ) // Гражданинъ. 1872. Приложение къ №17-му. С. 621.
- 20 Мещерский В., кн. Борьба церкви съ Государствомъ въ Европѣ // Гражданинъ. 1872. № 4. С. 122.
- 21 *Исправлено. В тексте было: датэтимъ*
- 22 Мещерский В., кн. Впередъ или назадъ // Гражданинъ. 1872. № 2. С. 42.
- 23 Там же. С. 42.
- 24 Мещерский В., кн. Наши отношенія къ церковному вопросу. С. 156.
- 25 <Мещерский В. П.> 1871-й годъ. С. 3.
- 26 Мещерский В., кн. Наша полиція. (По поводу харьковскихъ безпорядковъ). С. 621.
- 27 Мещерский В., кн. Борьба церкви съ Государствомъ въ Европѣ. С. 122.
- 28 Мещерский В., кн. Безнравственность нашего общества // Гражданинъ. 1872. № 6. С. 188.
- 29 Мещерский В., кн. Нашъ народъ // Гражданинъ. 1872. № 7. С. 228.
- 30 Мещерский В., кн. Наша полиція. (По поводу харьковскихъ безпорядковъ). С. 621.
- 31 Мещерский В., кн. Безнравственность нашего общества. С. 188.
- 32 Мещерский В., кн. Впередъ или назадъ. С. 42.

Список литературы

1. Викторovich В. А. Достоевский — редактор «Гражданина» (1873–1874). — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2019. — 426 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (10.02.2020).
2. Викторovich В. А. Ф. М. Достоевский. Новоатрибутированные статьи 1872–1874 гг. (атрибуция и научный комментарий В. Викторovichа) // Знамя. — 1996. — № 11. — С. 153–155.
3. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. — М.: Гос. изд. худож. лит., 1961. — 613 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1984. — Т. 27. — 463 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2004. — Т. 5. — 936 с.
6. Захаров В. Н. О статусе редакционных статей в изданиях Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2017. — № 1. — С. 3–17 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493122152.pdf (15.09.2019). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083
7. Захаров В. Н., Рогов А. А., Сидоров Ю. В. Проблема грамматического инварианта Достоевского и атрибуция анонимных и псевдонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха» (1861–1865) // Русский язык: исторические судьбы и современность: труды и материалы Междунар. конгресса исследователей русского языка. Москва, 13–16 марта 2001 г. / МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак-т. — М., 2001. — С. 404–405.
8. Захаров В. Н., Леонтьев А. А., Рогов А. А., Сидоров Ю. В. Программная система поддержки атрибуции статей Ф. М. Достоевского // Труды Петрозаводского государственного университета. Серия «Прикладная математика и информатика». — Петрозаводск, 2000. — Вып. 9. — С. 113–122.
9. Захарова О. В. Бестактность редакции, или Два «Дневника» в «Гражданине» 1870-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Филологические науки». — 2018. — № 1 (170). — С. 24–28 [Электронный ресурс]. — URL: http://uchzap.petrsu.ru/files/redaktor_pdf/1517575589.pdf (15.09.2019). DOI: 10.15393/uchz.art.2018.4
10. Иванчикова Е. А. Индивидуальный синтаксис Достоевского // Слово Достоевского. — 2000. — С. 272–315.
11. Каврин Д. А., Субботин С. А. Методы количественного решения проблемы несбалансированности классов // Радіоелектроніка, інформатика, управління, 2018. — № 1. — С. 83–90.
12. Отливанчик А. В. Ф. М. Достоевский — редактор авторских текстов в еженедельнике «Гражданин» (1873–1874). Новые разыскания и версии // Балтика (Таллин, Эстония). — 2010. — С. 69–77.
13. Рашка С. Python и машинное оборудование. — М.: ДМК Пресс, 2017. — 418 с.
14. Рогов А. А., Кулаков К. А., Москин Н. Д. Программная поддержка в решении задачи атрибуции текстов // Программная инженерия. — М.: Новые технологии. — Вып. 5. — Т. 10. — С. 234–240.
15. Томашевский Б. В. Достоевский-редактор // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. художественных произведений: в 13 т. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. — Т. 13. — С. 559–593.
16. Хетсо Г. Принадлежность Достоевскому: к вопросу об атрибуции Ф. М. Достоевскому анонимных статей в журналах «Время» и «Эпоха». — Oslo: Solum Forlag A. S., 1986. — 86 с. (Slavica Norvegica IV)
17. Zohrab I. The Contents of The Citizen During Dostoevsky's Editorship: Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions. Dostoevsky's Quest to Reconcile the "Flux of Life" with a Self-Fashioned Utopia. Part 1 // Dostoevsky Journal. — 2004. — No. 5. — Pp. 47–162.

Daria D. Buchneva

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
darja.lammasjarvi@mail.ru

Who is the Author of the Editorial “Zhelanie” (“Desire”) in the First Issue of *Grazhdanin* (Citizen) for 1873?

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90026.

Abstract. Two editors, namely editor-owner V. P. Meshchersky and editor-publisher F. M. Dostoevsky, wrote the editorials in the weekly *Grazhdanin* in 1873–1874. The article is devoted to the attribution of the editorial article “Zhelanie” (“Desire”), published in the first issue of the weekly *Grazhdanin* in 1873. Researchers B. V. Tomashevsky, V. V. Vinogradov, V. A. Viktorovich attributed this article to F. M. Dostoevsky. The editorial board of the academic “Complete works in thirty volumes” argued that the note was penned by V. P. Meshchersky. I. Zohrab believes that “Desire” was written by V. P. Meshchersky and edited by F. M. Dostoevsky. The article conducts an examination based on stylistic and mathematical statistics methods. As a result of the comprehensive analysis of the text, both at the ideological (content) and linguistic level, the version of F. M. Dostoevsky’s authorship was rejected. A comparative analysis of “Desire” with the texts of Dostoevsky and Meshchersky and the conclusions made using statistical attribution methods allow us to recognize V. P. Meshchersky as the author.

Keywords: F. M. Dostoevsky, V. P. Meshchersky, attribution, editorial article, “Zhelanie” (“Desire”), weekly *Grazhdanin*, “Decision Tree”

About the author: Buchneva Daria D. — Student of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: February 15, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Buchneva D. D. Who is the Author of the Editorial “Zhelanie” (“Desire”) in the First Issue of “Grazhdanin” (“Citizen”) for 1873? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 2, pp. 142–161. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4721 (In Russ.)

References

1. Viktorovich V. A. *Dostoevskiy — redaktor «Grazhdanina» (1873–1874)* [*Dostoevsky as Editor of Grazhdanin* (“Citizen”) (1873–1874)]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2019. 426 p. Available at: http://elibrary.karelia.ru/docs/viktorovich/Dostoevskiy_redaktor_Grazhdanina_1873_1874/total.pdf (accessed on February 10, 2020). (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. F. M. Dostoevsky. Newly Attributed Articles of 1872–1874. In: *Znamyia*, 1996, no. 11, pp. 153–155. (In Russ.)
3. Vinogradov V. V. *Problema avtorstva i teoriya stiley* [*The Problem of Authorship and the Theory of Styles*]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1961. 613 p. (In Russ.)
4. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 27. 463 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [*Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2004, vol. 5. 936 p. (In Russ.)

6. Zakharov V. N. On the Status of Editorials in Dostoevsky's Periodicals. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2017, no. 1, pp. 3–17. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1493122152.pdf (accessed on September 15, 2019). DOI: 10.15393/j10.art.2017.3083 (In Russ.)
7. Zakharov V. N., Rogov A. A., Sidorov Yu. V. The Problem of Grammatical Invariant of Dostoevsky and Attribution of Anonymous and Pseudonymous Articles in the Journals “Vremya” and “Epokha” (1861–1865). In: *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': trudy i materialy Mezhdunarodnogo kongressa issledovateley russkogo yazyka [Russian Language: Historical Destinies and Modernity: Proceedings and Materials of the International Congress of Russian Language Researchers]*. Moscow, 2001, pp. 404–405. (In Russ.)
8. Zakharov V. N., Leont'ev A. A., Rogov A. A., Sidorov Yu. V. Software System for Supporting Attribution of Articles by F. M. Dostoevsky. In: *Trudy Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Prikladnaya matematika i informatika» [Proceedings of Petrozavodsk State University. Series “Applied Mathematics and Informatics”]*. Petrozavodsk, 2000, issue 9, pp. 113–122. (In Russ.)
9. Zakharova O. V. Incorrect Formulation or Two “Diaries” in “Citizens” of 1870s. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologicheskie nauki» [Proceedings of Petrozavodsk State University. Series “Philological Sciences”]*, 2018, no. 1 (170), pp. 24–28. Available at: http://uchzap.petrstu.ru/files/redaktor_pdf/1517575589.pdf (accessed on September 15, 2019). DOI: 10.15393/uchz.art.2018.4 (In Russ.)
10. Ivanchikova E. A. Individual Syntax of Dostoevsky. In: *Slovo Dostoevskogo [Dostoevsky's Word]*, 2000, pp. 272–315. (In Russ.)
11. Kavrin D. A., Subbotin S. A. Methods of Quantitative Solution of the Problem of Unbalanced Classes. In: *Radioelektronika, informatika, upravlinnya [Radioelectronics, Informatics, Management]*, 2018, no. 1, pp. 83–90. (In Russ.)
12. Otlivanchik A. V. F. Dostoevsky as an Editor of Author Texts in the Weekly “The Citizen” (1873–1874). New Searches and Versions. In: *Baltika*. Tallin, Estonia, 2010, pp. 69–77. (In Russ.)
13. Rashka S. *Python i mashinnoe oborudovanie [Python and Machinery]*. Moscow, DMK Press Publ., 2017. 418 p. (In Russ.)
14. Rogov A. A., Kulakov K. A., Moskin N. D. Software Support in Solving the Problem of Text Attribution. In: *Programmnyaya inzheneriya*. Moscow, Novye tekhnologii Publ., issue 5, vol. 10, pp. 234–240. (In Russ.)
15. Tomashevskiy B. V. Dostoevsky as Editor. In: *F. M. Dostoevskiy. Polnoe sobranie sochineniy khudozhestvennykh proizvedeniy: v 13 tomakh [F. M. Dostoevsky. The Complete Works of Fiction: in 13 Vols]*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1930, vol. 13, pp. 559–593. (In Russ.)
16. Kjetsaa G. *Prinadlezhnost' Dostoevskomu: k voprosu ob atributsii F. M. Dostoevskomu anonimnykh statey v zhurnalakh «Vremya» i «Epokha» [Affiliation by Dostoevsky: on the Attribution of F. M. Dostoevsky's Anonymous Articles in the Magazines “Vremya” and “Epokha”]*. Oslo, Solum Forlag A. S. Publ., 1986. 86 p. (Slavica Norvegica IV).
17. Zohrab I. The Contents of The Citizen During Dostoevsky's Editorship: Uncovering the Authorship of Unsigned Contributions. Dostoevsky's Quest to Reconcile the “Flux of Life” with a Self-Fashioned Utopia. Part 1. In: *Dostoevsky Journal*, 2004, no. 5, pp. 47–162. (In English)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681

УДК 821.161.1+070

П. Е. Фокин*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля**(Москва, Российская Федерация)*

pfokin@mail.ru

А. В. Петрова*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля**(Москва, Российская Федерация)*

netochka-1@yandex.ru

«Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля)*

Аннотация. 140 лет назад — 8 (20) июня 1880 г. — по случаю торжеств, связанных с открытием памятника А. С. Пушкину, состоялось выступление Ф. М. Достоевского на втором заседании Общества любителей российской словесности в зале Московского Благородного собрания. Оно сразу же было признано общественно-культурным событием. Этот эпизод биографии Достоевского неоднократно привлекал внимание исследователей. В рукописном фонде Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля в Москве хранится значительный комплекс материалов, относящихся к участию Достоевского в Пушкинском празднике. Вдова писателя А. Г. Достоевская, собирая материалы для «Музея памяти Ф. М. Достоевского», провела тщательную библиографическую работу, отследив практически все доступные ей публикации российской прессы, посвященные Пушкинской речи. Она сделала обширные выписки из газет, содержание которых позволяет увидеть событие глазами русских репортеров. Как показал анализ, лишь незначительные фрагменты газетных отчетов были востребованы биографами Достоевского. Характеристика откликов русской прессы на Пушкинскую речь как на крупное общественное событие, представленная в данной статье, позволила расширить контекст выступления Достоевского и предложить более детальный обзор аудитории слушателей. В статье высказано предположение о сходстве события, связанного с Пушкинской речью Достоевского, с его оптимистической антропологией, сформулированной в главе «Золотой век в кармане» в «Дневнике Писателя» за 1876 г. Предложенный системный свод публикаций, вызванных Пушкинской речью, позволяет сделать вывод о том, что она сама по себе — как общественно-культурное событие и литературно-публицистическое сочинение — стала важнейшим информационным событием 1880 г. В приложении к статье представлены фотографии некоторых материалов из рукописного фонда Государственного музея истории русской литературы им. В. И. Даля.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Пушкинский праздник, русская пресса, И. С. Тургенев, «Дневник Писателя»

Об авторах: *Фокин Павел Евгеньевич* — кандидат филологических наук, зав. отделом «Музей-квартира Ф. М. Достоевского», Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственный литературный музей) (Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 121069); *Петрова Анна Викторовна* — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела «Музей-квартира Ф. М. Достоевского», Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственный литературный музей) (Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 121069)

Дата поступления: 01.03.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Фокин П. Е., Петрова А. В. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского как событие (по материалам рукописного фонда Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 2. — С. 162–188. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681

Слово «событие» по отношению к речи, произнесенной Ф. М. Достоевским во втором заседании Общества любителей российской словесности 8 (20) июня 1880 г. в зале Московского Благородного собрания по случаю торжеств в связи с открытием памятника А. С. Пушкину, прозвучало буквально сразу по ее завершении — лишь только утихла буря оваций и восторгов. «Аксаков (Иван) выбежал на эстраду и объявил публике, что речь моя — *есть не просто речь, а историческое событие!*» — писал Достоевский спустя несколько часов, сообщая жене о своем успехе¹. «Успѣхъ Достоевскаго — истинное, многознаменательное событіе», — делился своим впечатлением неделю спустя сам И. С. Аксаков².

Несмотря на шум в зале, слово Аксакова слышали и запомнили. Российская пресса тут же его подхватила и растиражировала. В тот же день, 8 июня, телеграмма Международного агентства информировала из Москвы: «Г. Аксаковъ назвалъ эту рѣчь событіемъ и призналъ ее примирительницею до сихъ поръ еще не совсѣмъ сблизившихся западниковъ и славянофиловъ»³. «По отзыву И. С. Аксакова — рѣчь Достоевскаго была “настоящимъ событіемъ”», — писала «Страна» 12 июня⁴. «Аксаковъ выходитъ на кафедру. Онъ называетъ рѣчь Достоевскаго событіемъ, гениальной», — сообщал 13 июня «Киевлянин»⁵. «Аксаковъ совершенно справедливо назвалъ рѣчь Достоевскаго “событіемъ”», — отмечал корреспондент «Молвы» в отчете 14 июня⁶. «Мы видѣли также какъ вся интеллигенція рукоплескала рѣчи Ѳ. М. Достоевскаго, которую Аксаковъ назвалъ “событіемъ”», — сообщал своим читателям «Русский Курьер»⁷. Без прямой ссылки на Аксакова, но, конечно же, с его легкой руки, как о самоочевидном писал «Рижский Вестник»: «Событіемъ дня и едва-ли не всѣхъ празднествъ въ честь Пушкина было чтеніе Ѳ. М. Достоевскаго»⁸.

Это аксаковское определение выступления Достоевского оказалось настолько важным и значительным, что даже более полувека спустя, рассказывая о выступлении Достоевского на Пушкинском празднике, мемуарист не мог не отметить его:

«Председатель отчаянно звонил, повторяя, что заседание продолжается и слово принадлежит Ивану Сергеевичу Аксакову. Зал понемногу успокаивается, но сам Аксаков страшно волнуется. Он вбегает на кафедру и кричит: “Господа, я не хочу, да и не могу говорить после Достоевского. После Достоевского нельзя говорить! Речь Достоевского — событие! Все разъяснено, все ясно. Нет более славянофилов, нет более западников! Тургенев согласен со мною”» [Любимов: 419].

Событие это было запланировано. Правда, первоначальный замысел организаторов Пушкинских торжеств был иным. Им хотелось провести в эти дни своеобразный смотр русской литературы. Приглашение приехать и выступить получили И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский, И. А. Гончаров, М. Е. Салтыков-Щедрин, В. П. Полонский, А. А. Фет, А. Ф. Писемский, Н. А. Плещеев, А. Н. Майков. Список имен бесспорно внушительный! (Не забудем и самого И. С. Аксакова, бывшего одним из членов оргкомитета, а также москвича М. Н. Каткова, вокруг участия которого в торжествах развернулась настоящая борьба.) Несмотря на то, что практически все перечисленные литераторы были вполне уважаемыми и востребованными авторами, а иные (например, М. Н. Катков и М. Е. Салтыков-Щедрин) не без основания могли претендовать на роль «властителей дум», фаворитами, конечно же, были Тургенев, Толстой и Достоевский. Организаторы торжеств вполне обоснованно рассчитывали на то, что их выступления придадут празднику всероссийский масштаб и значимость, впишут его не только в летопись Москвы, но и в историю русской литературы.

Отказ Льва Толстого и колебания Достоевского, скрытые отговорками о здоровье и ссылкой на занятость работой над «Братьями Карамазовыми», поставили под удар сам замысел. Организаторы предприняли все возможные усилия. Уговаривать Толстого в Ясную Поляну, как известно, отправился Тургенев. К Достоевскому одно за другим полетели письма председателя Общества любителей российской словесности С. А. Юрьева. Миссия Тургенева оказалась безуспешной, а Достоевский после некоторого размышления дал положительный ответ.

Сама собой обозначилась новая интрига, которую сразу все осознали. Идеологическое противостояние между Тургеневым и Достоевским, многими воспринимаемое — и не без оснований — как вражда, ни для кого не было тайной. И в частных письмах (с большей откровенностью и не стесняясь в выражениях), и печатно (стараясь соблюдать приличия) они неоднократно выказывали взаимное неприятие. С отказом Толстого московский праздник превращался в своеобразную дуэль. Значимость ее многократно увеличивалась тем, что расхождения Тургенева и Достоевского не были расхождениями сугубо личного порядка. Каждый из них был выразителем взглядов одной из двух главных неофициальных партий русской интеллигенции — так называемых «западников» и «славянофилов».

Следует подчеркнуть, что именно решение Достоевского принять участие в Пушкинском празднике превращало безобидное светское мероприятие в идейное ристалище. Он ехал в Москву не только, чтобы выразить свою любовь к Пушкину и поделиться размышлениями о его творчестве, но и чтобы высказать свои сокровенные взгляды, заявить свой манифест. К тому побуждал его духовный темперамент — темперамент пророка, жар которого Достоевский ощущал в себе еще в юности и который с годами становился только сильнее. «Дневник Писателя», открывший России Достоевского

как страстного и искусного публициста и привлечший к нему внимание широкой интеллектуальной аудитории, был порукой тому, что его участие в юбилейном разговоре о Пушкине отнюдь не сведется к одной только эстетической стороне вопроса.

Перипетии подготовки и поездки Достоевского в Москву, его пребывания там, история создания Пушкинской речи и реакция на нее современников были предметом разностороннего внимания исследователей биографии и творчества писателя. Наиболее обстоятельно они изложены в преамбуле к комментариям к «Дневнику Писателя» за 1880 г. в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 30 т. (авторы Г. М. Фридлендер, А. О. Крыжановский — ДЗ0; 26: 441–491). Хронология событий представлена в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» [Летопись: 414–435]. Богатый очерк событий с опорой на разнообразные документы и свидетельства дал в свое время И. Л. Волгин в романе-исследовании «Последний год Достоевского» [Волгин, 2010: 275–393]. Особо следует отметить содержательное исследование американского слависта Маркуса Ч. Левитта «Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года» («Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880») [Левитт].

Дни, проведенные в Москве, с мельчайшими подробностями описаны самим писателем в его письмах к жене, представляющих собой своеобразный дневник поездки (ДЗ0; 30.: 157–185). По остроумному замечанию И. Л. Волгина, «трудно отделаться от чувства, что судьба имела свой тайный умысел, разлучая супругов на время московских торжеств. Будь они вместе, мы никогда бы не обрели возможность читать этот, как выражался его автор, “бюллетень”, вводящий нас в самую гущу событий. Мы никогда бы не увидели совершающееся *его* глазами» [Волгин, 2010: 285]. Анна Григорьевна понимала особую ценность этих писем и хранила их в отдельном конверте. Впоследствии, собирая материалы для «Музея памяти Ф. М. Достоевского», она провела тщательную библиографическую работу, отследив практически все доступные ей публикации российской прессы, посвященные Пушкинской речи. Она сделала обширные выписки из газет, содержание которых позволяет увидеть состоявшееся событие глазами русских репортеров. Как показывает анализ, лишь незначительные фрагменты газетных отчетов были востребованы биографами Достоевского. Детальное изучение и сопоставление откликов различных корреспондентов позволяет более объемно представить картину события, произошедшего во время чтения Ф. М. Достоевским «Пушкинской речи». Материалы, собранные А. Г. Достоевской, хранятся в рукописном отделе фондов Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (Ф. 81. Оп. 2. Ед. хр. 39–41).

Москва с нетерпением ожидала выступлений Тургенева и Достоевского, их соперничества и борьбы. По сценарию торжеств каждому из них представлялись равные возможности. И хотя, по свидетельству П. И. Бартенева, «западники» предприняли попытку воспрепятствовать активному участию

Достоевского в празднике, их намерения получили решительный отпор со стороны организаторов⁹. Бой должен был быть честным.

Помимо речей на заседаниях Общества любителей российской словесности, каждому из них предоставлялась возможность провозгласить тост на торжественном обеде и выступить с чтением произведений Пушкина на литературно-музыкальных вечерах. Впрочем, возможность произнести тост, поучаствовать в литературно-музыкальных вечерах, произнести речь на заседании Общества любителей российской словесности была предоставлена также и другим приглашенным на праздник литераторам. Но только Тургенев и Достоевский были удостоены особой чести возглавить шествие русских писателей во время аллегорического «Апофеоза», которым завершались два запланированных литературно-музыкальных вечера, состоявшихся 6 и 8 июня в зале Благородного собрания, и надеть лавровый венок на голову поэта, бюст которого украшал сцену. Это несколько странное и в некотором смысле даже комичное действие¹⁰, дважды назначенное и повторенное, в котором было предусмотрено равенство Тургенева и Достоевского, наглядно свидетельствует о желании организаторов подчеркнуть их исключительную роль в торжествах и таким образом обозначить главное интеллектуальное событие Пушкинских дней.

Когда из-за неожиданной смерти императрицы Марии Александровны, последовавшей 22 мая, проведение Пушкинского праздника в обозначенные первоначальные сроки стало невозможным и Достоевский, связанный обязательствами перед «Русским Вестником» представить очередную часть романа «Братья Карамазовы» к концу июня, размышлял, оставаться ли в Москве или вернуться для работы в Старую Руссу, а свою речь о Пушкине отдать в печать, значимость его непосредственного участия в заседаниях Общества любителей российской словесности для организаторов торжеств и публики стала уже нескрываемой. В письме Достоевского к жене от 26 мая выразительно передана степень взволнованности устроителей, чей план рушился прямо на глазах:

«Когда же я объявил, что уезжаю 27-го, то поднялся решительный гам: “Не пустим!” Поливанов (состоящий в комиссии по открытию памятника), Юрьев и Аксаков объявили вслух, что вся Москва берет билеты на заседания и все берущие билеты (на заседания “Люб<ителей> р<оссийской> словесности”) берут, спрашивая (и посылая по несколько раз справляться): *будет ли читать Достоевский?* И так как они не могли всем ответить, в каком именно заседании буду я говорить, в первом или во 2-м, — то все стали брать на оба заседания¹¹. “Вся Москва будет в огорчении и негодовании на нас, если вы уедете”, — говорили они мне все. Я отговаривался, что мне надо писать “Карамазовых”; они серьезно стали кричать о депутации к Каткову просить отложить мне срок. Я стал говорить, что ты и дети будут беспокоиться, если я так надолго останусь, и вот (совсем не в шутку) не только предложили послать к тебе телеграмму, но даже депутацию в Старую Руссу к тебе, просить тебя, чтоб я остался» (ДЗ0; 30₁: 161).

Как видим, организаторы готовы были пойти на все, лишь бы удержать Достоевского в Москве.

И он остался. Подействовали не столько уговоры и лестное для самолюбия Достоевского внимание москвичей. И даже не возможность упрочить свои позиции среди читателей первопрестольной («Если будет успех моей речи в торжественном собрании, то в Москве (а стало быть, и в России) буду впредь более известен как писатель» (Из письма А. Г. Достоевской 27–28 мая 1880 г. — Д30; 30₁: 168)). Он ясно понимал, насколько важен для утверждения идей, сформулированных в речи, ее публичный, как бы мы сегодня сказали, медийный успех. Публикация текста речи в виде очерка, конечно, тоже привлекла бы внимание. Но это внимание было бы очень специфическое, сугубо литературное. Откликнулись бы совсем не те люди, для которых писал Достоевский. Штатные публицисты и критики — что либеральные, западнические, что патриотические, славянофильские, — ему были по большому счету безразличны. Их роль была факультативной, вспомогательной. Нужно было «глаголом жечь сердца людей». Действовать. А это было возможно только устным, *живым* словом. Вступив в очное противоборство с противником. Превратив речь в *событие*.

Именно об этом писал он жене, утвердившись в своем решении:

«...остаться здесь я *должен* и решил, что остаюсь. Дело главное в том, что во мне нуждаются не одни “Любители р<оссийской> словесности”, а вся наша партия, вся наша идея, за которую мы боремся уже 30 лет, ибо враждебная партия (Тургенев, Ковалевский и почти весь университет) решительно хочет умалить значение Пушкина как выразителя русской народности, отрицая самую народность. Оппонентами же им, с нашей стороны, лишь Иван Серг<еевич> Аксаков (Юрьев и прочие не имеют весу), но Иван Аксаков и устарел, и приелся Москве. Меня же Москва не слыхала и не видала, но мною только и интересуется. Мой голос будет иметь вес, а стало быть, и наша сторона восторжествует. Я всю жизнь за это ратовал, не могу теперь бежать с поля битвы. Уж когда Катков сказал: “Вам нельзя уезжать, вы не можете уехать” — человек вовсе не славянофил, — то уж конечно, мне *нельзя ехать*» (Д30; 30₁: 169).

Именно поэтому он в том же письме так беспокоится о своем здоровье: «Боюсь в день открытия простудиться и *кашлять на чтении*» (курсив наш. — П. Ф., А. П.; Д30; 30₁: 170).

Достоевский готовился к событию. И оно состоялось.

Ему предшествовала череда праздничных мероприятий. Началось с официального приема в Московской городской думе и академического научно-го заседания в университете. Потом последовали официальные, полуофициальные и «интимные» дружеские обеды и ужины, литературные вечера. Память национального поэта Москва праздновала по традиции широко,

хлебосольно, с обилием застолий и речей, со стихами и музыкой. Это было настоящее празднество.

Корреспондент газеты «Молва» И. Ф. Василевский (писавший под псевдонимом «Буква») делился с читателями подробностями торжественного обеда, данного депутатам от Московского городского общества вслед за открытием памятника:

«При входѣ въ залу глазъ нашъ встрѣтилъ кое что знакомое. Лавровые вѣнки, положенные утромъ у Пушкинскаго подножья, красовались по стѣнамъ въ одиночку и группами. Въ тропической зелени здѣсь не было недостатка. Пушкинскій бюстъ выглядывалъ изъ подъ навѣса огромныхъ пальмъ. Во всю длину зала протянулся главный столъ приблизительно курвертовъ на сто. Это былъ центральный и какъ бы почетный столъ, хотя объдавшіе выбирали мѣсто по собственному выбору. Перпендикулярно къ нему шли шесть другихъ столовъ, разумѣется безукоризненно сервированныхъ. Естественнымъ украшеніемъ каждаго стола служили вазы съ пузатыми ананасами, груды отборныхъ, не взирая на іюнь, французскихъ фруктовъ и хрустальные горки съ нарядною кондитерскою мелочью. По сосѣдству съ объденною залою размѣстился большой оперный оркестръ. Обѣдъ былъ “воспроизведенъ” лучшимъ московскимъ рестораторомъ, держателемъ Эрмитажа, г. Оливье. Такъ сказать вступительная часть обѣда прошла превосходно. Намъ предложена была цѣлая международная выставка самыхъ классическихъ закусокъ. Была даже “хинная водка”, вѣроятно, для страдающихъ лихорадкой, и “водка А. С. Пушкина”. Обѣдъ вообще отличался добропорядочностію. Для любителей той литературы, представительницей которой служить Г-жа Авдѣева, сообщаю и меню: супъ пюре изъ бекасовъ, прентаньеръ; пирожки; стерляди разварная; филе — телятина; пуншъ съ киршемъ; дупеля; цыплята; салатъ, огурцы; цвѣтная капуста; парфе изъ земляники; десертъ.

Центральное мѣсто занялъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, А. А. Сабуровъ, пріѣхавшій за просто во фракъ, безъ всякихъ регалій и сѣвшій противъ бюста Пушкина, между А. А. Пушкинымъ и графинею Меренбергъ. Противъ него помѣстился хозяинъ обѣда, Московскій Городской Голова, С. М. Третьяковъ. За тѣмъ же столомъ можно было замѣтить И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевскаго, И. С. Аксакова, Я. К. Грота, французскаго слависта г. Леже, А. Н. Майкова, М. Н. Каткова, почти рядомъ съ нимъ — такова ужъ объденная иронія — А. А. Краевскаго, М. М. Стасюлевича и другихъ. Музыка работала усердно»¹².

Репортер «Петербургской Газеты» Баталин сообщал:

«Пушкинскія празднества продолжаются непрерывно другія сутки. Обѣдъ былъ роскошный. Первый тостъ за Государя Императора провозглашенъ былъ Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія

Сабуровымъ и встрѣченъ восторженно; рѣчи говорили Аксаковъ, Катковъ и другіе. Аксаковъ говорилъ на тему о народности и русской геніальности. Катковъ — о примиреніи партій видя единодушіе вокругъ памятника нашему незабвенному поэту: “мракъ разсѣялся, пусть свѣтъ будетъ надъ русской землей”, говорилъ онъ. Этому примирительному настроенію оратора сочувственно аплодировали; послѣ рѣчи Каткова съ нимъ поцѣловался Аксаковъ, а г. Гайдебуровъ подошелъ пожать ему руку; только Краевскій, сидѣвшій черезъ одинъ стулъ, остался въ положеніи семи греческихъ мудрецовъ, молча покручивая усы. Здѣсь онъ стушевался... Литературное сближеніе партій увеличивается»¹³.

От часа к часу эмоциональный настрой участников возрастал. Присутствие литературных фигур первой величины способствовало увлечению. Им восторженно аплодировали, подносили цветы, пожимали руки, выражали сочувствие и благодарность, кричали «браво!» и «ура!». Публика жаждала продолжения и новых впечатлений. Следила за каждым шагом оппонентов. Ловила каждое их слово. «Болельщики» Тургенева и Достоевского ревниво фиксировали удачи и промахи соперников¹⁴. Отклики прессы тех дней достаточно точно отражают всеобщее настроение и интерес.

6 июня состоялся первый литературно-художественный вечер. В подробном отчете «Санкт-Петербургских Ведомостей», в котором перечислены все 16 пунктов программы и дана характеристика каждому выступлению, только выступления Достоевского и Тургенева удостоены развернутого комментария:

«Ф. М. Достоевскій прочелъ монологъ Пимена изъ “Бориса Годунова”: “Еще одно послѣднее сказанье...” Ф. М. Достоевскій, какъ вамъ извѣстно, превосходно читаетъ, но здѣсь, въ этой залѣ, вслѣдствіе ли дурныхъ акустическихъ условій или чего другого, уважаемаго чтеца не было слышно даже изъ третьяго ряда креселъ. Можете себѣ представить, какъ много слышали и насладились этимъ чтеніемъ сидящіе въ другихъ, въ десятыхъ и двадцатыхъ рядахъ! Ф. М. Достоевскаго встрѣтили рукоплесканіями»¹⁵.

«И. С. Тургеневъ прочелъ стихотвореніе “Опять на родинѣ”. Появленіе Тургенева вызвало огромную, нескончаемую бурю рукоплесканій. Восторженнымъ кликамъ, привѣтствіямъ не было конца. По окончаніи чтенія этотъ взрывъ повторился и вызовамъ не было конца. Тургеневъ, выходя въ третій или четвертый разъ на вызовы, сказалъ коротенькое стихотвореніе, вызвавшее новую бурю восторга. Овація длилась съ добрые четверть часа»¹⁶.

7 июня Тургенев читал свою речь в первом заседании Общества любителей российской словесности. Репортер «Страны» сообщал:

«...сдѣланъ былъ небольшой перерывъ въ заседаніи, какъ будто нарочно для того, чтобы дать публикѣ собраться съ духомъ, потому что на каеэдру

долженъ былъ взойти И. С. Тургеневъ. Наконецъ онъ явился, и оглушительный взрывъ рукоплесканій едва только могъ успокоиться черезъ нѣсколько минутъ, потомъ прорывался нѣсколько разъ во время чтенія и разразился такимъ же громомъ, какимъ начался, если еще не сильнѣе, когда онъ окончилъ. Рѣчь его будетъ, говорятъ, напечатана въ “Вѣстникѣ Европы”; ее нужно или выслушать всю или прочесть, а передавать въ извлеченіи невозможно, потому что въ произведеніяхъ такихъ писателей, какъ Тургеневъ, малѣйшее даже уклоненіе отъ формы изложенія можетъ иногда придать другой смыслъ содержанію»¹⁷.

«Оно было недурно по содержанію, — делился по свежим следам впечатлениями от речи Тургенева И. С. Аксаков, — и, разумѣется, очень изящно написано, но все же жидковато по мысли. Много уступокъ сдѣлалъ онъ изъ своего западничества, однакоже еще не рѣшался признавать Пушкина “національнымъ гениемъ”, не по происхожденію, разумѣется, а по внутреннему духу его поэзіи. Однимъ словомъ, какъ я ему сказалъ шутя: говорилъ онъ хоть и не совсѣмъ какъ авторъ “Дыма”, однакожъ дымомъ припахивало!»¹⁸.

Достоевский и вовсе считал, что Тургенев в своей речи «унизил Пушкина, отняв у него название національного поэта» (Д30; 30₁: 182), а аплодисменты ему были заранее заготовлены и в зале сидели специально приглашенные Ковалевским слушатели — «все его студенты и все западники», — «чтоб выставить Тургенева, как шефа их направления, а нас унижить, если мы против них пойдем» (Д30; 30₁: 182).

На обеде, состоявшемся в этот день, как и накануне, опять звучали многочисленные речи и тосты. Газетчики, отметив слова А. Н. Островского, не оставили без внимания и скрытую полемику между Тургеневым и Достоевским:

«Рѣчь Островскаго чрезвычайно умна, безыскусственна, полна остроумія и прекрасно сказана. Онъ метко и образно охарактеризовалъ великое значеніе Пушкина въ дѣлѣ умственнаго развитія грамотной Россіи и подъема народнаго самосознанія. “Отъ Пушкина умнѣетъ каждый кто только можетъ умнѣть (крики “браво”). Русскіе писатели благодаря Пушкину стали сами собой — онъ далъ имъ смѣлость стать русскими”. Тургеневъ провозгласилъ тостъ за иностранныхъ представителей литературы, высоко цѣнящихъ русскій геній. Достоевскій — за Пушкина, какъ величайшаго въ Россіи челоуѣка: “чистѣйшаго, честнѣйшаго и умнѣйшаго въ Россіи челоуѣка”»¹⁹.

«Я не хотел говорить, — писал Достоевский жене вечером 7 июня, — но под конец обеда вскочили из-за стола и заставили меня говорить. Я сказал лишь несколько слов, — рев энтузиазма, буквально рев» (Д30; 30₁: 183).

Интрига нарастала. В том же письме далее Достоевский возбужденно рассказывает:

«Затем уже в другой зале обесли меня густой толпой — много и горячо говорили (за кофеем и сигарами). Когда же в ½ 10-го я поднялся домой (еще 2 трети гостей оставалось), то прокричали мне ура, в котором должны были участвовать поневоле и несочувствующие. Затем вся эта толпа бросилась со мной по лестнице и без платьев, без шляп вышли за мной на улицу и усадили меня на извозчика. И вдруг бросились целовать мне руки — и не один, а десятки людей, и не молодежь лишь, а седые старики. Нет, у Тургенева лишь клакеры, а у моих истинный энтузиазм. <...> Несколько незнакомых людей подошли ко мне и шепнули, что завтра, на утреннем чтении, на меня и Аксакова целая кабала. Завтра, 8-го, мой самый роковой день: утром читаю статью, а вечером читаю 2 раза, “Медведицу” и “Пророка”. “Пророка” намерен прочесть хорошо. Пожелай мне» (ДЗ0; 30₁: 183).

Когда Достоевский всходил на кафедру, двухтысячная аудитория, собравшаяся в зале Благородного собрания, горячо приветствовала оратора. «Когда я вышел, зала загремела рукоплесканиями и мне долго, очень долго не давали читать, — отчитывался Достоевский Анне Григорьевне. — Я раскланивался, делал жесты, прося дать мне читать — ничто не помогало: восторг, энтузиазм <...>. Наконец я начал читать: прерывали решительно на каждой странице, а иногда и на каждой фразе громом рукоплесканий» (ДЗ0; 30₁: 184).

М. А. Веневитинов, один из многочисленных слушателей Достоевского, записал в дневнике:

«Но вот на кафедре появился Достоевский. Раздались восторженные и долго не смолкавшие рукоплескания. Затопали ногами, замахали платками. Долго Достоевский откланивался, долго стоял в зале гул восторга. Если б его взвесить или измерить, то на его стороне оказался бы значительный перевес против тех оваций, которых вчера предметом был Тургенев. Наконец шум улегся, и в зале сделалось так тихо, что, казалось, можно было слышать полет мухи. Среди напряженного внимания публики Достоевский начал свою замечательную, теплую по чувству и глубокую по мысли речь. Не удалось Федору Михайловичу произнести свою речь безостановочно до конца. Богатое ее содержание, меткие, прочувственные выражения, новый по мысли разбор “Цыган” и “Евгения Онегина”, тонкий анализ типа Татьяны — как идеала русской женщины, тройственное деление поэзии Пушкина и указание на ее общечеловеческое значение, — все эти блестящие места речи невольно захватывали дух у слушателей своею глубиною и заставляли залу неоднократно прерывать оратора взрывами восторженных рукоплесканий» [Веневитинов: 504].

Действительно, аплодисменты раздавались поминутно, но то, что случилось после окончания речи, не имело прецедентов.

Московские «Современные Известия» писали:

«Рѣчь, произнесенная Ѳ. М. Достоевскимъ, произвела истинный фуроръ. <...> Это была молнія, прорѣзавшая небо. О силѣ впечатлѣнія, произведеннаго на слушателей, можно судить потому, что зала буквально была свидѣтельница истерическихъ припадковъ; женщины плакали, а одинъ молодой человекъ, потрясенный, стремительно, внѣ себя, бросился къ оратору. Не найдя его тамъ, потому что члены общества, вмѣстѣ съ ораторомъ удалились тѣмъ временемъ въ смежную съ эстрадою залу, молодой человекъ вбѣжалъ туда и упалъ безъ чувствъ; нѣсколько минутъ продолжался этотъ его нервный припадокъ»²⁰.

«Петербургский Листокъ» сообщал:

«Рѣчь г. Достоевскаго вызвала бурю восторговъ. <...> Махали платками, потрясали шляпами, плакали. Крикамъ “браво” и рукоплесканіямъ не было конца. Общество любителей Россійской словесности никогда не было еще свидѣтелемъ такихъ восторговъ. Достоевскій нѣсколько разъ являлся на кафедре и благодарилъ. Буря не унималась, когда же предсѣдатель Общества, г. Юрьевъ, объявилъ, что вслѣдъ за выслушанною рѣчью г. Достоевскій избранъ въ почетные члены общества, всѣ присутствовавшіе вскочили съ своихъ мѣстъ, не только публика, но и члены Общества, помѣщавшіеся на особой эстрадѣ. Безконечныя оваціи возобновились. Рѣчь г. Достоевскаго длилась около часу <...> нужно было слышать всю рѣчь, чтобы понять на сколько эти восторги были лишь слабою данью оратору»²¹.

В. О. Михневич, корреспондент санкт-петербургскихъ «Новостей», в своем репортаже красочно живописал случившееся:

«Безпримѣрныя оваціи, доставшіяся на долю Тургенева, достигли до своего крайняго выраженія въ послѣдній день праздника по отношенію къ г. Достоевскому. То, что произошло въ этотъ моментъ въ громадной залѣ Благороднаго Собранія, невозможно описать. Далѣе не могло простираться одобреніе слушателей оратору, дальше некуда идти въ выраженіи восторга и единодушнаго соединенія въ одной мысли, въ одномъ чувствѣ всѣхъ составныхъ элементовъ публики и дальше ничего уже не остается желать писателю-публицисту для своей славы, для своей популярности. Безъ сомнѣнія, по размѣру и температурѣ самыя горячія и самыя бурныя оваціи достались на этомъ праздникѣ г. Достоевскому, за исключеніемъ, можетъ быть, самаго виновника праздника <...>».

Когда г. Достоевскій кончилъ, въ залѣ поднялось что-то невѣроятное; не было человека, который бы не хлопалъ, не стучалъ и не кричалъ “браво” въ какомъ-то изступленіи. Женщины махали платками, многія изъ нихъ стали для этого на стулья, были и такія, что впали въ истерическое состояніе, въ воздухъ летѣли шапо-кляки, тысячи рукъ протягивались по направленію къ оратору... У многихъ глаза сверкали и лица пламенѣли, какъ въ минуты самаго сильнаго душевнаго возбужденія...»²².

Не менее эмоционально и ярко описывал произошедшее автор заметки, опубликованной в «Молве»:

«Разнородное по своей предварительной программѣ второе засѣданіе Общества любителей Россійской словесности превратилось въ единое и сплошное торжество Ф. М. Достоевскаго. Далеко далеко остались за нимъ всѣ будничныя оваціи. У экзальтированнаго собранія не хватало средствъ, чтобъ выразить свой восторгъ и оно просто металось по залѣ. <...>

Когда Достоевскій кончилъ, вся зала духовно была у ногъ его. Онъ побѣдилъ, растрогалъ, увлекъ, примирилъ. Онъ доставилъ минуту счастья и наслажденія душѣ и эстетикѣ. За эту-то минуту и не знали какъ благодарить. У мужчинъ были слезы на глазахъ, дамы рыдали отъ волненія, стонъ и громъ оглашали воздухъ, группа словесниковъ обнимала высокодаровитаго писателя, а нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ спѣшили къ нему съ лавровымъ вѣнкомъ и увѣнчали его тутъ же на эстрадѣ, среди дошедшихъ до своего апогея овацій. Здѣсь не мѣсто разбирать по существу рѣчь Достоевскаго. Мое дѣло — передать только то, что было, а было, между прочимъ и то, что какой-то молодой человѣкъ изъ слушателей, при послѣднихъ словахъ Достоевскаго, стремительно ринулся изъ залы, выбѣжалъ въ боковую комнату и тамъ упалъ въ обморокъ. Человѣческое слово не можетъ претендовать на большую силу»²³.

«Ни одна изъ рѣчей, произнесенныхъ на всѣхъ собраніяхъ, чествовавшихъ поэта, не воодушевила слушателей такимъ поразительнымъ энтузіазмомъ, какъ рѣчь Федора Михайловича, — отмечал «Рижскій Вестник». — По окончаніи ея онъ много разъ долженъ былъ подниматься на каѳедру чтобы отвѣчать поклонами на несмолкаемыя оглушительныя рукоплесканія и восторженные крики. Махали платками, шляпами, стучали»²⁴.

Даже спустя десять дней реакция публики на речь Достоевского оставалась в актуальной новостной повестке. 19 июня во всех подробностях о ней писала петербургская «Страна»:

«Въ этомъ засѣданіи читали рѣчи: Чаевъ, Аксаковъ, Анненковъ, Калачевъ, Бартеневъ (издатель “Русскаго Архива”) и Достоевскій. Но день этотъ безспорно и всецѣло принадлежалъ послѣднему. Рѣчь его произвела и на публику, и на членовъ Общества какое-то поражающее впечатлѣніе. Что дѣлалось въ залѣ — описать трудно; и крики, и стукъ стульями, и слезы, и даже истерики. Дамы вскакивали на кресла, подбѣгали къ сценѣ, все взволновалось, слилось въ одну колышущуюся массу, и отдѣльныхъ возгласовъ разобрать было уже невозможно. Я видѣлъ нѣсколькихъ членовъ Общества, которые, сидя на своихъ креслахъ, во время чтенія рѣчи, просто заливались слезами»²⁵.

И даже через три месяца («Историческая Библиотека», №№ 8 и 9. Август и сентябрь):

«Публика пришла въ какое-то восторженное опьянѣлое состояніе: хлопали въ ладоши, стучали и топали, махали шляпами, автору поднесли лавровый вѣнокъ, и наконецъ, когда Ѳедоръ Михайловичъ поднялся съ мѣста, члены Общества, по почину Ивана Сергѣевича Тургенева, его расцѣловали»²⁶.

Рассказ самого Достоевского о том, что творилось в зале Благородного собрания, хорошо известен:

«Всѣ, что я написал о Татьяне, было принято с энтузиазмом. (Это великая победа нашей идеи над 25-летием заблуждений!). Когда же я провозгласил в конце о *всемирном единении* людей, то зала была как в истерике, когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и *клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить*. Порядок заседания нарушился: всѣ ринулось ко мне на эстраду: гранд-дамы, студентки, государственные секретари, студенты — всѣ это обнимало, целовало меня. Все члены нашего общества, бывшие на эстраде, обнимали меня и целовали, все, буквально все плакали от восторга. Вызовы продолжались полчаса...» (ДЗ0; 30₁: 184).

Так что же произошло? Что вызвало такой бурный восторг, похожий на массовую истерию, к которой иногда приводят своих слушателей лидеры религиозных сект во время радений? Почему Аксаков провозгласил речь Достоевского «историческим событием», а пресса согласно подхватила его слова?

Феномен Пушкинской речи стал предметом рефлексии уже на другой день. Большинство объясняли его выдающимся искусством Достоевского-оратора: «Органъ г. Достоевскаго слабый и жидкій, но діапазонъ его необыкновенно плавный, внятнѣй и выразительнѣй, — писали «Новости» 13 июня. — Читаетъ онъ превосходно — просто, естественно, съ мастерской интонаціей»²⁷.

14 июня в «Молве» появилась следующая заметка:

«Несомнѣнно, что Достоевскій электризоваль всѣхъ, именно электризоваль. Рѣчь его, появившись въ печати, потеряла $\frac{9}{10}$ своего обаянія. Тутъ уже наступила очередь критики, логики, взвѣшиваній, сопоставленій и спокойныхъ подстрочныхъ примѣчаній, а тамъ было только увлеченіе, увлеченіе и увлеченіе. Тамъ была — воспользуюсь однимъ сравненіемъ сдѣланнымъ, — “молнія прорѣзавшая небо”.

Представьте себѣ Петра Пустынника, зывающаго къ крестоносцамъ. Представьте себѣ лаву, льющуюся устами. Представьте себѣ, что не только этотъ самый человекъ обладаетъ гигантскимъ воображеніемъ, безпредѣльнымъ кругозоромъ, внѣшнимъ описательнымъ колоритомъ солнечной радуги и фанатическою, неисчерпаемою, надъ всѣмъ царствующею вѣрою въ правду, красоту и величіе своихъ идеаловъ, но что онъ еще заражаетъ другихъ своимъ энтузиазмомъ, заставляетъ словомъ любить и ненавидѣть, страдать

и наслаждаться, щуриться отъ блеска и блуждать во тьмѣ, и вамъ будутъ понятны главныя причины небывалыхъ овацій, вызванныхъ рѣчью Достоевскаго.

Аксаковъ совершенно справедливо назвалъ рѣчь Достоевскаго “событіемъ”. Она дѣйствительно была событіемъ въ литературномъ отношеніи. Жаръ и блескъ ея жегъ и ослѣплялъ. Великія отдѣльныя философскія мысли и неподобныя поэтическія картины, неподражаемыя характеристики типовъ, глубокойпревосходный анализъ чувствъ и нравственныхъ теченій въ обществѣ и человѣкѣ, безбрежная гуманистическая струя во имя любви, совершенства, правды, смѣлость переходовъ и величіе мыслей, посвященныхъ судьбамъ и вопросамъ всего человѣчества, — все это лилось у Достоевскаго широкою рѣкою, захватывая духъ и слушателей и мѣняя у нихъ одинъ эффектъ другимъ, одно сильное и цѣльное воспріятіе другимъ, не менѣ сильнымъ и не менѣ цѣльнымъ»²⁸.

В числѣ причинъ успеха отмечали и «пророческій» пафосъ речи, носящей ярко выраженный оптимистическій характер. В той же статьѣ в «Русском Курьере» отмечалось:

«Представители науки, интеллигенціи, прессы — съ восторгомъ привѣтствовали идею о “всечеловѣчески-братскомъ единеніи”, о томъ что “назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское, всемірное” и что “быть настоящимъ русскимъ, значитъ стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія, уже окончательно указать исходъ европейской тоскѣ въ своей русской душѣ, всечеловѣческой и всеобъединяющей, вмѣстѣ въ нее съ братскою любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ, можетъ быть, и изрѣчь окончательное слово великой всеобщей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христову евангельскому закону»²⁹.

Впрочем, некоторые увидели в этомъ желаніи Достоевскаго польстить русскому обществу. Так, И. Хрущев, авторъ заметки в газетѣ «Берегъ», писалъ:

«Талантъ Достоевскаго оказалъ услугу его парадоксамъ, увлекъ, подкупилъ насъ, и мы были въ упоеніи *національнаго самообольщенія*»³⁰.

В этомъ же смыслѣ чуть позже будетъ говорить обозреватель «Вестника Европы»:

«...рѣчь г. Достоевскаго <...> имѣла свой успѣхъ; сказанная въ извѣстномъ стилѣ талантливаго писателя, она подѣйствовала — безъ сомнѣнія, въ значительной степени — потому, что сказана была передъ аудиторіей уже приготовленной къ крайнему увлеченію: нѣсколько дней, проведенныхъ въ непрекращавшемся рядѣ сильныхъ впечатлѣній, сообщили этой аудиторіи почти нервическое возбужденіе, — по степени этого возбужденія ей требовалось

все больше увлекающих и обольстительных словъ. Ихъ предложилъ г. Достоевскій»³¹.

Г. И. Успенский в своем разборе речи Достоевского, опубликованном в «Отечественных Записках», и вовсе утверждал, что она была столь туманна, что каждый ее слушатель услышал в ней свое и вложил в слова Достоевского свой смысл.

Были и те, кто и вовсе отрицал речь Достоевского как событие. С откровенным сарказмом писал об этом корреспондент «Страны»:

«...дѣйствительно, она и была событіемъ въ томъ смыслѣ, что побудила г. Аксакова измѣнить рѣчь, приготовленную послѣднимъ, и повела къ избранію Достоевскаго почетнымъ членомъ общества любителей словесности, стало быть, рѣчь Достоевскаго имѣла уже фактическій результатъ»³².

Желая дискредитировать значение произошедшего в зале Благородного собрания 8 июня, автор уравнивает речь Достоевского с менее важными происшествiями, также нарочито именуя их «событиями»:

«По другимъ отзывамъ, событіемъ была рѣчь А. А. Потѣхина, потому что онъ предложилъ поставить еще въ Москвѣ памятникъ и Гоголю; такъ какъ за этимъ предложеніемъ тотчасъ послѣдовала подписка и собрано было до трехъ тысячъ рублей, то и эта рѣчь произвела уже положительный результатъ, еще более значительный, чѣмъ первая»³³.

Действительно, предложение А. А. Потехина, прозвучавшее в конце заседания, было с воодушевлением встречено публикой и нашло отражение в прессе, но никому и в голову не пришло назвать его «событием», да и речью-то выступление Потехина назвать можно только при большом желании. Но у критика «Страны» такое желание было.

Не унимаясь в своем сарказме, он добавляет и вовсе анекдотический эпизод:

«Наконецъ, иные называютъ событіемъ еще и рѣчь М. Н. Каткова, называютъ не безъ основанія, такъ какъ и это событіе тоже вызвало фактъ: П. А. Гайдебуровъ подошелъ къ М. Н. Каткову и пожалъ ему руку»³⁴.

Это недвусмысленная пародия на демонстративное примирение Тургенева и Достоевского. Удовлетворенный своим остроумием, автор торжествующе заключает:

«Но вотъ празднество кончилось; участники его разсѣялись и вниманіе печати точно такъ же разсѣялось на текущія дѣла. Достаточно-ли для насъ тѣхъ “событій”, которые произошли въ Москвѣ, и ограничится-ли ихъ дѣйствіе тѣми результатами, которые непосредственно послѣдовали? Конечно, намъ могутъ возразить на это, что невозможно было и ожидать, чтобы въ публичныхъ

рѣчахъ высказалось съ полнымъ просторомъ современное положеніе страны и ея задушевныя желанія. Но въ такомъ случаѣ — въ этомъ-то именно и заключалось истинное “событіе”, въ томъ, напримѣръ, что и 43 года по смерти Пушкина не всякое изъ самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ его произведеній могло бы быть прочтено, вслухъ, безъ пропусковъ, на Пушкинскомъ же торжествѣ. Въ этомъ смыслѣ, не сила произнесенныхъ рѣчей была знаменательна, но скорѣе — неполнота, недостаточность ихъ»³⁵.

Признавая далее содержательность сделанного Достоевским анализа пушкинского творчества (помянув вкупе с Достоевским все того же Потехина — одновременно занижая значение речи Достоевского и отводя упрек в личном неприятии к нему), автор «Страны» обрушивается на публицистическую часть речи, не столько опровергая ее по сути, сколько негодую по поводу ее всеобщей поддержки. Его бесит (именно так можно точнее всего определить состояние автора) не только смысл речи Достоевского, но и всеобщее признание его:

«Но не трудно понять, что во всемъ этомъ (в анализе пушкинского творчества. — П. Ф., А. П.) не можетъ быть никакого указанія для современности, потому именно, что здѣсь прославлялась *сила генія*. Никому изъ современниковъ не дано быть Пушкинымъ, а стало быть, никакого указанія для современности изъ этой области сужденій — повторяемъ, нельзя и извлечь. Когда явится новый Пушкинъ, то онъ самъ и скажетъ новое слово; а до тѣхъ поръ, намъ остается только приносить дань удивленія Пушкину.

Но какъ только нѣкоторые изъ ораторовъ пробовали спуститься съ этой высоты на землю и, подъ наплывомъ возвышеннаго чувства, что либо вѣщать для нашего современнаго сознанія, для нашихъ цѣлей въ будущемъ, то широкій потокъ краснорѣчія суживался въ тонкій ручѣекъ текущій на жесткомъ, каменномъ лонѣ дѣйствительности, или — если продолжалъ бить съ прежней силой и шумомъ, то билъ красивымъ, но бесплоднымъ фонтаномъ, снова вверхъ, на воздухъ, въ область фантазій, “не отъ міра сего”, ничего не расчищая, ничего не оплодотворяя»³⁶.

Впрочем, демарш «Страны» оказался единственным в своем роде. Все причастные к событию Пушкинской речи³⁷ остались солидарны с мнением Аксакова, пусть даже позже более критично отнеслись к высказанным Достоевским идеям. Для них на всю жизнь остались памяты те минуты духовного подъема, которые пережили они в тот день благодаря Достоевскому. Запомнились не только слова писателя, но прежде всего порожденное ими почти физическое *преображение* аудитории, преобразование одновременно пережитое как личное и как всеобщее. Да, со стороны это, возможно, выглядело как массовая истерика. Все эти неистовые рукоплескания, крики, топот, маханье платками, влезание на кресла, слезы, обмороки, объятия, рукопожатия, венчание лавровым венком, блеск в глазах и пылание щек —

все это лишь выработанные прежним светским общежитием формы, в которые облеклось ранее небывалое чудо преображения. Замечательно, что уже спустя несколько месяцев, В. О. Михневич передаст эту картину такими словами:

«Когда чтение кончилось, вся зала дохнула каким-то вздохом одной исполинской груди, до глубины потрясенной благородным экстазом любви и мира» [Михневич: 265].

Здесь было то самое мучительное и радостное для всех участников состояние выхода из себя — привычного, обыденного, регламентированного, — проявление в себе подлинного и живого, что обычно скрывается под маской светских приличий и установлений, что-то вакхическое, дионисийское (не случайно в одном из отчетов прозвучало слово «опьяненное»).

Это было то преображение, о котором Достоевский, как о «фантастической и донельзя дикой мысли», писал в январском «Дневнике Писателя» за 1876 г. в главке «Золотой век в кармане»:

«Ну что, — подумал я, — если б все эти милые и почтенные гости захотели, хоть на миг один, стать искренними и простодушными, — во что бы обратилась тогда вдруг эта душная зала? Ну что, если б каждый из них вдруг узнал весь секрет? Что если б каждый из них вдруг узнал, сколько заключено в нем прямоты, честности, самой искренней сердечной веселости, чистоты, великодушных чувств, добрых желаний, ума, — куда ума! — остроумия самого тонкого, самого общительного, и это в каждом, решительно в каждом из них! Да, господа, в каждом из вас все это есть и заключено, и никто-то, никто-то из вас про это ничего не знает! <...>

Знаете ли, что даже каждый из вас, если б только захотел, то сейчас бы мог осчастливить всех в этой зале и всех увлечь за собой? И эта мощь есть в каждом из вас, но до того глубоко запрятанная, что давно уже стала казаться невероятною. И неужели, неужели золотой век существует лишь на одних фарфоровых чашках?

Не хмурьтесь, ваше превосходительство, при слове *золотой век*: честное слово даю, что вас не заставят ходить в costume золотого века, с листком стыдливости, а оставят вам весь ваш генеральский костюм вполне. Уверяю вас, что в золотой век могут попасть люди даже в генеральских чинах. Да попробуйте только, ваше превосходительство, хотя бы сейчас, — вы же старший по чину, вам инициатива, — и вот увидите сами, какое пионерское, так сказать, остроумие могли бы вы вдруг проявить, совсем для вас неожиданно. Вы смеетесь, вам невероятно? Рад, что вас рассмешил, и, однако же, всё, что я сейчас навоскличал, не парадокс, а совершенная правда... А беда ваша вся в том, что вам это невероятно» (ДЗ0; 22: 12–13).

И вдруг все это стало «вероятно». «Пелена вдруг упала». Все свершилось, как по писаному. Он сам сделал тот первый шаг и «увлек» своей

«простодушной» речью всех. И слушатели его зажили подлинной, искренней, живой жизнью. Оптимистическая антропология Достоевского, манифестированная им в статье «Золотой век в кармане», получила зримое подтверждение.

Ведь не только студенты и курсистки проявляли свое воодушевление. В зале было множество почетных и представительных гостей. В числе 244 делегатов, входивших в состав 106 официальных deputаций³⁸, несомненно, большинство были в самых солидных чинах. В самых что ни на есть генеральских. Тот же Яков Карлович Грот — академик, действительный статский советник. Или министр народного просвещения Андрей Александрович Сабуров, тоже действительный статский советник. Что уж говорить про московского генерал-губернатора графа Владимира Андреевича Долгорукова! Или городского голову Сергея Михайловича Третьякова!

В зале присутствовала многочисленная московская, петербургская и провинциальная светская и духовная профессура (филологи Н. С. Тихонравов, Н. И. Стороженко, М. И. Сухомлинов, В. Д. Смирнов, Алексей Н. Веселовский, Н. П. Некрасов, П. А. Висковатов, историки В. О. Ключевский, Н. В. Калачов, юристы М. М. Ковалевский, А. И. Чупров, С. М. Шпилевский, естествоиспытатели К. А. Темиряев, В. Д. Шервинский, В. Т. Собичевский, А. Г. Фишер фон Вальдгейм, Н. А. Любимов, математики Н. В. Бугаев, А. Ю. Давидов, богословы, историки церкви И. Д. Мансветов, Н. Ф. Каптерев), здесь сидели мэтры юриспруденции (А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако), редакторы и сотрудники литературных журналов (А. А. Краевский, С. А. Юрьев, П. И. Бартенов, В. П. Острогорский, Ф. Б. Миллер, В. Ф. Миллер, Н. А. Лейкин, П. А. Гайдебуров, А. С. Суворин, В. П. Буренин, Г. И. Успенский, Г. З. Елисеев, М. М. Стасюлевич, А. Н. Пыпин, П. И. Вейнберг, С. В. Максимов, Г. А. Джаншиев, В. И. Михневич, В. П. Ключников, И. Ф. Василевский, В. А. Бильбасов), общественные деятели (предводители дворянства из разных регионов, например, от Москвы — Д. Н. Шипов, от Санкт-Петербурга — граф А. А. Бобринский) и деятели культуры (Н. Г. Рубинштейн, С. И. Танеев, Н. Д. Кашкин, Ф. А. Бурдин, А. А. Нильский, П. А. Зиновьев, Л. В. Сакетти, В. П. Гавевский, В. Н. Андреев-Бурлак, И. Ф. Горбунов, В. Д. Поленов, К. А. Трутовский, А. А. Киселёва, А. И. Резанов, И. В. Самарин, В. Н. Кашперов, П. П. Вяземский, Н. Н. Страхов, В. А. Дашков, Е. Ф. Корш, А. Е. Викторов, Н. П. Аксаков, председатель Московского общества истории и древностей И. Е. Забелин, директор Исторического музея А. С. Уваров, директор Оружейной палаты Н. С. Чаев, секретарь московского Археологического общества В. Е. Румянцев, педагоги Л. И. Поливанов, В. А. Герье, П. Е. Басистов). Не забудем и тех, кто находился в президиуме на эстраде: И. С. Тургенев, А. Н. Островский, И. С. Аксаков, П. В. Анненков, А. Ф. Писемский, А. Н. Майков, А. А. Плещеев, Я. П. Полонский, Д. В. Григорович, А. А. Потехин³⁹ — все мужи уважаемые, седовласые и седобородые.

Светские дамы и даже «гранд-дамы», по слову Достоевского (*Д30*; 30₁: 184), тоже присутствовали в зале.

И вдруг все — решительно все! — оказались в «золотом веке».

Календарь рухнул. Часы остановились. География и политэкономия растворились. Осталось только Слово. Творящее и преображающее. То, что происходило в зале, было подлинным *со-бытием* — *совместным проживанием* *вечно* — подлинного и бессмертного.

И. Ф. Василевский («Буква») впоследствии вспоминал:

«Достоевский стоял у кафедры недвижно, как изваяние. По-видимому, он не думал и не ждал, что так сильно всколыхнется это человеческое море. Очень взволнованный и очень бледный, счастливый и точно испуганный, он смотрел застывшим, неподвижным, действительно “внутренним” взором, который, казалось, никого не видел, ничего не замечал. Худощавая, костлявая рука его медленно растирала лоб, на котором выступили капли нервного пота...» [Василевский: 272].

Корреспондент «Молвы», оказавшийся рядом, свидетельствовал:

«Когда послѣ окончанія случившагося подошли къ Достоевскому близкія къ нему лица, романистъ былъ самъ не свой. Онъ сидѣлъ блѣдный, взволнованный, съ поникшей головой и потухшимъ взоромъ. “Ничего подобнаго никогда со мной не бывало, говорилъ Достоевскій, это превыше человѣческихъ силъ... у меня голова пошла кругомъ и ноги подкосились... что это такое, я и самъ не знаю...”»⁴⁰.

Можно не сомневаться, что Достоевский сам был потрясен увиденным. Еще никогда не доводилось ему быть *свидетелем и участником* свершения собственного пророчества. Да, он знал за собой этот провидческий дар, но знать и быть очевидцем — это совсем разный духовный и экзистенциальный опыт. Он ведь тоже в этот час события выпал из времени и оказался в вечности.

Может быть, именно поэтому, несмотря на все напряжение нервов, с ним не случилось припадка, которого вполне можно было ожидать и которого он опасался, судя по письмам. Припадок, как мы знаем, тоже выносил Достоевского из реального мира в некое инобытие. Но пребывание в нем было одиноким и трагическим в своей отделенности от целого. Здесь же было со-единение, со-чувствие, со-переживание — полнота жизни не умоглядная, мелькнувшая в воспаленном мозгу эпилептика, а обретенная во плоти. «...Этими мгновениями живешь, да для них и на свет являешься, — спустя несколько дней писал Достоевский С. А. Толстой и признавался: — Я до сих пор как разmozженный» (*Д30*; 30₁: 188).

«“Вы наш святой, вы наш пророк!” “Пророк, пророк!” — кричали в толпе», — делился с женой впечатлениями от пережитого Достоевский (*Д30*; 30₁: 184). Пожалуй, «пророк» — ключевое слово, которое единственное разъясняет во всей полноте смысл события.

Еще раз взгляды в фигуру того, кто стоял за кафедрой. Кинохроники тогда, к сожалению, еще не было, но репортерское мастерство русских газетчиков позволяет нам живо увидеть ее:

«Г. Достоевскій не обладаетъ представительностью и — тѣмъ менѣе ораторскою наружностью. Маленькій, тщедушный, съ узенькими плечиками и жидкими оконечностями, онъ, съ перваго раза, кажется человѣкомъ большимъ, дряблымъ и слабенькимъ. Но въ этомъ хиломъ изможденномъ тѣлѣ бьется много нервной, лихорадочной жизни, въ этой гладко-причесанной некрасивой головѣ, съ мочалистою, растрепанной бородкой и впавшими глазами на морщинистомъ блѣдно-пергаментномъ лицѣ, подъ этимъ выпуклымъ характернымъ лбомъ, на которомъ легла какая-то мрачная безпокойная дума, неустанно работаетъ ртутно-подвижный, глубокой умъ, погруженный въ причудливо-мистическія фантазіи и грезы, работаетъ и ищетъ въ толпѣ этихъ своихъ грезъ, призрака недосыгаемой на свѣтѣ истины, и притомъ *своей*, оригинальной истины... Въ общемъ, фигура г. Достоевскаго на кафедрѣ производитъ впечатлѣніе какого-то средневѣковаго, вдохновеннаго аскета-проповѣдника, непремѣнно фанатика, въ родѣ типичнаго Петра Пустынника. Въ немъ чувствуется та же беззавѣтная вѣра въ себя, въ свою миссію и тотъ же оттѣнокъ фанатизма, готоваго за свою идею пойти на костеръ, а при случаѣ посадить на него и противника, даже если онъ родной братъ»⁴¹.

На те сорок пять минут, что длилось чтение, Достоевский перестал быть Достоевским — Федором Михайловичем, литератором, отставным штабс-капитаном, любящим супругом и заботливым отцом, старым, большим человеком, с непростым характером и сложившимися привычками. Перестал существовать. «Как труп в пустыне». В теле его обитал пророческий дух. «Угль, пылающий огнем». «Бога глас».

И. С. Аксаков через пару месяцев, когда выйдет «Дневник Писателя» с текстом речи, напишет Достоевскому, вспоминая тот день: «Столько было электричества, что речь сверкнула молнией, которая мгновенно пронзила туман голов и сердец...» (цит. по: [Волгин, 2019: 673]). Это не просто метафора. Молния была *на самом деле*. Ее все видели. Не глазами, а духовными очами. Она стала той живой материей подлинной жизни, которая объединила пророка, его слово и его слушателей (каждого и всех) и образовала их совместное со-бытие.

Событием Пушкинских дней в Москве стало явление 8 июня 1880 г. пророка. Явление и признание. Признание пророка *в своем отечестве*. Вопреки библейской истине!

Со-бытие с пророком. Совместное с пророком приобщение к Истине.

Пушкинские дни 1880 г. были особенными в истории русской культуры. По определению С. О. Шмидта, «ни прежде, ни позднее не было в дореволюционные годы праздника культуры, вызвавшего столь широкий интерес всей России» [Шмидт: 296]. «“Провинциальные газеты полны известиями

о местном чествовании памяти великого поэта и рассуждениями о воспитательно-общественном значении Пушкина как писателя⁴². То, что говорилось по поводу пушкинского праздника в столичных газетах, что говорится теперь в провинциальных газетах, как нельзя более доказывает всероссийское участие в этом истинно народном праздновании...» [Левитт: 77].

Обозреватель «Новороссийского Телеграфа» не без иронии писал:

«Пушкинскій праздникъ или вѣрнѣе не самый праздникъ, а толки о немъ рѣшительно начинаютъ надоѣдать. До самаго послѣдняго времени нельзя было взять въ руки газеты или приняться за чтеніе журнала чтобы не встрѣтиться съ соображеніями по поводу Пушкинскаго праздника. Одни восторгаются, другіе — издѣваются, третьи — грустятъ, но всѣ рѣшительно, всѣ восторгаются, издѣваются и грустятъ исключительно по поводу этого московскаго все-литературнаго торжества, которое чуть чуть было окончательно не смутило нашу такъ называемую интеллигенцію»⁴³.

Действительно, освещение Пушкинских торжеств стало подлинным феноменом русской журналистики 1880 г. В 1885 г. библиограф В. И. Межов издал (в Петербурге) отдельной книгой библиографический указатель «Открытие памятника А. С. Пушкину в Москве в 1880 г.: сочинения и статьи, написанные по поводу этого торжества» объемом в 75 страниц! Он содержит более тысячи записей.

«Двадцать две газеты и журнала, внесенные в официальный список делегаций, — это лишь малая часть от общего числа журналистов, присутствовавших на торжествах, — пишет исследователь данной темы Маркус Ч. Левитт. — Многие издания командировали по несколько делегатов-репортеров, из которых часть посылали материалы более чем в одну газету или журнал; а некоторые члены других делегаций, не будучи профессиональными журналистами, приняли тем не менее на себя и роль корреспондентов. В специальной библиографии Межова, посвященной торжествам, приведены названия более 110 периодических изданий, среди которых все крупные газеты и журналы Москвы и Петербурга; губернские, краевые и ведомственные органы; местные и другие независимые газеты (некоторые из них послали делегатов или имели своих представителей в Москве); церковные газеты и журналы; специализированные газеты для учителей, крестьян, сельских хозяев, врачей, художников и актеров; издания для семьи; иллюстрированные и сатирические газеты; университетские, философские, филологические, юридические и политические журналы; ежедневные, еженедельные, ежемесячные и ежеквартальные и др.» [Левитт: 77].

В этом колоссальном информационном потоке внушительную часть, сопоставимую только с репортажами о непосредственном открытии памятника Пушкину на Тверском бульваре, составляют отклики на речь Достоевского. Ее содержание тезисно было передано в тот же день Международным

телеграфным агентством, а потом в изложении репортеров (часто с включением объемных цитат) разошлось по страницам российской периодики.

Как метко написал И. Л. Волгин, «ни одно произведение Достоевского при жизни автора не вызывало такого количества откликов: “очерк” объемом около одного печатного листа породил лавину комментариев, оценок, возражений и опровержений — лавину, которая на протяжении нескольких месяцев буквально захлестывала русскую прессу» [Волгин, 2010: 277].

Текст речи, как известно, впервые появился 13 июня на страницах «Московских Ведомостей» — одного из самых авторитетных и читаемых печатных органов не только Москвы, но и всей России, с тиражом почти в 10 тысяч экземпляров. А после этого в течение месяца перепечатан в десяти (!) изданиях:

— 14 июня в «Современных Известиях» (Москва, № 162) и «Русской Газете» (Москва, № 73);

— 15 июня в «Новом Времени» (СПб., № 1542);

— 17 и 18 июня в газете «Харьков» (Харьков, №№ 631, 632);

— 18 июня в «Орловском Вестнике» (Орел, № 61);

— 20 июня в «Ведомостях Одесского Градоначальства» (Одесса, № 136);

— 22 и 29 июня в еженедельном приложении к газете «Современность» «Семейное Чтение» (№№ 23, 24);

— 22 и 25 июня в «Смоленском Вестнике» (Смоленск, №№ 66, 67);

— 22 и 26 июня в театральной газете «Суфлёр» (СПб., №№ 46, 47);

— 1 июля в иллюстрированном журнале для семейного чтения, юношества и детей «Семейные Вечера» (СПб., № 6, июнь);

— 6 и 8 июля в газете «Дон» (Воронеж, №№ 74, 76).

Кроме того, в конце года текст речи был опубликован в сборнике «Венок на памятник Пушкину» (М., 1880. С. 243–258).

Одновременно в изложении и откликах речь нашла свое отражение на страницах десятков газет и журналов.

12 августа Пушкинская речь (или точнее очерк «Пушкин») вышла в составе единственного за 1880 г. специального выпуска «Дневника Писателя». 4000 экземпляров были распроданы за полмесяца и 2 сентября был напечатан второй дополнительный тираж. Кроме Санкт-Петербурга и Москвы, «Дневник Писателя» будет разослан в книжные магазины Казани, Киева, Одессы, Харькова, Воронежа, Тулы, Тамбова, Тифлиса, Чернигова, Варшавы, Томска, Нежина.

Публикация в «Дневнике Писателя» вызвала новый всплеск откликов. Поле полемики сместилось в сторону литературно-журнальной периодики, но и газетчики не оставили своим вниманием новое издание речи.

Всего в течение года появилось 95 публикаций, посвященных выступлению Достоевского в Москве и его «Пушкинской речи»! Такого никогда не было. И если пристальное внимание к масштабному общественно-культурному событию с участием членов царской семьи, правительственных

чиновников, высшего духовенства и выдающихся деятелей отечественной культуры вполне вписывается в обычную информационную практику, то столь жгучий интерес к речи на литературную тему, произнесенную современным писателем, безусловно, является из ряда вон выходящим.

«Пушкинская речь» Достоевского *сама по себе* — как общественно-культурное событие и литературно-публицистическое сочинение — стала важнейшим информационным событием 1880 г. Вне зависимости от того, как приняли слова Достоевского его адепты и оппоненты, они прочно вошли в сознание русской читающей публики как исключительные, вдохновенные, жгущие — *пророческие*. Последовавшая вскоре смерть Достоевского придала им статус «духовного завещания».

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90018 («Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля»).
- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30, С. 184. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
 - ² Письмо И. С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину // Русский Архив. СПб., 1891. Т. 5. С. 96.
 - ³ Телеграммы Международного агентства // Молва. СПб., 1880. № 158. 10 июня.
 - ⁴ Петербург. 11 июня // Страна. СПб., 1880. 12 июня.
 - ⁵ Внутренние известия (О Пушкинской речи Ф. М. Достоевского) // Киевлянин. Киев, 1880. № 132. 13 июня.
 - ⁶ Пушкинская неделя в Москве. Второе заседание Общества любителей словесности // Молва. СПб., 1880. № 162. 14 июня.
 - ⁷ Передовая статья. Москва. 17 июня // Русский Курьер. Москва, 1880. № 163. 18 июня.
 - ⁸ Содержание речей Достоевского и Аксакова о Пушкине // Рижский Вестник. Рига, 1880. № 135. 16 июня.
 - ⁹ Письмо И. С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину. С. 97.
 - ¹⁰ Современник так отозвался об этом в своем дневнике: «Знаменитый апотеоз вышел еще более смешным и странным, чем в первый раз. Появление на сцену русских писателей, актеров, актрис и директора частной гимназии третьего дня еще можно было, пожалуй, объяснить увлечением, восторгом и другими подобными чувствами, возбуждаемыми под влиянием данной минуты или известного, скоропреходящего настроения. Но повторение литературного и артистического Олимпа за бюстом Пушкина, с венками, глупым глазением на публику под блеском электрического освещения, уже теряло свой характер первобытной непосредственности и являлось простым ломаньем комедии по заказу. Прохождение по сцене с венками в руках писателей и артистов, складывание венков к подножию бюста, до известной степени извинительное в первый раз, во второй уже напоминало казенные реверансы институток перед важною особою, присутствующею на экзамене, или фиктивные коленапреклонения мальчиков в католических церквях, когда они пробегают мимо алтаря. Появление в апотеозе разных Максимовых, Потехиных, Мельниковых, Каменских еще, пожалуй, можно объяснить их самодовольством и самомнением; но я не понимаю,

- как Достоевский, умный, как кажется, человек, мог согласиться на личное участие в этой глупой комедии апотеоза и принять на себя такую странную в ней роль! Уж лучше бы он и во второй раз предоставил Тургеневу дешевую честь увенчания фиктивного Пушкина на фиктивном апотеозе русской литературы, которая сама показала мне какую-то фикцию в этот вечер» [Веневитинов: 507].
- 11 Достоевский, со ссылкой на Поливанова, Юрьева и Аксакова, интерпретирует здесь приобретение московской публикой билетов на оба заседания Общества любителей российской словесности в свою пользу, но, скорее всего, такой интерес был вызван именно ожиданием интеллектуальной дуэли Тургенева и Достоевского.
 - 12 Пушкинская неделя в Москве // Молва. СПб., 1880. № 160. 12 июня.
 - 13 Телеграммы «Петербургской Газеты». И. Баталин. Пушкинский праздник в Москве // Петербургская Газета. СПб., 1800. № 111. 8 июня.
 - 14 См., например, «протургеневский» отчет о литературном вечере 6 июня в газете «Страна»: «Читали: гг. Тургеневъ, Писемскій, Островскій, Анненковъ и Потѣхинъ. Всѣмъ имъ, конечно, аплодировали, всѣхъ благодарили, но И. С. Тургеневу достались опять исключительныя оваціи. Онъ прочелъ въ первый разъ “Опять на родинѣ”, послѣ чего его вызывали разъ десять, и какъ онъ ни отговаривался отъ повторенія, но вынужденъ былъ уступить настоятельнымъ требованіямъ и прочелъ другое стихотвореніе Пушкина: “Послѣдняя тучка разсѣянной бури”» (ОРФ ГЛМ. Ф. 81. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 15–15 об.). Или ремарку в той же газете в отчете о втором литературном вечере, 8 июня: «И. С. Тургеневу на этомъ вечерѣ опять были сдѣланы шумныя оваціи и поднесенъ такой же вѣнокъ, какой утромъ получилъ Ф. М. Достоевскій» (ОРФ ГЛМ. Ф. 81. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 25).
 - 15 Музыкально-литературный вечер 6-го июня // Санкт-Петербургские Ведомости. СПб., 1880. № 159. 11 июня.
 - 16 ОРФ ГЛМ. Ф. 81. Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 53–53 об. Для сравнения — о чтении А. Ф. Писемского сказано: «Чтеніе очень слабое, которое никто почти не слышалъ, но успѣхъ самаго уважаемаго нашего беллетриста очень большой. Рукоплесканія и вызовы» (Л. 52 об.). Об А. Н. Островском: «Ничего почти не слышно. Рукоплесканія и вызовы продолжительны» (Л. 52 об.). О П. В. Анненкове: «...голосомъ, котораго уже никто не могъ слышать, прочиталъ “Анчаръ” Пушкина» (Л. 53 об.). Про А. А. Потехина: «Нѣсколько громче прочелъ сцену изъ “Полтавы”» (Л. 53 об.). «Д. В. Григоровичъ прочелъ “Кирджали” Пушкина. Хорошее чтеніе, но которое тоже дальше пятого ряда не было слышно» (Л. 53 об.).
 - 17 Москва. Пушкинский праздник. 5–8 июня // Страна. СПб., 1880. № 48. 19 июня.
 - 18 Письмо И. С. Аксакова о Московских праздниках по поводу открытия памятника Пушкину. С. 95.
 - 19 Празднество Пушкину в Москве (7-го и 8-го июня) // Современность. СПб., 1880. № 99. 11 июня.
 - 20 2-е заседание в Обществе любителей российской словесности // Современные Известия. СПб., 1880. № 158. 10 июня.
 - 21 Хроника. Пушкинский праздник // Петербургский листок. СПб., 1880. № 110. 11 июня.
 - 22 Михневич В. Пушкинский праздник // Новости. СПб., 1880. № 154. 13 июня. Частично опубликовано в комментариях к письму Ф. М. Достоевского А. Г. Достоевской от 8 июня 1880 г. в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 30 т. (ДЗ0; 30; 356).
 - 23 Пушкинская неделя в Москве. Второе заседание «Общества любителей словесности» // Молва. СПб., 1880. № 162. 14 июня.
 - 24 Содержание речей Достоевского и Аксакова о Пушкине // Рижский Вестник. Рига, 1880. № 135. 16 июня.
 - 25 Москва. Пушкинский праздник. 5–8 июня // Страна. СПб., 1880. № 48.
 - 26 Открытие памятника А. С. Пушкину // Историческая библиотека. СПб., 1880. №№ 8 и 9. Август и сентябрь.

- 27 Михневич В. Пушкинский праздник // Новости. СПб., 1880. № 154. 13 июня.
- 28 Буква. Пушкинская неделя в Москве. Второе заседание «Общества любителей словесности» // Молва. СПб., 1880. № 162. 14 июня. Частично опубликовано в комментариях к письму Ф. М. Достоевского А. Г. Достоевской от 8 июня 1880 г. в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского в 30 т. (Д30; 30;: 356).
- 29 Передовая статья. Москва. 17 июня // Русский Курьер. М., 1880. № 163. 18 июня.
- 30 Хрущев И. Впечатления одного из депутатов на открытии памятника Пушкину // Берег. СПб., 1880. № 107. 10 июля.
- 31 Пыпин А. Н., Стасюлевич М. М. С Пушкинского праздника. 5–8 июня // Вестник Европы. СПб., 1880. Т. 84. С. XXXI.
- 32 Петербург. 11 июня // Страна. СПб., 1880. № 46. 12 июня.
- 33 Там же.
- 34 Там же.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Заметим, что автор статьи в «Стране» не был на заседании Общества любителей российской словесности 8 июня 1880 г. и судил обо всем по газетным отчетам и, возможно, по каким-то рассказам очевидцев.
- 38 Список участников опубликован в книге «Венок на памятник Пушкину» (М., 1880. С. 165–169).
- 39 И. А. Гончаров, А. А. Фет, М. Е. Салтыков-Щедрин не смогли приехать в Москву по состоянию здоровья. М. Н. Катков не присутствовал по причине конфликта с руководителями Общества любителей российской словесности, в большинстве своем осуждавшими консервативную позицию газеты Каткова «Московские Ведомости».
- 40 Пушкинская неделя в Москве. Второе заседание Общества любителей словесности // Молва. СПб., 1880. № 162. 14 июня.
- 41 Михневич В. Пушкинский праздник // Новости. СПб., 1880. № 154. 13 июня.
- 42 Об этом сообщила газета «Молва» 11 июня (№ 159).
- 43 Z. Журнальные заметки // Новороссийский Телеграф. Одесса, 1880. № 1652. 13 августа.

Список литературы

1. Василевский И. Ф. (Буква) Из московских в честь Пушкина празднеств в 1880 году // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., сост. и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — С. 266–272.
2. Веневитинов М. А. Из дневника // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — С. 502–509. (Литературное наследство; т. 86)
3. Волгин И. Л. Последний год Достоевского: исторические записки. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: АСТ: Зебра Е, 2010. — 736 с.
4. Волгин И. Л. Ничей современник. Четыре круга Достоевского. — М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 736 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
6. Левитт Маркус Ч. Литература и политика: Пушкинский праздник 1880 года / пер. с англ. И. Н. Владимирова и В. Д. Рака. Пер. коммент. М. Б. Кутеевой. — СПб.: Академический проект, 1994. — 265 с.
7. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881. — СПб.: Академический проект, 1995. — Т. 3: 1875–1881. — 614 с.

8. Любимов Д. Н. Из воспоминаний (Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинских торжествах в Москве в 1880 году) // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 2. — С. 406–419.
9. Михневич В. О. (Колменский Кандид). Вчера и сегодня // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., сост. и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — С. 264–265.
10. Шмидт С. О. Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 г. // Шмидт С. О. После 75. Работы 1997–2001 годов. — М.: РГГУ, 2012. — С. 254–300.

Pavel E. Fokin

*The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature,
(Moscow, Russian Federation)*

pfokin@mail.ru

Anna V. Petrova

*The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(Moscow, Russian Federation)*

netochka-1@yandex.ru

Pushkin Speech by Fedor Dostoevsky as an Event (Based on the Materials of the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature)

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90018.

Abstract. 140 years ago, on June 8 (20), 1880, on the occasion of the celebrations associated with the opening of the monument to Alexander Pushkin, F. M. Dostoevsky gave a speech at the second meeting of the Society of Connoisseurs of Russian Literature at the Moscow Noble Assembly hall. It was immediately recognized as a social and cultural event. This episode in Dostoevsky's biography has repeatedly attracted the attention of researchers. The manuscript collection of The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature contains a significant set of materials related to Dostoevsky's participation in the Pushkin Celebration. In the process of collecting materials for the Memorial Museum of F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, the writer's widow conducted thorough bibliographic work, tracing almost all available publications in the Russian press devoted to Pushkin speech. She made extensive extracts from newspapers, which allow you to see the event through the eyes of Russian reporters. As the analysis shows, only minor fragments of newspaper reports were of interest to Dostoevsky's biographers. The characteristic of the responses of the Russian press to Pushkin speech as a major public event, presented in this article, allows to expand the context of Dostoevsky's speech and offer a more detailed overview of the audience of Pushkin speech. An observation is made about the similarity of the event associated with Dostoevsky's speech with his optimistic anthropology, formulated in the article *Golden age in the pocket* (1876, *A Writer's Diary*). The presented systematic corpus of publications rooted in the Pushkin speech, allows us to conclude that the speech itself became the most important information event of 1880 as a social and cultural event and literary and journalistic essay. The Appendix to the article contains photos of some materials from the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

Keywords: Dostoevsky, Pushkin celebration, Russian press, Turgenev, *A Writer's Diary*

About the authors: *Fokin Pavel E.* — PhD in Philology, Head of Department “Museum-apartment of F. M. Dostoevsky”, The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (State Literary Museum) (Trubnikovskiy per. 17, str. 1, Moscow, 121069, Russian Federation); *Petrova Anna V.* — PhD in Philology, Senior Researcher of “Museum-apartment of F. M. Dostoevsky”, The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (State Literary Museum) (Trubnikovskiy per. 17, str. 1, Moscow, 121069, Russian Federation)

Received: March 1, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Fokin P. E., Petrova A. V. Pushkin Speech by Fedor Dostoevsky as an Event (Based on the Materials of the Manuscript Fund of the Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 162–188. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4681 (In Russ.)

References

1. Vasilevskiy (Bukva). From Moscow’s Celebrations in Honor of Pushkin in 1880. In: *F. M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vosponinaniyakh sovremennikov [F. M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memories of His Contemporaries]*. St. Petersburg, Andreev i synov’ya Publ., 1993, pp. 266–272. (In Russ.)
2. Venevitinov M. A. From the Diary. In: *F. M. Dostoevskiy. Novye materialy i issledovaniya [Fedor Dostoevsky. New Materials and Studies]*, Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 502–509 (Ser. “Literary Heritage”; vol. 86). (In Russ.)
3. Volgin I. L. *Posledniy god Dostoevskogo: istoricheskie zapiski [The Last Year of Dostoevsky: Historical Notes]*, Moscow, AST Publ., Zebra E Publ., 2010. 736 p. (In Russ.)
4. Volgin I. L. *Nichey sovremennik. Chetyre kruga Dostoevskogo [Nobody’s Contemporary. Four Circles of Dostoevsky]*, Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriay Publ., 2019. 736 p. (In Russ.)
5. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
6. Levitt Marcus C. *Literatura i politika: Puskinskiy prazdnik 1880 goda [Russian Literary Politics and the Pushkin Celebration of 1880]*. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 1994. 265 p. (In Russ.)
7. *Letopis’ zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky’s Life and Works: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskiiy proekt Publ., 1993, vol. 3: 1875–1881. 614 p. (In Russ.)
8. Lyubimov D N. From Memoirs (F. M. Dostoevsky’s Speech at Pushkin Celebration in Moscow in 1880). In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov [F. M. Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]*, Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 2, pp. 406–419. (In Russ.)
9. Mikhnevich V. O. (Kolomenskiy Kandid). Yesterday and Today. In: *F. M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vosponinaniyakh sovremennikov [F. M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memories of His Contemporaries]*. St. Petersburg, Andreev i synov’ya Publ., 1993, pp. 264–265. (In Russ.)
10. Shmidt S. O. Pushkin and the Pushkin Celebration in Moscow 1880. In: *Shmidt S. O. Posle 75. Raboty 1997–2001 godov [After 75. Works from 1997–2001]*, Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2012, pp. 254–299. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

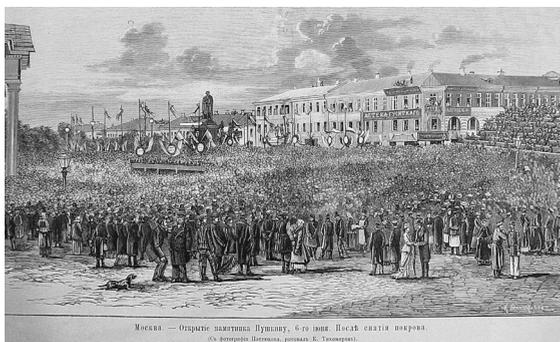

Илл. 1. Москва. Открытие памятника Пушкину. Момент передачи памятника городу Москве. Лист из «Всемирной Иллюстрации». Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.

КП 41875

Fig. 1. Moscow. Inauguration of the monument to Pushkin. The moment when the monument was transferred to the city of Moscow. Page from the “Vsemirnaya Illustratsiya” magazine. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

КР 41875

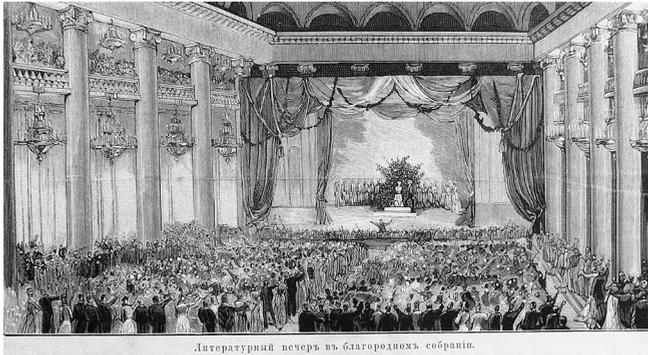

Илл. 2. Москва. Открытие памятника Пушкину, 6 июня. После снятия покрова. Рис. К. Тихомирова с фотографии Пастюкова. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.

КУ 8649

Fig. 2. Moscow. Inauguration of the monument to Pushkin, June 6. After the covers are removed. Drawing by K. Tikhomirov from a photograph by Pastyukov). V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

КУ 8649

Литературный вечер в благородном собрании.

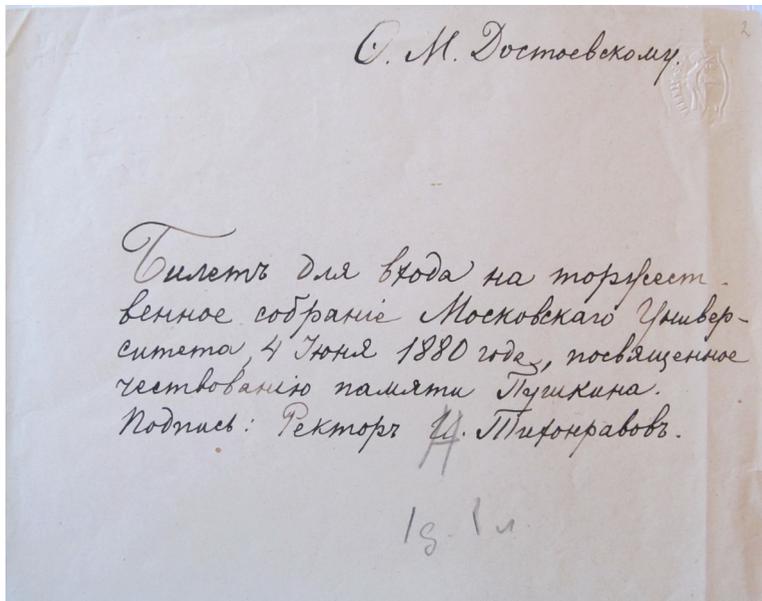
Илл. 3. Литературный вечер в Благородном собрании. Рисунок Ф. Гаанена с наброска Н. Чехова. Иллюстрация из журнала «Будильник». КУ 12808/2

Fig. 3. Literary soiree at the Noble Assembly. Drawing by F. Gaanen from a sketch by N. Chekhov. Illustration from the “Budilnik” magazine. КУ 12808/2

Илл. 4. Билет № 254 для входа на торжественное собрание Московского университета, посвященное памяти А. С. Пушкина. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля. КУ 3520/1

Fig. 4. Ticket No. 254 for the entrance to the ceremonial meeting at the Moscow University, dedicated to the memory of A. S. Pushkin. From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. КУ 3520/1

Илл. 5. Аннотация А. Г. Достоевской к билету № 254 для входа на торжественное собрание Московского университета, посвященное памяти А. С. Пушкина. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.
КУ 3520/2

Fig. 5. A. G. Dostoevskaya's annotation to the ticket No. 254 for the entrance to the ceremonial meeting at the Moscow University dedicated to the memory of A. S. Pushkin. From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.
KU 3520/2

Илл. 6.

Илл. 7.

Илл. 6. Меню обеда 4 июня 1880 года.

Худ. К. А. Трутовский. Типолитография И. Н. Кушнерев и Ко. Москва (1880).
Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.
КП 56702

Fig. 6. The lunch menu on June 4, 1880.

Designed by K. A. Trutovskiy. Typolithography of I. N. Kushnerev and Co.
Moscow (1880). V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.
KP 56702

Илл. 7. Обратная сторона Меню обеда 4 июня 1880 года с автографом Ф. М. Достоевского.
Худ. К. А. Трутовский. Типолитография И. Н. Кушнерев и Ко. Москва (1880).
Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля.
КП 56702

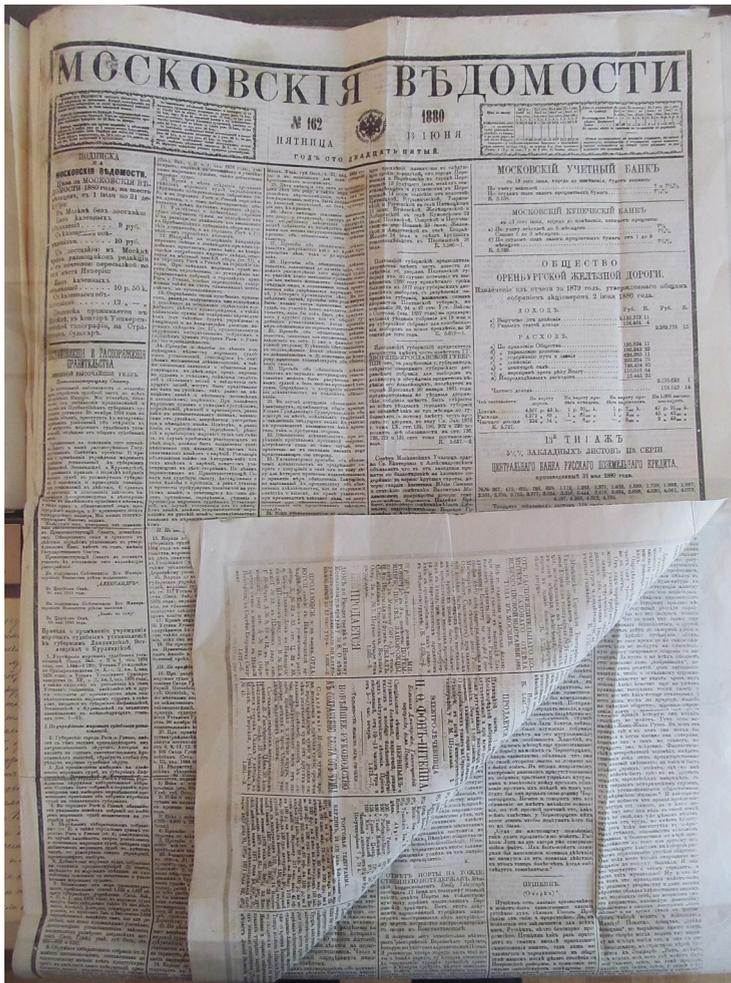
Fig. 7. Reverse side of the lunch menu on June 4, 1880 with the autograph
of F. M. Dostoevsky. Designed by K. A. Trutovskiy. Typolithography
of I. N. Kushnerev and Co. Moscow (1880).

V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.
KP 56702

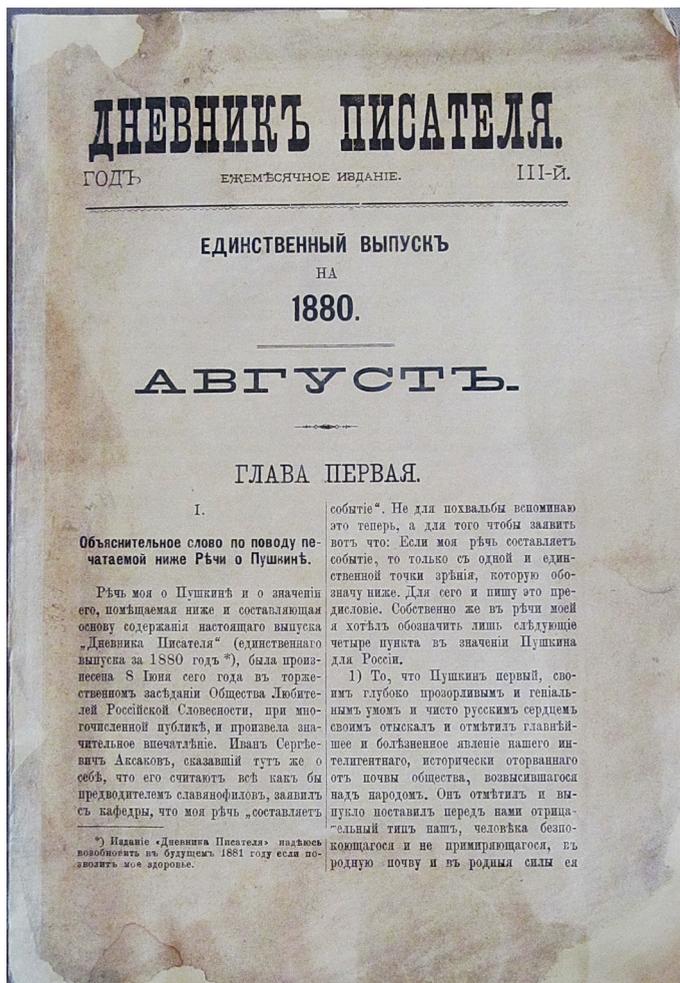
Илл. 8. Трехцветный бант участника Пушкинских торжеств в Москве 1880 г. Государственный музей истории русской литературы имени В. И. Даля. КП 35714/386

Fig. 8. Tricolor bow of a participant of 1880 Pushkin celebrations in Moscow. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. KP 35714/386

Илл. 9. Московские ведомости. 1880. № 162. 13 июня. С публикацией очерка Ф. М. Достоевского «Пушкин» (начало на третьей странице). Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории русской литературы имени В. И. Даля. КП 56652/1

Fig. 9. Moskovskie Vedomosti newspaper, 1880, No. 162, June 13. Contain F. M. Dostoevsky's essay "Pushkin" (beginning on page 3). From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. KP 56652/1

Илл. 10. Дневник писателя. 1880. Август. Единственный выпуск. Из собрания А. Г. Достоевской. Государственный музей истории русской литературы имени В. И. Даля. КП 56652/1

Fig. 10. A Writer's Diary. 1880. August. Sole issue. From the collection of A. G. Dostoevskaya. V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature. KP 56652/1

DOI: 10.15393/j9.art.2020.4701

УДК 930.25

А. Д. Достоевский

независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

adostoevsky@mail.ru

Н. В. Шварц

независимый исследователь
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

nshvartc@list.ru

«Всегдашняя мечта моего мужа была о том, чтобы наши дети получили образование...»: гимназисты Люба и Федя Достоевские *

Аннотация. Основной заботой Достоевского было дать своим детям, Любе и Феде, образование. После смерти писателя это желание воплотила его вдова Анна Григорьевна. Об обучении детей Достоевского было известно немного — прежде всего из мемуаров (А. Г. и Л. Ф. Достоевских, А. П. Остроумовой). В статье представлены неизвестные ранее документы из Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (именные книги, ведомости об успехах и поведении и др.), содержащие сведения об учебе детей Ф. М. Достоевского: Любы — в Литейной гимназии, Феде — в гимназии Ф. Ф. Бычкова (с 1883 г. Я. Г. Гуревича). Введены в научный оборот письма, связанные с обучением детей Достоевских: Любы и Феде к матери; учительницы В. Ивановой к А. Г. Достоевской. В ходе комментирования архивных документов подчеркнута преемственная связь между домашним воспитанием и образованием самого писателя и его детей и раскрыта роль А. Г. Достоевской в исполнении мечты Федора Михайловича: дать им хорошее образование. Домашнее обучение, в первую очередь — сложившаяся традиция семейного чтения, которому Достоевские всегда уделяли большое внимание, позволили Любе в тринадцать лет поступить в гимназию, минуя два начальных класса, и успешно доучиться до второго, предвыпускного, класса. Ее одноклассницами были А. П. Остроумова (Лебедева) и Н. Я. Полонская (Елачич), впоследствии ставшие известными в культурной истории России. Полученное в гимназии образование помогло дочери писателя в годы эмиграции проявить себя в литературе, стать русской писательницей в Италии, представлять наследие Достоевского в Европе, успешно вести просветительскую и культурную деятельность в Италии. Сын писателя Федя, проручившись в Санкт-Петербургской гимназии Ф. Ф. Бычкова с 1882 по 1889 г., в 1890 г. поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского императорского университета, увлекся коневодством, в последние годы жизни уделял большое внимание сохранению рукописного наследия отца. Так дети Ф. М. Достоевского выполнили его завет: «Не забывайте оба учиться».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Любовь Достоевская, Федор Достоевский, семейное чтение, женское образование, домашнее воспитание, гимназия, русская писательница Италии, архивы, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Об авторах: *Достоевский Алексей Дмитриевич* — независимый исследователь, праправнук Ф. М. Достоевского (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), *Шварц Наталья Владимировна* — независимый исследователь, секретарь Российского общества Ф. М. Достоевского (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Дата поступления: 30.04.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Достоевский А. Д., Шварц Н. В. «Всегдашняя мечта моего мужа была о том, чтобы наши дети получили образование...»: гимназисты Люба и Федя Достоевские // *Неизвестный Достоевский.* — 2020. — № 2. — С. 196–218. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4701

Федор Михайлович Достоевский всегда с особым вниманием и заботой относился к своим детям — дочери Любе и сыну Федору. «За деток и за судьбу их трепещу», — признавался он жене Анне Григорьевне в одном из писем последних лет жизни¹. Наш современник, Д. А. Достоевский, высоко оценивая отцовские качества своего прадеда, отметил: «Доктора говорили Федору Михайловичу, что, по свойству его болезни он может в любую минуту умереть, и он торопился приготовить детей к жизни» [Достоевский Д. А.: 560].

Достоевский озаботился образованием Любы и Феди с их раннего детства — «в таком возрасте, когда большинство отцов еще оставляют детей в детской» [Достоевская Л. Ф., 2017: 192]. Он начал с чтения им великих писателей. Первый из таких литературных вечеров на всю жизнь запомнила Любовь Федоровна:

«...Достоевский объявил нам, что сейчас будет читать нам “Разбойников” Шиллера. Мне было тогда семь лет, а брату только что исполнилось шесть... <...> Достоевский читал с увлечением, иногда прерываясь, чтобы объяснить нам какое-нибудь непонятное выражение. <...> Но, по мере того как братья Мооры становились всё бóльшими разбойниками, меня всё больше одолевала дремота, и я из последних сил таращила свои бедные, усталые детские глазенки; а мой брат Федор откровенно уснул... Видя такую реакцию аудитории, Достоевский перестал читать и сам же над собой посмеялся. “Они еще не могут этого понять, слишком маленькие”, — с грустью сказал он жене» [Достоевская Л. Ф., 2017: 192–193].

Когда восьмилетний Федя проявлял лень в обучении грамоте, писатель делился своими переживаниями с женой:

«...он до сих пор еще не умеет читать. Если б ты знала, как я об этом здесь думаю и как это меня беспокоит. Да и когда же это он выучится? Всё учиться, а не выучится! <...> Федю очень прошу утешить меня и выучиться читать» (Д30; 30; 110–111).

Читая своим детям любимые книги (в том числе «Историю государства Российского» Карамзина, знакомую ему с детства) и обучая их чтению, Достоевский следовал семейной традиции воспитания и образования детей, когда «вся семья собиралась в гостиной, и все по очереди читали вслух произведения великих русских писателей» [Достоевская Л. Ф., 2017: 49].

Анна Григорьевна хорошо знала «всегдашнюю мечту» мужа: «...чтобы наши дети получили образование» [Достоевская А. Г.: 427]. Эту мечту она исполнила, сознавая свой долг перед его памятью. В день похорон Федора Михайловича она с тревогой размышляла об их будущем:

«...как-то я воспитаю моих детей без отца, без Федора Михайловича, так горячо их любившего? Какая страшная ответственность отныне лежит на мне пред памятью моего мужа, и смогу ли я достойно исполнить свои обязанности? Идя за гробом Федора Михайловича, я давала себе клятву жить для наших детей...» [Достоевская А. Г.: 439].

Примечательно, что эту ответственность сознавали не только Анна Григорьевна и опекун детей писателя К. П. Победоносцев, добросовестно контролировавший соблюдение их прав и интересов. Однажды, после кончины Федора Михайловича, к Анне Григорьевне явился посетитель, изложивший вопрос, важный, по его мнению, не только для нее, но и для всей России:

«После Достоевского осталось двое детей, и их судьбою и воспитанием заинтересована вся Россия <...> и Россия, в лице лучших своих представителей, должна взять на себя заботу о их воспитании, чтобы сделать их достойными имени их великого отца» [Достоевская А. Г.: 466].

Он предложил учредить особый комитет «из лучших <...> литераторов, ученых, художников, педагогов, юристов, которые должны сообща вырабатывать систему воспитания детей Достоевского» [Достоевская А. Г.: 467].

Данным предложением, курьезным, по ее мнению, Анна Григорьевна не воспользовалась, как и возможностью выучить детей за казенный счет, хотя от имени «тогдашнего министра внутренних дел, графа Лорис-Меликова» в день похорон Федора Михайловича ей было объявлено: «...дети мои будут приняты на казенный счет в те учебные заведения, в которые я пожелаю их поместить» [Достоевская А. Г.: 433]. Федору было предоставлено право обучения в Пажеском корпусе, Любочке — в Смольном институте благородных девиц [Достоевская Л. Ф., 2017: 251]. Это были привилегированные учебные заведения. Однако Анна Григорьевна решила иначе:

«...дети мои должны быть воспитаны не за счет государства, а на труды их отца, а затем — труды матери. К моей большой радости, мне удалось выполнить взятую на себя обязанность и дети мои были воспитаны

впоследствии на средства, получаемые от изданий Полного собрания сочинений их отца. Я глубоко убеждена, что, отказавшись от помощи на погребение и от помощи на воспитание детей, я поступила так, как поступил бы мой незабвенный муж» [Достоевская А. Г.: 433].

*Илл. 1. А. Г. Достоевская с детьми Любой и Федей.
Фотография И. Грюнберга. Петербург. 1883*
*Fig. 1. A. G. Dostoevskaya with children Lyuba and Fedya.
Photo by I. Grunberg. Petersburg, 1883*

О гимназических годах детей Достоевского известно немного — прежде всего, из воспоминаний Анны Григорьевны и Любови Федоровны. В ходе поиска в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб) нами был обнаружен ряд документов, связанных с периодом гимназической учебы Любови и Федора Достоевских².

Вдова писателя выбрала для Любы Литейную женскую гимназию и частную гимназию Ф. Ф. Бычкова, которую в 1883 г. выкупил Я. Г. Гуревич, — для Федора. Это, видимо, было обусловлено тем, что обе гимназии располагались на одной улице — Бассейной (совр. ул. Некрасова). Литейная гимназия была ближе к Литейному проспекту³, а гимназия Бычкова находилась на углу Бассейной и Лиговского канала, в одном квартале от тогдашнего места жительства Достоевских⁴.

Отметим, что годовая плата за обучение Любы составила в первый год 80 рублей, в последующие годы — 100 рублей. С сентября 1886 г. по май 1887 г. плата за полугодие выросла до пятидесяти рублей. Всего на обучение

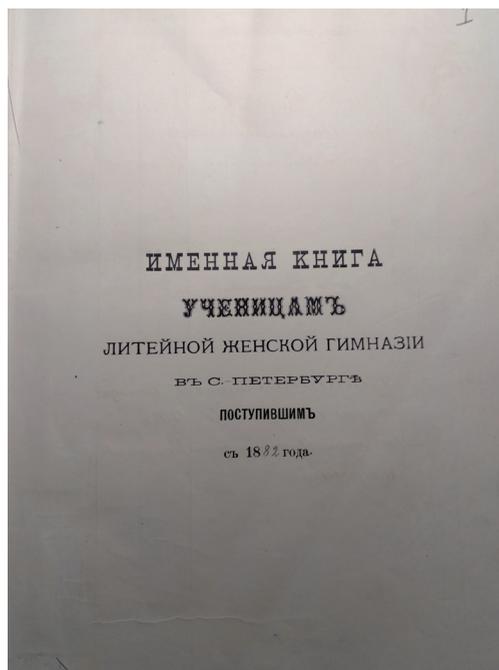
дочери у Анны Григорьевны ушло около 500 рублей. За учебу Феди в подготовительном классе приходилось платить от 100 рублей, в последующих 7 классах — до 180 рублей в год⁵.

Анна Григорьевна отдала дочь в гимназию осенью 1882 г. В книге взносов ученической платы за 1878–1883 гг. сохранилась запись:

«[Поступила] 1882, *Сентября 7. Достоевская Любовь, дочь умершаго отставнаго подпоручика Федора Михайловича. [Родилась] 1869 г. Сентября 14. [Вѣроисповѣданія] православнаго. [Мѣсто жительства ученицы] по Лиговкѣ на углу Гусева переулка (совр. ул. Ульяны Громовой. — А. Д., Н. Ш.), д. № 8 кв. № 19»⁶.*

Литейная гимназия первоначально называлась 6-й Рождественской — по расположению в Рождественской части города, в районе Песков (Слоновая ул., № 9, угол 4-й Рождественской ул., № 16; совр.: Суворовский пр., № 9, угол с 4-й Советской ул., 18). На основании Именного указа Сената деятельность гимназии осуществлялась в соответствии с Уставом училищ для приходящих девиц Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны. Высшее управление было сосредоточено в лице главноуправляющего ведомством, а непосредственно гимназией управлял инспектор — в годы обучения Любы им был С. К. Берлинг. Гимназия была открыта 24 декабря 1863 г.; в 1868 г. переведена в новое здание на Моховой улице, № 29 (соврем. № 27–29, правая часть), что и стало причиной переименования ее в Литейную, по Литейной части города. В 1878 г. архитектором И. В. Вольфом для гимназии был выстроен новый дом на углу Бассейной (совр. Некрасова, 15) и Шестилавочной (совр. Маяковского, 19) улиц. В этом здании и после революции, вплоть до 2009 г., располагались различные учебные заведения: сначала средняя школа Дзержинского района, затем лицей кулинарного искусства.

В ЦГИА СПб в фонде Литейной гимназии (ф. 271) сохранились именные списки учениц с отметками о плате за обучение, а также ведомости об их поведении и успехах. К сожалению, личного дела Любви Достоевской разыскать не удалось. Сведения о ней содержатся только в именных книгах⁷ и в общих ведомостях⁸. Из данных документов возможно составить картину того, чему и с какими успехами училась Люба Достоевская, которая поступила в гимназию в канун своего 13-летия.

Илл. 2. Титульный лист именной книги учениц Литейной женской гимназии в С.-Петербурге, поступившим с 1882 года

Fig. 2. Title page of the Liteynaya Women's Gymnasium in St. Petersburg registration book of students who entered since 1882

Женское образование в России того времени находилось на подъеме: на рубеже 1880-х гг. в Петербурге одна за другой открылись 17 женских ведомственных гимназий. Увеличивалось и число учениц в Литейной гимназии: в 1881 г. в ней числилось 140 учениц, в следующем — уже 300, а через год — почти 500. Появились три отделения («А», «Б», «В»), количество учениц в младших доходило до 34, в выпускном — до 42. Нумерация классов шла с 7-го, младшего (существовал также подготовительный класс), до выпускного, 1-го. Однако по возрасту контингент учениц был неоднороден: вместе с тринадцатилетней Любой в одном классе учились и двенадцатилетние девочки, и великовозрастные девицы шестнадцати лет. По ведомостям об успеваемости 2-го предвыпускного класса можно проследить, что разница в возрасте доходила порой до шести лет: младшим ученицам едва исполнилось четырнадцать, а их соседки по партам уже были барышни «на выданье», отметившие свое двадцатилетие.

Система оценивания в гимназии была 12-балльной: от 1 до 12 баллов, но оценка ниже «4» в ведомостях не встречается. Экзамены проводились по всем предметам, при этом вначале выводился итоговый средний балл за год

и отдельно — результат экзамена. Ученицы, получившие по какому-либо предмету 6 баллов и ниже, оставались на второй год. Причем «второгодников» и «третьегодников», согласно ведомостям об успеваемости, было по 2–3 человека, иногда больше. Однако при наличии удовлетворительных оценок по всем предметам, кроме одного, ученица переводилась в следующий класс с пометой о необходимости дополнительных занятий по нему в случае низкой годовой оценки, либо — переэкзаменовки в случае неуспешно сданного экзамена по данному предмету.

В частности, согласно документам Литейной гимназии, такой переэкзаменовке подверглась Любина одноклассница Анна Остроумова (Лебедева) (1871–1955). Впоследствии, став незаурядной художницей, возродившей искусство гравюры в России, она оставила любопытные воспоминания о Любви Достоевской в гимназии:

«В младших классах внезапно появилась среди нас (в Литейной гимназии. — А. Д., Н. Ш.) Люба Достоевская, дочь писателя. Крупная девочка, с размашистыми движениями, с копной светло-золотистых, во все стороны развевающихся волос. Лицо некрасивое, с маленькими, карими, глубоко сидящими глазами, тяжелым лбом, широкими скулами, серовато-желтого цвета. Она была недолго. Так же неожиданно исчезла, как и появилась. Один раз я на нее очень обиделась. Как-то после занятий весь наш класс, тридцать восемь человек, стоял попарно на ступеньках лестницы, ожидая очереди быть впущенным в раздевалку. Вышла какая-то задержка, мы долго стояли, и нам это сильно надоело. Люба Достоевская нашла себе развлечение. Она вздумала ставить отметки своим одноклассницам за красоту носов и ушей. Поднимаясь по лестнице мимо пар, она трогала нос девочки пальцем и определяла отметкой за красоту. Поравнявшись со мной, она тоже ткнула пальцем в мой курносый нос и произнесла: “Тебе — единица!” Я была очень оскорблена за свой нос» [Остроумова-Лебедева: 49].

«Автобиографические записки» А. П. Остроумовой являются своеобразным проявлением незаурядного творческого дара художницы. Она посвятила им более двадцати лет, начав свой литературный труд в 1930 г. и завершив в 1951 г. Он признан одним из интереснейших произведений мемуарного жанра, созданных деятелями советского изобразительного искусства.

Попутно отметим, что, кроме А. Остроумовой, с Любой в одном классе Литейной гимназии училась дочь поэта Я. П. Полонского Наталья (в зам. Елачич; 1870–1929) (см. [Остроумова-Лебедева: 49–50]).

По гимназическому уставу девицы могли поступать на подготовительное отделение с 8 лет. Люба, сдав вступительные экзамены, была определена сразу в 5-й класс на отделение «А», минуя 7-й и 6-й. Судя по всему, свою роль в данном случае сыграло полученное ею домашнее образование, в особенности сказались плоды семейного чтения, которому ее отец всегда уделял

такое большое внимание. Подчеркивая, что к 15 годам «отец знал уже большинство образцовых произведений нашей литературы» [Достоевская Л. Ф., 1922: 13], дочь писателя невольно сравнивала себя с ним:

«Достоевский очень гордился моей любовью к чтению. Читать я выучилась за считанные недели и читала все книги, какие мне попадались. Моя мать возражала против этого беспорядочного чтения, которое, в самом деле, было вредно для нервной маленькой девочки. Достоевский его, напротив, поощрял, узнавая в этой читательской ненасытности свою собственную страсть к книгам. Он выбирал для меня в своей библиотеке исторические романы, сентиментальные повести Карамзина, спрашивал о моих впечатлениях, объяснял мне непонятные места. У меня вошло в привычку составлять ему компанию за завтраком, и для меня это было лучшее время из всего дня» [Достоевская Л. Ф., 2017: 196].

Литературные пристрастия отца, в частности его высокая оценка творчества Ж. Санд (среди упоминаемых им в некрологе писательницы ее повестей названа и «Луcreция Флориани» [Библиотека: 240]), были унаследованы дочерью: в последний год обучения в гимназии, описывая в письме к матери от 5 марта 1887 г. свой день, Люба отмечала: «Я восторгаюсь *Lucrezia Floriani* и *М<арья> В<асильевна>* (Никифорова. — А. Д., Н. В.) боится какъ-бы я не сбѣжала, проникнувшись идеями *George Zand*»⁹.

В первый учебный год с Любой и Федей дополнительно занималась на дому приходящая учительница. Сохранилось ее прощальное письмо к Анне Григорьевне:

«Многоуважаемая Анна Григорьевна,

За послѣднее время мои занятія на курсахъ до того осложнились, что удѣлять на урокъ ежедневно по 3 часа времени для меня очень чувствительно, поэтому я вижу себя въ необходимости отказаться отъ дальнѣйшихъ занятій съ Вашими дѣтьми. Почему же такъ внезапно и не предупредивъ, спросите Вы. Я сама не думала этого сдѣлать, раньше чѣмъ Лиля не станетъ на тотъ путь, который для Васъ такъ желателенъ, но я убѣдилась за прошлую недѣлю, что законы мои {не имѣютъ} не только того характера, а главное того результата, который бы мнѣ хотѣлось, но и не могутъ его имѣть: отношеніе дѣтей ко мнѣ и къ моимъ занятіямъ, разъ онѣ выйдутъ изъ рамокъ заданныхъ уроковъ, (а Вы знаете, что этими занятіями ограничиться далеко нельзя, даже съ Федей, не говоря уже о Лилѣ, которой по языкамъ надо работать въ три раза болѣе, чѣмъ ея подругамъ) таковы, что дѣлаютъ трудъ мой тяжелымъ и неприятнымъ, чтобы не сказать болѣе. Заставлять дѣтей, принимать различныя мѣры не въ моихъ убѣжденіяхъ; я думала ограничиться съ ними, какъ съ дѣтьми чуткими и умными, двумя, тремя замѣчаніями, но ошиблась.

Нѣтъ словъ чтобы передать Вамъ какъ мнѣ грустно дѣлать этотъ рѣшительный шагъ, но иначе я не могу.

*Глубоко-уважающая Васъ
В. Иванова.*

18го Января 1883 г.»¹⁰.

Тем не менее Люба училась в гимназии неплохо, что видно из ее оценок по итогам первого года обучения:

*«Законъ Божій — 12
Русскій языкъ — 9
Французскій языкъ — 7
Нѣмецкій языкъ — 6
Ариѳметика — 8
Географія — 9
Чистописаніе — 10
Рисованіе — 9
Рукодѣліе — 8
Поведеніе — 12»¹¹.*

Эти баллы — более чем удовлетворительные по сравнению с другими ученицами, однако в ведомости напротив фамилии Любы Достоевской стоит в своем роде уникальная помета:

«Экзаменовъ не сдавала, остается на второй годъ по собственному желанію»¹².

По всей видимости, на такое решение повлияли достаточно низкие оценки по иностранным языкам, о чем предупреждала и приходящая учительница. Впоследствии Люба хорошо освоила французский язык, именно на нем она написала свои мемуары об отце (см. последнее издание, переведенное с французского: [Достоевская Л. Ф., 2017], хотя первое издание вышло в переводе на немецкий язык: [Достоевская Л. Ф., 1920]. Живя в эмиграции в Европе, она освоила немецкий и итальянский языки, хотя ранее, судя по ее письмам к матери, она испытывала затруднения в их изучении:

«Твой советъ ѣхать черезъ Вѣну на Миланъ совсѣмъ неудаченъ. Это гораздо дальше, да и какже я буду странствовать по Италіи не зная ни слова по-итальянски?» (22 августа 1902 г.);

«По утрамъ я занимаюсь итальянскимъ языкомъ по самоучителю, кот. я купила передъ отъѣздомъ. Онъ больше даетъ свѣдѣній чѣмъ твоя книжка, но итальянскій текстъ напечатанъ съ такими ошибками, что я, не зная языка все время должна ихъ исправлять» (20 октября 1911 г.);

«Не помню, писала-ли къ тебѣ, что теперь всюду за границей въ хорошихъ отеляхъ прислуга нѣмецкая, и что всѣ другіе {слуги} протестуютъ, но

ничего сдѣлать не могутъ, т. к. хозяева отелей пришли къ убѣжденію, что нѣмцы честны, аккуратны, вѣжливы и не требовательны. Непріятно лишь то что они прескверно говорятъ по французски и все время приходится объясняться на мифическомъ языкѣ» (31 октября 1911 г.)¹³.

Проучившись 2 года в пятом классе, Люба закончила его одной из первых учениц:

*«Законъ Божій — 12, экзаменъ — 12
Русскій языкъ — 11, экзаменъ — 11
Нѣмецкій языкъ — 9, экзаменъ — 11
Французскій языкъ — 11, экзаменъ — 11
Ариѳметика — 10, экзаменъ — 10
Географія — 10, экзаменъ — 10
Чистописаніе — 11
Рисованіе — 10
Рукодѣліе — 11
Поведеніе — 12»¹⁴.*

С отличием Люба Достоевская была переведена в четвертый класс, который также блестяще закончила, имея высшие годовые и экзаменационные оценки по новым предметам: математике, физике и истории. Весьма показателен и высший балл по поведению: большинство Любиных одноклассниц хорошим поведением не отличались, в основном оценка за поведение не превышала семи баллов.

Следующий, 1885 / 1886 учебный год, третьеклассница Любовь Достоевская, которой уже исполнилось шестнадцать лет, заканчивает также успешно, но в ведомостях появляются отметки о пропущенных занятиях, и их немало: при общем количестве 850 уроков — 250 отмечены как пропущенные. Тем не менее, Люба аттестуется хорошими годовыми оценками, успешно сдает экзамены по всем предметам, с баллами не ниже десяти, и переводится во второй, предвыпускной класс, которым, как можно предположить, и закончилось ее образование.

Среди прочих документов этого года имеется черновик справки от руководства гимназии, выданной в ответ на прошение А. Г. Достоевской:

«Мая 1886 г.

Дано сіе дѣвицѣ Любви Достоевской въ томъ, что она состоитъ ученицей II-го класса и что въ поѣздкѣ за границу Достоевской, со стороны гимназіи, препятствій не имѣется, въ чемъ свидѣтельствую своею подписью съ приложеніемъ казенной печати.

Инспекторъ гимназіи

С. Берлингъ»¹⁵.

В ведомости об успехах учениц за 1886–1887 гг. об ученице 2-го класса «А» Любви Достоевской содержится следующая информация: поведение — 12, по предметам аттестаций не имеет, из 810 уроков пропущено 740, к экзаменам не допускалась. Более никаких сведений в ведомостях о дочери писателя не имеется. В именных списках учениц можно обнаружить отметки об оплате обучения за весь учебный год, с сентября 1886 по май 1887 г., а также о том, что Любовь Достоевская выбыла из списков учениц гимназии в мае 1887 г. В списках учениц, закончивших гимназию и аттестованных, она не значится. Таким образом, 17-летняя Любовь Достоевская, блестяще окончив три класса гимназии, на этом свое обучение, по всей видимости, завершила, «прервав [его] по здоровью» [Достоевский Д. А.: 563]. Полученное в гимназии образование помогло дочери писателя впоследствии проявить себя в литературе, стать «русской писательницей в Италии». Она написала сборник рассказов и два романа, не скрываясь за псевдонимами (в романе «Эмигрантка», созданном еще в России, в 1912 г., действие разворачивается в Италии, в которой, волею судьбы, позднее самой Любви Федоровне пришлось провести последние годы своей жизни). Но главный ее труд — воспоминания об отце. Именно поэтому на ее могильном камне по-итальянски начертано: «*Lontano dalla sua Patria / in Bolzano d'Italia moriva / Aimee Dostojewskj / che del grande suo genitore / fu biografia amarosa e verace. / Ella riposa sotto questa pietra / eretta per fraterna ammirazione e pieta* (Вдали от своей родины, в итальянском Больцано скончалась Эмэ / т. е. Любовь / Достоевская, преданный и верный биограф своего великого отца. Покоится под этим камнем, воздвигнутым по братскому восхищению и милосердию)» [Талалай: 258].

* * *

Младший брат Любы, Федя Достоевский, стал учеником Санкт-Петербургской гимназии Ф. Ф. Бычкова. Трехэтажное здание красного цвета, построенное в начале XIX в., в котором находилась бывшая гимназия, затем реальное училище Я. Г. Гуревича, сохранилось до сих пор. Оно стоит на углу Лиговского проспекта, д. 1, и современной улицы Некрасова (бывшей Бассейной), д. 43. Изначально строение было одноэтажным и относилось к Артиллерийскому департаменту. В 1870 г. здание выкупил у казны преподаватель Пажеского корпуса статский советник Федор Федорович Бычков и разместил в нем семилетнюю школу для мальчиков, которая в 1871 г. была преобразована в классическую гимназию, а с 1878 г. получила права правительственной гимназии. В 1875 г. архитекторами В. И. Токаревым и А. Д. Шиллингом гимназия была перестроена, добавились два этажа, появились газовое освещение, водопровод, ватерклозеты, общее печное отопление (по системе Аммосова).

В 1883 г. Ф. Бычков передал гимназию Якову Григорьевичу Гуревичу. Причиной послужила весьма неприятная история: 13 сентября 1883 г. Ф. Ф. Бычков был признан судом виновным в «развращении воспитанников

содержимой им гимназии Сергея Колонтарова, 13 лет, Петра Нозикова, 11 лет, и Николая Шульгина, 13 лет, посредством развития в них бесстыдными действиями порочной склонности к мужеложеству...»¹⁶. На тот момент Федору, учившемуся во 2-м классе, было 12 лет. Однако репутация гимназии не пострадала, тем более что ее новый руководитель Я. Г. Гуревич был весьма авторитетным педагогом, приват-доцентом Петербургского университета, позже — издателем журнала «Русская школа»¹⁷. «Он пригласил для преподавания лучшие педагогические кадры и передовых деятелей культуры, сделав гимназию одним из лучших и прогрессивных частных средних учебных заведений Петербурга (с правами казенных гимназий)»¹⁸.

В фондах Центрального государственного исторического архива имеется личное дело гимназиста Федора Достоевского, начатое 15 мая 1882 г. и оконченное 5 мая 1889 г.¹⁹ К сожалению, в нем нет сведений об успехах в учебе, как и о результатах аттестации. Но сохранились другие, достаточно любопытные документы, в том числе — три не учтенных ранее автографа Анны Григорьевны Достоевской. Приведем содержание обнаруженных документов (публикуются впервые).

Первый документ содержит результаты вступительных экзаменов:

«Достоевскій Федоръ

ЭКЗАМЕНУЕТСЯ

въ I^ѳ или 2^ѳ классъ²⁰ С.-Петербургской гимназіи БЫЧКОВА

въ число

Мая «15» дня 1882 года

Предметы	Замѣчанія преподавателей
Законъ Божій	<i>Для поступленія во 2^ѳ классъ знаетъ достаточно</i>
Русскій языкъ	<i>Для II класса долженъ основательнѣе повторить этимологию. С<таниславъ Львовичъ> Пташицкій</i>
Славянскій языкъ	
Французскій языкъ	<i>Для II кл<асса> слабъ можетъ поступить въ I^ѳ. Ж<анъ> Поль Ал<нрзб.></i>
Нѣмецкій языкъ	
Ариѳметика	<i>Можетъ поступить во 2^ѳ кл<ассъ>. Слѣдовало бы заняться рѣшеніемъ задачъ съ простѣйшими дробями. А. Крачевскій;</i>
Географія	<i>Хотя есть нѣкоторыя пробѣлы, но для IIго класса достаточно подготовленъ. Е<вгеній Францевичъ> Шмурло»²¹</i>

Но несмотря на уровень знаний, в целом соответствующий требованиям 2-го класса, Федор, по всей видимости, был принят все же в первый класс гимназии. Такой вывод можно сделать, исходя из содержания и датировки более поздних документов его личного дела.

Следующий документ датирован 1883 г.:

«Свидѣтельство № 33

Сіе выдается Федору Федоровичу Достоевскому въ томъ что онъ былъ боленъ “корью” (Morbilli) и потому уроковъ посѣщать не могъ въ чемъ подписомъ своимъ и приложеніемъ фамиліной печати удостовѣряю.

*Старорусскій Земскій Врачъ
Надворный Совѣтникъ
Усцинскій*

*Г. Старая Русса
3 Мая 1883 года»²².*

Документ от 28 мая 1884 г. — автограф Анны Григорьевны Достоевской:

*«28 Мая
1884 г.*

*Глубокоуважаемый
Яковъ Григорьевичъ!*

Въ день моего отъѣзда, 18 Мая, я была въ гимназиі, но не могла Васъ видѣть, такъ какъ у Васъ былъ попечитель. Я говорила съ И. Д. Поцѣлуевымъ²³ и онъ сообщилъ мнѣ, что сынъ мой имѣетъ удовлетворительныя отмѣтки во всѣхъ предметахъ кромѣ нѣмецкаго языка. И. Д. Поцѣлуевъ не могъ сказать мнѣ нужно ли Ѳедѣ держать осенью перекэкзаменовку изъ нѣмецкаго или же онъ долженъ повторить пройденное только для себя. Обращаюсь къ Вамъ съ чрезвычайною просьбою написать мнѣ на этотъ счетъ два слова; мнѣ очень важно знать положительно, такъ какъ въ случаѣ перекэкзаменовки изъ нѣмецкаго ему придется заняться этимъ предметомъ серьезно, и мнѣ не хотѣлось бы терять времени.

Простите, что я Васъ беспокою. Прошу Васъ адресовать въ г. Мирополье, Курск<ой> губ<ерніи>²⁴ до востребованія, Анниъ Григорьевниъ Достоевской.

*Искренне Васъ уважающая
А. Достоевская»²⁵.*

Еще один автограф Анны Григорьевны датируется 1886-м годом:

«Глубокоуважаемый
Яковъ Григорьевичъ!

Позвольте Васъ просить выдать Ѳедѣ разрѣшеніе ѣхать со мною за границу. Иностранное Отдѣленіе не выдаетъ мнѣ заграничнаго паспорта пока я не представлю разрѣшеній начальствъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ учатся мои дѣти. Простите, что беспокою Васъ.

Искренне преданная и
уважающая А. Достоевская.

26 Мая
1886 г.»²⁶.

Необходимое свидетельство было предоставлено в тот же день:

«№ 132.
26 Мая <1886 г.>

Свидѣтельство

Дано сіе ученику СПб. Гимназіи Гуревича Ѳедору Достоевскому въ томъ, что къ увольненію его въ отпускъ за границу на каникулярное время {сего} <18>86 года препятствій со стороны Гимназіи не встрѣчается.

Подлинное свидѣтельство
получилъ Ѳ. Достоевскій»²⁷.

В переписке 1887 г. сохранилось описание одного дня Ѳеди-гимназиста. Анне Григорьевне тогда пришлось уехать на несколько дней по делам, и дети, оставшиеся на попечении подруги и компаньонки их матери, Марии Васильевны Никифоровой, а также бабушки Анны Николаевны Сниткиной и дяди Ивана Григорьевича, ежедневно отправляли матери письма, описывая все, что случилось с ними за день. 6 марта 1887 г. Федя сообщал:

«Милая мама!

Я виноватъ предъ тобою тысячу разъ и, можетъ быть, обезпечилъ (фу, чортъ, чуть было не написалъ «обезпечилъ»!) тѣмъ, что не писалъ вчера къ тебѣ ни полъслова. Виноватъ и прошу прощенья. Вчера я проснулся $\frac{3}{4}$ девятаго<, > а т. к. вчера у насъ уроки начались въ 9 ч., то я успѣлъ только умыться да одѣться и высуня языкъ добѣжать до гимназіи<, > а объ письмѣ ужъ нечего было и думать. <...> Третьяго дня я получилъ З^у за Греческую extemporale о чемъ своевременно и извѣщаю. <...> Вчера, въ четвергъ, сидѣли вѣсѣмъ классомъ изъ за дурака Гаршина. Недѣли 2 или 3 назадъ сорвали со стѣны именной списокъ учениковъ, а Гаршинъ, по своей вѣчной разсыянности, замѣтилъ это только теперь.

Понятно что никто не сознался потому что, какъ я думаю, самъ сорвавшій давно ужъ позабылъ объ этомъ.

Больше писать не о чемъ»²⁸.

Следующие четыре документа в фонде гимназии датированы 1889-м годом. Два первые связаны с просьбой о переэкзаменовке:

<I>

«Его Превосходительству Якову Григорьевичу Гуревичу
Анны Григорьевны Достоевской
Прошение.

Имѣю честь покорно просить Ваше Превосходительство освободить сына моего, Федора Достоевскаго, ученика VII класса, отъ переходныхъ экзаменовъ весною этого года, и перенести ихъ на осень, такъ какъ онъ съ конца Марта и до половины Апрѣля былъ боленъ брюшнымъ тифомъ, медицинское свидѣтельство о чемъ имѣю честь при семъ представить.

Анна Григорьевна Достоевская.

С. Петербургъ
25 Апрѣля 1889 г.»²⁹.

<II>

«Свидѣтельство

Дано сіе Ученику С. Петербургской Гимназіи Я. Г. Гуревича VII класса Федору Федоровичу Достоевскому въ томъ, что онъ съ 22го Марта по 14го Апрѣля страдалъ брюшнымъ тифомъ и былъ пользованъ мною отъ оной болѣзни, въ чемъ и свидѣтельствую собственноручнымъ подписомъ. С. Петербургъ. Апрѣля 21го дня 1889 года. Врачъ при Императорскомъ С. Петербургскомъ Воспитательномъ Домѣ Михаилъ Николаевъ Сниткинъ³⁰.

1889 г. Апрѣля 22 дня, подпись руки Врача Михаила Николаева Сниткина свидѣтельствую.

Казанской части
3 участка Приставъ — Пущинъ<ъ>»³¹.

Чем продолжилась история с переэкзаменовкой, мы узнаем из писем Любви Федоровны к матери:

«Изъ Старой Руссы
въ Петербургъ.

31го Августа <1889³²>

Милая мама!

Я очень огорчена твоимъ письмомъ. Что Федя хочетъ готовиться экстерномъ — совершенный вздоръ. Коли лѣтомъ не могъ приготовиться къ такимъ пустымъ экзаменамъ, то теперь разумѣется ничего не выйдетъ. Начнетъ вездѣ разсыянную жизнь<,> попадетъ въ дурную компанію и пропадетъ. И куда ему готовиться. Въ гимназію выпускной экзаменъ со всѣми ему держать не позволятъ, придется держать его въ шестой гимназіи, гдѣ

я хотѣла, а оттуда въ университетъ нельзя. Самое лучшее просить Гуревича перевести <л. 28> въ слѣдующій классъ безъ экзамена, не важничать<,> а соглашаться на всѣ его условія. Мнѣ очень жаль что ты разстроена. Я-бы на твоёмъ мѣстѣ обратилась-бы къ Побѣдоносцеву и представила-бы все на его рѣшеніе. Самъ-же тебѣ потомъ будетъ упрекать, что позволила ему выйти изъ гимназіи. <л. 29> <...>

До-свиданья, меня вся эта исторія съ Фёдей такъ тревожитъ что я можетъ быть пріѣду на дняхъ.

Любящая тебя

Л. Достоевская. <л. 28 об.>

4 Сентября.

<...> Сегодня пріѣхалъ батюшка (И. И. Румянцев, старорусский священник. — А. Д., Н. Ш.) и привезъ отъ тебя новости и конфекты. Онъ увѣряетъ, что тебѣ нечего беспокоиться, что Фёдя или перейдетъ или останется, но изъ гимназіи не выйдетъ. Что онъ самъ отлично понимаетъ, какую непоправимую глупость сдѣлаетъ, начавъ приготовляться» <л. 30>³³.

Вернемся к описанию документов 1889 г. из фонда гимназии Гуревича:

<III>

«№ 69

3 мая <18>89

Свидѣтельство

Дано сіе, съ приложеніемъ печати, ученику Спб. Гимназіи Гуревича Фёдору Достоевскому въ томъ, что къ увольненію его въ отпускъ за границу препятствій со стороны Гимназіи не имѣется.

Подп<исалъ> Дир<екторъ> Я. Гуревичъ»³⁴.

<IV>

«Свидѣтельство № 72

Дано сіе, съ приложеніемъ казенной печати, сыну отставнаго Подпоручика Фёдору Фёдоровичу Достоевскому, родившемуся тысяча восемьсотъ семьдесятъ перваго года Юля шестнадцатаго дня, православнаго вѣроисповѣданія, для представленія въ Спб. городское по воинской повинности Присутствіе, въ томъ, что онъ обучается въ Спб. Гимназіи Гуревича и находится нынѣ въ VII классъ.

С.-Петербургъ 1889 года Мая «5» дня.

Директоръ

Подлинное свидѣтельство получилъ

Ф. Достоевскій»³⁵.

Этот документ — последний в личном деле гимназиста Федора Достоевского. О том, что он успешно окончил курс гимназии и был аттестован, можно узнать из его личного дела в Императорском Санкт-Петербургском университете, где имеется аттестат зрелости на бланке гимназии³⁶. Надо отметить, что только аттестованные за полный курс гимназии имели право поступления в университет. Приведем содержание этого документа:

«САНКТПЕТЕРБУРГСКАЯ ГИМНАЗІЯ ГУРЕВИЧА
АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ

№ 171^и

Данъ сей *Федору Достоевскому*, вѣроисповѣданія *Православнаго*, родившемуся въ *С. Петербургѣ въ июль 1871 года*, обучавшемуся въ Гимназіи Гуревича *восемь лѣтъ*, въ томъ: *во первыхъ*, что, на основаніи наблюденій за все время обученія его въ Гимназіи Гуревича, поведеніе его вообще было *отличное*, исправность въ посѣщеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ работъ *хорошая*, прилежаніе *хорошее*, и любознательность *одинаковая ко всѣмъ предметамъ*;

во вторыхъ, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

Названіе предметовъ	Отмѣтки, выставленныя на педагогическомъ совѣтѣ, на основаніи § 45 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ Гимназій и Прогим<назій> вѣдомства Мин<истерства> Нар<однаго> Просв<ѣщенія>	Отмѣтки, выставленныя на испытаніяхъ, происходившихъ въ 1890 г. Марта 30, Мая 1, 2, 3, 4, 8, 12, 19, 26 и Іюня 1
Законъ Божій	<i>три</i>	<i>четыре</i>
Русскій языкъ и словесность	<i>три</i>	<i>три</i>
Логика	<i>три</i>	—
Латинскій языкъ	<i>три</i>	<i>три</i>
Греческій языкъ	<i>три</i>	<i>четыре</i>
Математика	<i>три</i>	<i>три</i>
Физика и Математическая Географія	<i>три</i>	—
Исторія	<i>три</i>	<i>три</i>
Географія	<i>три</i>	—
Нѣмецкій языкъ	<i>три</i>	—
Французскій языкъ	<i>три</i>	—

На основании чего и выданъ сей аттестатъ зрѣлости, предоставляющій ему всѣ права, обозначенныя въ §§ 130–132 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 30 Июля 1871 года Устава Гимназій и Прогимназій.

С.-Петербургъ *Июня* «2» дня 1890 года»³⁷.

Не стоит смущаться тройками в аттестате Федора Достоевского: согласно «Правилам об испытании учеников гимназий и прогимназий Ведомства Министерства народного просвещения» от 1872 г. оценка «3» означала: «удовлетворительно, знают пройденное настолько твердо, что без затруднений могут учиться далее, и, вообще, уровню своего класса соответствуют». Общий уровень преподавания и подготовки учеников в частной гимназии Я. Г. Гуревича был высоким, поэтому Федор, отличавшийся хорошим прилежанием и отличным поведением, смог поступить на юридический факультет Санкт-Петербургского императорского университета, увлекся коневодством, стал успешным коннозаводчиком. После смерти матери в 1918 г. уделял большое внимание сохранению рукописного наследия Ф. М. Достоевского.

7 / 19 августа 1879 г. Достоевский написал детям из Эмса: «...Не забывайте оба учиться» (*Д30*; 30,; 101), — и они старались следовать этому завету, что подтверждают найденные нами архивные документы, процитированные письма. Дети Достоевского получили достойное образование.

Советский и российский педагог М. В. Богуславский так охарактеризовал гимназическое образование дореволюционной России: «Тот мощнейший культурный, образовательный потенциал, который несла в себе школа начала века (двадцатого. — *А. Д., Н. Ш.*), по сути, будет питать всю русскую культуру, ее лучших представителей на протяжении последующих десятков лет. Люди, которые успеют окончить классическую гимназию до революции, затем будут выглядеть настоящими титанами культуры. Они будут свободно знать два-три языка, прекрасно разбираться в мировой и отечественной литературе» [Богуславский: 6]. Это справедливо и в отношении детей Достоевского.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-90034.

- 1 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 114. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- 2 См. также описание некоторых дел, хранящихся в ЦГИА СПб и связанных с учебой в средних и высших учебных заведениях Петербурга родственного окружения Достоевских [Панюкова].
- 3 Адрес: Бассейная ул., дом Литейной гимназии, № 15, угол Надеждинской ул., № 17 (соврем.: ул. Некрасова, № 15, угол ул. Маяковского, № 19).

- 4 Выехав после смерти писателя из дома в Кузнечном переулке, Достоевские осенью 1881 г. поселились по адресу: Лиговка, угол Гусева переулка, дом А. Ф. Пруссак (быв. Сливчанского), № 27/8 (соврем.: Лиговский просп., угол пер. Ульяны Громовой, № 25/8). Здесь Достоевские прожили более трех лет. В 1885 г. они уже живут на Знаменской ул. (ныне ул. Восстания), 2.
- 5 ЦГИА СПб. Ф. 271. Оп. 1 (Именные списки учениц Литейной женской гимназии с отметками о взносе платы за учение). Д. 78. Л. 16. (1882; квитанция № 752). Д. 79. Л. 19 (1883; квитанции №№ 62, 752). Д. 80. Л. 16 (1884; квитанции №№ 14, 692). Д. 81. Л. 8 (1885; квитанции №№ 10, 768). Д. 82. Л. 10 (1887; квитанция № 109).
- 6 ЦГИА СПб. Ф. 271. Оп. 1. Д. 71.
- 7 ЦГИА СПб. Ф. 271. Оп. 1. Д. 78–82 («Именные списки учениц со сведениями о плате за обучение»; 1882–1887).
- 8 Там же. Д. 115–120 («Ведомости об успехах и поведении учениц»; 1882–1888).
- 9 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355. Л. 3 об.
- 10 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30089. 2 л.
- 11 ЦГИА СПб. Ф. 271. Оп. 1. Д. 115.
- 12 Там же.
- 13 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355. Л. 110, 66 об., 71 об.
- 14 ЦГИА СПб. Ф. 271. Оп. 1. Д. 116.
- 15 ЦГИА СПб. Ф. 271. Оп. 1. Д. 65. Л. 8. (Печать на черновике отсутствует).
- 16 Векслер А. Ф., Крашенинникова Т. Я. Такая удивительная Лиговка. М.: Центрполиграф., 2013. С. 14.
- 17 В архиве А. Г. Достоевской сохранилось два письма к ней Якова Григорьевича Гуревича: от 7 сентября 1884 г., содержащее благодарность за присланные тома «Полного собрания сочинений» Ф. М. Достоевского (к нему адресант приложил ответный подарок — «*мои скромные труды по учебной исторической литературе. Буду очень радъ, если Вашиъ сынъ, перейдя въ старіе классы гимназій, будетъ пользоваться ими, какъ пособіемъ для изученія исторіи*»), и от 20 октября 1889 г. — уведомление о получении денег за 2 экземпляра его журнала «Русская школа» (см.: ОР РГБ. Ф. 93.П.2.135; ср.: [Андрианова: 134]).
- 18 Векслер А. Ф., Крашенинникова Т. Я. Такая удивительная Лиговка. С. 14.
- 19 ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 1. Д. 100. 11 л.
- 20 В гимназии Бычкова классы нумеровались не так, как в Литейной гимназии (с 7-го по 2-й, а затем выпускной) — здесь обучение шло с 1-го по 7-й класс. По уставу 1871 г. 7 класс стал двухгодичным, с 1875 г. гимназия становится восьмилетней. Оценка знаний велась по пятибалльной шкале.
- 21 ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 1. Д. 100. Л. 1. Законоучителем гимназии на тот момент был священник Григорий Иоаннович Фалютинский; учителями: древних языков — Иннокентий Федорович Анненский, Павел Корнилович Покровский, Александр Андреевич Страубе, истории и географии — Евгений Францевич Шмурло, латинского языка — Станислав Львович Пташинский (Адрес-календарь: общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1882 год. Ч. I. Стлб. 364).
- 22 ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 1. Д. 100. Л. 2. Надворный советник Игнатий Игнатьевич Усцинский был старорусским земским врачом с 1872 г. (Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1883 год. СПб., 1883.

- С. 366; Памятная книжка Новгородской губернии на 1881 год. Новгород, 1881. С. 48–49).
- 23 Иван Дмитриевич Поцелуев — помощник воспитателя в гимназии Я. Г. Гуревича, преподаватель русского языка и словесности.
- 24 Анна Григорьевна гостила в имении Малый Прикол у своего родного младшего брата, Ивана Григорьевича Сниткина.
- 25 ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 1. Д. 100. Л. 3–3 об.
- 26 Там же. Л. 4.
- 27 Там же. Л. 5. Подпись — автограф Ф. Ф. Достоевского.
- 28 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355. Л. 2–2 об.
- 29 ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 1. Д. 100. Л. 6.
- 30 Автограф М. Н. Сниткина — кузена А. Г. Достоевской, двоюродного дяди Федора Достоевского.
- 31 ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 1. Д. 100. Л. 7. На документе — марка Санкт-Петербургской городской управы в 5 коп. серебром и печать.
- 32 Год и место вписаны рукой А. Г. Достоевской.
- 33 РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355. Л. 28–30.
- 34 ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 1. Д. 100. Л. 8.
- 35 Там же. Л. 9.
- 36 Аттестат зрелости, наряду со справками о привитии оспы и о приписке к призывному участку, входил в список документов, которые было необходимо предоставить при поступлении в университет.
- 37 ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 27832. Л. 3–5.

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Музей памяти Ф. М. Достоевского»: история и перспективы проекта. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — 192 с.
2. Белов С. В. Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001.
3. Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. — СПб.: Наука, 2005. — 338 с.
4. Богуславский М. В. XX век российского образования. — М.: Per se (ООО Тип. ИПО профсоюзов Профиздат), 2002. — 319 с.
5. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., подгот. текста, примеч. И. С. Андриановой и Б. Н. Тихомирова. — М.: Бослен, 2015. — 768 с.
6. [Достоевская Л. Ф.] Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской / под ред. и с предисл. А. Г. Горнфельда; перев. с нем. Л. Я. Круковской. — М.; Пг.: Гос. изд-во, 1922. — 105 с.
7. Достоевская Л. Ф. Мой отец Федор Достоевский / ст., общ. ред., примеч. Б. Н. Тихомирова; перев. с фр. Н. Д. Шаховской. — М.: Бослен, 2017. — 512 с.
8. Достоевский Д. А. Достоевские в XX веке // Достоевский и XX век: в 2 т. / под ред. Т. А. Касаткиной. — М.: ИМЛИ РАН, 2007. — Т. 1. — С. 560–585.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
10. Остроумова-Лебедева А. А. Автобиографические записки. — М.: Изобразительное искусство, 1974. — 491 с.

11. Панюкова Т. В. Архивы Санкт-Петербурга как источник неизвестных биографических сведений об окружении Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. науч. ст. / науч. ред. Е. Д. Трухан; отв. ред. А. А. Балакай. — Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. — Т. 28. — Вып. XII. — С. 8–18.
12. Талалай М. Российский некрополь в Италии. — М.: Старая Басманная, 2014. — 908 с.
13. [Достоевская Л. Ф.] Dostoyewski geschildert von seiner Tochter A[imée] Dostoyewski. — München: Ernst Reinhardt Verlag, 1920. — 307 s.

Alexey D. Dostoevsky

Independent Researcher
 (Saint Petersburg, Russian Federation)
 adostoevsky@mail.ru

Natalia V. Shwarts

Independent Researcher
 (Saint Petersburg, Russian Federation)
 nshwartz@list.ru

“My Husband’s Lifelong Dream Was for Our Children to Get an Education...”: Gymnasium Students Lyuba and Fedya Dostoevsky

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90034 Dostoevsky.

Abstract. Dostoevsky’s main concern was to educate his children, Lyuba and Fedya. After the writer’s death, this desire was realized by his widow Anna Grigoryevna. Little was known about the education of Dostoevsky’s children, primarily from memoirs (penned by Anna and Lyubov Dostoevsky, Anna Ostroumova). The article presents previously unknown documents from the Central State Historical Archive of Saint Petersburg (name books, personal statements, etc.), containing information about the education of F. M. Dostoevsky’s children: Lyuba — at the Foundry Gymnasium, Fedya — at the F. F. Bychkov Gymnasium (purchased by Ya. Gurevich in 1883). Letters related to the education of Dostoevsky’s children were introduced into scientific circulation: Lyuba’s and Fedya’s to their mother, teacher V. Ivanova’s to A. G. Dostoevskaya. In the course of commenting on archival documents, the author emphasizes the continuity between home education and the education of the writer and his children, and reveals the role of A. G. Dostoevskaya in fulfilling Fedor Mikhailovich’s dream: to provide them with a quality education. Home education, first and foremost, the established tradition of family reading, which the Dostoevskys always heeded great attention to, allowed Lyuba to enter the gymnasium at the age of thirteen, bypassing two primary classes, and successfully reach the second, pre-graduation, class. Her classmates were A. P. Ostroumova (Lebedeva) and N. Ya. Polonskaya (Yelachich), who later became famous figures in Russian history. The education received at the gymnasium helped the writer’s daughter to prove herself in literature during the years in emigration, to become a Russian writer in Italy, to represent the legacy of Dostoevsky in Europe, and to successfully

conduct educational and cultural activities in Italy. The writer’s son Fedya, who studied at the St. Petersburg F. F. Bychkov Gymnasium in 1882–1889, entered the law faculty of the St. Petersburg Imperial University in 1890, became interested in horse breeding, and in the latter years of his life paid great attention to the preservation of his father’s handwritten heritage. Thus, the children of F. M. Dostoevsky fulfilled his legacy: “Do not forget to study, both of you”.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Lyubov Dostoevskaya, Fedor Dostoevsky, family reading, women’s education, home education, gymnasium, Russian writer in Italy, archives, Central State Historical Archive of Saint Petersburg

About the authors: *Dostoevsky Alexey D.* — Independent Researcher, great-great-grandson of F. M. Dostoevsky (St. Petersburg, Russian Federation); *Shvarts Natalia V.* — Independent Researcher, Secretary of the Russian Society of F. M. Dostoevsky (St. Petersburg, Russian Federation)

Received: April 30, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Dostoevsky A. D., Shvarts N. V. “My Husband’s Lifelong Dream Was for Our Children to Get an Education...”: Gymnasium Students Lyuba and Fedya Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 2, pp. 196–218. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4701 (In Russ.)

References

1. Andrianova I. S. *Muzey pamyati F. M. Dostoevskogo»: istoriya i perspektivy proekta* [“The Museum of Memory of F. M. Dostoevsky”: History and the Prospects of the Project]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 192 p. (In Russ.)
2. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar’: v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001. (In Russ.)
3. *Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [F. M. Dostoevsky’s Library: The Experiment of Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 338 p. (In Russ.)
4. Boguslavskiy M. V. *XX vek rossiyskogo obrazovaniya* [The 20th Century of Russian Education]. Moscow, Per se Publ., 2002. 319 p. (In Russ.)
5. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917* [Memoirs. 1846–1917]. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
6. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii ego docheri L. Dostoevskoy* [Dostoevsky in the Image of His Daughter L. Dostoevskaya]. Moscow, Petrograd, State Publishing House Publ., 1922. 105 p. (In Russ.)
7. Dostoevskaya L. F. *Moy otets Fedor Dostoevskiy* [My Father Fedor Dostoevsky]. Moscow, Boslen Publ., 2017. 512 p. (In Russ.)
8. Dostoevskiy D. A. Dostoevskies in the XX Century. In: *Dostoevskiy i XX vek: v 2 tomakh* [Dostoevsky and the 20th Century: in 2 Vols]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2007, vol. 1, pp. 560–585. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. Ostroumova-Lebedeva A. A. *Avtobiograficheskie zapiski* [Autobiographical Notes]. Moscow, Izobrazitel’noe iskusstvo Publ., 1974. 491 p. (In Russ.)
11. Panyukova T. V. Archives of St. Petersburg as a Source of Unknown Biographical Information About F. M. Dostoevsky’s Environment. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problem, zhanry, interpretatsii* [Dostoevsky’s Work: Problems, Genres, Interpretations]. Novokuznetsk, Krasnoyarsk, Sitall Publ., vol. 28, issue 12, pp. 8–18. (In Russ.)

12. Talalay M. *Rossiyskiy nekropol' v Italii* [*Russian Necropolis in Italy*]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2014. 908 p. (In Russ.)
13. Dostoevskaya L. F. *Dostoyewski geschildert von seiner Tochter A[imée] Dostoyewski* [*Dostoevsky Described by His Daughter A[imée] Dostoevsky*]. München, Ernst Reinhardt Verlag Publ., 1920. 307 p. (In German)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4761

УДК 821.161.1+929+930.25

И. С. Андрианова

*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

yarysheva@yandex.ru

Альбом из Аргентины: Достоевский в коллекции А. И. Калугина*

Аннотация. В фонде «Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына» в Москве хранятся 84 альбома большого формата, в которые вклеены вырезки из эмигрантских газет 1940–1950-х гг., подобранные по различным тематикам («Некрополь», «Иконы», «Церковь», «Наши достижения» и др.). Эти материалы являются ценным источником для исследователей, т. к. фонды эмигрантской периодики в российских и зарубежных библиотеках представлены фрагментарно. Все альбомы неслучайно связаны с деятельностью русской эмиграции. В 1996 г. их передали в собрание Дома А. И. и Н. Д. Солженицыны, а они в свою очередь получили эти материалы от составителя коллекции — Алексея Ивановича Калугина (1883–1982), русского эмигранта, жившего в Литве, Германии, Италии и Аргентине. В статье систематизированы биографические факты о Калугине, опубликовано письмо к нему А. И. Солженицына от 21 сентября 1980 г., проанализировано содержание одного альбома из серии «Русские писатели», названного «Достоевский». В его состав Калугиным включены публикации из газет «Голос народа», «Новое русское слово», «Русская мысль», «Народная правда», «За правду», «Наша страна», «Сеятель» и др., в которых сообщалось о новых изданиях книг писателя, о спектаклях, литературных диспутах и лекциях, посвященных его творчеству (профессора В. Н. Ильина, писателя Осипа Дымова и др.), о деятельности «Кружка по изучению Достоевского» в Париже под руководством Г. А. Мейера, была представлена программа чествования во Франции 70-летия со дня кончины Достоевского. В альбом Калугина включены рецензии на вышедшие книги о творчестве писателя, статьи о его жизни и творчестве, написанные критиками и исследователями-эмигрантами, первые публикации на русском языке очерков И. С. Шмелёва, Б. К. Зайцева и А. И. Ремизова о Достоевском и др. К числу малоизвестных и не публиковавшихся в России материалов из альбома Калугина относятся: статья Е. П. Достоевской о Федюше — внуке писателя, публикация стихов мальчика, воспоминания профессора В. Н. Сперанского об А. Г. Достоевской и интервью с ней. Эти материалы публикуются в Приложении к статье.

Ключевые слова: Достоевский, А. И. Калугин, А. И. Солженицын, альбом с вырезками, пресса русской эмиграции, А. Г. Достоевская, Е. П. Достоевская, Федя Достоевский, Аргентина

Об авторе: Андрианова Ирина Святославовна — кандидат филологических наук, заведующая Web-лабораторией Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 02.03.2020

Дата публикации: 30.06.2020

Для цитирования: Андрианова И. С. Альбом из Аргентины: Достоевский в коллекции А. И. Калугина // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 2. — С. 219–242. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4761

Россия скажет Вам спасибо...

А. И. Солженицын

Формирование русской альбомной традиции началось в середине XVIII века под влиянием немецкой и французской культуры рукописных альбомов. Альбом артиста, литературный, девичий и домашний альбомы — всё это разновидности проявления альбомной культуры XIX — начала XX в. В советское время типы альбомов разнообразились: появился такой феномен как «дембельский» альбом, отдельную нишу занял альбом с газетными и журнальными вырезками. В XIX в. составлялись альбомы с тематическими вырезками (см., напр., о таком альбоме А. И. Герцена: [Ланский]), но в XX столетии это стало массовым хобби, а порой насущной потребностью: в эпоху отсутствия Интернета та или иная информация была особенно ценна, а времени на ее поиски требовалось немало. Среди известных людей этого времени составителем таких альбомов был композитор Д. Д. Шостакович — в них он клеивал ругательные отзывы о себе в прессе (см.: [Кривцова]).

Наиболее содержательные альбомы с вырезками из периодических изданий сегодня находятся в архивах и порой являются единственным источником информации для исследователей, не обнаруживших нигде ту или иную необходимую им публикацию в связи с малым тиражом выхода газет и журналов, банальным списанием их из библиотек по истечении 2-5-летнего срока хранения и некоторым другим причинам. Особенно фрагментарно в российских и зарубежных библиотеках представлены фонды эмигрантской периодики.

В фонде № 17 «Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына» в Москве хранятся 84 альбома большого формата, в которые вклеены вырезки из эмигрантских газет 1946–1981 гг., подобранные по различным тематикам («Некрополь», «Иконы», «Церковь», «Наши достижения», «Вторая мировая война», «Музыка», «Сатира», «Художники» и др.). В 1996 г. их передали в фонды Дома Александр Исаевич и Наталия Дмитриевна Солженицыны, собиравшие с 1975 г. воспоминания русской эмиграции — т. н. Всероссийскую мемуарную библиотеку (ВМБ), а они в свою очередь получили эти материалы из Аргентины — от составителя коллекции Алексея Ивановича Калугина (1883–1982).

В коллекции Калугина есть альбомы, посвященные русским писателям: А. С. Пушкину, Н. В. Гоголю, М. Ю. Лермонтову, А. П. Чехову, И. С. Тургеневу, Л. Н. Толстому, М. Горькому и И. С. Шмелёву. Материалом нашего исследования стал альбом «Достоевский», задачей — сделать краткий обзор публикаций, в него входящих. Кроме того, в ходе работы над данной статьей мы постарались обобщить и уточнить факты биографии А. И. Калугина

и обстоятельства его работы над составлением коллекции, обнаруженные в разных источниках.

В 2000 г. директор Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» (ныне «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына») В. А. Москвин обратился в редакцию газеты русских эмигрантов в Аргентине «Наша страна» с просьбой предоставить какие-либо сведения об А. И. Калугине, жителе Буэнос-Айреса, чьи альбомы находятся на хранении в Библиотеке. 15 апреля того же года был опубликован ответ редакции В. А. Москвину:

«А. И. Калугин родился в 1883 года на Кубани, в семье станичного атамана; отец его был из линейцев, а мать, по фамилии Глывенко, из черноморцев. Инженер по образованию, он был однако настоящей ходячей энциклопедией. В частности, стал одним из первых эсперантистов <...>.

В армию его не взяли из-за туберкулеза легких, но эта болезнь не помешала ему прожить долгую жизнь. Во время революции получил от матери телеграмму: «Папа умер, не приезжай». Позже он узнал, что красноармейцы подняли отца на штыки и сбросили в Кубань.

От большевицкой власти он бежал в Прибалтику и до советско-германской войны жил в Литве. Во время войны был в Германии. Из Берлина уехал в Италию, где уже после войны жил в Риме и работал в библиотеке Ватикана.

В 1948 году прибыл в Аргентину. Поступил работать санитаром в Немецкий Госпиталь, что на улице Пуэйрредон в Буэнос-Айресе. <...> Умер 1982 году, в возрасте 98 лет.

До последних своих дней Калугин собирал книги, клеивал вырезки из эмигрантских органов печати в свои альбомы, много читал <...>. Хотя Калугин давно перестал работать в Немецком Госпитале, ему была предоставлена в нем бесплатная комната.

Когда он обратился к редакции с вопросом, что делать с альбомами, мы посоветовали предложить их А. И. Солженицыну. На письмо Алексея Ивановича Александр Исаевич сразу же отозвался и оплатил пересылку альбомов в Вермонт¹.

Эти данные в сжатом виде легли в основу описания фонда 17 «Калугин Алексей Иванович» Дома русского зарубежья².

В базе данных доктора исторических наук С. В. Волкова «Участники Белого движения в России», основанной на документальных источниках, представлены сведения об А. И. Калугине — с ошибкой в годе рождения¹), а вот относительно его армейской службы, возможно, близкие к действительности:

¹) Вероятно, в архивных материалах, рассмотренных исследователем, допущена описка или опечатка.

«...р. 1888 в Екатеринодаре. Во ВСЮР²⁾ и Русской Армии до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле “Витим”. В эмиграции в 1940-х в Ковно (Литва), затем в Германии, в 1945 в составе Казачьего стана в Италии. С 1947 в Аргентине. Передал А. И. Солженицыну альбом вырезок с некрологами. Ум. после 1980 в Буэнос-Айресе»³.

Третьим источником наших сведений об А. И. Калугине стал писатель Сергей Горбатов** (род. в 1959 г. в Новороссийске, живет в Буэнос-Айресе). В его руках оказалась посмертная часть архива коллекционера⁴; на основе которой он написал очерк «Последняя посылка» (2010)⁵, замеченный исследователями (см.: [Мяновска]). В собрании С. Горбатовых имеется переписка А. И. Калугина с сотрудниками мемуарной библиотеки, куда коллекционер передавал свои альбомы⁶, копия письма к А. И. Солженицыну и ответ от писателя⁷.

Предыстория этих писем такова. В 1977 г. в «Новом русском слове» появилось второе обращение писателя (первое вышло в той же газете в 1975 г.), создававшего Всероссийскую мемуарную библиотеку, к эмигрантам с призывом присылать ему личные воспоминания о дореволюционной жизни в России, революциях и гражданской войне. Калугин откликнулся и 17 октября 1977 г. написал письмо Солженицыну, приобщив каталог собственной коллекции, свой снимок в молодые годы и отправив писателю 11 альбомов серии «Некрополь», «Россика» и «Наши успехи». Собиратель получил извещение о том, что посылка доставлена адресату, но ответа от самого Солженицына не получал долгих три года. Ответ Калугину Александр Исаевич написал в Рождество Богородицы 21 сентября 1980 г.

Предельно откровенное, это письмо ярко характеризует двух патриотов России, оказавшихся в эмиграции: писателя и доживающего свои последние годы собирателя газетных публикаций. Приводим его без сокращений:

«21.09.80.

Рождество Богородицы.

Дорогой и глубокоуважаемый Алексей Иванович!

Примите от меня глубочайшие извинения и скорбь, что на Ваше первое письмо и присылку 1977 года так долго не отвечали, — и это в таком Вашем преклонном возрасте! Это получилось по причине, которую Вы можете себе и представить, судя по Вашему письму: нет в помощь русских рук! Миллионная русская эмиграция в подавляющей части не служит России, а живёт для себя, пользуясь бытовыми преимуществами Запада. За этот период мы то не находили для ВМБ никого, *(мы ведь живём в глуши)*, то — лишь временных

²⁾ Вооруженные силы Юга России — объединение белых войск Юга России в 1919–1920 гг. в ходе гражданской войны.

сотрудников, которые не успевали войти в дело. Сами мы с женой работаем по 15–16 часов в сутки, без воскресений и отпусков много лет, — но и гора дел и обязанностей лежит на нас, не только моя главная работа, на которую уже надо несколько человек. И еще жена ведёт Русский Общественный Фонд (на гонорары Архипелага) — осуществляет большую помощь преследуемым в СССР, — это многообразно-трудная работа. (С нашими друзьями в СССР мы сохраняем живую связь, — и находимся на том этапе изгнания, когда еще ярка надежда на возврат в страну отцов.)

С большой симпатией смотрю на Ваш снимок на фронтовом удостоверении, — и невольно представляю Вас тем молодым. (Если какая-нибудь есть карточка недавних годов — пришлите тоже.) Есть у меня корреспонденты по 90, 93 года, — но такого, как Вы, — еще не было. Благодарю Бога, что Вы пережили это ужасное трёхлетнее молчание, и теперь связь между нами установилась. В дальнейшем пользуйтесь прямым моим адресом, не на Бостон, а

A. Solzhenitsyn (для ВМБ) Cavendish, Vt 05142 USA<.>

Я поражаюсь Вашей непреклонной работе коллекционирования и избрательности в этом, и безунывости, когда Вы столько раз всё теряли. Я рад принять от Вас в ВМБ и Русское Хранение — решительно в с ё , что Вы пожелаете нам передать. Присланные Вами тома НЕКРОПОЛЯ уже взяты. Если хотите какую-нибудь очерёдность, то названные Вами три тома о ДиПи³⁾ и два тома окончания Второй мировой войны — очень желанны. Но присылайте со временем в с ё ! Я гарантирую Вам:

- 1) это никогда не попадёт в большевистские руки;
- 2) никогда не будет передано в иностранные;
- 3) при возникновении национальной России — будет возвращено туда и там сохраняться доступно для публики. (Если не сам я верну, то мои наследники.) Этот возврат не кажется мне сказкой, я верю, что Бог даст и мне до этого дожить.

Подсчитайте пока вперёд грубо: сколько будет стоить вся упаковка и переправка Вашего архива ко мне, — напишите, и я тотчас вышлю Вам все деньги (в долларах). Не назовёте ли Вы какого-нибудь счёта для этого? или просто послать перевод по Вашему адресу?

Россия скажет Вам спасибо за Ваше неуклонное собирательство её рассеянной и раздробленной памяти. А я пока благодарю Ваших верных помощниц, на всякий случай дайте и адрес одной из них.

А как справитесь со всей отсылкой, — не возьмётесь ли Вы, Алексей Иванович, за написание мемуаров о Вашей жизни, начиная с I-й мировой войны

³⁾ По терминологии Лиги Наций, Ди-Пи (Displaced Persons) — «перемещенные лица», сорванные со своих родных мест в годы Второй мировой войны. См., напр., роман Б. Шияева «Ди-Пи в Италии» (1952).

(до этого — тоже, но кратче). И как можно подробнее — революционные годы, затем жизни в Германии, и 2-ю мировую войну. Это — тоже из самых лучших способов сохранить русскую память для потомков. Очень прошу Вас, найдите силы! (А, может быть, Вы всё это давно уже написали? — так присылайте!)

Не откажитесь ответить мне письмо (на *адресе* письма «ВМБ» писать не надо).

Украинский вопрос у самого меня очень болит. Я сам по материнской линии украинец (3/8), детство моё прошло частью тоже на Кубани (Гулькевичи), дед (Щербак) говорил по-украински. Мне очень болен нынешний разрыв. Когда я в апреле напечатал в «Форин Афферс» (журнал в США) большую статью, чтоб не смешивали Россию с коммунизмом (*эту статью высылаю Вам сегодня отдельно*), — самые яростные отклики были от украинских националистов (д-р Добрянский и др.): Солженицын такая же опасность, как Афганистан! Коммунизм именно русское явление, и китайцы подчинены русским, и Тибет, — и спасение мира, мол, только в раздроблении России (не пишут, но думают: и уничтожении всех русских, а коммунизм потом хоть пусть и побеждает). Вот что прикажете делать?..

Обнимаю Вас сердечно!

Простите и простите!

Ваш

А. Солженицын

Как Ваше здоровье? Пошли Вам Бог еще жизни!»

Илл. 1. А. И. Калугин. Фото из архива С. Горбатовых

Илл. 2. Конверт от письма А. И. Солженицына с адресом А. И. Калугина в Буэнос-Айресе

Илл. 3. Финальный фрагмент копии письма А. И. Солженицына к А. И. Калугину

Fig. 1. A. I. Kalugin. Photo from the archive of Sergey Gorbatykh

Fig. 2. An envelope from Solzhenitsyn's letter with the address of A. I. Kalugin in Buenos Aires

Fig. 3. The final fragment of a copy of the letter of A. I. Solzhenitsyn to A. I. Kalugin

Русская эмиграция первой и второй волны создала особую, существовавшую по своим законам культурную реальность. При этом, как справедливо писал И. Л. Волгин, «в жизни **всего** русского зарубежья» ощутимо «духовное присутствие Достоевского», «как бы тоже оказавшегося в изгнании» [Волгин], преодолевшего пространственные и временные границы. Для эмигрантов, желавших сохранить связь с русской классической литературой, великие писатели, и прежде всего Достоевский, становились частью мифа об утраченной России. «Достоевский есть подлинный и драгоценнейший вклад России в мировую культуру» (Л. Галич), «Он буквально врывается в нашу эпоху, дышит ее воздухом, говорит ее языком, следует ее ритму. И никто ни в России, ни в Европе или в Америке, так не связан с временем, как он. Достоевский совершенно не озабочен пространством, он с ним не считается, его игнорирует» (К. Померанцев), — вот основные мысли русского зарубежья, запечатленные в публикациях из альбома Калугина «Достоевский».

В названиях альбомов Калугина фамилия «Достоевский» встречается дважды. Из газетных вырезок о писателе составлен отдельный альбом № 43. Кроме того, в связи с большим количеством материалов, некоторые публикации вклеены в сборный: «Достоевский, Гоголь, Чайковский, Шалапин».

В эти альбомы «о Достоевском» Калугиным включены публикации из широкого круга периодики зарубежья 1940–1950-х гг.: ежедневных и еженедельных газет «Народная правда» (Париж, Нью-Йорк), «За правду» (Буэнос-Айрес), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Русская мысль» (Париж), «Наша страна» (Буэнос-Айрес), «Голос народа» (Мюнхен, Нью-Йорк), «Россия» (Нью-Йорк), ежемесячного журнала «Сеятель» (Буэнос-Айрес) и других⁸. Большинство этих изданий на сегодняшний день являются библиографической редкостью⁹.

Илл. 4. Титульный лист журнала «Сеятель» (Буэнос-Айрес; декабрь, 1952) из альбома А. И. Калугина

Fig. 4. The title page of the “Seyatel” (“Sembrador”) magazine (Buenos Aires; December, 1952) from the A. I. Kalugin’s album

В советском литературоведении к 1930–1950-м годам сложилась традиция научного изучения творчества Достоевского — достаточно назвать имена Л. П. Гроссмана, В. В. Виноградова, А. С. Долинина, В. Л. Комаровича, М. М. Бахтина, В. С. Нечаевой и других исследователей. Однако доминировал социологический подход, при котором делался особый акцент на непревзойденном мастерстве писателя-реалиста в изображении жизни людей низших социальных слоев, а «реакционными» объявлялись его религиозные идеалы и консервативная политическая позиция. В эмиграции же находились исследователи, философы и писатели (Н. А. Бердяев, А. Л. Бем, С. Н. Булгаков, митрополит Антоний (Храповицкий), В. И. Иванов, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, В. В. Зеньковский и др.), уделявшие особенное внимание религиозным и философским взглядам Достоевского, постижению «русской идеи», которую он провозгласил, предвестием революции в романе «Бесы». Эти проблемы поднимают и авторы литературно-критических статей, вошедших в альбом Калугина: «Что особенно, может быть, поражает нас и привлекает в Достоевском и именно теперь? — Проповедь победы Божией над силами тьмы, победа Света над Тьмою, близости Божией над болью и страданием, силы благодати над криками отчаяния» (Арсеньев Н. О Достоевском; см. также: М. Д. Достоевский-провидец; Мельников Н. А. Русские писатели-пророки; Тимо В. Великий провидец и др.).

В альбом Калугина включены очерки о Достоевском И. С. Шмелёва (август 1949 г., Париж)¹⁰, Б. К. Зайцева¹¹, А. М. Ремизова¹², впервые на русском языке опубликованные именно в эмигрантской прессе. Ряд литературно-критических статей альбома посвящен личности Достоевского, его окружению (Яблоновский С. Семья Алчевских), отношениям с женщинами (Иваск Ю. Инфернальная женщина). Несколько страниц альбома Калугина занимают заметки, приуроченные к 70- и 75-летию со дня смерти Достоевского.

Илл. 5. Фрагмент страницы альбома А. И. Калугина «Достоевский»
 Fig. 5. Fragment of the page of the A. I. Kalugin's album "Dostoevsky"

В альбоме «Достоевский» имеются разные по жанру публикации, объединенные упоминанием фамилии великого русского писателя. Нередки анонсы о выходе новых изданий произведений Достоевского и книг исследователей

его творчества⁴), рецензии на книги (Н. О. Лосского «Достоевский и его христианское миропонимание», М. Слонима «Три любви Достоевского» и др.). В альбом также включены объявления о лекциях известных профессоров и писателей (В. Н. Ильина, Н. С. Арсеньева, А. Г. Тарсаидзе, О. Дымова и др.) — эти краткие информационные материалы, казалось бы, обладают ценностью конкретного дня и не актуальны для потомков. Однако Калугин придавал им особое значение: «Объявления — отнюдь не скучная часть газеты. Надо только вчитываться. Пульс настоящего времени в отделе объявлений, а не в передовой статье какого-либо страшно ученого и умного политика <...>. Вчитывайтесь, вдумывайтесь и делайте выводы»¹³. Вчитаемся в некоторые из них:

ЛЕКЦИЯ ПРОФ. В. Н. ИЛЬИНА

В понедельник 13 июня в 20 ч. 30 м. в помещении при Знаменской церкви (87, б-р Эгзельманс) состоится лекция проф. В. Н. Ильина на тему: «Метафизика самоубийства и диалектика Кириллова в “Бесах” Достоевского».

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК

устраивает сегодня, 4 февр., в 8.15 час. веч.,
в КЛУБ ХАУЗ, 150 ВЕСТ 85 УЛИЦА,

доклад известн. писателя **ОСИПА ДЫМОВА**

«Лик Достоевского»

Тезы доклада: особенности творчества Достоевского; дети — лечение души; концепция времени у Достоевского.

После доклада собеседование. Входная плата — \$ 1.00

«ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

Первый литературный вечер в этом сезоне (в пятницу 30-го октября в 20 ч. 30 м. <...> Нью-Йорк) будет посвящен влиянию Достоевского на современную жизнь. Вступительное слово К. Д. Померанцева. В прениях (по алфавиту) примут участие: проф. В. Н. Ильин, С. П. Жабба, Г. А. Раевский, П. С. Ставров, Ю. К. Терапиано и А. М. Элькин.

ЧТЕНИЕ ГЕОРГИЯ МЕЙЕРА В АНЬЕРЕ

В воскресенье 7-го июля Георгий Мейер прочтет в зале Аньерского Казачьего Музея (12, rue St. Guillome Gourbevois; остановка жел. дор. «Gare d'Asnières») два своих очерка: 1) «Достоевский и всероссийская катастрофа» и 2) «О поэзии Владимира Смоленского». Начало в 16 ч.

⁴ Седуро В. Достоевсковедение в СССР. Мюнхен, 1955; Кусаков Н. Достоевский и русская культура. Буэнос-Айрес, 1957 и др.

Г. А. Мейер, публицист и литературный критик, покинувший Россию в 1920 г. и оставшийся в Париже, являлся одним из активных популяризаторов наследия Достоевского в странах Европы. Объявления в альбоме Калугина свидетельствуют о том, что, кроме лекционной деятельности, Мейер организовал «Кружок по изучению Достоевского» в Париже:

В КРУЖКЕ ПО ИЗУЧЕНИЮ ДОСТОЕВСКОГО

С ближайшей субботы 18 сентября возобновляются литературные беседы о Достоевском под руководством Г. А. Мейера. Беседы будут происходить каждую субботу, от 16 ч. 30 м., на квартире Андрусовых — 122, бульв. Мюра, Париж 16, лестница № 84, 5-й эт. Метро «Порт де Сен-Клу».

Главный литературоведческий труд этого исследователя Достоевского, основанный на его лекциях и «литературных беседах», — книга «Свет в ночи» (о «Преступлении и наказании») — был опубликован посмертно и получил высокую оценку [Мейер].

У альбома «Достоевский» есть свое лицо. Оно проявляется не только в выделении Калугиным фамилии писателя красным карандашом на каждой вырезке, не только в приоритетном размещении заметок, посвященных нескольким русским писателям, именно в альбоме «Достоевский», не только в наличии авторских помет-маргиналий на полях некоторых публикаций (напр.: «К моему большому сожалению, номера НРС от 24.III.53 г. у меня нет, и что провозгласил проф. Масэ, останется для меня неизвестным. АК. 17.VII.54»). Главное: на страницах альбома ощутимо «присутствие» самого Достоевского — за счет включения оригинальных воспоминаний профессора В. Н. Сперанского о встрече в Петербурге и разговоре с А. Г. Достоевской о ее покойном муже, а также за счет публикаций, связанных с невесткой писателя Е. П. Достоевской (Цугаловской), жившей с 1948 г. во Франции. «После смерти в 1918 г. в Крыму, на 72-м году жизни, А. Г. Достоевской, затем, в самом начале 1922 г. в Москве, — 50-летнего Ф. Ф. Достоевского и в 1926 г. в Италии — Л. Ф. Достоевской, дочери писателя, — Екатерина Петровна остается старшей представительницей рода, хранительницей семейной традиции» [Безносов, Тихомиров: 5].

Заслуги Е. П. Достоевской были известны русскому зарубежью. В публикации, посвященной предстоящему чествованию 75-летия со дня смерти Достоевского, из эмигрантской газеты «Россия» (от 19 января 1956 г.) отмечено:

«Я здесь хочу сказать пару слов о единственной ближайшей родственнице Федора Михайловича — жене сына его Федора Федоровича. Это Екатерина Петровна Достоевская, урожденная Цугаловская, проживающая со своей родной сестрой Анной (она же Нина) Петровной фон-Фальц-Фейн в Русском Доме в Ментоне. Она много лет жила совместно с женой Федора Михайловича — Анной Григорьевной и вместе с ней много работала над произведениями (изданием) Федора Михайловича. Она имеет интереснейшие данные по

генеалогическому дереву Достоевских и портреты его, часть коих можно считать уникальными... Я думаю, что русская общественность не забудет также к этому дню прислать приветствие Екатерине Петровне» (альбом А. И. Калугина «Достоевский»).

И русская общественность, проживающая во Франции, не забыла о невестке великого писателя. В альбом Калугина включено благодарственное письмо Е. П. Достоевской Русскому художественному театру в Париже за организацию чествования 70-летия со дня смерти писателя и за теплое приветствие, полученное в ее адрес от поклонников его творчества:

«ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Многоуважаемый г. Редактор!

Разрешите мне, при посредстве вашей прекрасной газеты, — коей я являюсь постоянной и верной подписчицей, — сердечно поблагодарить Русский Художественный Театр, в лице г. Н. Корганова, за трогательное, литературное чествование дня 70-летия кончины Федора Михайловича Достоевского.

Одновременно прошу принять мою глубокую благодарность всех, вспомнивших обо мне и приславших мне такое исключительно приветствие, тронувшее меня до глубины души.

Уважающая вас

Екатерина Достоевская

(невестка Ф. М. Достоевского)»

В альбоме Калугина размещено и скорбное известие о смерти Е. П. Достоевской — объявление, написанное ее сестрой и опубликованное 9 мая 1958 г. в газете «Русская мысль»¹¹.

Особенный интерес из материалов альбома представляет заметка Е. П. Достоевской «Смерть внука Достоевского» с публикацией двух стихотворений Феде (умер в 1921 г. в возрасте 16 лет от тифа)¹⁵. В Приложении к статье мы публикуем воспоминания В. Н. Сперанского о встрече и разговоре с А. Г. Достоевской и заметку Е. П. Достоевской. Эти тексты неизвестны широкому кругу исследователей и читателей Достоевского.

Сам А. И. Калугин высказался так о своих альбомах: «Не мне судить в ценности собранного. Мне остается только сознание, что если эти альбомы не будут выброшены кем-то в сорную яму за негодностью, но будут использованы по своему назначению, то моя цель будет достигнута»¹⁶. Коллекционер справедливо заметил, что собранные, иногда «незначительные», заметки могут «разъяснить или восстановить тот или иной важный или спорный исторический момент»¹⁷. Альбом Калугина «Достоевский» является не только архивным документом эпохи, но и данью памяти русских эмигрантов великому писателю, признанием правды его идей.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Достоевский: жизнь и наследие. Биографические лакуны. Рецепция творчества и судьбы в национальном сознании (1881–1921)», № 18–012–90021 Достоевский.
- ** Автор выражает искреннюю благодарность С. Горбатых за предоставление материалов своего архива и за консультацию по поводу биографии А. И. Калугина.
- 1 Альбомы А. И. Калугина. Письмо в редакцию // Наша страна. 2000. № 2591–2592. 15 апреля. С. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://nashastrana.net/wp-content/uploads/2012/05/NS_2591_2592_online.pdf
 - 2 См.: <https://www.domrz.ru/collection/guide/fond-17-kalugin-aleksey-ivanovich/>
 - 3 Волков С. В. База данных № 3: Участники Белого движения в России [Электронный ресурс]. URL: www.swolkov.org
 - 4 За два года до смерти А. И. Калугин уничтожил почти весь личный архив, оставив в целости лишь незначительную часть. Ее передал нынешнему владельцу С. Горбатых их общий с Калугиным друг — певец Виктор Фролович Трофимов.
 - 5 Горбатых С. Последняя посылка (Из цикла «20-й век — жестокий век») // Великоросс: сетевой литературно-исторический журнал. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.velykogoss.ru/999/>
 - 6 Сегодня Всероссийская мемуарная библиотека составляет основу фонда № 1 архивного собрания Дома русского зарубежья.
 - 7 Оригинал письма Солженицына Калугин подарил своему близкому знакомому, проживавшему в США и помогавшему ему материально. Письмо набрано на печатной машинке с добавлением рукописных вставок (в нашей публикации они выделены курсивом) и подписи рукой А. И. Солженицына. В сокращении текст письма был включен в очерк С. Горбатых «Последняя посылка».
 - 8 На вырезках названия изданий, из которых они взяты, подписаны составителем альбома в очень сокращенной форме, что в некоторых случаях затруднило расшифровку названий.
 - 9 Сводный каталог периодики русского зарубежья и перечень сохранившихся изданий см. на сайте, созданном при участии сотрудников Дома русского зарубежья им. А. Солженицына: URL: <http://emigrantica.ru/vault/item/drz-2>
 - 10 Шмелев о Достоевском // Русская мысль. 1951. № 380. 14 сентября; 1951. № 381. 19 сентября.
 - 11 Зайцев Бор. Кана Галилейская // Русская мысль. 1956. 14 февраля. № 859; Зайцев Бор. Достоевский и Оптина Пустынь // Русская мысль. 1956. 21 апреля. № 889; 1956. 24 апреля. № 890.
 - 12 Ремизов А. Письмо Достоевскому (Из стоголавой повести «Учитель музыки») // Новое русское слово. 1954. 7 ноября
 - 13 Калугин А. И. Запись, вклеенная в альбом «Объявления» // Архив С. Горбатых.
 - 14 Этот некролог о Е. П. Достоевской вошел в следующие публикации: [Анна Петровна Фальц-Фейн...: 204], [Письма из Maison Russe...: 327].
 - 15 Другие стихи Феди Достоевского см.: [Протов], [Хроника рода: 520–523].
 - 16 Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 17 (А. И. Калугин). Рукопись. Ф. 1. М-102.
 - 17 Там же.

Список литературы

1. Анна Петровна Фальц-Фейн. Письмо к Анжело Чезана / публ. В. Г. Безносова; перевод Д. А. Достоевского; примеч. Б. Н. Тихомирова и Д. А. Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. — СПб., 1996. — № 6. — С. 199-209.
2. Безносов В. Г., Тихомиров Б. Н. Судьбы Достоевских и Фальц-Фейнов в XX веке // Письма из Maison Russe: Сестры Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская в эмиграции. — СПб.: Акрополь, 1999. — С. 3-36.
3. Волгин И. Л. Достоевский в изгнании. Переписка И. С. Шмелева и И. А. Ильина (1927-1950) // Октябрь. — 2007. — № 8 [Электронный ресурс]. — URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/volgin-dostoevskij-v-izgnanii.htm> (20.02.2020).
4. Гротов, проф. Неведомый отрок-поэт // Парижский вестник. — 1943. — № 78 (11 декабря). — С. 6-7 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.belrussia.ru/page-id-5403.html> (20.02.2020).
5. Кривцова Е. «Антиформалистические» альбомы Шостаковича // Культпросвет. — 2014. — 31 марта [Электронный ресурс]. — URL: http://www.kultpro.ru/item_194/ (20.02.2020).
6. Ланский Л. Р. Газетные и журнальные вырезки в архиве Герцена // Герцен и Огарев. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Кн. 3. — С. 793-830. (Литературное наследство; т. 63)
7. Мейер Г. Свет в ночи (о «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. — 517 с. [Электронный ресурс]. — URL: https://fedordostoevsky.ru/pdf/meier_1967.pdf (20.02.2020).
8. Мянговска И. От фонда 017. Калугин Алексей Иванович — к последней посылке Сергея Горбатовых // Polilog. Studia Neofilologiczne. — 2019. — № 9. — С. 57-66 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.polilog.pl/index.php/polilog/article/view/294/283> (20.02.2020).
9. Письма из Maison Russe: Сестры Анна Фальц-Фейн и Екатерина Достоевская в эмиграции / вступ. ст., сост., подгот. текста В. Г. Безносова и Б. Н. Тихомирова; перевод с нем. Р. Г. Гальпериной; примеч. Б. Н. Тихомирова и Г. В. Коган. — СПб.: Акрополь, 1999. — 352 с.
10. Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина. Волгин И. Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. — М.: Фонд Достоевского, 2012. — 1232 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Тексты печатаются с сохранением особенностей орфографии эмигрантских изданий тех лет (падение буквы “ер”, использование букв “ять”, “и-десятеричное” и др.).

<I>

Источник текста: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, альбом А. И. Калугина о Достоевском № 43 (Русская мысль. 1951. 9 февраля)

ВДОВА ДОСТОЕВСКАГО К 70-ЛѢТЮ СМЕРТИ ПИСАТЕЛЯ Страница воспоминаній

30 ноября 1916 года послѣ моей публичной лекціи о Достоевском в петербургском Тенишевском концертном залѣ, мнѣ посчастливилось получить от вдовы великаго писателя очень милое и скромное приглашеніе к ней. Когда я при случайной встрѣчѣ сообщил талантливому критику Корнѣю Чуковскому, до сих пор работающему у большевиков, о предстоящей мнѣ интересной и драгоцѣнной бесѣдѣ, он рѣшительно сказал:

— Имѣйте в виду, что вдова Достоевскаго теперь окончательно причислила его для себя к лику святых. В ея благоговѣйном воображеніи он рисуется каким-то простым и уютным обывательским дядей без всяких сатанинских соблазнов и без всяких мучительных противорѣчій. Я, правда, могу судить об Аннѣ Григорьевнѣ только по обрывочным мимолетным свѣдѣніям, устным и печатным... Завидую вам, что вы ее посмотрите и послушаете вблизи...

Заочныя впечатлѣнія К. И. Чуковскаго оказались несовѣм совпадающими с истиной.

**

*

Предо мной была барски-изящно обставленная квартира в домѣ великаго князя Михаила Николаевича около Панаевского театра, квартира, о которой никогда не смѣл и мечтать Достоевскій. Вездѣ строгій красивый порядок, повидимому, заботливо охраняемый женственно-хозяйственной рукой. В этом домѣ все подчиняется охотно давним культурным навыкам, все ходит неуклонно по стрункѣ. Был ясный морозный день. Веселые солнечные лучи свѣтили в высоких просторных комнатах на многочисленные портреты и статуэткі Достоевскаго и создавали духовную атмосферу, ни в чем не совпадающую с траурной симфоніей его геніальнаго мятежнаго духа.

Хозяйка дома очень бодрая и моложавая для своих 70-ти лѣт, встрѣтила меня с ласковой простотой истиннаго нравственнаго аристократизма.

Сначала мы с А. Г. как-то комически боялись друг друга: она опасалась, что я собираюсь по-профессорски ее срѣзать «на недостаточном знаніи твореній Достоевскаго», а я страшился задѣть каким-нибудь неосторожным словом иную наболѣвшую струну ея любящаго супружескаго сердца. На прощаніе мы сознались взаимно-откровенно в этом вступительном недоразумѣніи.

Когда между нами установилась нѣкоторая непринужденная и уютная короткость, А. Г. сказала мнѣ с грустной улыбкой:

— Вот как теперь это просто выходит: захотѣли мы выпить кофе, ну и пьем его всласть и вдоволь... вам покрѣпче, мнѣ послабѣе... а если бы вы знали какой мучительной драмой в жизни Ф. М. бывало всегда это самое кофе... Он, как Бальзак, совсѣм не мог работать без очень крѣпкаго кофе, а вѣдь столько раз мы по безденежью не могли достать этот драгоценный напиток! Вѣдь уже за полгода до смерти, на высотѣ признанія и славы, мой муж был приглашен московским городским управленіем участвовать в торжествах по открытію памятника Пушкину... Отвели ему, как почетному гостю, отличный номер в Лоскутной гостиницѣ с полным продовольствіем... все совсѣм бесплатно, утром подают кофе и, о ужас! — недостаточно крѣпкое, а он из деликатности так и не рѣшился попросить другаго... По недостатку средств я не могла поѣхать с ним в Москву и в разлукѣ терзалась нестерпимо, вѣдь приходилось беспокоиться ужасно, что с ним случится припадок падучей болѣзни, а меня не будет около...

**

*

— Скажите, А. Г., этот роковой недуг начался у Ф. М. послѣ того, как в 1849 г. он на эшафотѣ ждал разстрѣла?

— Нѣтъ, это — не так. Первый припадок эпилепсіи произошел у него за 10 лѣтъ до этого, в 1839 г., когда он узнал, что крестьяне-бунтари убили его отца.

— Можно-ли было предугадать наступленіе припадка и подготовиться к нему?

— Нѣтъ, это было невозможно. Я должна была постоянно слѣдить за моим мужем, и притом слѣдить так, чтобы он этого не замѣчал. Падал он неожиданно-негаданно, гдѣ придется и порою страшно разбивался.

— Вѣроятно, нужно было охранять Ф. М. от всяких сильных волненій, а это было при его трепетно-впечатлительной натурѣ недостижимо?

— Вот именно в этом и было мое главное горе. Иные наши нечуткіе знакомые этого не понимали. Один раз в концѣ 70-х гг. постигла нас такая страшная несправедливость. Пригласили нас на парадный вечер Майковы. Ф. М. был этим очень польщен и все мнѣ радостно повторял: «ну вот, Анюточка, ты как раз одѣнешь в гости новое пальто, оно и теплое и нарядное... всѣ увидят, что муж тебя любит и балует». Наступил час отъѣзда к Майковым.

Я жмусь в темном уголкѣ передней, ни жива, ни мертва: пришлось одѣть рваненькій бурнусик, так как новое-то пальто я уже снесла тихомолком в ломбард, чтобы купить хорошаго кофе. Муж очень строго спрашивает: а гдѣ же новое пальто? Я молчу, опустив глаза. Тогда он, смертельно поблѣднѣвъ, крикнул раздирающим голосом: «а понимаю — ты его продала или заложила, чтобы кормить меня, злодѣя!... Я заѣдаю твой вѣкъ, я загоняю тебя в гроб...» Он упал на колѣни, цѣловал мои ноги, и через минуту случилось то, чего я всего болѣе боялась на свѣтѣ — он забился в страшном припадкѣ падучей болѣзни. Итти в гости было невозможно. Потом у Майковых, Полонских и Мещерских говорили, что Достоевскіе заважничались, зазнались и потому пренебрегли любезным приглашеніем...

**

*

— Простите, дорогая А. Г., если я предложу вам вопрос и не совѣм деликатный...

— Я вас прошу со мной ничуть не церемониться.

— Сердечно вас благодарю. Извѣстно теперь всему міру, что 2-й брак Достоевскаго был вполнѣ счастливым и что он восторженно вас любил. Достоевскій, как никакой другой великій художник слова, изобразил в своих твореніях всю огненную силу половой ревности в самых жутких и разрушительных ея проявленіях. Скажите, самому Ф. М. была-ли свойственна супружеская, стихійная и бурная ревность по отношенію к вам?

— О, да, в сильнѣйшей степени. Он дорожил моей вѣрностью, как ничѣм другим на свѣтѣ и все мучительно тревожился, что, в виду большой между нами разницы лѣтъ, вѣдь — цѣлых 25, — я могу, хотя бы мимолетно, увлечься кѣм-нибудь другим. Один раз мнѣ пришла несчастнѣйшая мысль пошутить над мужем в этом отношеніи крайне неосторожно: я списала из какого-то глупаго бульварнаго романа, измѣнив, конечно, насколько умѣла, свой почерк, анонимное письмо, в котором невѣдомый доносчик совѣтует ревнивому мужу заглянуть в женин медальон, носимый на груди. Получив мое коварное посланіе Ф. М., мгновенно позабыв всѣ спѣшныя дѣла, сейчас же приступил к самому грозному допросу: покажи, Анюта, чей ты портрет носишь на груди? Я стала дрожащими и потому неловкими руками отстегивать медальон. Муж нетерпѣливо-безумно рванул цѣпочку и чуть-чуть меня не задушил... Убѣдившись, что портрет в медальонѣ — его собственный и узнав, что это я — авторша рискованной продѣлки, он сказал мнѣ упавшим голосом: никогда не шути так, Анюта. Ты видѣла — я едва тебя не убил.

— Да, за 14 лѣтъ нашего супружества мы были безупречно вѣрны друг другу. На смертном одрѣ своем он сказал мнѣ, что никогда даже в мыслях не измѣнял мнѣ. То же самое от всей души под самой страшной присягой

могла бы сказать ему я. Безконечно счастлива и горда теперь я тѣм, что была женой Достоевскаго и хоть немножко облегчила ему его тяжкую жизнь...

В. Сперанскій

<II>

Источник текста: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, альбом А. И. Калугина о Достоевском № 43 (Русская мысль. 1956. № 860. 14 февраля). Эта публикация частично повторяет предыдущую, написанную В. Н. Сперанским к 70-летию со дня смерти Ф. М. Достоевскаго. Публикуются отрывки, отсутствующие в тексте, размещенном выше; повторяющийся текст опущен и обозначен знаком сокращения <...>.

ВДОВА ДОСТОЕВСКАГО К 75-ЛѢТНЮ ЕГО КОНЧИНЫ

40 лѣт назад мнѣ удалось по счастливой случайности быть принятым в домѣ А. Г. Достоевской и имѣть с нею наединѣ долгій и почти откровенный разговор о ея великом мужѣ. Как потом выяснилось, мнѣ пришлось быть послѣдним русским литератором, имѣвшим такую, цѣнную для исторіи, бесѣду со вдовой знаменитаго писателя. А. Г. взяла с меня слово, что до ея кончины я не опубликую ничего из сдѣланных ею мнѣ интимных сообщений. Она умерла в Ялтѣ в 1918 г., а в январѣ 1924 г. на страницах совѣтскаго журнала «Печать и революція» я с изумленіем увидѣл отрывок из воспоминаний А. Г. Достоевской со ссылкой на устные мои показанія об отзывах Толстого о Достоевском, полных любви и уваженія. Очевидно ея домашній петербургскій архив попал, хотя бы частично, в руки коммунистических редакторов.

30 ноября 1916 г., послѣ моей публичной лекціи о Достоевском в Концертном Тенишевском залѣ, ко мнѣ в артистическую пришел пожилой господин важнаго сановнаго вида и сказал мнѣ холодно и строго:

— Позвольте представиться: Достоевскій — родной племянник писателя. Я нахожу, что в своей лекціи вы слишком мрачно изобразили дѣтство Ѳедора Михайловича. Его вдова могла бы многое вам возразить. Это, моя тетушка, не пріѣхала сегодня вас слушать, по причинѣ болѣзни единственнаго сына. Она давно хотѣла бы с вами познакомиться. Угодно вам пойти навстрѣчу этому желанію А. Г.? Я вам это устрою, как только поправится мой кузен Андрей Ѳедорович.

<...>

— Я увѣрен, А. Г., что, если когда-нибудь у вас возникали напрасныя сомнѣнія в сердечной вѣрности вашего мужа, то вы их переживали тихо и задушевно.

— Да, почти всегда... Должна сознаться, что ревновала я его даже к знаменитой французской писательницѣ Жорж-Занд, которую он никогда не видѣл, но которую всегда особенно высоко почитал.

— А кого из русских писателей Федор Михайлович ставил выше всѣх?
 — Конечно Льва Толстого и признавал его несравненной божественной силой, которой предстоит будущее безпримѣрное.

Канны. Валентин Сперанскій.

<III>

Источник текста: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, альбом А. И. Калугина о Достоевском № 43 (Народная правда. 1952, апрель)

Судьба внука Ф. М. Достоевского

Во Франции живет, жившая до 1943 года в СССР, Екатерина Петровна Достоевская, вдова Федора Федоровича Достоевского, сына писателя. Как известно, у Федора Михайловича Достоевского было четверо детей, последняя из них, Любовь Федоровна, скончалась за границей, в Триесте. Федор Федорович скончался в начале революции. Его сын, Федор, умер в Симферополе 14-го октября 1921 года, в возрасте 16 лет. Перу этого исключительно одаренного мальчика принадлежит ряд стихотворений, которые переданы редакции Екатериной Петровной. Мы считаем необходимым предпослать этим стихотворениям очерк о Федюше Достоевском, составленный его матерью, Екатериной Петровной.

Ред.

О моем сыне

Федюша Достоевский родился 22-го августа 1905 года семимесячным ребенком, что чрезвычайно отразилось на его организме. При малейшем заболевании — он сразу слабел и как-бы не мог бороться с недугом. Умственное же его развитие, наблюдательность, интерес к книге, рисункам и природе — были необычайны. Игрушки и детские игры со сверстниками его не интересовали, но если для детей устраивали живые картины или ставили пьески, он не только участвовал, но и писал их, выступал со своими стихами, перекладывал их на музыку и режиссировал.

Революция, и как следствие ее, потеря всего нашего состояния, квартиры, имущества — его глубоко поразили, но вернее не как грядущая бедность, а как ужас, что мне, его матери, которую он болезненно любил, придется тяжело работать. Это так повлияло на него, что он сразу же из чрезвычайно развитого, но мальчика, стал взрослым. Всѣ детские были забыты, он стал моим другом и переживал со мной все невзгоды. Со времени этого умственного перелома он стал писать стихи. Любовь его к России была необычайна (как и у всей моей семьи).

Федюша был глубоко верующим; когда всё стихало в доме, стоя на коленях перед своими иконками, он долго и горячо отдавался своей молитве. Мы спали с ним в одной и той-же комнате, наши кровати стояли одна против другой. Безмерно любя меня, он боялся, что я сравнительно слабого здоровья,

(у меня было тогда два воспаления легких одно за другим), могу умереть. Не раз просыпаясь ночью, чувствуя чье-то присутствие, я при свете лампы, видела Федюшу, стоящего надо мной и молящегося. Смущенный моим вопросом, почему он не спит, он всегда отвечал, что ему показалось, что я его звала.

1-го октября 1921 года вечером, когда у нас была в гостях наша родственница, доктор, - Федюша был очень тихим, но все же захотел мне помочь и мыл мою кофточку. Его бледность и необычайно блестящие глаза испугали меня — температура оказалась 37,7, на другой день 38,0. Федюша сразу поддался болезни и приглашенный лучший в городе доктор сказал, что боится тифа, который в это время свирепствовал. Федюша лежал все время в полузабытьи, не ел и его даже нельзя было заставить больше пить, как настаивал доктор. 12-го он стал заговариваться и метаться. Консилиум сказал страшное слово «менингит». Даже в бреду он звал меня и с отчаянием кричал: «где мама, мамы нет, кому я теперь нужен?!» В 4 с половиной часа ночи с 13-го на 14-е октября, Федюша затих и в 6 час. утра его не стало, он тихо умер...

За нашим домом начинался пригород и по моей просьбе, крестьяне Совета, которые относились к нам очень хорошо, разрешили похоронить Федюшу на их кладбище, в 10 минутах ходьбы от нашего дома, и предоставили мне выбрать место. Я выбрала зеленую цветущую долину, простирающуюся до Чатырдага. Хоронил его соборный священник, наш друг, это было время, когда церкви были еще открыты. Присутствовало много крестьян. На месте его погребения, огороженном (мною и сестрою) камнями, стоит (или стоял?) цоколь из белого севастопольского камня с крестом наверху. На цоколе было вырезано: «Федюша Достоевский, родился 22 августа 1905 года, скончался 14-го октября 1921 года» и ниже строфа из его стихотворения: «...Ряд подавленных в сердце рыданий».

Екатерина Достоевская

МАМЕ

Спи, пока тяжкое время пройдет,
Спи, пока вокруг так все грустно, уныло,
Спи, пускай сердце твое отдохнет,
Только бы горе его не разбило.
Спи, пока солнце надежды взойдет,
Спи, пока буря невзгод пронесется,
Спи, пока снова сомненье пройдет
Верь мне, что счастье и радость вернется.
(1917 г. 12-ти лет).

ВАРЯГАМ**Пояснение к этому стихотворению**

Мы жили на юге, в портовом городке; кругом пылали усадьбы, горели хутора, дома, бежали люди и скот; мы сами подвергались опасности, как «интеллигенты»; в это время на рейд пришел американский военный крейсер; капитан, узнав от кого-то, что я говорю по-английски, прислал ко мне своих двух лейтенантов, прося помочь ему как переводчица. Представившаяся ему картина происходившего потрясла его, он увидел не мирный переход к другому правлению, а ужас самовластья, с которым бороться было нельзя. Капитан предложил нам уехать на его крейсере в Константинополь, но имея на руках умирающую мать, мы отказались.

Е. Д.

Придите снова, правьте нами,
Уймите бешеную страсть!
Конец пусть будет меж враждами
И будет каменная власть!
Идите-же вперед вы смело
За правое, святое дело.
И если гнусный враг падет
И вновь Россия зацветет,
Тогда за вас, спасители варяги,
Подыдем мы по полной чаше браги!
(1920 г. 14-ти лет).

Irina S. Andrianova

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
yarysheva@yandex.ru

An Album from Argentina: Dostoevsky in the Collection of A. I. Kalugin

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90021 Dostoevsky.

Abstract. The reserves of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad in Moscow holds 84 large-format albums with clippings from emigrant newspapers from the 1940s and 1950s, selected according to various subjects (Necropolis, Icons, Church, Our achievements, etc.). These materials are a valuable source for researchers, since the collections of emigrant periodicals in Russian and foreign libraries are fragmented. All albums are predictably associated with the activities of the Russian emigrants. In 1996, A. I. and N. D. Solzhenitsyns transferred them to the collection of the House. The materials were initially received from the collector himself — Alexey Ivanovich Kalugin (1883–1982), a Russian emigrant who lived in Lithuania, Germany, Italy and Argentina. The article clarifies a number of biographical facts about Kalugin, presents a letter to him from A. I. Solzhenitsyn dated September 21, 1980, analyzes the content of the album “Dostoevsky” from the Russian Writers series. In it Kalugin included excerpts from *Golos naroda*, *Novoe russkoe slovo*, *Russkaya mysl*, *Narodnaya pravda*, *Za pravdu*, *Nasha strana*, *Seyatel*, and other newspapers that reported on new editions of the writer’s books, performances, literary debates and lectures devoted to his work (professor V. N. Ilyin, writer Osip Dymov, etc.). They also contained information on the activities of the “Circle for the study of Dostoevsky” in Paris under the leadership of G. A. Meyer, and presented the commemoration program for the 70th anniversary of Dostoevsky’s death in France. The album includes reviews of published books about the writer’s work, articles about his life and work written by critics and emigrant researchers, the first publications of essays by I. S. Shmelev, B. K. Zaitsev and A. M. Remizov about Dostoevsky in Russian, etc. Among the little-known materials previously unpublished in Russia, the Kalugin album contains an article by Ekaterina Dostoevskaya about Fedyusha — the writer’s grandson, a publication of the boy’s poems, Professor V. N. Speransky’s memoirs about Anna Dostoevskaya and an interview with her. These materials are published in the Appendix to the article.

Keywords: Dostoevsky, A. I. Kalugin, Solzhenitsyn, scrapbook, press of Russian emigration, Anna Dostoevskaya, Ekaterina Dostoevskaya, Fedya Dostoevsky, the writer’s grandson, Argentina

About the author: *Andrianova Irina S.* — PhD in Philology, Head of Web-laboratory of the Institute of Philology, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: March 2, 2020

Date of publication: June 30, 2020

For citation: Andrianova I. S. An Album from Argentina: Dostoevsky in the Collection of A. I. Kalugin. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 2, pp. 219–242. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4761 (In Russ.)

References

1. Anna Petrovna Falz-Fein. Letter to Angelo Cesana. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh* [*Dostoevsky and World Culture: Almanac*]. St. Petersburg, 1996, no. 6, pp. 199–209. (In Russ.)
2. Beznosov V. G., Tikhomirov B. N. The Fate of the Dostoevskys and the Falz-Feins in the 20th Century. In: *Pis'ma iz Maison Russe: Sestry Anna Fal'c-Feyn i Ekaterina Dostoevskaya*

- v emigratsii* [*Letters from Maisson Russe: Sisters Anna Falz-Fein and Ekaterina Dostoevskaya in Emigration*]. St. Petersburg, Akropol' Publ., 1999, pp. 3–36. (In Russ.)
3. Volgin I. L. Dostoevsky in Exile. Correspondence Between I. S. Shmelev and I. A. Ilyin (1927–1950). In: *Oktyabr'*, 2007, no. 8. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/volgin-dostoevskij-v-izgnanii.htm> (accessed on February 20, 2020). (In Russ.)
 4. Grotov, professor. Unknown Boy Poet. In: *Parizhskiy vestnik* [*Le courrier de Paris*], 1943, no. 78 (December 11), pp. 6–7. Available at: <http://www.belrussia.ru/page-id-5403.html> (accessed on February 20, 2020). (In Russ.)
 5. Krivtsova E. Shostakovich's "Anti-formalist" Albums. In: *Kul'tprosvet*, 2014, March 31. Available at: http://www.kultpro.ru/item_194/ (accessed on February 20, 2020). (In Russ.)
 6. Lanskiy L. R. Newspaper and Magazine Clippings in the Herzen Archive. In: *Gercen and Ogarev*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, book 3, pp. 793–830 (Ser. "Literary Heritage"; vol. 63) (In Russ.)
 7. Meyer G. *Svet v nochi (o «Prestuplenii i nakazanii»)*. *Opyt medlennogo chteniya* [*Light in the Night (About "Crime and Punishment")*]. Frankfurt am Main, Posev Publ., 1967. 517 p. Available at: https://fedordostoevsky.ru/pdf/meier_1967.pdf (accessed on February 20, 2020). (In Russ.)
 8. Myanovska I. From The Library Stock 017. Kalugin Alexey Ivanovich to "the Last Package" by Sergey Gorbatykh. In: *Polilog. Studia Neofilologiczne*, 2019, no. 9, pp. 57–66. Available at: <http://www.polilog.pl/index.php/polilog/article/view/294/283> (accessed on February 20, 2020). (In Russ.)
 9. *Pis'ma iz Maisson Russe: Sestry Anna Fal'c-Fejn i Ekaterina Dostoevskaya v emigratsii* [*Letters from Maisson Russe: Sisters Anna Falz-Fein and Ekaterina Dostoevskaya in Emigration*]. St. Petersburg, Akropol' Publ., 1999. 352 p. (In Russ.)
 10. *Khronika roda Dostoevskikh; Igor' Volgin. Rodnye i blizkie: istoriko-biograficheskie ocherki* [*The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty; Igor Volgin. Nearest and Dearest: Historical and Biographical Essays*]. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1232 p. (In Russ.)

В оформлении обложки использована фотокопия с утраченного портрета М. А. Достоевского. Художник А. Попов, 1823. Фотокопия снята по заказу А. М. Достоевского в «Русской фотографии» в Москве 21 июня 1866. Хранится в Государственном музее истории российской литературы имени В.И. Даля

For the design of the cover page there was used a photocopy of the lost portrait of M. A. Dostoevsky (A. Popov, 1823)

Редакторы: И. С. Андрианова, М. В. Заваркина,
Л. В. Алексеева

Компьютерная верстка: В. С. Зинкова, Е. Н. Валь

Перевод: Я. И. Соломинская

Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:

185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. ПетрГУ

Address of the Editorial Staff:
185910, Russian Federation,
Petrozavodsk, 33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University

Tel. +7 (8142) 719 603

E-mail: poetica@post.com
<http://unknown-dostoevsky.ru>